

ДОСЬЕ БЕЗ РЕТУШИ

ЮДЕНИЧ

**ГЕНЕРАЛ
СУВОРОВСКОЙ ШКОЛЫ**

А. В. ШИШОВ

**Москва
ВЕЧЕ
2004**

Вниманию оптовых покупателей!

Книги различных жанров
можно приобрести по адресу:
129348, Москва, ул. Красной сосны, 24.
Акционерное общество «Вече».
Телефоны: 188-16-50, 188-88-02, 182-40-74;

Филиал в Нижнем Новгороде
«ВЕЧЕ—НН»
тел. (8312) 64-93-67, 64-97-18.

Филиал в Новосибирске
ООО «Опткнига—Сибирь»
тел. (3832) 10-18-70

Филиал в Казани
ООО «ВЕЧЕ—КАЗАНЬ»
тел. (8432) 71-33-07

Филиал в Киеве
ООО «Вече—Украина»
тел. (044) 537-29-20

ГЛАВА 1

ЭПИЛОГ ВМЕСТО ПРОЛОГА.

БЕЛОЭМИГРАНТ

Внешняя разведка Главного политического управления, еще недавно именовавшегося ВЧК (Всероссийской Чрезвычайной Комиссией), зорко следила за белой эмиграцией во всех уголках земного шара. Особенно бдительно велось наблюдение за ее военной частью, способной и самостоятельно начать открытые военные действия против Советского Союза, стать частью вооруженных сил какой-нибудь враждебно настроенной к СССР империалистической державы, пополнить ряды террористов и диверсантов. Особый интерес у руководства ГПУ вызывали военные вожди Белого движения в эмиграции. В их списке одно из заглавных мест занимал генерал от инфантерии Н.Н. Юденич.

Имя бывшего главы белогвардейских сил на Северо-Западе России всегда было «на слуху» у советской разведки. Такая ситуация сохранялась вплоть до самой его смерти. Как считали в Москве, авторитетный Юденич мог реально стать вождем радикально настроенной военной части эмиграции. И тогда оставалось только гадать, на какие действия он мог бы пойти во имя борьбы с большевизмом, с «красной Россией».

Казалось бы, на Лубянке в кабинетах управленцев внешней разведкой могли быть спокойны: чекисты, находившиеся в «загранкомандировках», прежде всего во Франции, неизменно доносили в Москву по делам военной белой эмиграции:

«Бывший белый генерал Юденич от политической деятельности отошел. Никакого участия в работе Русского Общевоинского Союза (РОВСа) не принимает»

Однако такие зашифрованные донесения советскую внешнюю разведку на благодушный лад не настраивали. Порой имя генерала от инфантерии Н.Н. Юденич вызывало у чекистов самые серьезные опасения. И, как известно точно, не без веских, доказательных причин на то.

Умело поставленная внешняя разведка ГПУ обладала самой достоверной и разнообразной, а главное — своевременно полученной агентурной информацией о жизни белой эмиграции. В таких донесениях фамилия Юденича в 20-е годы, особенно в их начале, мелькала не раз. В качестве иллюстрации можно привести всего лишь один ныне рассекреченный документ из архива внешней разведки Главного Политического Управления:

«СВОДКА

Иностранного отдела ГПУ о состоявшемся в марте 1922 г. в Белграде совещании командования Русской армии и принятых на нем решениях по поводу планируемой интервенции в Россию»:

«Конец апреля 1922 г.

Совершенно секретно.

Добавление к сводке № 61

(по материалам из Константинополя)

ПОСЛЕДНИЕ ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВРАНГЕЛЯ

В марте-месяце с.г. одно вслед за другим состоялись два совещания наиболее видных деятелей организации Врангеля.

Первое совещание в Белграде, длившееся с 5 до 12 марта, носило характер осмотра России.

Вопрос о возобновлении военных действий считался принципиально решенным и не подлежал обсуждению совещания. Последнее должно лишь произвести окончательный учет сил, определить наикратчайший срок выступления, обсудить все подготовленные к операции меры и дать исчерпывающий материал для выступления на совещании в Париже перед представителем-

ми союзников, в зависимости от которых находится решительная санкция интервенции, а также военная, материальная и финансовая помощь.

На Белградском совещании присутствовали: председатель — Врангель, бывший посол в Париже В.А. Маклаков, командующий флотом адмирал Кедров, военно-морской начальник Константинополя ген(ерал) Ермаков, представитель Врангеля в Болгарии ген(ерал) Вязьмитинов, представитель Врангеля в Германии ген(ерал) Хольмстен, представитель в Сербии — ген(ерал) Потоцкий, военный агент в Венгрии фон Лампе, морской агент в Сербии капитан 2-го ранга Апрелов, морской агент в Константинополе кап(итан) 2-го ранга Регекампф, представитель союза морских офицеров кап(итан) 2-го ранга Постригалов.

Совещанием приняты следующие решения: военные действия должны начаться по почину Красной армии. Последняя принуждена будет выступить против Польши и Румынии в том случае, если Генуэзская конференция не даст никаких результатов или если весной в России разольется широкое повстанческое движение.

ОПЕРАТИВНЫЙ ПЛАН

Намечается вторжение в Россию трех групп: группы Врангеля с юга, группы войск «Спасение Родины» и Западной группы под командованием Краснова. Все три группы будут объединены единым командованием. Нет никаких данных, подтверждающих, что это будет Николай Николаевич.

Наступление предполагается вести в двух главных направлениях — на Петербург и Москву, и на второстепенном — на Киев.

С юга операцию должны обеспечивать десанты. Не исключена возможность содействия французского флота как в Черном море, так и в Балтийском.

Большая надежда возлагается на военное повстанческое движение.

Дабы операция носила национальный характер, предполагается вести наступление исключительно русскими частями в надежде, что при развитии наступления они пополнятся кадрами из местного населения и некоторыми частями Красной армии.

ВЫСШИЙ КОМАНДНЫЙ СОСТАВ

К предстоящим операциям намечен следующий командный состав: Верховный Главнокомандующий и временный верховный правитель — вел(икий) князь Николай Николаевич, его помощник — ген(ерал) Гурко, начальник штаба — ген(ерал) Миллер, Главком — ген(ерал) Юденич, начальник конницы — ген(ерал) Врангель, походный атаман казаков — ген(ерал) Краснов, партизаны — Борис Савинков и Балахович (совместная работа с Петлюрой исключается).

Предполагается всех военных выскочек гражданской войны заменить лицами со служебным и боевым стажем германской войны.

Таковы результаты Белградского совещания. Окончательную санкцию все решения получают в Париже, куда 12 марта выехали ген(ерал) Врангель, адмирал Кедров, Маклаков и Карташов.

На это совещание вызваны все казачьи атаманы, генералы Краснов, Гурко, Юденич, Миллер, а также Б. Савинков и Балахович.

На совещании будут представлены Франция и Америка».

Этот и подобные ему документы, составленные заграничной агентурой ГПУ (его Иностранного отдела), вызывали особое беспокойство на Лубянке и в «вышестоящих» кабинетах в отношении личности Юденича. Информация о белградском совещании руководителей военной части белой эмиграции однозначно свидетельствовала о действительно высоком полководческом авторитете генерала от инфантерии Н.Н. Юденича.

Это было действительно так. В противном случае ему бы не отводилась роль Главкома — то есть главнокомандующего белогвардейскими силами вторжения. Причем это было сделано без его личного присутствия на том совещании и помимо его воли. Великий князь Николай Николаевич в роли Верховного Главнокомандующего скорее всего выполнял бы лишь роль декоративной фигуры.

Из последующих донесений агентуры Иностранного отдела ГПУ не видно, прибыл ли Юденич на парижское совещание. Достоверных сведений тому нет. Скорее всего, Николай Николаевич, отошедший с первых дней от всякой активной жизни белой эмиграции, проигнорировал очередную «военную» акцию

наиболее непримиримо настроенных к Советской России руководителей военной части белоэмигрантских кругов, с которыми, собственно говоря, он каких-либо постоянных контактов не поддерживал.

Что же касается вышеприведенного плана вторжения на советскую землю «трех групп» белых с последующим «наступлением на Петербург и Москву», то он остался только на бумаге. Агентурная же копия плана бережно хранилась в секретных архивах Москвы.

Юденич вольно или невольно постоянно напоминал о себе заинтересованным лицам. Его имя мелькало и в других донесениях, которые поступали на Лубянку. Так, в одном из них белого генерала причисляли к сторонникам великого князя Кирилла Владимировича и объявляли стойким монархистом:

«Общество членов министерства внутренних дел:

Гарбель, Палеолог, Скаржинский, Колеповский, Говоров, Юденич, Богородский, Гвоздик».

Достоверность такой информации вызывает большое сомнение. Трудно сказать, какое отношение имел генерал от инфантерии Н. Н. Юденич к этой группе. Во всяком случае, никаких связей с Министерством внутренних дел Российской империи он не имел, по крайней мере, там никогда не служил и участия в подавлении революционных беспорядков лично не принимал. Скорее всего, автор донесения в чем-то ошибался, стараясь «придать вес» отправляемой в Москву шифровке.

Имя Юденича чаще всего мелькало в материалах советской разведки совсем по иному поводу. Многие из его подчиненных по белой Северо-Западной армии еще долго не складывали оружия в борьбе с Советской властью. В их характеристиках, которые собирались в ГПУ, в обязательном порядке указывалось, что они когда-то служили под знаменами генерала Юденича и участвовали в походе на Петроград. Поход же все чаще в закрытых и открытых документах назывался авантюрным.

Секретные материалы Иностранного отдела ГПУ относительно личности Юденича ошибались в сути его белоэмигрантской биографии. Достоверно известно одно — Николай Николаевич жил в вынужденном изгнании на чужбину уединенной, тихой жизнью. Он не участвовал ни в одном сколько-нибудь значительном политическом событии русского зарубежья.

В его биографии неоспорим один немаловажный для 20-х и 30-х годов личностный факт. Против российского Отечества кавказский герой и Георгиевский кавалер больше не поднимал оружия и не призывал к этому других. Это он считал делом своей дворянской, офицерской чести.

Один из самых прославленных полководцев Русской армии в годы Первой мировой войны и в войнах на Кавказе вообще скончался 5 октября 1933 года в расположенном на берегу Средиземного моря французском городе Канны, в возрасте семидесяти одного года. Там он был первоначально и похоронен в крипте церкви Архангела Михаила, рядом с великим князем Николаем Николаевичем-младшим. Отпевание состоялось в том же храме. Так пожелала вдова Александра Николаевна.

Бранные останки боевого генерала были перезахоронены в день празднования ордена Святого Георгия — 9 декабря 1957 года в соседней Ницце на русском кладбище Кокад («Ниццкое православное Николаевское кладбище»). Оно было устроено на французской земле по повелению императора Александра II.

Похороны отличались большой скромностью. Собравшиеся по такому печальному случаю боевые соратники по Белому движению отдали генералу от инфантерии Н.Н. Юденичу воинские почести. Среди них были представители Русского Обще-Воинского Союза (РОВС), чины Кавказской и белой Северо-Западной армии. Память полководца почтили представители префектуры Ниццы и Союза ордена Почетного Легиона. (Николай Николаевич был кавалером орденского Большого Офицерского Креста.)

Помещенные на страницах эмигрантских и местных газет некрологи не отличались пышностью и красноречием. В «Возрождении» некролог написал старый друг и соратник по Белому движению адмирал В.К. Пилкин. Во всех крупных белоэмигрантских газетах в некрологах проходила красной нитью мысль о том, что Юденич всегда имел дело с превосходящим в силах противником, действовал в условиях, всегда для него неблагоприятных, а зачастую катастрофических. Генерал Б.А. Штейфон, который знал Юденича со времени пребывания того на посту начальника штаба Кавказского военного округа, впоследствии писал о нем так:

«Юденич возрождает во всем духовном величии русскую военную доктрину. В безнадежных, казалось, положениях он доказывает, что победу создает дух, а не материя».

На родине память кавказского полководца, разумеется, не почтили. Там Николая Николаевича Юденича за его несомненные «белогвардейские заслуги» постарались забыть быстро и вчистую. Если о нем что-то и писали в истории Гражданской войны, то только как о «бездарном» командовании на Северо-Западе, последующем разгроме и бегстве от красного Питера.

Но это было еще не все «очернение» личности неординарного для отечественной истории человека. Особенно обидным для памяти Юденича было другое. Вплоть до начала 90-х годов XX столетия все описания Первой мировой войны на Кавказском фронте выглядели удручающе безликими. Такими же безликими были и описания крупнейших побед русского оружия на Кавказе в той войне, исследования важнейших наступательных операций в труднодоступных горах Турецкой Армении.

Так, один из видных советских военных историков 30—40 годов прошлого века комбриг Н. Г. Корсун, автор ряда работ по Кавказу в годы Первой мировой войны, словно бы и не знает такого полководца, как Юденич. И не просто генерала, а главнокомандующего Отдельной Кавказской армии и Кавказского фронта, получившего в той войне последним в истории России полководческий орден Святого Георгия 2-й степени за взятие Эрзерумской крепости. Корсун является автором описания ряда наступательных операций русских войск на Кавказе, но при этом даже не упоминает о командующем Юдениче. Словно не было у России в 1914—1917 годах талантливое военного вождя во главе той армии и пятого по счету фронта.

Вспомнили о кавказском полководце Н. Н. Юдениче, волей судьбы оказавшемся в водовороте Гражданской войны, и его добровольцах только в самом начале 90-х годов. Появились публикации на страницах газет и журналов, ряд биографических очерков в книгах по Белому движению. К образу Юденича «в разных красках» обратились такие исследователи и публицисты, как А. В. Геруа, Н. Н. Рутыч-Рутченко, В. Г. Черкасов-Георгиевский, С. В. Волков, Р. М. Португальский, А. В. Пронин, К. А. Залесский

Время и историческая правда берут свое. Более полными и достоверными становятся статьи об этой привлекательной делами и помыслами личности в отечественных энциклопедических и военно-исторических справочниках. То есть образ Н. Н. Юденича воссоздается без всяких оглядок на политическую конъюнктуру.

То, что в Отечестве в наши дни Юденича вспоминают по-разному, особого удивления не вызывает. Достаточно привести только два свидетельства. Но даются они не на страницах российских газет, а за границей, или, выражаясь современными терминами, в дальнем зарубежье.

Издающаяся в аргентинской столице — Буэнос-Айресе — белоэмигрантская, монархическая по содержанию газета «Наша страна» в номере от 10 октября 1998 года опубликовала следующую корреспонденцию из жизни Российской Федерации:

«Очередное преступление коммунистов»

В день 80-й годовщины убийства Царской Семьи неизвестными преступниками был уничтожен крест-памятник Белым Воинам на Пулковской высоте под С.-Петербургом.

История этого памятника не совсем обычна. Он был установлен по инициативе Историко-Патриотического Общества «Русское Знамя» еще во время правления М. Горбачева и, таким образом, является первым и единственным в СССР памятником Белым Воинам. Место установки памятника было выбрано не случайно: Пулковская высота — это рубеж, который в 1919 году был достигнут наступавшими на Петроград частями Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича. К тому же даже в последние годы правления КПСС поставить памятник Белым Воинам в черте города «Ленинграда» было абсолютно немыслимо, а за городской чертой антикоммунисты могли установить его «явочным порядком».

Памятник оказался, что называется, на своем месте: всякий, кто выезжал из С.-Петербурга по Пулковскому шоссе (основная автомагистраль, ведущая в северную столицу), мог еще издали видеть на вершине холма большой православный крест. Полюбился он и владельцам местных садовых участков, которые стали заботливо присматривать за памятником. Русские патриотические организации периодически устраивали у креста богослужения.

А вот для коммунистов он был бельмом на глазу. За последние семь лет неизвестные подонки ломали крест-памятник четыре раза, но всякий раз русские патриоты памятник восстанавливали. Увы, теперь он уже не восстановим, ибо на этот раз разрушен буквально до основания. Сатанисты не поленились разбить даже каменно-бетонное основание креста — Голгофу.

День 17 июля (а скорее всего — ночь) был выбран красными богоборцами не случайно, о чем говорит и оставленная ими на месте преступления записка — вызов русским белым организациям.

Патриотические организации С.-Петербурга (РОВС, Имперский Союз, Александровское Историческое Общество) уже обсудили вопрос об установке на прежнем месте нового креста-памятника. Но гарантии того, что он не будет разрушен или осквернен, нет и не может быть до тех пор, пока у руководства страной будут стоять наследники Ленина, а деятельность коммунистических организаций не будет официально запрещена»

СПб.

И. Лискин».

Не менее любопытна и другая заграничная публикация, связанная с образом Николая Николаевича Юденича. В номере от 15/28 мая 1999 года газета «Православная Русь», издаваемая Русской Православной Церковью за границей в американском городе Джорданвиле была опубликована следующая корреспонденция из российского Северо-Запада:

«Идет по луговинам лития.

Четырехметровый православный деревянный крест по воле Божией плыл положить конец забвению воинской могилы. Его несли на руках: чины 1-го Отдела Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) в России (СПб., Ямбург); ревнители чести и славы русской императорской армии военно-патриотического клуба «9-й Ингерманландский императора Петра Великого пех. полк» (СПю); ревнитель славы и доблести 2-го Ударного Корниловского полка юнкер А.А. Кузнецов (Москва); представители Российского Имперского Союза-Ордена (СПб.); казаки Ямбургского казачества.

Ноябрь 1919 года. Крик и стон. Стар и млад. Груды залитых кровью тел в исподнем белье. Красные ушли, расстреляв всех, не пожалев даже двух десятков мальчишек. Местные крестьяне села Ложгалово, посылая ребятишек за покрывалами, простынями и тканью, покрывая ряд за рядом, скидывали в ров около двухсот пятидесяти белогвардейцев. Офицеров хоронили в гробах

Это офицеры и солдаты Ливенской дивизии Северо-Западной Добровольческой Армии генерала Н.Н. Юденича, которых

без суда и следствия, попавших в окружение и захваченных в плен, 8 ноября 1919 года расстреляли большевики.

Братская могила северо-западников пребывала в полном забвении и поругании памяти от безбожной власти. Ровное место, никогда не подумаешь, что здесь случилось подобное. Лишь слева три овражка от осевшей земли обозначают места захоронения православных воинов.

Иерей Анатолий (Лебедев) служил литию в полной тишине. Даже птицы не проронили ни звука, поддавшись нашему настроению, беспрецедентности и уникальности свершающегося: первая обнаруженная и восстановленная братская могила Белых Воинов в России.

Помогай вам Бог — русские люди!
Сергей Зирин, Ямбургское Отделение
1-го Отдела РОВСа в России,
Ложгалово-Ямбург».

Истина человеческого общества такова: его история помнит Все. История рано или поздно расскажет, высветит если не современникам, то их дальним потомкам Все. Всю правду, какой неприглядной, горькой, удручающей она бы не была. Потому что это наша с вами историческая правда. Ее можно умышленно забыть, перечеркнуть, очернить или обелить. Но истребить совсем — нельзя никогда.

Прожитая жизнь русского полководца Николая Николаевича Юденича состояла из двух неравных частей: славное воинское служение российскому Отечеству и горькая судьба белоэмигранта. Лишенного родной земли, но не человеческого достоинства и воинской чести.

Вынужденная, насильственная эмиграция всегда горька и унизительна. О пребывании изгнанника Юденича за пределами Отечества, о его последних годах жизни можно со всем на то правом сказать словами талантливого писателя-эмигранта Владимира Набокова, посвященными русскому зарубежью, белой эмиграции:

«В этой особенной России, которая нас невидимо окружает, оживляет и поддерживает, питает наши души, украшает наши сны, нет ни одного закона, кроме закона любви к ней, и нет власти, кроме нашей собственной совести».

Набоков понимал истину судеб русских изгнанников, рассыпанных по всему свету. Законом жизни Николая Николаевича

ча Юденича, ставшего на Первой мировой войне генералом от инфантерии, человека действительно высокой дворянской и офицерской чести, и был закон любви к России. Какой бы она не была для него. Белой или Красной. Императорской или Советской.

Закон любви к российскому Отечеству специально для него не писался. Он познавался с гимназической скамьи, с первого дня, когда плечи юного москвича украсили красные юнкерские погоны. То есть сама судьба, вполне рядовая для человека, выбравшего для себя путь служения России на военном поприще, одарила Юденича пожизненным кодексом чести. А кодекс чести русского офицера строился на основе закона бескорыстной и самоотверженной любви к Отечеству.

ГЛАВА 2

ПУТЬ РУССКОГО ОФИЦЕРА. АРМЕЙСКАЯ ЛЯМКА

Кавказский полководец со славой героя Японской и Мировой войн Николай Николаевич Юденич родился, как то ни странно, не в семье военнослужащего, как другие вожди белых армий, например генералы от инфантерии Л.Г. Корнилов и М.В. Алексеев. Его отец был типичным чиновником старой российской столицы первопрестольной Москвы. Он сумел дослужиться до чина коллежского советника, что по петровскому Табелю о рангах 1722 года соответствовало званию армейского полковника. За усердную службу был награжден орденами Святых Станислава и Анны — орденами сугубо гражданскими, «без мечей». Последней должностью Юденича-старшего, дворянина Минской губернии, был пост директора московского Землемерного училища.

Отец одарил сына редкой для россиян фамилией. Его далекие предки вели свои корни из числа небогатых, мелкопоместных польских шляхтичей. Они служили то местным всеильным и своенравным магнатам Вишневецким и Радзивиллам, то королю Речи Посполитой, то герцогу Курляндии. Больших постов шляхтичи Юденичи никогда не занимали и в высоких чинах не хаживали, хотя в многочисленных войнах они участвовали часто и, как правило, доблестно. Иных людей в их роду не было.

В российское подданство Юденичи попали волей истории. В славное царствование императрицы Екатерины II Великой

мелкопоместная шляхта Минской губернии пополнила ряды русского дворянства. Такова была державная воля всероссийской матушки-государыни. Это были итоги первого раздела Польши, когда та лишилась в пользу России немалых земель, населенных так называемыми дисидентами. Так тогда назывались православные по вероисповеданию белорусы и украинцы, наиболее жестоко угнетаемые католическим «панством».

Екатерина II высочайшим указом уравнила с русским дворянством польскую шляхту, грузинских князей, немецких прибалтийских баронов и прочую местную знать. После этого минское губернское дворянство, и в их числе Юденичи, на протяжении почти двух столетий верой и правдой служило дому Романовых. Было напрочь забыто шляхетство со всеми его вольностями. Теперь оставалось только верное служение государству Российскому. Оно стало Отечеством, которое требовало к себе любви, верного исполнения долга перед ним, законопослушания и жертвенности на полях брани. Прошло время, и Юденичи стали москвичами.

В древней русской столице 18 июля 1862 года и родился Николай Николаевич Юденич. Мать происходила из дворянского рода Далей, приходясь двоюродной сестрой знаменитому по сей день составителю «Толкового словаря» и сборников русских пословиц и поговорок Владимиру Ивановичу Далю. Она получила блестящее по тому времени домашнее образование. К слову сказать, родители не знали в последних поколениях своих родов ни одного военного человека.

Николай Юденич с раннего детства полюбил Москву, о чем в будущем вспоминал не раз. Она до последних дней жизни оставалась в его памяти со своими величественными православными соборами, особенно храмом Христа Спасителя, построенном на народные деньги в честь героев Отечественной войны 1812 года, звоном церковных колоколов, Московским Кремлем, памятниками ратной славы защитников Отечества на площадях и улицах. Которые, как то ни прискорбно вспоминать, в годы «культурной революции» при Советской власти были безвозвратно разрушены, как, к примеру, красивейший памятник прославленному русскому генералу М.Д. Скобелеву на Тверской улице.

Семья Юденичей относилась к числу типичной московской чиновничьей интеллигенции. Отец будущего полководца был

человеком образованным и эрудированным. Он любил литературу, интересовался российской историей, зачитывался работами популярных тогда историков Карамзина и Ключевского, выписывал литературные журналы. Семья имела неплохую библиотеку, которая собиралась годами. Поэтому сын коллежского советника рос в обстановке, способствовавшей его духовному, общеобразовательному развитию.

Родители старались вложить в сына не только знания гимназической программы, но и понятие о дворянской чести. О ней всегда шла речь, когда отец или мать вели рассказ о своей родословной. При этом подчеркивалось, что российские потомственные дворяне Юденичи и урожденные Дали никогда не совершали ничего дурного, что могло бросить тень или запятнать честь их фамилии.

Такие родительские беседы оказались для любознательного и смышленного мальчика серьезной наукой на всю оставшуюся жизнь. Один из лидеров Белого движения всегда будет помнить о дворянской чести, отождествляя ее с честью офицерской. И соратникам, и недоброжелателям трудно было упрекнуть в чем-либо предосудительном бывшего главнокомандующего Кавказского фронта и командующего белой добровольческой Северо-Западной Армией

Учился Юденич-младший хорошо. С первых гимназических классов он неизменно демонстрировал большие способности в науках. Из класса в класс Николай переходил с высокими баллами. Завершал свое среднее образование в московской городской гимназии, как тогда писалось, «с успехами».

Можно утверждать, что отец с матерью поступили весьма благоразумно, доверив сыну самому выбрать жизненный путь. Впрочем, родители хорошо знали, что их преуспевающий в гимназии Николай давно мечтает стать военным и готовит себя к армейскому поприщу, занимается усердно физическими упражнениями, много читает по военной истории и не пропускает ни одного военного парада. Поэтому выбор офицерской профессии для Юденича-младшего случайностью не стал. Юденич-старший не настаивал на ином.

Выбор жизненного поприща для Николая случайным не был. Отцовский дом располагался совсем рядом с находившимся на Знаменке 3-м Александровским военным училищем. Его особенностью являлось то, что туда принимались в первую очередь

дворянские дети. Училище негласно относилось к разряду самых привилегированных в Российской Империи. Из его стен вышло немало известных генералов и георгиевских кавалеров, о чем свидетельствовали надписи золотом на мраморных досках.

Известно, что многие юноши из семей московского дворянства мечтали об «Александровке». Не случайно Николай вместе с товарищами-гимназистами с младших классов засматривался на подтянутых юнкеров с золотым вензелем на красных погонах. Они казались мальчишкам воплощением образа Российской Императорской армии, побеждавшей турок и шведов, пруссаков и поляков, французов и персов, горцев Шамиля и туркестанских ханов.

Гимназисты постоянно присутствовали на внешне впечатляющих военных церемониях. Такими являлись парады полков московского гарнизона, особенно гренадерских.

В каждом из таких случаев полки проходили по московским улицам и площадям под бравурную музыку военных оркестров, с развевающимися знаменами и песнями. Молодежь особенно волновала песня «Взвейтесь, соколы, орлами», которая заканчивалась трогательным куплетом:

Слава Матушке-России,
Слава русскому Царю,
Слава вере православной
И солдату-молодцу.

Друзей-гимназистов и вообще московскую молодежь всегда волновали торжественные выпуски из Александровского училища. Последнее было большим событием в жизни первопрестольной Москвы. Торжественные построения по таким случаям проходили при большом стечении зрителей самых разных сословий.

Как и следовало ожидать, больших трудностей для поступления в престижное военное училище для Николая Юденича не потребовалось. Юный дворянин в 1879 году блестяще выдержал вступительные экзамены и надел желанную форму юнкера-александровца — солдатскую, но с алыми погонами на плечах. Давняя мечта его сбылась без особых терний, да и к тому же готовился он к поступлению с завидным усердием. Дома по такому случаю было устроено торжественное застолье.

Так сбылась мечта Николая Юденича: теперь ему открывался путь военного человека — ему предстояло стать пехотным офи-

цером. На всю жизнь он запомнил день, когда юнкера принимали воинскую присягу на верность службе Царю и Отечеству. Присяга гласила:

«Я, нижепоименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, пред Святым Его Евангелием, в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилостивейшему Великому Государю Императору Николаю Александровичу, Самодержцу Всероссийскому, и законному Его Императорского Величества Всероссийского Престола Наследнику, верно и нелицемерно служить, не щадя живота своего, до последней капли крови, и все к высокому Его Императорского Величества Самодержавству, силе и власти принадлежащие права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности исполнять.

Против врагов Его Императорского Величества, государства и земель Его, телом и кровию, в поле и крепостях, водою и сухим путем, в баталиях, партиях, осадах и штурмах и в прочих воинских случаях храброе и сильное чинить сопротивление.

И во всем стараться споспешествовать, что к Его Императорского Величества верной службе и пользе государственной во всех случаях касаться может.

Об ущербе же Его Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допускать потшуся и всякую вверенную тайность крепко хранить буду, а предоставленным надо мною начальникам во всем, что к пользе и службе Государства касаться будет, надлежащим образом чинить послушание и все по совести своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды против службы и присяги не поступать, от команды и знамени, где принадлежу, хотя и в поле, обозе или гарнизоне, никогда не отлучаться, но за оным, пока жив, следовать буду и во всем так себя вести и поступать, как честному, верному, послушному, храброму и расторопному солдату надлежит.

В чем да поможет мне Господь Бог Всемогущий.

В заключение же сей моей клятвы целую слова и крест Спасителя моего.

Аминь».

С принятием присяги на верность Отечеству и государю для Николая Юденича и началась действительная воинская служба, пока в юнкерских погонах. С того же дня потянулись годы упорной и старательной учебы. В «Александровке» учебный процесс был поставлен неплохо и требовал известного напряжения духовных и физических сил юношей.

Московское 3-е Александровское военное училище готовило младших офицеров преимущественно для инфантерии, как тогда называли с времен Петра I царичу полей — пехоту. В курс обучения входили не только специальные воинские дисциплины — пехотная тактика, артиллерия, топография, администрация, военная история, но общеобразовательные — российская история, география, а также фехтование, обучение бальным танцам и многое другое. Учиться в «Александровке», естественно, при желании было интересно.

Учеба роздыха не давала, и, как это обычно случалось, годы учебы для юнкеров-александровцев пролетели незаметно. Сама давно сложившаяся система обучения расхолаживаться не позволяла, к тому же от оценок зависело начало офицерской карьеры. Преподаватели поблажек не давали, и юнкера почти весь год, за исключением каникул, усиленно работали над собой. Однокашник Юденича генерал-лейтенант А.М. Саранчев вспоминал через многие годы:

«Николай Николаевич был тогда тонким худеньким юношей со светлыми вьющимися волосами, жизнерадостный и веселый. Мы вместе слушали в аудитории лекции Ключевского и других прекрасных преподавателей».

О том, что Николай Юденич учился «примерно», свидетельствует то, что в августе 1880 года он был произведен за отличия в портупей-юнкеры.

Прощание с училищем для Николая Юденича состоялось в мирном 1881 году, 8 августа. Он оказался в числе самых успевающих юнкеров своего курса, что давало ему, по традиции, почетное право выбора не только места службы и рода войск, но даже конкретной воинской части. На аттестационной выпускной комиссии Юденич высказал желание служить в Царстве Польском, в расквартированной в Варшаве 3-й Гвардейской пехотной дивизии. Точнее — в Лейб-Гвардии Литовском полку.

Пожелание было принято аттестационной выпускной комиссией с пониманием. Просьбу юнкера-отличника уважили. Так

девятнадцатилетний подпоручик-александровец, пехотный офицер, получил назначение (был прикомандирован) в Лейб-Гвардии Литовский полк, пусть и не самый старый, но в один из самых прославленных делами в Русской армии. 10 сентября того же 1881 года армейский подпоручик был переведен в этот полк с чином гвардейского прапорщика.

Полк был сформирован в ноябре 1811 года из 2-го батальона Лейб-Гвардии Преображенского полка и подразделений, отделенных от разных полков Лейб-Гвардии и армии. Первоначально он имел 3-батальонный состав и преимущества (привилегии) пехотных гвардейских полков. Первым полковым командиром был полковник (затем генерал-майор) И.Ф. Удом. Первым шефом гвардейцев-литовцев являлся великий князь Константин Павлович.

Свое боевое крещение Лейб-Гвардии Литовский полк прошел в горниле Отечественной войны 1812 года. Он входил в состав 2-й бригады Гвардейской пехотной дивизии и принял геройское участие в Бородинском сражении. На поле Бородина, сражаясь против наполеоновских войск на левом фланге Кутузовской армии у деревни Семеновское, полк потерял 430 нижних чинов убитыми, 178 ранеными и 113 пропавшими без вести. После битвы в строю состояло всего 885 человек.

В заграничных походах Русской армии 1813—1814 годов гвардейцы-литовцы участвовали в сражениях при Лютцене, Бауцене, Дрездене, в Лейпцигской «битве народов». Войну против наполеоновской Франции полк закончил вступлением в Париж. В апреле 1813 года литовцам были пожалованы три почетные Георгиевские знамени (крест желтый, верхние половины углов красные, нижние черные) с надписью «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из России 1812 г.»

Спустя столетие после изгнания Великой армии императора французов Наполеона Бонапарта из пределов России, в 1912 году, на Бородинском поле, среди других, был поставлен памятник Лейб-Гвардии Литовскому полку. Он был изготовлен по проекту известного архитектора Ф.С. Былевского на средства, собранные однополчанами — офицерами и нижними чинами.

Николай Юденич впервые «познакомился» с историей Лейб-Гвардии Измайловского полка, побывав с отцом на Бородинском поле. Юденичи посетили Бородинский военно-исторический музей, основанный еще в 1839 году.

Вторично с Лейб-Гвардии Литовским полком Юденич-младший лично познакомился благодаря журналу «Всемирная иллюстрация». Вернее, благодаря тем его номерам, которые были посвящены Русско-турецкой войне 1877—1878 годов за освобождение от османского ига православной славянской Болгарии. Воображение читателей потрясали картинки, изображавшие страшные зверства турок на болгарской земле и геройские подвиги русских воинов. Особенно впечатляли сцены осады вражеской крепости Плевны, когда отличился «белый» генерал М.Д. Скобелев. О нем тогда много говорили, что это второй Александр Васильевич Суворов-Рымникский для государства Российского.

В годы той славной для русского оружия войны едва ли не вся Россия с воодушевлением зачитывалась воззванием Болгарского национального благотворительного общества к населению Болгарии, изнывавшему под вековым турецким игом:

«Братья!»

Народ, который борется и проливает кровь за свободу и независимость, рано или поздно восторжествует. Без жертв свободы не бывает! Веками подавляемые варварским игом, как много раз в прошлом, мы восстали в минувшем году, но среди наших неописуемых тягот и страданий была надежда, нас укреплявшая. Это ни на минуту не оставлявшая нас надежда была православной и великой Россией.

Русские идут бескорыстно как братья на помощь, чтобы совершить наконец и для нас то, что было ими сделано по освобождению греков, румын и сербов.

Болгары! Нам нужно всем, как одному человеку, по-братски встретить наших освободителей и содействовать всеми нашими силами русской армии. Наши интересы, наше будущее, само наше спасение требует, чтобы мы встали все. Отечество зовет нас к оружию».

Воззвание было напечатано многими российскими газетами, в том числе и московскими. Его слова будоражили воображение молодежи, прежде всего той, которая готовилась встать в начинавшейся самостоятельной жизни на военную стезю. Обращение Болгарского центрального благотворительного общества к населению Болгарии одинаково волновало и гимназистов и юнкеров-александровцев. Равно как офицеров и нижних чинов

Русской армии, особенно тех, кто в эти дни готовился с боем форсировать полноводный Дунай, чтобы оказаться на земле единокровной и единоверной страны, поработенной турками-османами.

Коллежский советник Юденич-старший оказался среди тех жителей столицы, которые и морально, и материально поддержали Московский славянский комитет. Он оказал большую помощь сперва повстанцам Герцеговины и Боснии, а затем и Болгарии, поднявшихся на вооруженное восстание против своей угнетательницы — султанской Турции.

Отец и сын Юденичи, люди православные, не раз слушали страстные выступления руководителей этого комитета купца Пороховщикова и писателя Аксакова. Такие собрания общности с разрешения московского градоначальника проходили во дворе ресторана «Славянский базар». Там же шла и запись добровольцев для отправки на восставшие против оттоманского ига Балканы.

Гимназист Николай Юденич был среди тех московских юных дворян, купеческих и мещанских детей, которые не раз опускали свои серебряные рубли или медные пятаки в жестяные кружки сборщиков пожертвований в пользу восставших южных славян. Это считалось в 70-е годы XIX столетия поступком, достойным уважения окружающих.

С началом боевых действий Русской армии на Дунае и на болгарской земле московская молодежь зачитывалась газетными материалами фронтовых корреспондентов. Имя «белого» генерала Скобелева было тогда у всех на слуху. Чего стоили одни его суворовские по духу обращения к войскам перед броском через заснеженные Балканские горы.

Николай Юденич восхищал легендарным образом генерала Михаила Дмитриевича Скобелева. Он стал кумиром русского воинства на долгие годы. Его высокое тактическое мастерство Юденич, уже достаточно опытный пехотный офицер, будет изучать в стенах Николаевской академии Генерального штаба, преподаватели которой в день похорон «белого» генерала положат на его могилу венок, на котором будет лаконичная надпись: «Герою Скобелеву, Суворову равному».

Во время той войны газеты писали о Лейб-Гвардии Литовском полку, подвигах его много: о делах под Плевной крепостью и в сражении под Теллишем, при переходе через Балканские горы

по Троянскому перевалу, в боях под Ташкисеном и Петрови-чем, при Дальних Камарницах, за город Филипполь (современ-ный Пловдив). То есть можно утверждать, что выпускник 3-го Александровского училища просился не просто в полк Лейб-Гвардии, расквартированный в столице Царства Польского, а в тот полк, который им был уже любим.

По прибытии в Варшавский гарнизон подпоручик Николай Юденич был зачислен в списочный состав гвардейского полка «со старшинством в чине с 1881 года». То есть с года окончания военного училища для него начинался отсчет календарной офи-церской службы. Отсчет с этого года шел и для получения последующих воинских званий, и для определения выслуги лет.

В первые дни своей службы молодой офицер познакомился с одной хорошей традицией воинского воспитания, которая существовала тогда в Русской армии. Приходили ли в полк новоиспеченные подпоручики, вольноопределяющиеся или новобранцы — безграмотные крестьянские парни, их в первую оче-редь знакомили с полковой летописью. А Лейб-Гвардии Литовс-кому полку было чем гордиться.

Собственно говоря, подпоручик Николай Юденич уже изу-чил полковую боевую летопись очень хорошо. Он знал, к при-меру, на память выдержку из бородинской реляции главноко-мандующего Русской армией генерал-фельдмаршала М.И. Голе-пищева-Кутузова, где говорилось о стойкости гвардейских Литовского и Финляндского полков. В ней писалось, что эти два полка гвардии «покрыли себя славой в виду всей армии».

Но только по прибытии в полк Юденич воочию увидел Ге-оргиевские знамена, пожалованные литовцам за Отечественную войну 1812 года. А за болгарский Филипполь, который стал для Лейб-Гвардейцев вторым Бородино, они получили в качестве почетной коллективной награды позолоченные пластинки на головные уборы с надписью: «За Филипполь 3, 4 и 5 января 1878 года».

Офицерские коллективы полков и артиллерийских частей русской гвардии имели добрые традиции и отличались действи-тельно высокой сплоченностью. Даже можно сказать иначе — гвардейской корпоративностью. Начало службы в гвардии слу-жило хорошей школой на будущее. Случайные люди в офицерс-кую элиту Русской армии просто не попадали. А людям, кото-рые в чем-то запятнали честь своего мундира, приходилось на-

всегда оставлять ряды гвардии. Снисхождений никому и никогда не делалось, даже обладателям самых знатных аристократических фамилий

Жизнь была такова, что для многих офицеров, прежде всего пехотных, служба в гвардии являлась лишь хорошим трамплином для будущей армейской службы. И там, и тут приходилось тянуть, что говорится, многотрудную армейскую лямку. Подобное случилось и с Николаем Юденичем. Пехотная рота, в которую он попал, стала для него первой академией на командирскую зрелость. Уже в первый год своей офицерской службы подпоручик-александровец показал свою перспективность на пехотном поприще.

Ему не довелось задержаться в том полку Лейб-Гвардии, который он выбрал для начала своей офицерской карьеры. Уже в следующем, 1882 году он получает новое назначение с повышением в чине и должности и переводится в армейскую пехоту. Такое было обычным явлением в Русской армии, поскольку даже краткосрочное пребывание в рядах императорской гвардии считалось лучшей рекомендацией на будущее.

В штабе Варшавского округа подпоручику гвардии Николаю Юденичу предложили командование пехотной ротой и службу в Туркестанском крае. Он дал свое согласие. Здесь надо оговориться в следующем. Туркестанский округ к числу престижных не относился. Новое место службы по климатическим условиям райским никак назвать было нельзя. Климат края с его жарой и безводьем, удаленность от центральных губерний и столиц — вот что прежде всего определяло здесь тяжесть и офицерской, и солдатской службы.

Возможно, Юденич не предвидел всей тяжести туркестанской жизни. Служить гвардейскому подпоручику пришлось на новом месте не в полку, а в отдельных батальонах — 1-м Туркестанском стрелковом и 2-м Ходжентском резервном. Позже, уже будучи во главе русских кавказских войск в Мировой войне, Юденич не раз в приказах скажет добрые слова в адрес стрелков-туркестанцев, доблестно воевавших против турок.

В том и другом батальонах молодой офицер командовал ротами и получил полезную во всех отношениях практику и командирскую закалку. Теперь, после трех лет самостоятельного начальствования ротой, он получил полное право подачи рапорта по команде с просьбой разрешить ему поступать в военную академию.

Такое право подпоручик гвардии Николай Юденич заслужил своей примерной службой в Туркестанском крае: он направляется в столицу для сдачи вступительных экзаменов в Николаевскую академию Генерального штаба. Это было высшее военно-учебное заведение России. Таковым оно остается и по сегодняшний день. Академия давала не только прекрасное образование (в ней преподавал весь цвет военной профессуры), но и успешное продолжение армейской службы.

В августе 1884 года офицер-туркестанец прибыл в Санкт-Петербург для сдачи вступительных экзаменов. Право поступления в эту академию, как правило, давалось только раз. То есть свою судьбу счастливцев, получивший такое разрешение, мог решить только единожды. Вторая попытка поступления была явлением крайне редким.

Один из вождей Белого движения на Юге России генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин, поступивший в Николаевскую академию Генерального штаба в 1895 году, так описывает в своих мемуарах свое поступление в нее. При этом он обращает внимание на то, насколько серьезным и безжалостным был отбор в это высшее военно-учебное заведение:

«Мытарства поступающих в академию начинались с проверочных экзаменов при окружных штабах. Просеивание выражалось приблизительно такими цифрами: держало экзамен при округах 1500 офицеров; на экзамен в академию допускалось 400—500; поступало 140—150; на третий курс (последний) переходило 100; из них причислялось к Генеральному штабу 50, то есть после отсеивания оставалось всего 3,3 процента».

Поручик Антон Деникин, как и подпоручик Николай Юденич, успешно прошел через экзаменационное испытание и сумел достойно закончить академический курс обучения. В стенах скромного коричневого двухэтажного здания на Английской набережной Невы они и познакомились, чтобы продолжить дружеские отношения в положении белоэмигрантов, осевших на французской земле.

Первым вступительным испытанием по давно установившейся традиции был экзамен по русскому языку. Его боялись больше всего, поскольку именно на русском языке отсеивался каждый пятый кандидат. Им требовалось получить не менее девяти баллов по двенадцатибалльной системе; оценка складывалась из баллов, полученных за диктовку и сочинение.

Вступительный экзамен принимал известный профессор русской словесности Цешковский, который диктовал отрывок из пушкинской «Истории пугачевского бунта». Для сочинения давалось на выбор тридцать тем. Среди них значились «Вступление Наполеона в Москву», «История завоевания Сибири», «Взятие крепости Карс в Крымскую войну». Подпоручик Юденич выбрал для своего сочинения откровенно трудную тему «Романтическое течение в русской литературе» и удостоился высшего балла.

Затем последовали экзамены по математике, уставу, общевойсковой тактике, истории, русской географии, иностранным языкам — французскому и немецкому. После каждого из них число экзаменуемых заметно сокращалось. Офицер гвардии успешно прошел через все вступительные испытания и был зачислен на первый курс Императорской Николаевской академии Генерального штаба.

Теперь перед Юденичем открывался путь для успешного продвижения по службе, но при одном неперемennom условии — завершения полного курса обучения. Николаевская академия Генерального штаба (бывшая Императорская военная академия) была создана в 1832 году по инициативе двух известных в начале XIX века военачальников Русской армии, участников нескольких войн — генерала от инфантерии А.И. Хатова и швейцарца генерала от инфантерии барона А.А. Жомини.

Это были ученые с европейским именем. Первый из них — Хатов — имел блестящий послужной список. Он, один из крупных военных деятелей своего времени, прошел должности начальников Санкт-Петербургской школы колонновожатых и топографического отделения канцелярии генерал-квартирмейстера, был генерал-квартирмейстером Главного штаба, начальником отделения Военно-ученого комитета.

Барон Жомини Антуан Анри (по-русски Генрих Вениаминович) до своего появления в России начал свою военную карьеру лейтенантом швейцарской армии, перейдя затем на службу во французскую. Был адъютантом, а затем начальником штаба маршала Мишеля Нея. Участвовал в наполеоновском Русском походе 1812 года, находясь в должности военных губернаторов Вильно и Смоленска. В следующем году, после очередного столкновения с начальником Главного штаба Наполеона Бонапарта маршалом Бертье, бригадный генерал Жомини прозорливо пе-

решил на российскую службу в чине генерал-лейтенанта. Был одним из военных советников императора Александра I. В России дослужился до чина генерала от инфантерии, став видным военным теоретиком и историком.

Устав и штат Императорской военной академии, разработанные А.А. Жomini, были высочайше утверждены императором Николаем I в сентябре 1830 года. Академические штаты. Но занятия в новом военно-учебном заведении начались только спустя два года. Причиной тому стало Польское восстание 1830—1831 годов (после чего император отменил Конституцию, дарованную этой части Российской империи в 1815 году).

Открытие академии стало большим событием для Русской армии. Почетным президентом высшего военно-учебного заведения был назначен брат Николая I великий князь Михаил Павлович, первым директором — генерал-лейтенант Иван Онуфриевич Сухозанет (Сухозанет I-й), прославленный артиллерист, отличившийся в войнах против французов, турок и поляков. (В Гроховском сражении польским ядром ему оторвало ногу выше колена.) Сухозанет пользовался у императора Николая I особым доверием: 14 декабря 1825 года, в день восстания декабристов на Сенатской площади в Санкт-Петербурге, начальник артиллерии Гвардейского корпуса в чине генерал-майора командовал артиллерией, рассеявшей огнем каре восставших.

Курс академического обучения был рассчитан на три года и давал солидные знания в области военных наук. Об уровне обучения в Николаевской академии Генерального штаба говорит хотя бы такой факт: при получении хотя бы одной неудовлетворительной оценки слушатель незамедлительно отчислялся и отправлялся к прежнему месту службы.

Известно, что при этом во внимание не принимались ни титулы, ни боевые награды, ни связи при императорском дворе. Не щадились даже привилегированные гвардейцы из полков столичного гарнизона, которые могли не без основания на то гордиться своей родословной. Как случилось, к примеру, с одним из графов Игнатьевых — Николаем, который провалился на экзамене по астрономии (!) и был возвращен в Лейб-Гвардии Преображенский полк.

Такое отчисление редко обходилось без негативных последствий. Судьба таких недоучившихся офицеров в дальнейшем была незавидной. Они возвращались в свои полки с подавленной пси-

хикой и с печатью неудачника в глазах своих строевых командиров и сослуживцев. Теперь перспектива успешного продвижения по службе для них становилась туманна, а порой и несбыточна.

Юденичу больше всего нравились занятия по военной стратегии и по истории военного искусства, где изучалось полководческое искусство Александра Македонского и Наполеона Бонапарта, А.В. Суворова-Рымникского и М.И. Кутузова-Смоленского, а также опыт войн и военных конфликтов последнего времени.

Едва ли не «камнем преткновения» для слушателей являлась так называемая ситуация. В первый же день поступления в академию каждому из них выдавалась бронзовая выпуклая модель горки или рельефа местности. Ее требовалось нарисовать мельчайшими штрихами на бумаге. Причем толщина штрихов должна была соответствовать крутизне скатов бронзовой горки.

Полевое обучение велось на каждом курсе. Слушатели выезжали в пригороды столицы на длительные занятия в поле. В число их входила глазомерная картографическая съемка местности. Обычно такие занятия проводились в окрестностях Царского Села и Петергофа, где стояли крупные воинские гарнизоны.

При всех трудностях такого обучения слушатели академии такие продолжительные выезды, даже глазомерные картографические съемки, любили. Автомобилей тогда не существовало, и умение быстро передвигаться на коне на большие расстояния и не утомляться при этом являлось составной частью боевой подготовки будущих офицеров Генерального штаба. Даже пехотные офицеры гордились уровнем своей кавалерийской выправки.

Поскольку академия располагалась в самом центре столицы, то своих лошадей она не имела. Они вместе с конными вестовыми выделялись кавалерийскими полками Лейб-Гвардии, расквартированными в окрестностях Санкт-Петербурга — Кирасирскими Его Императорского Величества и Ее Императорского Величества, Драгунским, Конногренадерским, Гусарским, Уланским. Эти полки стояли в Петергофе, Царском Селе, Гатчине.

Учеба в стенах Николаевской академии Генерального штаба Николаю Юденичу запомнилась многими событиями. В ее стенах он 30 августа 1885 года был произведен в поручики «За отличные успехи в науках». Среди прочих дел, ему довелось вместе со своими однокурсниками участвовать в военном параде в Красном Селе.

Тот красносельский парад красочно описал подъяесаул П.Н. Краснов, будущий атаман Донского казачьего войска и один из крупнейших писателей белой эмиграции:

«Ничего не предвещало солнца, а между тем оно должно было быть, должно было осиять венчанного царя, Божия помозанника. Так верили седые генералы, начальники дивизий, командиры бригад и полков, в ярких лентах и орденах насупившись смотревшие, как чистились их люди, так верили молодые офицеры, старые фельдфебели и солдаты всех сроков службы.

В сказочной красоте и величии должен был явиться перед своим войском царь, солнцем осиянный, прекрасный, великолепный и далекий. Не от мира сего. «Так было всегда, — говорили старые люди, — что какая бы погода не была, но государя неизменно сопровождало солнце». И одни видели в этом милость Божию, чудо, явленное народу в подтверждение того, что царь не людьми поставлен, но Богом, другие, скептики и маловеры, усматривали в этом отличную работу Пулковской обсерватории, знающей, когда будет какая погода, третьи, молодежь, сами мало видевшие, считали, что это просто случай.

Все поле покрылось темными квадратами пехотных колонн. Краснели погоны, и тускло виднелось золото и серебро офицерских уборов. Сзади пехоты неподвижно вытянулись запряжки артиллерии, и банник в банник, дуло в дуло выравнились орудия. Великий князь на караковом коне, с седлом, покрытом вальтрапом с каракулем, объехал полки.

Так же серо было небо, и туман клубился шапкой над Дудергофом, скрывая его леса и дачи. Сзади валика длинной пестрой лентой на зеленом лугу стояли полки кавалерии. Белой широкой полосой лежала кирасирская дивизия, три пятна — красное, синее и малиновое — обозначали казаков, а левее темная вторая дивизия заканчивалась пестрым белым с красным пятном гусарского полка. У самой Лабораторной рощи, хмурой, набухшей от дождя, стояли пушки и видны были всадники конных батарей.

Равнялись последний раз. Проверяли по шнуру носки. Бегом разбежались по местам жалонеры, и пешие линейные кавалерии сели на лошадей.

Подле валика на скамьях и скамейках, еще с раннего утра принесенные денщиками, сидели и стояли зрители, больше дамы и барышни, дети, офицеры штабов, изредка виднелась хорошо

одетая штатская фигура, умиленно смотревшая на войска. Все лица были повернуты в сторону Красного Села. Туда же смотрел, небрежно сидя на коне с обнаженной шашкой в руке, великий князь Владимир Александрович и разговаривал громким голосом, звучащим на все поле, со своим начальником штаба, статным, седым, стройным генералом.

— Едет, ваше величество, — почтительно прервал его начальник штаба, указывая глазами на Красное Село.

Оттуда вылетела тройка и быстро приближалась к пестрой группе, стоявшей между народом и Красным Селом. Там была свита, лошадь государя и коляска императрицы.

Великий князь нахмурился и посмотрел на Дудергоф. Из серых туч ясно отделилась его коматая, покрытая елями, соснами и орехом вершина, и ветер рвал в клочья туманы над ним, и обнажились верхние дачи. Внизу отчетливо стали видны павильоны и галерея татарского ресторана. Но солнца не было.

Коляска подлетела к свите и остановилась. Великий князь посмотрел на часы. Было без двух минут одиннадцать.

— Точен, — сказал он начальнику штаба, — как отец, как дед.

Он незаметно, мелким крестом перекрестился. Волнение отразилось на его красном холеном лице.

— Па-г'ад! Сми-г'но! — скомандовал он. — Батальоны, на пле-чо!

И точно еж поднялся над бурым мокрым полем; пехота ошестинилась штыками.

— По полкам, слу-шай, на ка-г'а-аул!.. — Великий князь поднял свою рослую лошадь в галоп и тяжело поскакал навстречу государю.

Нарушая общую тишину резкими отрывистыми звуками, играли гвардейский поход трубачи собственного его величества конвоя. Государь поздоровался с казаками, и «ура!» вспыхнуло на правом фланге. Государь подъезжал к полку военных училищ. Полк вздрогнул двумя резкими толчками, юнкера взяли на караул, и тысяча молодых лиц повернулась в сторону государя.

Впереди свиты на небольшой серой арабской лошади с темной мордой, с которой умно смотрели большие черные глаза, покрытой громадным темно-синим вальтрапом, расшитым золотом, легко и грациозно сидел государь. Красная гусарская фуражка была надета слегка набок. Из-под черного козырька приветливо смотрели серые глаза, алый доломан был расшит

золотыми шнурами, на лакированных сапогах ярко блестели розетки, и чуть звенела шпора.

— Здравствуйте, господа! — раздался отчетливый голос, и из тысячи молодых грудей исторгся восторженный выкрик, шедший от самого сердца.

И сейчас же величественные плавные звуки русского гимна полились на фланге и слились с ликующим юным «ура!». В ту же минуту яркий солнечный луч блеснул на алой фуражке и залил царственного всадника, свиту и коляску, запряженную четверкой белых лошадей, в которой в белых платьях сидели обе императрицы.

Природа точно ждала этого могучего крика «ура!», этого властного, твердой молитвой звучащего гимна, чтобы начать свою работу. Невидимый ветер рвал на клочья серый туман, и наверху ослепительно горело точно омытое вчерашним дождем солнце, на синем небе показались мягкие пушистые барашки. Чудо свершилось.

Помазанник Божий явился во всей своей славе и красоте, сказочно красивый, на сером арабском коне, смотревшем как-то особенно умно, выступавшем как-то особенно легко и горделиво. Сказка о великом и далеком царе раскрылась перед солдатами и народом, и они видели эту сказку.

Полубог был перед народом, и земные мысли отлетали от людей, и чувствовалась близость к небу. Парили сердца».

Три года напряженной учебы в Николаевской академии шли размеренным, уже привычным ходом. Поручик Николай Юденич и его сокурсники с первого месяца занятий поняли, что поблажек у академической профессуры никому не будет.

Вполне естественным выглядело то, что после каждой переходной сессии количество слушателей на курсе уменьшалось на два-три десятка человек. Потерпевших фиаско на годовых экзаменах отправляли назад в полки, артиллерийские бригады, отдельные батальоны. Тех, кто пытался хитрить и «болеть», тоже ожидала подобная участь. Для проверки основательности рапорта о болезни на квартиру офицера-слушателя обыкновенно высылался академический военный врач, без придиорок устанавливавший подлинный диагноз больному.

Дни учебы пролетали незаметно. В учебных классах самым тщательным образом изучались тактика, стратегия, работа с картами, новые виды отечественного и зарубежного вооруже-

ния (прежде всего новейшие артиллерийские системы), армии ведущих мировых держав, военно-административное дело, основные законы войны. То есть велась фундаментальная подготовка будущих кадров старшего командного звена Русской армии.

Слушатели-генштабисты жили дружной, сплоченной семьей, о чем свидетельствуют мемуаристы. По поводу неизменности основных законов войны в стенах академии среди ее переменного состава долгие годы ходило стихотворение неизвестного «своего» автора из числа слушателей:

Сражался голый троглодит,
 Как грубым свойственно натурам,
 Теперь же просвещенный Бритт
 Трепещет в хаки перед Буром.
 Но англичанин и дикарь
 Хранят все свойства человека:
 Как били морду прежде, встарь,
 Так будут бить ее до века.»

Николаевскую академию Генерального штаба поручик Лейб-Гвардии Н.Н. Юденич закончил в 1887 году. Финиш был более чем успешным — учеба завершилась по первому разряду. Он получил право носить на мундире металлический академический знак в неполные двадцать пять лет (!). Уже это одно являлось лучшей характеристикой военного человека. Теперь любой его начальник мог поручиться за то, что такой выпускник Императорской академии вполне подготовлен к исполнению самого ответственного дела с усердием и настойчивостью.

Примерное завершение Юденичем учебы принесло ему еще один жизненный успех. Окончание академии по первому разряду значило для военной карьеры очень многое. Результатом выпускных экзаменов стало причисление гвардейского поручика к офицерскому корпусу Генерального штаба, то есть к элитной по знаниям, перспективности и положению части офицеров Российской Императорской армии.

Как известно, Николаевская академия Генерального штаба давала не только прекрасные знания военного дела, но и отличную перспективу на будущее, как ближайшее, так и отдаленное по времени. Но Юденич был здесь склонен верить сло-

ним своего будущего соратника А.И. Деникина, с которым еще ближе сошелся в годы Русско-японской войны:

— Академия Генерального штаба дает метод к познанию военного дела, но главный учитель все-таки жизнь. Армейская лямка и война.

Эти слова как бы служат подтверждением официальной статистики. В годы Первой мировой войны выпускники Академии Генерального штаба занимали подавляющее большинство высших командных должностей в Русской армии. «Академиками» были каждый четвертый командир полка, более двух третей начальников пехотных и кавалерийских дивизий, 62 процента корпусных командиров. Ими являлись подавляющее большинство штабных офицеров-операторов высшего звена.

Окончание академии для Юденича совпало с присвоением ему 7 апреля 1887 года очередного воинского звания — штабс-капитана.

По выпуску Юденич был назначен старшим адъютантом штаба 14-го армейского корпуса Варшавского военного округа (исполняющим делами). По чину он переименовывается в капитаны Генерального штаба. Им будущий полководец стал всего лишь в 25 (!) лет. Он возвратился на польскую землю, где начал офицерскую службу. В новой должности и в новом качестве он приобрел хороший опыт штабной работы и культуры по организации управления войсками. Много значило для него и то обстоятельство, что округ был приграничным.

Офицеры, причисленные к корпусу Генерального штаба, состояли на особом учете в кадрах Военного министерства. Поэтому то, что там взяли на заметку способного офицера и не давали ему, ради его же служебного роста, засиживаться на одном месте и в одной должности, необычным не являлось. Уже в октябре 1889 год капитан Юденич назначается командиром роты родного ему Лейб-Гвардии Литовского полка. Такому назначению он, вне всякого сомнения, был искренне рад. Впрочем, такое назначение было цензовым, обязательным для выпускников академии. Командование ротой длилось до ноября 1890 года.

Литовцы входили в состав 3-й Гвардейской пехотной дивизии и вместе с полками Лейб-Гвардии — Кексгольмским (имени) императора Австрийского, Санкт-Петербургским короля Фридриха-Вильгельма III и Волынским вместе с дивизионной артиллерийской бригадой располагались в столице Царства

Польского. В Варшавском гарнизоне квартировалась еще и Отдельная гвардейская кавалерийская бригада — Лейб-Гвардии 2-й Уланский Его Величества и Гродненский гусарский полки с конно-артиллерийской батареей.

Ротой гвардейской пехоты капитан Юденич командовал всего тринадцать месяцев, день в день. Затем его переводят в штаб 14-го армейского корпуса, но уже на должность обер-офицера для особых поручений.

Но этого оказалось вполне достаточно для нового выдвижения по службе. В январе 1892 года он получает назначение на должность старшего адъютанта штаба Туркестанского военного округа и вновь оказывается на Востоке, в хорошо знакомом Туркестане. Варшава, большой цивилизованный европейский город, был покинут навсегда. Теперь предстояла служба в краю оазисов, знойных пустынь и гор. Юденич отдал этой окраине Российской империи пятнадцать лет своей жизни. 2 апреля того же 1892 года его произвели в подполковники.

Служба шла ровно, без осечек и сбоев — сказывалась академическая подготовка, и на парадном мундире его уже красовались два ордена третьих степеней — Святого Станислава и Святой Анны. Они были даны «без мечей», то есть за примерную службу мирного времени.

В 1894 году подполковник Н.Н. Юденич принимает участие в Памирской экспедиции в должности начальника штаба Памирского отряда. Вскоре после этого высокогорный Памир был формально присоединен к Российской империи. Экспедиция проходила в крайне тяжелых климатических условиях, но поставленной цели она достигла. Наградой для генштабиста стал орден Святого Станислава 2-й степени.

Через четыре года Юденич стал штаб-офицером при управлении Туркестанской стрелковой бригады (переименована в 1900 году в 1-ю Туркестанскую стрелковую бригаду), которая в случае войны по мобилизационному плану развертывалась в стрелковую дивизию. Он успевае за это время пройти цензовое командование пехотным батальоном.

Продолжительная штабная работа дала основательный опыт организации повседневной армейской службы, руководства разнородными войсками на полевых учениях в пустыне и особенно в горах и в условиях гарнизонной службы. Этот опыт составит самую хорошую службу, когда Николай Николаевич перед Ми-

ровой войной окажется на Кавказе. Служивший в те же годы вместе с ним в Туркестане генерал-лейтенант Д.Ф. Филатьев, находясь в белой эмиграции, скажет:

«Тогда уже нельзя было не замечать и не оценивать основные черты характера Николая Николаевича: прямота и даже резкость суждений, определенность решений, уменье и твердость в отстаивании своего мнения, полное отсутствие склонности к каким-либо компромиссам».

Туркестанская жизнь шла своим чередом. Армейская лямка тяжелой не казалась. Юденич своевременно, по выслуге положенных лет, продвигается по служебной лестнице. В 30 лет он получил звание подполковника, а еще через четыре года — 24 марта 1896 года — стал полковником.

Всем виделось, что теперь из Туркестана перед офицером корпуса Генерального штаба открывался прямой, вполне реальный путь к генеральскому чину. Дело было лишь за временем. Не хватало лишь боевого опыта и орденских наград за войну. Не столь важно за какую. Но обязательно за войну, за доблесть личную и подчиненных, проявленную за «Веру, Царя и Отечество».

Генеральская карьера для армейского служаки тогда не могла строиться без командования полком. Это было и мечтой, и обязательной строчкой в послужном списке. Юденич уже прошел две обязательные должности — ротного и батальонного командира. Полк — пехотный или кавалерийский — являлся в Русской армии (и не только в ней) основной боевой единицей, способной самостоятельно выполнять тактические задачи. Именно на этом оселке шло познание командирской личности.

Под свое командование генштабист полковник Н.Н. Юденич получил полк 16 июля 1902 года, сразу после награждения орденом Святой Анны 2-й степени. Этим полком стал 18-й стрелковый приграничного Виленского военного округа. К слову сказать, стрелковые части в те годы проходили свое становление. Стать полковым командиром тогда в 40 лет означало одно: в Санкт-Петербурге были вполне довольны службой перспективного выпускника Николаевской академии Генерального штаба.

Полк стоял в небольшом польском городке Сувалки на самой северо-восточной окраине Царства Польского. Организационно входил в состав 5-й стрелковой бригады, которая впоследствии, с началом Первой мировой войны, была развернута в дивизию. Бригадный штаб тоже находился в Сувалках. Свое

старшинство — летопись воинская часть вела с 1864 года. Полковым праздником был день 25 декабря, то есть Рождество Христово.

Новое назначение состоялось высочайшим указом государя императора Николая II. Полковник Юденич покинул Ташкент, чтобы больше уже не бывать в Туркестанском крае. В Сувалках его ждала служебная квартира и интересная, главное — самостоятельная армейская служба.

Полком Юденич командовал ровно три года. Его послужной список свидетельствовал о том, что командование отдельной воинской частью для него проходило успешно, но не без известных трудов, когда приходилось изо дня в день тянуть армейскую лямку. На проходивших полевых учениях его стрелки демонстрировали хорошую выучку и меткость стрельбы. Роты полка, что было немаловажно, имели устроенный быт: добротные казармы, кухни, своих сапожников, портных, парикмахеров, прикухонные огороды. То есть полковое хозяйство отличалось хорошей организацией мирного времени. Не забывалась и забота о здоровье нижних чинов: солдаты не заполняли полковой лазарет.

По воспоминаниям сослуживцев полковника Н.Н. Юденича отличало то, что он во всем старался жить заботами полка. Сказывалась его привычка ротного командира запоминать как можно больше рядовых солдат по фамилиям, не говоря уже об унтер-офицерах и фельдфебелях. Постоянно бывал в солдатских казармах на подъемах и отбоях. Постоянно снимал пробу приготовленной для нижних чинов пищи, а наиболее ретивых младших командиров из числа унтер-офицеров наказывал за рукоприкладство по отношению к подчиненным. То есть старался во всем проявлять не только начальственную требовательность и заботливость, но и человечность.

Приняв должность командира полка, Николай Николаевич в сорок лет уже был степенным человеком, нашедшим свое семейное счастье. Он женился на Александре Николаевне, урожденной Жемчуговой. Брак армейского полковника с образованной, воспитанной девушкой из родовитой дворянской семьи оказался крепким. Супругов Юденичей всегда отличали взаимопонимание и любовь, а их семью — завидное гостеприимство для друзей и сослуживцев.

Представлялось, что службе в Польше не будет ни конца ни края. Подобное уже казалось Юденичу в Туркестане. Перспекти-

на получения генеральской должности пока не открывалась перед ним. Но случилась война, о которой Николаю Николаевичу, как и другим людям военным, думалось не раз. Она и пришила его на поле брани в памятном для России 1904 году.

Как и ожидалось, пламя войны вспыхнуло на Дальнем Востоке. О том, что отношения между двумя соседними через море государствами все больше напоминали тетиву натянутого лука, большим секретов не было. Об этом писалось на страницах газет и говорилось на штабных занятиях.

Японская война, как ее тогда называли, началась для полковника Н.Н. Юденича в полковой канцелярии. Рано утром его встретил в дверях дежурный по полку офицер, который, отдав честь, молча протянул только что полученную срочную депешу из штаба округа. В ней кратко сообщалось:

«Сегодня ночью наша эскадра, стоявшая на внешнем Порт-Артурском рейде, подверглась внезапному нападению японских миноносцев и понесла тяжелые потери».

И хотя слова «война» в депеше из окружного штаба не значилось, было ясно, что это и есть начало большой войны. Полковой командир приказал собрать весь офицерский состав и лично зачитал полученное им сообщение. Комментировать прочитанное не приходилось: всем и так было ясно, что Россия вступила в войну, которая должна была стать для нее только победной.

Вскоре в 18-й стрелковый полк с нарочным из окружного штаба доставили еще пахнувший типографской краской экземпляр Высочайшего манифеста об официальном объявлении Россией войны Японии. Манифест был подписан государем императором 27 января 1904 года. Вот его полный текст:

«Высочайший манифест

Божиею поспешествующею милостию
Мы, Николай Второй,

Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсонеса Таврического, Царь Грузинский, Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Литовский, Волынский,

Подольский и Финляндский, Князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Белостокский, Карельский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; Государь и Великий Князь Новгорода низовские земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондинский, Витебский, Мстиславский и всея Северные страны Повелитель; и Государь Иверский, Карталинские и Кабардинские земли и области Армянские; Черкасских и Горских Князей и иных Наследный Государь и Обладатель; Государь Туркестанский; Наследник Норвежский, Герцог Шлезвиг-Голстинский, Старнмарнский, Дитмарсенский и Ольденбургский, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем всем Нашим верным подданным.

В заботах о сохранении дорогого сердцу Нашему мира, Нами были приложены все усилия для упрочения спокойствия на Дальнем Востоке. В сих миролюбивых целях Мы изъявили согласие на предложенный Японским Правительством пересмотр существовавших между обеими Империями соглашений по Корейским делам. Возбужденные по сему предмету переговоры не были, однако, приведены к окончанию, и Япония, не выждав даже получения последних ответных предложений Правительства Нашего, известила о прекращении переговоров и разрыве дипломатических отношений с Россией. Не предупредив о том, что перерыв таковых сношений знаменует собой открытие военных действий, Японское правительство отдало приказ своим миноносцам внезапно атаковать Нашу эскадру, стоявшую на внешнем рейде крепости Порт-Артур.

По получении о сем донесения Наместника Нашего на Дальнем Востоке Мы тотчас же повелели вооруженною силою ответить на вызов Японии.

Объявляя о таком решении Нашем, Мы с непоколебимою верою в помощь Всевышнего и в твердом уповании на единодушную готовность всех верных наших подданных встать вместе с нами на защиту Отечества призываем благословение Божие на доблестные наши войска армии и флота.

Дан в Санкт-Петербурге в двадцать седьмой день Января в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот четвертое, Царствования же Нашего в десятое.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

Николай».

Известно, что обнародование Высочайшего манифеста, написанного его составителями действительно в трогательных словах и вложенных в уста императора Николая II, в России вызвало у слушателей проявления патриотического настроения. Солдаты 18-го стрелкового полка проявили его дружным, троекратным «ура!».

Из газет Юденич узнал, что после обнародования этого манифеста в столице состоялась торжественная официальная церемония. 27 января, в 4 часа дня, в Зимнем дворце состоялся «Высочайший выход к молебствию» по случаю объявления войны Японии. Государь император Николай Александрович Романов был встречен собравшимися, среди которых было много военных людей, с «неописуемым восторгом». В стенах исторического дворца Российской империи долго гремело единодушное «ура!».

Так началась Русско-японская война 1904—1905 годов. Через ее горнило прошли многие полководцы и военачальники Русской армии в Первой мировой войне. Среди них был и Николай Николаевич Юденич.

Командиру 18-го стрелкового полка с началом Японской войны пришлось через несколько дней еще раз выстраивать в каре своих подчиненных на полковом плацу. На сей раз для прочтения императорского рескрипта по поводу назначения военного министра России генерала от инфантерии Алексея Николаевича Куропаткина командующим действующей Маньчжурской армии. Высочайший рескрипт гласил:

«Расставаясь с Вами и желая выразить Вам мою глубочайшую признательность за шестилетний просвещенный труд Ваш на пользу моей дорогой армии, жалую Вам бриллиантовые знаки ордена Святого благоверного князя Александра Невского.

Напутствуя Вас на Дальний Восток в действующую армию, поручаю Вам передать моим дорогим войскам мой Царский привет и мое благословение.

Да хранит Вас Господь!
Николай».

В тот же день полковник Юденич письменно (вторично) донес в штаб Виленского военного округа на имя его командующего следующее:

«Нижние чины и господа офицеры вверенного мне 18-го стрелкового полка с верностью нашему монарху восприняли его высочайший указ, который был зачитан перед полком утром сего дня».

То, что государь император санкционировал назначение на должность командующего действующей армии своего доверенного в лице военного министра, говорило людям знающим о многом. Генерал от инфантерии А.Н. Куропаткин, надо признать, имел немалый авторитет в войсках, будучи овеян скобелевской славой. Почти шесть лет находился на посту главы Военного ведомства. Его послужной список до Японской войны был безупречен, о чем свидетельствовали боевой опыт и высокие награды.

Куропаткин прошел прекрасную военную школу: столичное 1-е Павловское училище и Николаевскую академию Генерального штаба, которую закончил в 26 (!) лет. Участник военных кампаний по присоединению Туркестана к империи. В 1874 году участвовал в Алжирской войне в рядах французской армии. Из Болгарии, с русско-турецкой войны 1877—1878 годов вернулся с Золотым оружием «За храбрость» и орденом Святого Георгия 4-й степени. Заведовал Азиатской частью Главного штаба.

Затем опять последовала служба в Туркестанском крае. За скобелевскую Ахалтекинскую экспедицию удостоился ордена Святого Георгия 3-й степени. Командовал Туркестанской стрелковой бригадой, в которой довелось служить Юденичу. Был начальником и командующим войсками Закаспийской области. О себе в войсках Туркестанского военного округа оставил добрую память.

Юденичу была хорошо известна судьба полководца-неудачника А.Н. Куропаткина после войны с Японией. С началом Мировой войны генерал от инфантерии подал прошение об отправке его на фронт. Однако назначения он не получил из-за откровенного неприязненного отношения к нему Верховного главнокомандующего России великого князя Николая Николаевича-младшего. Только после отстранения того с должности Куропаткин был назначен в конце 1915 года командиром гренадерского корпуса.

В следующем году организовал показательную атаку двумя полками, задумав ослепить германцев прожекторами. Те подавили прожектора огнем артиллерии, а атакующие гранадеры были отброшены назад с большими потерями.

Однако это не помешало Куропаткину в начале 1916 года занять пост главнокомандующего армиями Северного фронта, сменив заболевшего генерала от инфантерии Н.В. Рузского. В марте он предпринял наступление всеми силами фронта, имея целью сковать германские войска и не позволить немецкому командованию перебросить войска под французский Верден. Операция была подготовлена плохо, общие потери фронта составили около 60 тысяч человек, а против союзников Берлин счел возможным перекинуть во Францию Альпийский корпус, 3-ю гвардейскую и 103-ю пехотную дивизии. После этой неудачи бывший николаевский военный министр утвердился во мнении бессмысленности на идущей войне всяких наступательных операций.

Во время Брусиловского наступления Юго-Западного фронта в 1916 году армии Северного фронта вели себя крайне пассивно. Куропаткин же много внимания уделял маловероятной возможности высадки германцев на побережье Лифляндии, стянув туда три Сибирских армейских корпуса. В июле того же года император Николай II назначил его Туркестанским генерал-губернатором и, по совместительству, войсковым наказным атаманом Семиреченского казачьего войска. Руководил подавлением восстания местного населения в Туркестанском крае.

Временное правительство отстранило А.Н. Куропаткина от поста, сделав членом Александровского комитета о раненых. С мая 1917 года и до конца жизни (января 1925 года) жил в своем бывшем имении селе Шушарино Холмского уезда Псковской губернии. Там он организовал сельскую школу, в которой работал учителем. Советская власть не тронула бывшего генерала Куропаткина, «не раз страдавшего от произвола царской власти», к тому же «проигнорированного» участниками Белого движения. В 1964 году на его могиле был поставлен памятник с надписью: «Основателю сельскохозяйственной Наговской школы».

Пожалуй, не было среди русского офицерства человека, который бы с жадностью не вчитывался в строки официальных сообщений с театра Японской войны. Но они не радовали: общих успехов и впечатляющих побед на Дальнем Востоке все не было и не было. После гибели крейсера «Варяг» и канонерской

лодки «Кореец» порт-артурская эскадра застыла в бездействии, что было совсем непонятно даже для людей, не связанных с флотом. Японцы высадили в Корею целую армию, которая заставила русский заградительный отряд с боями уйти с рубежа пограничной реки Ялу (или по-китайски Ялунцзяна).

Последующие газетные сообщения стали приходить уже с полей Южной Маньчжурии. Там, среди сопок и бескрайних полей гаоляна, близ южной ветки КВЖД — Китайской Восточной железной дороги начались упорные бои. Но побед и там не было: командующий Куропаткин отдавал один за другим приказы об отходе на новые позиции к северу. Русская Маньчжурская армия все дальше удалялась от крепости Порт-Артур, которая оказалась осажденной и с моря, и с суши.

Вскоре было принято решение о переброске в Маньчжурию войск из европейских губерний России. Это было сделано после того, как мобилизация военнообязанных в Сибири стала близка к завершению. Виленский военный округ, хотя и числился в приграничных, должен был выделить часть своих войск на Дальний Восток. Полки, укомплектованные до полного штата, отправлялись на Японскую войну с полевой артиллерией и пулеметными командами. Боевые припасы получались на месте.

Юденич, как и многие офицеры русской армии, стремились попасть на Японскую войну. Это его желание подтверждается следующим фактом: с началом военных действий на Дальнем Востоке ему предложили занять пост дежурного генерала штаба Туркестанского военного округа. Назначение означало скорое и верное производство в генерал-майоры. Но он отказался, сославшись на желание получить боевой опыт и ожидание приказа отправиться в Маньчжурию.

Такой приказ действительно пришел на имя командира 18-го стрелкового полка. В Сувалках полк (в составе 5-й стрелковой бригады генерал-майора М. Чурина) погрузили в воинские эшелоны и отправили через Москву на Восток. Путь в Маньчжурию был и далек, и долог, но настроение у всех «кативших» туда было приподнятое. Воинские эшелоны нескончаемой чередой катили по Транссибу. Солдаты-новобранцы в них под звуки мелодий гармоний распевали песни, из которых едва ли не самой любимой стала для них такая:

«Последний нынешний денечек
Гуляю с вами я друзья.
А завтра рано, чуть светочек,
Заплачет вся моя семья»

Стрелковый полк Юденича, размещенный в нескольких эшелонах, прибыл в Иркутск батальонами. Станция Листвиничная на левом берегу Ангары, где днем и ночью разгружались эшелоны, была полна людей военных с их снаряжением и вооружением. На Листвиничной Транссибирская магистраль обрывалась, поскольку Кругобайкальская железная дорога еще не была построена (протяженность в 282 версты и длинный 3,5 верстный туннель). Дальше путь шел по водам Байкала — до противоположного берега.

Это был наиболее трудный участок на пути из Санкт-Петербурга до Владивостока.

В изданном Военно-исторической комиссией Генерального штаба в 1910 году труде «Русско-японская война 1904—1905 гг.» на сей счет говорилось следующее:

«Ввиду подобных условий решено довести магистраль до западного берега оз. Байкал, до пристани Листвиничной, Кругобайкальской дороги не строить, а, организовав правильное (постоянное. — *А.Ш.*) пароходное сообщение по озеру до пристани Мысовой на восточном берегу Байкала, продолжать уже отсюда прокладку дальнейшего пути по Забайкалью».

Перевозка войск и военных грузов осуществлялась двумя ледокольными пароходами, самыми разными коммерческими судами, мобилизованными для нужд войны. На восточном берегу Байкала, в городе Верхнеудинске (ныне Улан-Удэ) однокольный Транссиб обретал свое продолжение, уходя через город Читу и земли Забайкальского казачьего войска, через пограничную реку Аргунь в китайскую Маньчжурию, где полыхала война.

Юденич отмечал, что тревоги и озабоченности на лицах людей не замечалось. Еще не шли из Маньчжурии частые санитарные поезда с тысячами раненых воинов. Японская война еще не пошла в сознание России, которую пока не потрясали до основания митинги и забастовки, погромы помещичьих усадеб и баррикадные бои. К покушениям на чинов царской власти террористами из партии социалистов-революционеров россияне уже как-то попривыкли.

ГЛАВА 3

В РЯДАХ МАНЬЧЖУРСКОЙ АРМИИ. ДЕЛО ПОД МУКДЕНОМ

Полк полковника Н.Н. Юденича прибыл на военный театр, как было доложено в столицу, «без происшествий», то есть не было отставших в дороге, утрат казенного имущества, случаев неповиновения младших старшим, пьянства, «дурного обращения» с местными жителями. То есть, говоря иными словами, стрелки явили собой образец воинской дисциплинированности и организованности, в чем, вне всякого сомнения, велика была заслуга их полкового командира.

В городе Мукдене, маньчжурской столице, 18-й стрелковый полк был встречен с оркестром. Прибывшую из Вильно воинскую часть приветствовал самолично царский наместник на Дальнем Востоке, главнокомандующий сухопутными и морскими силами России адмирал А.Е. Алексеев. Полковник Юденич доложил ему о благополучном прибытии вверенного ему государем полка на театр военных действий и готовности выступить на передовую линию.

На том официальная церемония была закончена. Полку после дальней дороги дали два дня отдыха и развели на временное жилье в пристанционные бараки. Уже к вечеру были доставлены с армейских складов патроны и походные солдатские кухни,

недельный запас провианта, в основном сухарей. На мясные порции выделили две дюжины овец, которых вольнонаемный гуртовщик погнал за полком.

Из Мукдена путь на войну предстоял своим ходом. С вагонами-теплушками пришлось распрощаться. Полк, двигавшийся поротно, растянулся по пути на две-три версты. Стрелки с интересом посматривали по сторонам: среди гаоляновых полей виднелись небольшие сопки с кумирнями на вершинах и китайские деревни. Их вид поражал солдат: они были окружены со всех сторон кирпичными стенками выше роста человека. Шли частые дожди, и роты двигались походным строем по грязи размытых ливнями проселочных дорог.

По прибытии в Маньчжурию 18-й стрелковый полк в составе своей бригады вошел в состав 6-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии. Сибирской она была только по названию, так как предназначалась для Восточной Сибири. Ее полки формировались из призывного контингента центральных российских губерний и до войны были расквартированы в европейской части империи.

Однако война быстро изменила людской состав дивизии, в том числе и полка полковника Н.Н. Юденича. На пополнение фронтовым потерям стали поступать коренные сибиряки, люди неприхотливые и пригодные к тяготам военной жизни. К концу Японской войны 18-й стрелковый полк действительно стал наполовину сибирским по составу нижних чинов, многим из которых было далеко за тридцать. Даже убыль в офицерах пополнялась запасниками из Иркутска и Канска, Красноярска и Новониколаевска.

В Мукдене сформировался полковой обоз. Тяжести перевозились на обозных повозках, которые большей частью закупались у местного населения. Все остальное носилось на себе. Стрелки и их командиры были немало удивлены, когда узнали, что в японской пехоте для этой цели использовались носильщики, которые за свой действительно каторжный труд получали больше рядового солдата и повышенный по калорийности паек. Такая новость вызвала среди солдат немало пересудов и шуток.

Полк прибыл к местам боев только через неделю. Стрелки жадно ловили слухи о том, как идет война с японцами. Юденича очень огорчало то, что среди его подчиненных уже не было ни одного участника Русско-турецкой войны 1877—1878 годов,

людей с фронтовым опытом и закалкой. Наступил месяц май, с которым на поля Маньчжурии пришла страшная для здешних мест жара, которая истомляла людей во время частых маршбросков.

Полку было приказано расположиться на дневку у деревни Лизаньцухе. Были разбиты палатки, задымили полевые кухни. Юденич приказал на всякий случай окружить деревню дозорами, хотя до передовой было еще далеко. Однако такая мера предосторожности на войне оказалась своевременной: в тот же день одним из дозоров был задержан вражеский лазутчик. Им оказался китаец, владевший довольно сносно русским языком.

Узнав, что задержанный говорит на русском языке, полковник Юденич сам провел первый допрос. Ему уже было известно о том, что обычно пойманные с поличным японские шпионы не изворачиваются и не врут. Они знают, что по законам военного времени их в неприятельском стане ждет казнь через повешение. Русским же лазутчикам из числа местных китайцев японцы рубили головы мечами сразу же после допроса.

На допросе выяснилось, что переодетый в одежду китайского священника шпион был урожденным китайцем, служившим у японцев сперва полицейским, а затем переводчиком. На допросе выяснилось, что задержанный имел немалый опыт шпионской деятельности: он несколько лет проживал в Приморском крае, сперва на железнодорожной станции Раздольное, а затем во Владивостоке.

Пойманного вражеского лазутчика отправили под конвоем в штаб дивизии, где его допросили более обстоятельно. Военно-полевой суд приговорил его к смертной казни через повешение. Приговор был приведен в исполнение на глазах солдат маршевой роты одного из пехотных полков. Дозорные, задержавшие неприятельского шпиона, удостоились благодарности в приказе командира полка.

Война в Маньчжурии оказалась далекой от ее образа, который рисовался на академических тактических занятиях и полевых учениях виленских стрелков. Она, в первую очередь, показала свой суровый облик. Стрелки то совершали длительные марши по почти полному бездорожью, считая для себя удачей найти себе крышу на ночь в какой-нибудь китайской деревушке. То они закапывались в землю, роя километровые траншеи в рост человека, с тем чтобы через некоторое время или даже на сле-

люющий день оставить их, часто без боевого соприкосновения с японцами.

Юденич понимал, что война пока еще носит маневренный характер, что любой вырытый за день окоп может быть брошен уже к вечеру. И это будет сделано по воле старшего начальства, штабных оперативников, которые на карте старались переиграть неприятеля. Поэтому он старался ободрить подчиненных, показывая личный пример в тяготах жизни на войне. И старался как-то обустроить быт людей, избежать лишних потерь, заботился о раненых и их своевременной отправке в тыл.

Сослуживцы Н.Н. Юденича по Японской войне отмечали, насколько он серьезно относился к устройству полевых укреплений. Объяснялось это просто: командир виленских стрелков в первом же бою воочию убедился в том, какие излишние потери в людях можно понести от японской «шимозы», если нет надежных земляных укрытий. Поэтому за рытьем окопов в батальонах и ротах полковой командир наблюдал лично.

Еще во время полковых учений в Виленском округе полковник Юденич обучал ротных офицеров искусству полевой фортификации. Он объяснял, что мало отрыть окоп полного профиля — стрелки в нем должны иметь хороший обзор местности, чтобы неприятель не смог незамеченным близко подобраться к ним ни днем ни ночью.

Этим Николай Николаевич занимался и в Маньчжурии. Только здесь ситуация была иной. В большинстве случаев окопы отрывались среди полей гаоляна, заросли которого сокращали сектор обзора и стрельбы до двух-трех десятков шагов, а то и меньше. Полковнику приходилось, несмотря на просьбы китайцев — деревенских старост приказывать вырубать или вырывать гаолян на сотни метров перед траншеями. В таких случаях солдаты выстраивались в длинную линию и шли по гаоляновому полю, ломая перед собой руками и топча ногами стебли гаоляна, который к середине лета уже вымахивал в рост человека, а когда созревал, то делал в своих зарослях невидимым и всадника.

Такая полевая работа оказывалась для солдат утомительной. Но зато через несколько часов поле перед русскими позициями было чисто от зеленых зарослей: на земле лежали только сломанные стебли гаоляна. Становилось ясно и солдатам, и офицерам, что теперь японская пехота уже не сможет скрытно подобраться к их окопам, не сможет неожиданно, без криков «бан-

зай!», подняться в атаку. Виленские стрелки понимали, что это была забота о их жизнях со стороны полкового командира.

Для постороннего человеческого глаза поля высоченного гаоляна на равнинах Маньчжурии казались бескрайними. Они стали настоящим бедствием для воюющих сторон, что признавали и русские, и японцы. Уже после войны, в 1910 году, Н.Н. Юденичу довелось прочитать один из трудов Военно-исторической комиссии Генерального штаба, посвященном Русско-японской войне. О гаоляне там говорилось следующее:

«Гаолян — однолетнее травянистое растение рода сорго семейства злаковых. Гаолян в Маньчжурии был самым полезным, наиболее распространенным и крайне необходимым для населения.

Зерна этого растения, разваренные в воде, служили беднейшим жителям почти единственной пищей, кроме того, они шли на выделку «ханшина» или местной водки. Листья гаоляна служили кормом для скота, стебель — материалом для топлива, для устройства изгородей, крыш, потолков.

При этом гаолян был неприхотлив, рос на всякой почве, требовал очень мало удобрения и давал громадные урожаи.

Обширные поля высокого гаоляна оказались для наших войск совершенно новым и незнакомым им явлением крайне затрудняли ориентировку для непривычного человека, мешали начальству в руководстве войсками, уничтожали связь между войсковыми частями, затрудняли охранение и разведку давали больше выгод наступающей стороне, чем оборонявшейся, но исключительно при том условии, если в самом пользовании гаоляном уже приобретен известный навык.

Во всяком случае, поля гаоляна составляли одну из заметных особенностей края, много влиявших на чисто тактические подробности, а следовательно, и на результаты разыгравшейся борьбы».

Полковник Юденич относился к числу тех военных начальников, которые стремились скорее и полнее познать эти «тактические подробности» ведения боев среди зарослей гаоляна на Маньчжурской равнине. Лучшим свидетельством отдачи от таких познаний командира виленских стрелков были боевые потери среди полков 6-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии: 18-й полк почти во всех делах нес наименьшие потери. И в

обороне, и при наступательных действиях. Правда, такое положение сохранялось до Мукденского сражения.

Отличительной чертой Николая Николаевича и на Японской войне, и на последующей Мировой являлось то, что он стремился познать неприятеля, его сильные и слабые стороны, размышлял о том, как нейтрализовать первые и реализовать вторые. То есть командир полка был предельно вдумчив и не искал на войне «его величество случай».

Война на полях Маньчжурии велась в основном пехотой. Дела для кавалерии находилось на удивление редко. Японцы с начала войны постепенно научились у русских обстреливать окопы противной стороны прицельным огнем из винтовок. При этом вражеские стрелки старались подобраться как можно ближе. Однако Юденич быстро просчитал, что от такой пальбы большого урона понести было нельзя. Понимание этого позволяло ему реально прогнозировать боевую ситуацию.

Но это касалось только пехотного огня. Хуже было тогда, когда недостроенные позиции подвергались артиллерийскому обстрелу. Дело было даже не в плотности артиллерийского огня. Японские снаряды, начиненные шимозой (пикриновой кислотой в виде плотной мелкозернистой массы), рвались с оглушительным греском и по убойной силе заметно превосходили русские снаряды, начиненные пироксилином, взрывная мощь которых оказалась намного меньше.

Из этой непростой ситуации, которая исчислялась излишней потерей человеческих жизней, полковник Юденич нашел, как виделось его сослуживцам, оптимальный выход. Он старался выводить свои батальоны на новые огневые позиции под вечер, когда японская разведка многого увидеть не могла. За ночь стрелки успевали, обливаясь потом, вырыть окопы в полный профиль и подготовить укрытия от снарядных осколков. Когда по утрам неприятель обнаруживал новые позиции русской пехоты и начинал обстреливать их «шимозой», то проку от этого было уже мало: земляные брустверы «вбирали» в себя осколки и глушили силу взрывной волны.

Маньчжурская армия по воле ее командующего генерала от инфантерии А.Н. Куропаткина шаг за шагом отступала все дальше на север от осажденного Порт-Артура. Сибирские стрелки дрались мужественно, но при этом из-за плохого командования часто несли неоправданные потери. Почти каждый день из пол-

ка виленских стрелков уходили в Россию похоронки, подписанные полковым командиром. Это было горестное занятие — в такие часы полковник становился хмур и неразговорчив.

События, которые свершались помимо его воли, порой угнетали Николая Николаевича. Он видел, что у полкового священника в отдельные дни дел оказывалось невпроворот — тот едва успевал отпевать «убиенных» воинов, погибших «за Веру, Царя и Отечество» на чужой китайской земле.

Погибших в боях и умерших от тяжелых ранений хоронили, за редким случаем, в братских могилах. Когда на могилу бросалась последняя лопата земли, священник, еще совсем молодой человек, проникающим в душу голосом читал отходную молитву:

«Новопреставленных рабов Божьих, православных воинов, за веру, царя и Отечество на поле брани живот свои положивших: (перечислялись по именам) и их же имена Ты, Господи, веси, в недрах Авраама учинить, с праведными сопричтет и нас всех помилует и спасет, яко благ и человеколюбец».

После произнесения этой молитвы солдаты старательно равняли на чужой для них земле могильный холмик. Из обтесанных кольев ставили скромный крест, на нем чернильным карандашом старательно выводили имена захороненных здесь бойцов. Если их оказывалось много, то не писалось ничего.

После установки креста над могильным холмиком мелькали руки осенявших себя крестным знаменем стрелков. После этого толпа людей с непокрытыми головами медленно расходилась по ротам. В такие дни даже в короткое время приема пищи не слышалось ни шуток, ни смеха. Всем думалось о другом.

Война на полях Южной Маньчжурии шла своим чередом. Одна сторона настойчиво наступала, другая держала непродолжительную оборону и отходила, занимая, как казалось Куропаткину и его штабу, на выгодных рубежах новые позиции. 18-й стрелковый полк участвовал во многих боях. Среди них были такие, которыми виленские стрелки и их полковой командир могли гордиться. Таким оказалось славное для них дело под Янсынтунем.

Уже будучи в генеральских чинах, Николай Николаевич не раз наставлял подчиненных ему командиров примерами борьбы за Янсынтунь. Дело обстояло так. Виленские стрелки после очередного марш-броска назад заняли позиции на окраине этого большого китайского селения. Солдаты укрывались в наскоро

вырытых неглубоких еще окопах среди полей неубранной, но созревшей чумизы, над которой то там, то здесь возвышались гаоляновые «кочки». В ротах не хватало саперных лопаток, чтобы углубить окопы, соединить их в траншею, не было кирок, заступов. Поэтому приходилось порой ковырять землю и выбрасывать ее на бруствер голыми руками.

Японцы готовились к атаке. Их артиллерия, выдвинув батареи к передовой, время от времени совершала короткие огневые налеты на позиции русской пехоты. Снаряды рвались с недолетом, и потому раненых в полковом лазарете набиралось немного. Наши пушки пока молчали, ожидая начала вражеской атаки. Артиллеристы старались не показывать неприятелю свое расположение, поскольку время открытия огня для срыва атаки японской пехоты еще не пришло.

Юденич приказал полковому штабу разместиться в крайней глинобитной фанзе Янсынтуня. Солдаты проломили деревенскую стенку, чтобы имелся прямой выход в поле. В стене наделали бойниц для стрелков: командир полка мог теперь и без помощи бинокля обозревать позиции своих батальонов и рот перед брошенной жителями деревней.

Юденич тревожился, поскольку ожидал, по всем признакам, сильной неприятельской атаки. Он не зря поостерегся: высланные им в ночь усиленные секреты японцы к утру вытеснили на линию окопов и подобрались к ним на дальность ружейного выстрела. Более того, прикрываясь теменью, они произвели разведку боем. Однако виленские стрелки-сибиряки встретили атакующих силой до батальона винтовочными залпами. Японцы в том эпизоде не упорствовали и, потеряв два-три десятка человек убитыми и ранеными, сразу отошли на исходные позиции. На рассвете в бинокль было видно, как вражеская пехота скапливалась для новой атаки, но уже в гораздо более значительных силах.

Полковой командир мог быть доволен отражением ночной атаки. Убитых не оказалось, хотя раненых шальными пулями набиралось изрядно. Пришлось разгрузить ряд обозных повозок, чтобы раненых засветло отправить в тыл.

Из дивизии прибыл начальник штаба полковник Цихановский, с которым у Юденича состоялся резкий разговор: в полку не было ни одной карты местности. Без такой карты можно было и заблудиться среди китайских деревень, названия которых ни-

чего не говорили, и соседей справа и слева не увидеть. Цехановский признал правоту претензий командира 18-го полка, и уже к вечеру такие карты местности из штаба дивизии были доставлены нарочным. Теперь они имелись даже у каждого ротного начальника.

Атака Янсунтуня началась под вечер. Артиллерийский обстрел заметно усилился: вражеские батареи пристрелялись к позициям русской пехоты и снаряды теперь рвались близ окопов. Из рот доносили о потерях ранеными. Юденич, побывав в траншее ближайшей роты, приказал всему полку врыться в землю еще глубже.

Солнце уже клонилось к закату, когда выдвинутые вперед дозорные донесли о том, что неприятельская пехота изготовилась для атаки. Дозорам было приказано вернуться в цепь. Японцы пошли вперед совсем не так, как это делалось русской пехотой, которая наступала цепями. Вражеские солдаты поодиночке, группами в два-три человека пробегали с сотню шагов вперед и падали на землю. Было видно, как они лопатками или руками сразу же набрасывали перед собой небольшой холмик вспаханной земли. К передним подбегали еще и еще пехотинцы, и вскоре перед русской позицией залегла уже не одна цепь атакующих.

Так повторялось раз за разом. Под огнем виленских стрелков японцы приблизились к ним метров на пятьсот, и только после этого повели ружейную стрельбу, правда не прицельно. Неприятельские пехотинцы, как на учении, стреляли только по команде своих офицеров, или, как тогда говорили, «пачками».

Обстановка боя накалялась. Японские батареи усилили свой огонь, пристрелявшись к ближайшей окраине Янсунтуня. Штабная фанза была разрушена прямым попаданием снаряда, на счастье, в ту минуту полкового командира в ней не оказалось. Однако почти весь штаб оказался перераненным. От осколков пострадало и полковое знамя.

Юденич наблюдал за развитием вражеской атаки из пролома в деревенской стене. Снаряды рвались все чаще. На ружейную стрелкотню уже мало кто обращал внимание. В воздухе стоял удушливый запах шимозы. Бой только начинался и обещал быть трудным: перед позициями виленских стрелков скопилось до трех-четырех батальонов вражеской пехоты, а позади уже просматривались цепи второй атакующей волны или резерва.

От попаданий снарядов в деревне загорелось несколько домов. Последние жители ее, прихватив с собой самое ценное из имущества и подгоняя перед собой скотину, в панике покидали Янсынтунь, ища спасение в зарослях на берегу небольшой речушки, протекавшей вдоль дальней окраины селения.

Про полковника Юденича потом будут говорить, что он обладает удивительным чутьем начала вражеской атаки. Действительно, в тот день он тонко уловил, что через каких-то несколько минут японская артиллерия враз замолчит, и что эта внезапно наступившая над полем битвы тишина станет для вражеской пехоты, полукругом охватившей Янсынтунь, сигналом к решительной атаке.

Командир полка приказал ротам отражать атаку винтовочными залпами, разрешив вести прицельную стрельбу только тогда, когда японцы окажутся на расстоянии шагов в двести от окопов. Если они окажутся в сотне шагов — ротам подниматься в штыковую контратаку. Но преследование отступающих запретил, опасаясь, что расходившиеся стрелки могут опасно для себя увлечься, казалось бы, победным ударом в штыки.

Бой развивался так, как и ожидалось. Огневой налет полевых батарей внезапно прекратился. Японская пехота с завидным упорством, во весь рост и с криками «банзай», устремилась вперед. Когда ее передняя цепь оказалась в сотне шагов от русской позиции, стрелки поднялись в штыке. Японцы рукопашный бой не приняли и откатились назад. Ротным офицерам стоило немалых трудов вернуть стрелков обратно в окопы. Контратака принесла трофеи: несколько десятков брошенных японцами винтовок и еще большее количество патронных сумок.

Среди подобранных трофеев были японские котелки из алюминия. Поражала их легкость: русские солдатские котелки были заметно тяжелее, поскольку делались по старинке из меди.

Взятых пленных, ими оказались легкораненные рядовые пехотинцы, после перевязки отправили в штаб дивизии: знающих японских язык в полку не оказалось.

В тот день 18-й стрелковый полк отразил еще несколько атак, следовавших одна за другой. Иногда передовая вражеская цепь, пусть и поредевшая, подкатывалась почти вплотную к окопам русских. Тогда незамедлительно следовала лихая штыковая контратака: стрелки дружно «вылетали» из окопов на бруствер и бросались с криками вперед. В такую минуту смертельной опас-

ности над полем боя раздавалось не только благозвучное «ура». В рукопашных схватках бились и прикладами, и штыками, и кулаками.

Атакующие рукопашной не выдерживали и откатывались без всякой на то команды назад. Отбежав с десятков-другой шагов от окопов противника, они падали на землю и быстро ползли назад, опасаясь, что к ним пристреляются из винтовок. Удалившись таким образом метров на сто, японские пехотинцы вскакивали с земли и, низко пригнувшись, убегали в свой тыл — в ближайшую ложину или другое укрытие, которое даровала им местная природа.

Атаки прекратились только с наступлением полной темноты. Было ясно, что русские в тот день Янсынтунь отстояли. Высланные вперед секреты вновь стали стеречь подготовку неприятельского нападения. Но все было в ту ночь тихо: японскому командованию стало ясно, что позицию виленских стрелков «прямой» атакой не взять. Они бились мужественно и стойко, а самое главное умело, повинувшись воле полкового командира.

Под утро из штаба дивизии прискакал казак-конвонец с приказом оставить занимаемые у Янсынтуня позиции. Полк уходил, оставляя врагу китайскую деревню с ее разбитыми снарядами или сгоревшими фанзами и «обустроенное» за ночь солдатское кладбище в полсотню наспех вырытых могил. Тяжелораненые теснились на обозных повозках.

Стрелковый полк снялся с позиции на рассвете, когда предутренние сумерки и низко стелящийся туман еще покрывали землю. Стрелки отделениями и взводами отходили с линии окопов перебежками, пригнувшись как можно ниже. Японцы со своей линии изредка постреливали из винтовок в сторону Янсынтуня. Русские на эту «тревожащую» пальбу по приказанию Юденича не отвечали. Дозорные отходили последними, торопясь догнать свои роты и не потеряться.

Теперь вот и от этой китайской деревни, которую они так доблестно оборонили, приказано отступать. Полковник верхом на коне по пути сумел побывать в каждой роте. Стрелки урюмо брели по вспаханной земле. Не слышалось ни привычных в походе солдатских шуток, ни даже окриков унтер-офицеров в адрес отстающих. Ротные офицеры вполголоса осуждали очередной приказ Куропаткина об отступлении. Юденич их не одергивал, сознавая всю правоту высказываемых слов.

Бой за китайское селение Янсынтунь стал одной из самых главных в двух войнах — Японской и Первой мировой — страниц в биографии 18-го стрелкового полка, по тому времени одним из самых «молодых» в Русской армии. За проявленную стойкость и примерную храбрость полк высочайшим указом государя-императора Николая II удостоился особого почетного знака отличия, который стрелки — рядовые и унтер-офицеры — носили на головных уборах. На металлическом знаке была вышта надпись:

«За Янсынтунь. Февраль 1905 года».

Следует заметить, что ни одна воинская часть Маньчжурской армии больше не была отмечена коллективными наградами в дело под Янсынтунем. Такой чести удостоился только полк шпенских стрелков. (Подобные коллективные награды за другие «дела» получили многие воинские части, например 17-й и 20-й стрелковые полки.)

Николай Николаевич Юденич за умелое ведение боя на Янсынтуньской позиции удостоился высокой воинской награды, особо чтимой в Русской армии. Полковник был награжден Золотым оружием — офицерской саблей с надписью «За храбрость». Этим почетным наградным оружием он пройдет через две свои последующие войны — Первую мировую на Кавказе и Гражданскую на российском Северо-Западе.

Награждение отличившегося 18-го стрелкового полка и его командира состоялось под самый конец Русско-японской войны, уже после Мукденского сражения. Тогда в распоряжение полка, отведенного в тыл на отдых и для пополнения, прибыл генерал от инфантерии Алексей Николаевич Куропаткин.

Для вручения заслуженных наград полк был выстроен 5 мая как для парада. Куропаткин прибыл в сопровождении свиты под огромным белым стягом, увенчанным золотым крестом с надписью большими малиновыми буквами: «Командующий Маньчжурской Армией». Этот флаг был торжественно вручен ему перед отъездом из столицы в Маньчжурию Обществом хоругвеносцев. На войне шутники читали надпись как «Конная Маньчжурская армия».

За бои у Янсынтуня в каждой стрелковой роте появились первые Георгиевские кавалеры — обладатели серебряных Знаков отличия Военного ордена святого Георгия 4-й степени. На праздничном обеде каждый чин полка был «одарен чаркой» белого вина, то есть водки-«ханшинки».

Награждение полкового командира вылилось в отдельную церемонию перед строем героев минувших боев. Офицер штаба зачитал именной высочайший указ:

«Мы, Николай II, всероссийский император награждаем командира 18-го стрелкового полка Юденича Николая Николаевича Золотым оружием — офицерской саблей с надписью «За храбрость» за дело под Янсынтунем. Награда дается за храбрость, распорядительность в бою и умелое командование полком».

Золотое оружие именовалось Георгиевским: темляк сабли был приметных для глаза георгиевских оранжево-черных цветов. Историк-белоэмигрант А.А. Керсновский, говоря о наградной системе в русской армии, писал:

«Золотое оружие стало жаловаться еще Екатериной, статут же свой получило только с 1807 года. Первым кавалером — за Задунайский поход — был в 1774 году князь Прозоровский, впоследствии фельдмаршал. Всего при Екатерине было 117 кавалеров. При Павле золотое оружие не жаловалось, а при Александре I оно сделалось весьма распространенной наградой. В 1806 году оно пожаловано 59 лицам, в 1807 — 31. По введении статута было награждено в 1808 году — 240, в 1809 — 47, в 1810 (кампания Каменского) — 92, в 1811 (кампания нелюбимого Государем Кутузова) — 19. В 1812 году оно пожаловано 241 офицеру, в 1813 — 436, в 1814 — 249, в 1815 — 108. Ермолов поставил значение золотого оружия очень высоко. За все его славное главнокомандование на Кавказе было всего 20 золотых сабель».

С Паскевичем начался золотой дождь: за Персидскую и Турецкую войны (с балканскими походами) 1826—1829 годов — 349 кавалеров, за 1830—1831 годы (Польская кампания и добавочные за предыдущие) — 341, в полтора раза больше, чем за Отечественную войну! На Кавказе жаловали с большим разбором — в среднем около 15 за кампанию, причем в кампании 1831, 1832 (несмотря на Гимры) и 1849 годов вообще золотого оружия не было дано. Всего с 1831 по 1854 год выдано 229 сабель, а с 1856 по 1864 год (Барятинский, великий князь Михаил Николаевич) — уже 273. За Венгерский поход пожалована 121 награда (!), за Восточную войну — 456, за туркестанские походы — 61, текинские — 50, за Кушку — 3. За Турецкую войну 1877—1878 годов пожаловано 500 сабель (22 с алмазами), за Китайскую войну 1900—1901 годов — 48 и, наконец, за Японскую — 610 (7 с алмазами)».

Можно, конечно, упрекнуть генерала от инфантерии А.Н. Куропаткина в том, что он излишне щедро награждал Золотым оружием. Но то, что высшим российским командованием большая война на Дальнем Востоке была проиграна и на море, и на суше, нисколько не умаляет личного героизма русского офицерства в Порт-Артуре, в боях на маньчжурской земле, в Цусимском морском сражении. Одним из таких подлинных героев и был умелый командир 18-го стрелкового полка.

Через несколько дней после коллективного награждения виленских стрелков пришло время подлинной печали для русского воинства. 20 декабря 1904 года пал Порт-Артур. Своей стойкостью он с начала обороны крепости воодушевлял бойцов Маньчжурской армии: от нижних чинов и до генералитета, не одаривая при этом последних умением вести войну. О героизме порт-артурцев писалось в российской прессе много, и поэтому слово «капитуляция» прозвучало как гром среди ясного неба. Но тогда еще не знали о предательстве генералов Стесселя и Фока, сдавших японцам морскую крепость, которая могла держаться еще не один месяц.

Потеря Россией точки опоры на Квантунском полуострове сразу же сделала для нее Японскую войну иной. Натиск неприятеля на русскую Маньчжурскую армию заметно усилился: такое почувствовалось сразу после прибытия на театр войны изпод Порт-Артура осадной армии генерала Ноги. После этого главнокомандующий маршал Ивао Ояма возобновил наступательные действия.

18-му стрелковому полку после короткого отдыха в тылу было приказано выступить на линию фронта. Теперь виленских стрелков все чаще называли сибирскими, после пополнение всякий раз приходило в полк из Омского и Иркутского (больше всего) военных округов. Завязывались бои у Сандепу, где стрелкам полковника Юденича довелось отличиться вновь, о чем свидетельствовал приказ генерала от инфантерии А.Н. Куропаткина по войскам Маньчжурской армии.

Поскольку с берегов Невы, из Зимнего дворца, приходили от государя вежливые просьбы «что-то такое предпринять» и переломить ход Японской войны, Куропаткин решил провести наступательную операцию. Ее план особой мудростью не отличался: сдерживая вражеский натиск в центре еще не впечатляющей своей длиной фронтовой линии, контратаковать японцев у се-

ления Сандепу. Речь шла даже не о наступлении, а о контрударе. Большое (на карте) китайское селение Куропаткин со своим штабом посчитал «ключом» ко всей неприятельской оборонительной позиции.

Под Сандепу в первый же день намеченной операции, то есть 26 января 1905 года, начались тяжелые бои. 14-я пехотная дивизия генерал-майора С.И. Русанова, только недавно прибывшая на поля Маньчжурии из России (ее части квартировали в Кишиневе, Бендерах и Тирасполе), завязала на подступах этого китайского селения кровопролитное дело. В то время это слово было синонимом слова бой. В первые же дни боев полки дивизии — пехотные 53-й Волынский, 54-й Минский, 55-й Подольский и 56-й Житомирский понесли большие потери в людях.

Однако боевой дух в этих полках не угас. Сказывались традиции, особенно память о героических делах однополчан в минувшей Русско-турецкой войне 1877—1878 годов. За нее Волынский и Минский полки были награждены почетными серебряными Георгиевскими трубами: за отличия под Зимницей и Шипкой. Житомирский же полк получит такую же награду в Японской войне — за бои под Мукденом.

Юденичу довелось видеть атаки этих полков. Впрочем, впоследствии он не раз с горечью вспоминал виденные им на Японской войне атаки русской пехоты. Батальоны шли вперед стройными рядами, насколько позволяло поле боя, с офицерами вплоть до полковых командиров впереди. И доблестные полки 14-й дивизии атаковали неприятеля под Сандепу как на полевых учениях.

Потом, спустя годы, японские военные историки, скрупулезно исследовавшие опыт действия армии священного микадо в Маньчжурии, скажут: «Мы не думали, что русские будут так воевать». Действительно, атака силами целой пехотной дивизии позиции японцев, укрепившихся в Сандепу, выглядела внешне эффектной. Но когда русская пехота оказалась всего в 600—800 шагах и меньше от ближайших глинобитных фанз селения, она под ураганным неприятельским огнем — ружейным и пушечным — залегла в чистом поле, даже не окопавшись. Люди в течение шести часов пролежали на земле, покрытой тонкой коркой льда. В итоге атака захлебнулась. Санитары не успевали выносить в тыл раненых. Много тяжелораненых замерзло в поле.

Было видно и слышно, как русская артиллерия начала обстрел Сандепу, подготавливая своим огнем новую атаку. Но густой туман, который лег на землю, свел действенность силы огня полевых батарей до минимума.

Русановская 14-я пехотная дивизия, потеряв 1122 человека убитыми и замерзшими ночью в чистом поле, была вынуждена отойти на исходные для новой атаки позиции.

Командование Маньчжурской армии в деле при Сандепу проявило поразительное упорство, чего ранее за ним не замечалось ни в войсках, ни в штабе маршала Оямы, ни иностранными военными наблюдателями, ни фронтовыми корреспондентами. С 14-й пехотной дивизии задачи атаки и взятия Сандепу снимать не стали, решив ее усилить несколькими стрелковыми полками, в том числе 18-м полковника Юденича. Его ротам пришлось переправиться вброд через мелководную, илистую речку Хуньхэ напротив селения Чжантаня, после чего стрелки развернулись в цепи.

В тех событиях полковник Н.Н. Юденич командовал не только своим полком, но и всей 5-й стрелковой бригадой, в состав которой входил еще и 20-й стрелковый полк. Случилось такое по причине того, что бригадный командир генерал-майор Чурин, упав с лошади, повредил себе руку. Юденич, как старший из других офицеров, принял командование на себя.

Он командовал бригадой из двух стрелковых полков до выздоровления и возвращения в строй Чурина. Офицеры сразу признали над собой начальство одного из полковых командиров, и у того с ними каких-либо недоразумений не случилось. Это было лишь свидетельством «здоровой корпоративности» русского кадрового офицерства.

С начальником бригадного штаба полковником Генерального штаба Александром Владимировичем Геруа Юденич сдружился с первых дней. Геруа дослужится до чина генерал-лейтенанта, командира армейского корпуса в Первой мировой войне, которую начал командиром Лейб-Гвардии Волынского полка. До середины 1918 года служил в Красной армии, затем перебрался на юг России. В белой эмиграции, живя в Румынии (там он был председателем Союза инвалидов), стал известным военным писателем. После вступления советских войск в Бухарест в 1944 году был арестован органами СМЕРШ и вывезен в СССР. О дальнейшей судьбе А.В. Геруа ничего не известно.

Война на полях Маньчжурии не раз демонстрировала незнание местности благодаря отсутствию подробных карт и неумению штабистов ориентироваться в обстановке. Днем все четыре полка 14-й дивизии, «по собственной инициативе» провели лихую атаку западной окраины Сандепу. Волынцы, минчане, житомирцы и подольцы штыковыми ударами выбили японскую пехоту из окопов и под вечер заняли вражеские полевые укрепления.

Незнание местности в ходе боя привело к казусу, который, пожалуй, встречается на любой войне. Если, разумеется, она ведется на чужой территории. Оказалось, что атакующие захватили не окраину Сандепу, а расположенные перед ним в 400 метрах две деревушки — Баотайцзы и Сяосуцзы, хорошо укрепленные траншеями и стрелковыми ячейками. Русские пехотинцы после результативной штыковой атаки с удивлением увидели перед собой, за двумя прудами с глинистыми берегами, совершенно не тронутое артиллерийской стрельбой большое селение. Оно было обнесено земляным валом, рвом, засеками из срубленных деревьев и колючих кустарников, проволочными заграждениями и высокой глинобитной стеной. Над селением развивалось несколько японских флагов. То есть перед взорами предстало сильное для той войны полевое фортификационное сооружение.

Убедившись в том, что русские окончательно овладели деревнями за прудами, японцы стали обстреливать с близкого расстояния свои брошенные позиции из винтовок и пулеметов, для которых в глинобитной стене было пробито множество бойниц. Вскоре огонь повели неприятельские батареи. К вечерним сумеркам Баотайцзы и Сяосуцзы горели во многих местах. После того как в фанзах стали рваться боеприпасы, оставленные вражеской пехотой, роты подольцев и житомирцев оставили Сяосуцзы и укрылись за деревенской стеной, ища убежища и от пуль, которые густо летели со стороны Сандепу.

Японцы, удостоверившись в том, что русские оставили горящую Сяосуцзы, начали атаку противника со стороны Датая. Но неожиданно для себя они встретили на пути стойкое, а потом и отчаянное сопротивление 54-го Минского пехотного полка. Тот попал в сложное положение, оказавшись под ударом превосходящих сил неприятеля. Тот, поняв, что перед ним слабый заслон, стал наращивать атакующие усилия, вводя в бой все

новые и новые батальоны пехоты. Чувствовалось, что минчане хоть и храбро, но держатся уже из последних сил.

В эти минуты к ним на помощь и подоспел 18-й стрелковый полк с двумя приданными ему ротами сапер. Полковник Юденич повел в бой своих стрелков после того, как последняя рота перешла через Хуньхэ на противоположный берег и залегла под речными обрывами. Николай Николаевич и без помощи оптики видел, как складывался для Минского полка оборонительный бой.

Командир виленских стрелков на тот день имел совсем иную, не атакующую задачу. Двум ротам сапер, которые были отданы под его начальство, было приказано «укрепить Сандепу для последующей его обороны». Уже само содержание такого приказа свидетельствовало о том, что корпусное начальство обстановкой под Сандепу никак не владело. В ином случае такой приказ отдан быть не мог.

В наступавших сумерках Юденич сумел разобраться в сложившейся обстановке. При свете горящей китайской деревни было заметно, как японская пехота скапливается для новой атаки русской позиции. На речном берегу хорошо прослушивался шум идущего поблизости боя. Неприятель пока не замечал появления русских стрелков на берегу Хуньхэ.

Командир 18-го стрелкового послал не одного вестового к своему начальству за новым приказом, исходя из реалий сложившейся обстановки у Сяосуцзы. Но не один вестовой, словно канув в ночь, не вернулся назад. Тогда Юденич решил действовать инициативно, на свой страх и риск, подал помощь пехотинцам Минского полка, которые продолжали удерживать свои позиции, отражая атаки японцев то винтовочными залпами, то бросками в штыки.

Приказав оставить на речном берегу все тяжести, в том числе и вещевые мешки, Юденич в ходе очередной атаки японской пехоты ударил ей во фланг. Успех превзошел все ожидания: неприятель, оказавшись под двойным ударом (минчане, получив неожиданную поддержку, поднялись в контратаку), стал спасаться бегством в близкое Сандепу, преследуемый виленскими стрелками.

Казалось, что русским удастся с ходу ворваться на южную окраину этого большого китайского селения. Но перед самой деревенской стенкой атакующие стрелки были встречены таким

яростным огнем из пулеметов и винтовок в упор, что вынужденно залегли и ползком отошли назад. При свете горящих фанз Сяоцзы японцы достаточно хорошо просматривали подступы к укреплениям Сандепу с этой стороны и могли вести прицельную стрельбу.

В темноте стрелки укрылись за крепкой глинобитной стеной горячей Сяосуцзы, где уже скопились пехотинцы наступающих Подольского и Житомирского полков. Вражеские пули не пробивали стенку, и в такой более спокойной обстановке командиры полков и батальонов смогли навести порядок среди перемешавшихся нижних чинов. Ротное начальство до младших унтер-офицеров срывали голоса, собирая вокруг себя солдат. Наступила ночь, но перестрелка все не утихала.

Решив не выходить из боя, то есть не отходить к берегу Хуньхэ, полковник Юденич развернул несколько своих рот в цепь. Туда же были отправлены лучшие стрелки из оставшихся за стенкой рот. Цепь, как боевое охранение, в темноте выдвинулась на близкие подступы к Сандепу. Стрелки стали прицельно бить по вспышкам ружейных выстрелов из бойниц стены Сандепу, начали прицеливаться и к пулеметным гнездам японцев, устроенных на земляном валу.

Ночью пришел приказ корпусного командира, который подтверждал ранее полученный приказ овладеть «редюитом Сандепу». Под полевым укреплением понималось «важное на карте» селение Сандепу, почти не тронутое артиллерийским огнем. Командир корпуса собственноручно повелевал командиру 14-й пехотной дивизии генерал-майору С.И. Русанову:

«Проведенную атаку 14-й одобряю, благодарю полки за героизм. Приказываю взять редюит Сандепу. Приду к вам на помощь, но не сейчас. В добрый час, с Богом».

Но одно дело было ставить боевую задачу, а другое — ее исполнять. Одна-единственная пехотная дивизия, только-только прибывшая в Маньчжурию из России, по сути дела еще не обстрелянная, взять такой оборонительный узел, как Сандепу, не могла. Пехотинцы не спали уже третьи сутки подряд, горячей пищи не видели, сухарей из тыла не подвозили. Патроны подходили к концу, должной поддержки артиллерии все не было. Командиров стало пугать то, что солдаты засыпали в поле прямо под разрывами вражеских снарядов. Ротные санитары выбивались из последних сил, а раненых все не убывало.

Командир 14-й пехотной дивизии генерал-майор Русанов, по настоянию своего начальника штаба полковника Трегубова, устроил военный совет с командирами своих полков. Был приглашен и полковник Юденич, который так удачно помог минчанам отразить вражескую атаку. На совете было принято следующее решение: не закрепляться на ближних подступах от петронутого артиллерийским огнем Сандепу, а отступить от этого китайского селения во избежание новых неоправданных потерь в людях.

Отход с поля боя осуществлялся ночью небольшими группами, чтобы не привлекать к себе внимание японских батарей. 18-й стрелковый полк, унося раненых и погибших, отошел к деревне Вандзявопу, стоявшей на берегу Хуньхэ. Выгоревшая дотла Сяосуцзы и погоревшая во многих местах Баотайцзы возвращалась неприятелю, который утром поспешил занять эти укрепления своей пехотой.

Юденич уводил бригаду, которая находилась под его временным командованием, назад с тяжелым сердцем. Отход русских от Сандепу понимался как понесенное на войне поражение. Тогда он еще не знал, что бесплодный штурм японских позиций под этим китайским селением силами всего одной пехотной дивизией обернется большой неудачей для всей Маньчжурской армии. Известие о понесенных потерях, а они оказались значительными, только усугубит общее уныние отступавших к северу в очередной раз по приказу Куропаткина русских войск.

Хотя русские отступили от самого Сандепу, ожесточенные вблизи его, в излучине реки Хуньхэ, продолжались. 20 января 5-я стрелковая бригада совместно с 1-й стрелковой бригадой (ее начальником штаба был полковник Лавр Георгиевич Корнилов, будущий Верховный главнокомандующий России и вождь Добровольческой армии) атаковали японцев, укрепившихся в одной из китайских деревень. Стрелкам пришлось пробиваться вперед сквозь сильный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь, бивший почти в упор. Все же деревня была взята хорошо скоординированным приступом с двух сторон. Японцам пришлось спешно отступать из нее к Сандепу.

В том бою за безвестную китайскую деревню полковник Н.Н. Юденич получил ранение в левую руку. Опасным оно, к счастью, не оказалось, и после перевязки он остался в строю. Это было его первое ранение на войне, но не последнее.

Японская сторона не сразу поверила в то, что в деле при Сандепу ей одержана большая победа. Но когда стало ясно, что продолжения столкновения здесь не будет и что русские начали отход в северном направлении, японское командование сочло состоявшийся бой за свою викторию. Во фронтовых сводках, которые поступили в столицу Страны Восходящего Солнца, рапортовалось:

«Доблесть воинов императорской армии. Отступающие русские силами многих пехотных полков атаковали день и ночь позиции нашей пехоты у селения Сандепу. Но храбрость солдат и офицеров микадо не позволила им ворваться в него. Противники — пехотинцы и сибирские стрелки — понесли большие потери, которым не было равных со времени боев на реке Шахэ».

С ситуацией на полях Маньчжурии полковник Н.Н. Юденич разбирался вполне. Ему, недавнему выпускнику Николаевской академии Генерального штаба, было ясно: корпусные командиры генералы Гриппенберг и Штакельберг перемудрили, а Куропаткин, при всех его прошлых боевых заслугах, вновь оказался не на высоте. Было от чего печалиться. Суворовским духом «Науки побеждать» в Японской войне и не пахло. И время было не то, и военачальники были не те.

Николая Николаевича больше всего поражало то, что в Маньчжурской армии царил дух не одобрения любой инициативы, даже в ситуации боя. Такая атмосфера царил не только в штабе Куропаткина, но и в корпусных штабах. То, что разумное самостоятельное решение не приветствовалось высоким начальством, стало в Японской войне настоящей трагедией для старшего состава русского офицерства. Они понимали, что так воевать нельзя.

Юденичу не раз приходилось сталкиваться с осознанием того, что его инициативность «ограждена» со всех сторон осторожнейшими приказами свыше.

Показательным стал такой случай. От местных китайцев стало известно, что часть японской пехоты, укрепившейся в деревне Тхоудолуцзы, по какой-то причине оставила ее и спешно ушла в сторону недалекой железной дороги. Против Тхоудолуцзы тогда занимали позицию виленские стрелки. Полковник Юденич, проверив полученную информацию, спешно запросил корпусной штаб о разрешении ему атаковать деревню. Командир 18-го стрелкового полка рассчитал, что для ночной атаки

вражеской позиции будет вполне достаточно одного стрелкового батальона и полковой пулеметной команды.

Полученный из штаба корпуса запрет был категоричен. Такой отказ на просьбу проявить частную инициативу на войне командир виленских стрелков ожидал получить меньше всего. Корпусной командир отвечал полковнику Н.Н. Юденичу:

«Атаку ночью Тхоудолуцзы не разрешаю. Вы рискуете потерять много людей заблудившимися и отрезанными от своих. Берегите своих людей. Не ввязывайтесь в случайные бои».

Приказ есть приказ, его следовало исполнять. Солдат Юденич берег и без указания свыше. Делал он это так, как только такое было возможно на войне. Но вот с тем, что ему не следовало «ввязываться в случайные бои» с японцами, Николай Николаевич согласиться никак не мог. На то и была бескомпромиссная война, чтобы изо дня в день сражаться с врагом за окончательную победу. Тем более что побед действительно больших в Маньчжурии русское оружие пока не видело.

Николай Николаевич не оставил после себя мемуаров о Японской войне. Но он был хорошо знаком со многими опубликованными воспоминаниями. Он особенно отличал среди прочих мемуаров небольшую по объему книгу Ф.В. Ковицкого под названием «Японцы о боях у Сандепу», с которой ему довелось познакомиться еще в рукописи. Больше всего в ней Юденича поразило заключение:

«Так закончилась эта операция, единственная в своем роде даже в ряду наших непрерывных несчастий минувшей кампании, операция, представлявшая собой яркое воплощение нашей робкой, схоластической стратегии, нашей бесталанности, нашей растерянности. Та развращающая боевая обстановка, в которой уже 10 месяцев воспитывались наши войска при содействии губительной системы постоянных отступлений и неизменных запугиваний силой и искусством неприятеля, в Сандепу уже давала свои плоды и сильнее вражеских пуль и штыков разрушала нашу армию. Бои у Сандепу наглядно показали, как сильна была наша вооруженная сила в материальном отношении, но как слаба она была уже в то время духом, боевым воодушевлением, способностью к смелым наступательным действиям.

В каждом неприятельском отряде, каков бы он ни был, мы видели превосходные силы, каждый энергичный шаг противника быстро приводил нас к сознанию невозможного сопро-

тивления. Если сопоставить наш способ действий в январской операции с японским, то получится любопытная картина: мы начали наступлением, а кончили обороной, японцы начали отчаянной обороной, едва державшейся против наших подавляющих сил, а кончили смелым наступлением.

Начав операцию с огромным количеством войск (2-я Маньчжурская армия к началу боев за Сандепу состояла из 123 батальонов пехоты, 92 эскадронов и сотен конницы и 436 артиллерийских орудий), мы с каждым днем, точно утомляясь, вводили в дело все меньшие и меньшие силы; неприятель же, имевший в первые дни боев совершенно ничтожные силы, удесятирил их в течение 2—3 дней нашего вялого наступления.

Откуда у нас эта робость мысли, вялость воли, боязнь всего решительного, смелого, наступательного? Откуда эта подавленность воинского духа, эти разрушительные для военного дела пассивно-оборонительные идеи, что так крепко опутали деятельные силы нашего военного дела?

Опыт маньчжурской войны нестерпимо тяжел для нас не только в прошлом, но и в настоящем, и в будущем; и по мере того, как исторические исследования будут открывать перед нами завесу, скрывающую то действительное положение нашего противника, в котором он был в боевых столкновениях с нами, горечь наших поражений будет чувствоваться все глубже и все сильнее».

С мыслями Ковицкого можно было и соглашаться полностью, и не соглашаться во многом, и полемизировать. Николай Николаевич волей судьбы прошел через основные события войны на полях Маньчжурии и потому не мог не верить (и не видеть) силу духа его виленских стрелков. Наступать русским войскам не позволялось свыше. Нижние же чины японцев никак не боялись: лучшим свидетельством тому было огромное желание их ходить на врага в штыки. Но такой порыв, привычный духу русского воинства с времен незапамятных, Куропаткин и «иже с ним», не использовали.

Причина поражений, как считал Юденич, крылась изначально в том, что командование русской Маньчжурской армией с первых дней войны стало отдавать своему супротивнику инициативу в действиях. Когда оно поняло, что инициатива оказалась полностью в руках японцев, Куропаткин почти не пытался перехватить ее, чтобы тем самым переломить ход войны. Если и

пытался, то такие его действия отличались крайней нерешительностью, осторожностью и поразительным безволием.

Дело под Сандепу стало очередным и очевидным поражением русского оружия. Куропаткин же продолжал вести войну «отступательно». На этом строилась не только его тактика, но и стратегическое поведение на полях Маньчжурии. Русская армия на этот раз отступала от Сандепу. На вытопанной равнине колыхалось, как море, бессчетное число вооруженных людей, обозных повозок, артиллерийских упряжек. Конники с трудом прокладывали себе путь сквозь походные порядки пехоты. Грязь проселочных дорог превратилась в липкую жижу, которая облепляла всех и все. В ходе отступления «на новые, более удобные позиции» случалось всякое. Эти случаи учили Юденича фронтовому уму-разуму. Такая наука пригодится ему ровно через десять лет на Кавказе, на протяжении почти всей Первой мировой войны, которую он успешно вел в горах Турецкой Армении.

Особенно запомнился такой трагический случай. Из России в Маньчжурию только-только прибыл пехотный Нейшлотский полк. Во время походного движения головная рота близ насыпи железной дороги увидела в кустах нескольких читинских казаков-бурят, кипятивших на костерке чай. Их монгольские лица и оранжевые околыши фуражек ввели еще не опытных пехотинцев в опасное заблуждение. Забайкальских казаков приняли за вражеский кавалерийский разъезд: рота нейшлотцев по команде залегла и открыла по казакам беглый огонь.

Но это было еще не все. Пули запели над пехотным батальоном, который двигался по параллельной дороге за спиной залегших в кустах казаков. Батальон тоже залег и открыл ответный огонь. Хотя недоразумение быстро прояснилось благодаря бесстрашному поступку одного из офицеров, который на коне вынесся между стреляющими и замахал руками, итог случившегося оказался печален. Четверо солдат было убито в перестрелке, а еще семнадцать человек получили пулевые ранения.

Война шла своим чередом: японцы старались действовать наступательно при равенстве в силах, Куропаткин во всех случаях, даже тогда, когда виделось победное окончание дела, приказывал только отходить и отходить. Так постепенно война переместилась из Южной Маньчжурии в Центральную, где она, собственно говоря, и завершилась.

Последним крупным сражением Японской войны в Маньчжурии стало Мукденское, состоявшееся в марте 1905 года. Сражение русской армией из-за бездарности ее командования было проиграно, но полковому командиру виленских стрелков, герою Янсынтуня и Сандепу, довелось в том деле отличиться, прославив свое имя.

На поле брани события разворачиваются обычно по воле военных вождей. Так было и под Мукденом. По воле судьбы 18-й стрелковый полк оказался на острие удара японской армии генерала Маресуке Ноги, которая по приказу маршала Ивао Оямы в Мукденской битве совершала фланговый охват противника. В случае успеха задуманного неприятельским полководцем маневра русским грозило если не полное окружение, то появление крупных сил японцев у себя на фланге занимаемой позиции.

События под Мукденом разворачивались следующим образом. Японский главнокомандующий, благодаря хорошо поставленной разведке, смог достаточно точно установить расположение русских войск перед городом Мукденом. Их полевая позиция была хорошо укреплена в фортификационном отношении: на десятки верст тянулись линии окопов полного профиля, земляных фортов, которые составляли дугу, прикрывавшие собой девять наведенных мостов через широкую здесь реку Хуньхэ. Хорошо укрепленной виделась линия обороны между деревнями Мадяпу и Хоуха. На правом берегу реки линия окопов и редутов тянулась до города Фушунь. То есть в инженерном отношении оборонительная линия под Мукденом виделась не только хорошо оснащенной, но и профессионально продуманной.

В ходе сражения русские войска могли использовать как защитное сооружение естественные препятствия. Ими была старая железнодорожная насыпь высотой от трех до пяти саженей, которая тянулась по равнине от Мадяпу на пятнадцать верст. Эта насыпь представляла собой отличное укрытие для пехоты от огня артиллерии и для ведения огневого боя. Можно было хорошо держаться и за цепь больших песчаных бугров, которые тянулись почти перпендикулярно насыпи и могли быть за день-два укреплены окопами каждый на пехотный взвод и более.

В окрестностях Мукдена можно было почти без всякого фортификационного труда использовать как важный пункт позиционной обороны императорские могилы-усыпальницы богдыханов Циньского Китая из правящей маньчжурской династии. Они

компактно располагались всего в четырех верстах к северо-западу от города. Обширная роща вековых деревьев окружала старинные каменные кумирни, каждая из которых могла послужить в войне своеобразным фортом. Однако генерал от инфантерии А.Н. Куропаткин, из уважения к религиозным чувствам китайцев, так и не решился в ходе Мукденского сражения занять войсками императорские могилы.

Битва под Мукденом проходила в самых благоприятных метеорологических условиях для сторон: на этот раз противники не испытывали прежних трудностей с коммуникациями. Первые морозы превратили дорожную грязь в пока еще слегка промерзший грунт. Теперь ни обозные повозки, ни артиллерийские упряжки уже не тормозили походное движение не только пехоты, но даже кавалерии.

Ситуация под Мукденом для во всем осторожного Куропаткина выглядела вполне «надежной». Теперь русская армия имела для очередного отхода на север два удобнейших пути. Первым могла стать железная дорога. Вторым — так называемая Мандаринская дорога: по ней когда-то шествовали торжественные процессии маньчжурских императоров и катили колесницы их чиновников-мандаринков. От них дорога близ Мукдена и получила свое историческое название.

В штабах маршала Ивао Оямы и генерала А.Н. Куропаткина виделись и слабые стороны мукденской позиции русской армии. Впрочем, в этом ничего особенного не было. Любая полевая оборонительная линия всегда где-то смотрится слабее. Русская позиция под Мукденом могла быть обойдена японцами с левого фланга по долине реки Лялхэ. Да и к тому же здесь русский правый фланг не имел серьезных укреплений. Поэтому опасность обходного маневра наступающего неприятеля была и реальна, и велика.

Сторонами понималось, что предстоящее сражение должно было стать если не решающим, то самым крупным в ходе войны. Исходя из этого, маршал Ивао Ояма расположил свои армии следующим образом. Восточнее всех — на левом берегу реки Тайцзыхэ наступала армия генерала Кавамуры. В центре наступали армии генералов Куроки, Нодзу и Оку. А западнее, на левом фланге, вперед продвигалась бывшая осадная армия Ноги, прославившая себя взятием Порт-Артурской крепости, хотя и понесла там тяжелые потери.

Ни одна из сторон не могла безоговорочно рассчитывать в Мукденском сражении на победу: силы оказались примерно равными. Исход генеральной баталии, а она действительно в истории Русско-японской войны оказалась таковой, во многом зависел от полководческого искусства, даже не от таланта двух военных вождей — Куропаткина и Оямы. Потому что их воле в те дни подчинялись сотни тысяч вооруженных людей, которые на китайской земле решали спор двух империй за гегемонию на Дальнем Востоке.

Казалась, сама судьба давала полковнику Н.Н. Юденичу (командование бригадой он сдал выздоровевшему генерал-майору Чурину) тяжелый по исполнению шанс отличиться вновь на поле брани. Его виленские стрелки оказались в числе войск, расположенных на самом крайнем правом, западном, фланге русской позиции. Именно здесь японское командование наметило нанести сосредоточенный удар.

18-му стрелковому полку была «нарезана» оборонительная позиция в несколько верст, проходившая по полям гаоляна. Урожай его был убран еще осенью, и теперь из промерзшей земли густо торчали острые обрубки жестких стеблей. В полковом тылу протекала река Хуньхэ и проходила Мандаринская дорога, грунтовая, но хорошо укатанная за несколько веков. Река в феврале еще была покрыта крепким льдом, и пехота могла везде без опаски переходить ее. Но для тяжелых обозных и артиллерийских повозок приходилось делать настилы из досок или толстых связок стеблей гаоляна.

Полковой командир приказал виленским стрелкам обустроить новую позицию, то есть «вгрызаться» в промерзшую землю, устраивая линию окопов и убежищ для людей от артиллерийского огня. На два-три дня солдаты, исключая боевые дозоры, превращались в землекопов.

Перед началом Мукденского сражения в полк Юденича доставили долгожданное для всех лекарство. Им оказался чай с клюквенным экстрактом, по вкусу и цвету мало чем напоминавший настоящий китайский чай. Однако в Маньчжурской армии знали истинную цену этому напитку, который с 1905 года прочно вошел в быт русской армии. Приказ о строжайшем запрещении пить сырую воду спас в Маньчжурии русские войска от самого страшного бича всех больших прошлых войн — тифа, «черной болезни», которая косила людей чаще, чем пули и снаряды. По-

тому в походных госпиталях под Мукденом впервые раненых оказалось больше, чем тяжелобольных.

Позиции полка были оборудованы за два дня. Были пополнены запасы патронов и провианта. Налажено по договоренности взаимодействие с соседними пехотными частями, с артиллерией, расположившейся в тылу. В донесении, отправленном в штаб дивизии на другой день, Юденич высказал опасение в том, что не видит перед полковыми позициями конной разведки, которая одна могла «заглянуть» хотя бы на десяток верст вперед.

Из дивизионного штаба ему ответили, что высказанные опасения совершенно напрасны. Было сказано, что генерал Бильдерлинг готовится послать к реке Ляохэ несколько конно-охотничьих команд для ведения разведки, так что незамеченными японцы, даже в малых силах, на фланге появиться никак не смогут. Однако сказанное не успокаивало, и полковой командир приказал выдвинуть дозорных и на день, и на ночь далеко вперед от занимаемой позиции — на полверсты вперед.

Мукденское сражение завязалось не по воле Куропаткина. Оно началось с того, что маршал Ивао Ояма приказал наступать сперва на своем правом фланге. Там сразу завязались ожесточенные бои, и главнокомандующий русской Маньчжурской армии уже в самом начале битвы допустил стратегическую ошибку. Под впечатлением упорства атакующих японцев, особенно их гвардейской пехотной дивизии, он приказал под грохот артиллерийской канонады перебросить немалую часть своих резервов на опасный участок, то есть на левый (восточный) фланг.

Об этом быстро стало известно японскому командованию: появление на фланге свежих бригад и полков пехоты, батарей полевой артиллерии, сразу же вступавших в дело, не заметить было трудно. Это было как раз то, на что рассчитывал маршал Ояма. Он стал незамедлительно приводить в действие свой дальнейший план на сражение.

Как только японская разведка дала проверенные данные о том, что большая часть резервов противника увязла в боях на своем левом фланге, в движение пришла осадная армия генерала Марисуке Ноги. Она двинулась долиной реки Ляохэ в обход западного фланга русской позиции, соблюдая при этом возможные меры предосторожности.

Японское командование было немало удивлено откровенной беспечности русских. Противник не удосужился выслать в реч-

ную долину даже ни одной дозорной казачьей сотни или выставить на близлежащих к речной долине высотах казачьи конные пикеты. Тогда бы скрытное обходное движение многих тысяч людей пусть с небольшими обозами, но зато с немалым количеством артиллерийских батарей, не осталось бы незамеченным. Но такая беспечность в самом начале Мукденского сражения генералом Бильдерлингом была допущена.

Приказ армии генерала Ноги о переходе в наступление маршалом Ивао Оямой был отдан 13 февраля 1905 года. В этот день Марисуке Ноги начал свой известный в мировой военной истории фланговый обход позиции русских, для которых Мукденское сражение обернулось первым полным поражением в Японской войне и новым отходом на север.

Ноги действовал осмотрительно, выслал вперед, как армейский авангард, кавалерийский отряд генерала Тамуры. Тот беспрепятственно перешел через Ляохэ и осторожно двинулся по правому берегу реки на север. Для наступающих стало полным откровением то, что их противник, обладавший превосходством в коннице, не берет в деле под Мукденом собственные фланги. Тем более что их действительно можно было легко обойти или охватить даже при равенстве сил.

Начало охватывающего движения армии генерала Ноги проходило более чем удачно для большой войны. Три его пехотные дивизии, резервная бригада и артиллерия наступали тремя походными колоннами в 25-верстном промежутке между рекой Ляохэ и селением Сыфонтаем. Высланный вперед кавалерийский отряд генерала Тамуры все еще не видел перед собой боевого охранения или разведки русских.

Только 14 февраля ночью дозоры казачьего отряда генерала Грекова, стоявшего у деревни Убанюлу, обнаружили авангардные части неприятеля. Греков постарался «определиться» во вражеских силах, что ему вполне удалось. Первое сообщение о том, что на правом фланге появились значительные войска японцев, должны были послужить сигналом тревоги для Куропаткина и оперативных работников его штаба. Для этого было достаточно взглянуть на карту равнины под Мукденом. Но такой тревожности сразу как-то не случилось.

Тем временем генерал Греков, встревоженный донесениями дозорных казачьих пикетов, которые поступали к нему один за другим, выслал на разведку несколько сотен забайкальцев. Те

быстро донесли, что японцы идут в трех колоннах силами не менее трех пехотных дивизий с артиллерией. Другие вражеские силы, шедшие в арьергарде, пока с прибрежных высот не просматривались и знать о себе ничем не давали. Об истинной численности наступавших в охват фланга японцев можно было только догадываться.

Генерал Бильдерлинг, командовавший войсками западного крыла мукденской позиции, донесениям Грекова значения не придавал. Скорее всего, он не поверил в то, что японцев оказалось в долине реки Ляохэ так много. Бильдерлинг принимает поразительное в той войне решение: отвлечь внимание наступающего неприятеля от своего фланга демонстративными действиями нескольких конно-охотничьих команд (!). Естественно, что опытный генерал Марисуке Ноги на такую уловку не попался. Более того, он сумел разгадать ее суть.

Все же на правом фланге русской позиции была поднята тревога. Из штаба дивизии от имени ее начальника в 18-й стрелковый полк, Юденичу, с конным нарочным незамедлительно посылается записка следующего содержания:

«Противник силами больше двух дивизий пехоты наступает по реке Ляохэ. Японцы уже вышли нам во фланг. В случае атаки вашей позиции полку предписывается ее удержать. Полагаюсь на вашу твердость и храбрость стрелков. Подкрепить резервами не могу».

Вскоре из штаба дивизии пришло еще одно сообщение: японцы всеми своими движениями показывают решимость атаковать фланговые позиции сибирских стрелков. И что авангард неприятеля с часу на час должен показаться перед 18-м стрелковым полком. Говорилось и о том, что казачьи сторожевые пикеты отозваны назад и теперь следовало полагаться на бдительность голько своих дозорных.

Уже после Японской войны Николай Николаевич Юденич, дослужившийся до генеральского чина, даст на штабных учениях в Казанском военном округе при разборе хода сражения под Мукденом самую высокую оценку действиям командующего неприятельской армии. Марисуке Ноги действовал смело: одной своей походной колонной он решил атаковать русских во фланг, связать стоявших там сибирских стрелков активным боем. А двум другим походным колоннам приказывалось совершать обходной марш по долине реки Хуньхэ.

Неприятель появился перед позициями полка только поздно вечером. Японцы пошли в первую же атаку густыми пехотными цепями, откровенно намереваясь в первом же натиске ворваться в русские окопы. Двигались они по полю короткими перебежками, порой припадая к земле, словно ожидая винтовочных залпов и пулеметных очередей со стороны противника. Когда передняя цепь приблизилась к окопам виленских стрелков шагов на пятьсот-шестьсот, то вражеские пехотинцы, как по команде, залегли на поле убранного гаоляна и по привычке стали окапываться, выбрасывая перед собой саперными лопатками кучки земли. В это время подтянувшаяся японская артиллерия начала обстрел позиции полка Юденича.

Как всегда бывает на войне, оглушительный разрыв артиллерийских снарядов прекратился внезапно, как и начался. Японские пехотинцы по команде своих офицеров, размахивающих мечами, поднялись из вырытых неглубоких окопчиков и с криками «банзай» устремились вперед. Теперь они старались изо всех сил как можно быстрее добежать до русских окопов.

Виленские стрелки начали огневой бой дружным залпом и пулеметными очередями. Второго залпа у них уже не получилось: солдаты стали палить «пачками», затем сбились на одиночную, беспорядочную стрельбу. Под убийственным огнем атакующие, долго не упорствуя, отхлынули назад, на линию своих окопчиков, стараясь при этом вынести из боя своих раненых. В это время вновь заговорили вражеские батареи, и вовремя: один из батальонов 18-го стрелкового полка дружно поднялся из траншеи в штыковую контратаку.

Весь день на позиции виленских стрелков шел ожесточенный бой. Японцы раз за разом то бросались в атаку, то вели артиллерийский огонь. Им отвечали огнем из винтовок и пулеметов и неожиданными ударами в штыки. Под вечер у полковника Юденича под рукой не осталось созданного им резерва из одной стрелковой роты и двух пулеметных расчетов. Такой же ожесточенный бой вели и соседи 18-го стрелкового полка — сибирские стрелки. Они держались столь же мужественно и стойко.

Под самый вечер русские батареи, выслав на передовую корректировщиков огня, пристрелялись к расположению японской пехоты. День закончился атакой русских стрелков, которая во многих местах завершилась рукопашной схваткой. В сумерках японцы отошли назад, в долину реки Ляохэ. Их не преследовали.

Генерал Бильдерлинг не стал вводить в дело казачий отряд Грекова, хотя для удачной конной атаки имелись хорошие условия.

Тот бой с авангардом армии генерала Ноги, выпавший на долю виленских стрелков оказался не из легких. Поэтому хвалиться японцам легкой победой не приходилось, да и людей за день они потеряли много. После войны Николай Николаевич, много читавший о войне на полях Маньчжурии — исследованный, мемуаров, исторических очерков — столкнется с описанием тех событий. Тогда ему попал в руки перевод книги Барцини «Японцы под Мукденом». Автор так писал о столкновении японской пехоты из армии генерала Ноги с сибирскими стрелками:

«Когда положение левофлангового полка, действовавшего против Юхунтуня, сделалось отчаянным, — полк понес страшные потери, патроны вышли, часть ружей испортилась, — то командир полка, полковник Текаучи, суровым голосом кричит всего два слова «до смерти». Наконец, он принимает отчаянное решение и хочет броситься на врага, чтобы покончить чем-нибудь. Он требует к себе следующего по старшинству офицера, майора Окоши, и говорит ему:

— Я решил сегодня вечером атаковать, и все мы, наверное, погибнем. Возьмите поэтому полковое знамя и спрячьте его, а бригадному командиру расскажите о случившемся.

Майор просит освободить его от этого поручения и позволить принять участие в атаке, но полковник приказывает и приходится слушаться. Окруженный шестью солдатами, он выходит из деревни. Знамя завернуто в полотнище палатки, и чтобы не привлечь внимание противника, его несут не отвесно, а тащат за веревку, прикрепленную к вызолоченному цветку хризантемы.

Когда эта кучка вышла в поле, то вокруг них со всех сторон засвистели пули и солдаты начали падать один за другим. Наконец, последний солдат ранен в живот, а майор Окоши — в правую руку и тяжело в грудь. Ползком они добираются до покинутой деревушки, и майор, взяв обещание с солдата, что он отнесет знамя и письмо, передает ему их. В письме, написанном карандашом левой рукою, значится следующее:

“Мое завещание.

Если я покинул поле сражения в такой момент, то это произошло по категорическому приказанию моего командира пол-

ка, поручившего мне доложить о ходе дела. Я знал, с какими опасностями связано достижение главной квартиры, но я не смел забыть опасного положения командира полка, солдат и товарищей, и решился, выполнив поручение и обсудив средства для выручки, вернуться к ним, чтобы разделить их участь. Я глубоко сожалею, что оказался не в состоянии выполнить поручение, будучи ранен.

Поэтому я решил лишиться себя жизни, чтобы присоединиться к командиру полка и моим товарищам на том свете. Но я ранен в правую руку и не могу держать сабли, а поэтому лишаю себя жизни при помощи револьвера и прошу извинить меня за это. Позвольте мне поблагодарить вас за вашу дружбу в течение нескольких лет и подумать о вас в это мгновение. Желая вам славной победы.

Я чувствую большую слабость и лишь с трудом держу карандаш, поэтому я ограничиваюсь указанием на отчаянное положение нашего полка. 22-го февраля в 6 с половиной часов вечера под артиллерийским огнем в небольшой неизвестной деревушке, южнее Ликампу.

Майор Окоши.
Генерал-майору Намбу Дено”

Передав это письмо солдату, майор Окоши прострелил себе голову. Час спустя ползком прибывает в штаб почти умирающий солдат; на спине у него привязано знамя полка, а в фуражке письмо. Так исполнил он свое поручение».

Самым кровопролитным боем, который стрелкам 18-го полка довелось провести в ходе Мукденского сражения, стала схватка за городской вокзал. Полку полковника Юденича здесь «достались в наследство» заранее устроенные полевые укрепления, которые в ряде источников почему-то называются редутом. Японское командование решило прорваться к железной дороге у вокзала, рассчитывая захватить на подъездных путях к нему еще не успевшие отойти воинские эшелоны и составы с армейским имуществом, боеприпасами. То есть речь шла о богатых трофеях. Такая задача была поставлена 5-й дивизии. Ей же приказывалось отрезать от главных сил арьергард русских.

Думается, что Юденич вряд ли ожидал, что японцы могут обрушиться на его полк в таких превосходных силах. В ночь с

21 на 22 февраля японская пехота стала обтекать укрепления, в которых было приказано держаться виленским стрелкам. Завязался огневой бой, но залпы в ночи не остановили японцев. Тогда полковник лично повел своих бойцов в штыки, чтобы отбросить неприятеля от подступов к вокзалу. Контрудар имел успех, и редут был удержан.

Однако не прошло и часа, как японцы взяли в кольцо арьбергартный полк русских. Тем помощи ждать не приходилось: армия уже вышла из Мукдена. Тогда Юденич повел полк на прорыв, приказав вынести из боя всех раненых. Он шел в первых рядах стрелков с винтовкой в руках. Во время этой повторной штыковой атаки Николай Николаевич получил тяжелое ранение в шею: пуля прошла навылет, не задев сонной артерии. 18-й стрелковый полк прорвал кольцо вражеского окружения и вышел на Мандаринскую дорогу. Японцы попытались было преследовать уходивших в ночи, но несколько винтовочных залпов отбило у них всякую охоту насадить на арьбергартный полк.

Русская армия потерпела в сражении под Мукденом обидное поражение. Но при этом войскам маршала Ивао Оямы так и не удалось окружить или охватить противника, позволив ему отступить еще севернее, на Сыпингайские позиции. 18-й стрелковый полк, демонстрируя завидную для соседей организованность и дисциплинированность, вновь обрел походное движение. Виленские стрелки покинули позицию, которую они так доблестно защищали, с наступлением темноты, оставляя за своей спиной свежеврытую братскую могилу с наспех сбитым крестом.

Раненые были заблаговременно отправлены в тыл, где их приняли санитарные поезда, курсировавшие от линии фронта к городу Харбину. Оттуда большая часть раненых отправлялась на излечение в Россию.

Отход от Мукдена осуществлялся первоначально без должного порядка и походного обеспечения. Виленские стрелки в такой ситуации выглядели предпочтительнее многих полков. Поэтому полковнику Юденичу была поставлена боевая задача идти в арьбергартной своей дивизии. Или, попросту говоря, прикрывать ее отступление с тыла.

Маршал Ояма с началом отступления противника от Мукдена понял, что хотя победа им над Куропаткиным и одержана, но охватить русские войска с флангов, ни тем более окружить их, он не сумел. Тогда Ояма, организовав преследование (хотя

и с большим запозданием), попытался отсечь хотя бы какую-то часть арьергарда русских и сделать свой триумф действительно убедительным.

Полк виленских стрелков, который прикрывал отход дивизии и какой-то части армейских тылов, получил команду остановиться и занять позицию у брошенной жителями деревни Тачиндауз. Так он, замыкавший походную колонну, оказался на первой линии обороны. Началась привычная работа по рытью траншей, проделыванию бойниц в глинобитной деревенской стене, временного обустройства полкового хозяйства. Стрелки долбили промерзшую землю, накидывая перед окопами земляной вал.

В те дни Юденичу, который и после второго ранения остался в строю, пришлось впервые познакомиться с военным новшеством: в его полк привезли два десятка небольших чугунных печурок для обогрева землянок. Люди на зимнее время получили башлыки к шинелям и теперь ходили, укутав в них головы. Теперь стрелки напоминали своим видом русских солдат, защитников Шипкинского перевала с картин великого художника-баталиста В.В. Верещагина, для которого Русско-японская война стала последней. (Он погиб вместе с командующим флотом Тихого океана вице-адмиралом С.О. Макаровым на флагманском эскадренном броненосце «Петропавловск».)

Японцев стрелки полковника Юденича прождали больше суток. Те появились перед деревней уже в вечерних сумерках и, после непродолжительного артиллерийского обстрела, предприняли одну за другой две атаки крупными силами пехоты, но были отбиты. В бинокль было видно, как неприятель скапливался в ближайших лощинах, выставив перед собой цепь дозорных, опасаясь контратаки русских.

Можно было предположить, что японцы начнут ночной штурм Тачиндауза. Полковой командир приказал на ночь выставить в траншее усиленный наряд часовых: по два бойца с отделения, которые выставлялись попарно. Стрелки дежурили и у бойниц в стене, сложенной из необожженных кирпичей. Японцы действительно попытались в ту ночь приблизиться к русской позиции, но были вовремя замечены часовыми.

Юденичу в который уже раз довелось самолично увидеть то, как неприятельские пехотинцы по одиночке подбираются к позициям его стрелков. Выглядело это в тот поздний вечер так:

одинокие японские солдаты ползли к русским окопам, умело пользуясь бороздкой между двумя грядками скошенного гаоляна. Устроившись там в небольшой ямке, каждый такой смельчак начинал, как крот, рыть мерзлую землю лопаткой и руками, создавая перед собой небольшой холмик, за которым можно было укрыться от пуль.

Такая тактика вражеской пехоты на войне была уже известна всем. Для постороннего глаза казалось, что устройство в сумерках и по ночам таких ямок-окопчиков носит какой-то хаотический характер. Но так было только на первый взгляд. К утру перед изумленными глазами русских вырастала довольно значительная вражеская позиция, находившаяся к тому же в опасной близости от их траншеи. С рассветом линия окопчиков хорошо просматривалась на местности, будучи обозначена соединенным во многих местах невысоким земляным бруствером.

Собственно говоря, в таких ямках-окопчиках большое число японской пехоты скопиться не могло. Но подпускать подобным образом к своим окопам было крайне опасно по одной причине: вражеские пехотинцы с самого начала войны были вооружены ручными гранатами. Русские же получили в полки ручные гранаты только в самом конце войны. До этого ими пользовались только команды охотников, в пехотных же ротах такое грозное оружие являлось редкостью.

В своем полку Юденич сумел найти тактический прием борьбы с подобными «ползунами». Стрелки прицельно били по одиноким японцам, которые старались как можно ближе подобраться к их позиции, чтобы отрыть там окопчик. Часто такая стрельба велась из нескольких винтовок: в таких случаях вражеские пехотинцы, извиваясь в бороздах, как змеи, спешили отползти назад или, прекращая копать землю, замирали, стараясь сделаться почти незамеченными. Но на припорошенной снегом земле их выдавали черные шинели.

Поражало то, что японцы не считались с потерями при исполнении такого тактического приема. Было замечено, что появление «ползунов» обычно становилось предвестником атаки. Виленские стрелки научились отражать подобные «сдвоенные атаки» винтовочными залпами. Японцам не пошла на пользу и такая военная хитрость, как использование ручных трещоток, которые имитировали пулеметные очереди.

Ночью по отдаленным огням было отмечено, что неприятель занял едва ли не все лежащие впереди китайские деревни. Стало ясно, что на другой день следовало ожидать у Тачиндауза серьезного боя. Понимало это и дивизионное начальство: на подкрепление виленских стрелков ночью подошла батарея, которая расположилась за деревней.

В ту ночь полковнику Юденичу поспать хоть час-другой так и не пришлось. Из штаба дивизии один за другим прибывали посылные. Сообщалось, что утром 18-й стрелковый полк должен был сменить свежий пехотный полк, не участвовавший в боях последних дней. Однако виленцам сняться с места так и не пришлось: под самое утро их отчаянно и яростно атаковала неприятельская пехота, которая пошла вперед без привычной для такого дела артиллерийской подготовки.

Часовые в траншее и бодрствующие в своих ячейках пулеметные расчеты не проспали врага, вовремя заметив пригнувшихся к земле людей, которые цепями подкатывались к деревне. Атакующих встретили винтовочными залпами и короткими пулеметными очередями. Поняв, что внезапного нападения не получилось и забросать русских ручными гранатами не удастся, японцы отошли назад. Серая пелена мелкого дождя надежно прикрыла их отход.

В утренний час по Тачиндаузу открыли огонь сразу несколько японских батарей. На позиции от разрывов «шимозы» стало твориться что-то невообразимое. Позднее Николай Николаевич скажет, что за всю войну в Маньчжурии он не видел такого мощного огневого налета. При этом артиллерия была по китайской деревне с двух сторон. Отвечать было нечем: приданная батарея уже исполнила приказ отойти от Тачиндауза.

Когда огневой вал внезапно прекратил прокатываться по позиции виленских стрелков, вражеская пехота вновь пошла в атаку. Только на этот раз она надвигалась разряженными взводными цепями, то падая на землю, то вновь вскакивая с нее для того, чтобы пробежать с полсотни шагов. И так делалось раз за разом. Когда японцы под пулями приблизились к траншее всего на сотню шагов, русские поднялись врукопашную. Но нападавшие, не принимая ближнего боя в штыки, поспешно отступили. Их преследовали под выкрики «ура».

Вновь заговорил артиллерийские батареи японцев. Теперь уже с поля боя бежали русские, спеша как можно быстрее укрыться

от разрывов в спасительных окопах и за крепкой деревянной стеной. Затем до вечера ротные санитары вытаскивали с поля тяжелораненых, которых набралось много.

Обстрел Тачиндауза велся почти весь световой день. Только глубокой ночью 18-й стрелковый полк смог беспрепятственно оставить занимаемую позицию. Он вновь составил собой дивизионный арьергард, торопясь догнать хвост одной из колонн, отступающей все дальше на север.

Впечатление от картины отступления от Мукдена оставалось тяжелое. Полку Юденичу довелось пройти через ночной город. То там, то здесь горели склады с военным имуществом, которое нельзя было вывезти. Среди пламени мелькали фигурки горожан-китайцев, которые пытались чем-то поживиться. На улицах встречались так называемые армейские тяжести в брошенных обозных повозках, лошади из которых были выпряжены. Стрелки оставляли Мукден в тягостном молчании, стараясь лишь раз не смотреть по сторонам.

Ободренные успехом, японцы попытались было перерезать в городе железную дорогу, приблизившись к ней версты на две. Однако вышедший им навстречу русский пехотный полк отбил у японцев всякую охоту продолжать преследование. А несколько батарей русских, развернувшись прямо у полевой дороги, несколькими меткими залпами заставили неприятеля отойти назад еще подальше.

18-й стрелковый полк отступал в арьергарде по Мандаринской дороге. Сильный ветер нес пыль и песок. Солдаты большей частью шли молча, с угрюмым выражением лиц, только обозные и артиллерийские ездовые надрывали голос, подгоняя уставших лошадей. Ночь стрелки провели в деревне Цуэртуне, находившейся верстах в двадцати пяти от оставленного Мукдена. В девять часов утра японская артиллерия произвела огневой налет на селение, когда из него уже выходили последние роты виленцев.

За время походного движения, то есть отступления после Мукденского сражения, командир полка получил от старших начальников не одно благодарственное слово за поддержание порядка среди подчиненных. И было за что. Сибирские стрелки в отношении организованности и дисциплины выгодно отличались от прочей пехоты Маньчжурской армии. Своей боевой дух и желание сражаться они не утрачивали даже в самых трудных эпизодах Японской войны.

Юденич отмечал безотрадность отступления от Мукдена. Оно читалось не только на лицах измученных тяжелыми дневными переходами людей. На обочинах Мандаринской дороги все чаще стали попадаться брошенные обозные повозки с поломанными колесами, и павшие лошади. Порой среди отставших возникали вспышки трудно объяснимой паники. Стали встречаться группы солдат, отбившихся от своих полков, чего раньше на войне не наблюдалось. Больше всего поражало то, что часть из них брела по дорогам без оружия, которое было брошено по пути.

Перед Мировой войной Юденич познакомился, среди прочих, со многими печатными воспоминаниями участников Японской войны. Одними из самых интересных, по его мнению, были мемуары генерала П.К. Баженова, автора книги «Сандепу — Мукден. Воспоминания очевидца — участника войны». Он так описывал отступление русских войск от Мукдена:

«При выходе из Мукдена на Мандаринскую дорогу, мы сразу натолкнулись на такой хвост и такой вопиющий беспорядок, который далеко превосходил самые мрачные представления мои о беспорядочном отступлении. Со всех улиц Мукдена и вообще со всех сторон повозки, пушки, команды, или вернее, толпы людей — спешили на Мандаринскую дорогу, и у самого выхода ее из города образовалась какая-то беспорядочная масса, которая сама по себе не давала возможности двигаться. Тут были и понтоны, которые, неизвестно по какой надобности, держались до последнего времени в Мукдене, и санитарные транспорты, и повозки артиллерийских парков, и патронные двуколки, одним словом — повозки обоза всех трех разрядов, артиллерийские орудия и толпа будто бы искавших свои части людей»

На беду недалеко от выхода из города дорога имела вид врезанного в довольно высокую гору дефиле: тут образовалась пробка, явно свидетельствующая о том, что весь этот беспорядок произошел вследствие крайней нераспорядительности начальства и полного безначалия в обозе

Попалась нам и целая рота Борисоглебского полка, люди которой шли между повозками хотя и в полном беспорядке, но все-таки несколько сплоченно; из разговора с солдатами я мог узнать, что они составляют роту и что с ними идет ротный командир. Это был молодой человек, поручик. После того как он к нам подошел, между мною и им произошел следующий разговор:

— Что делаете вы в обозе со своей ротой?

На это он мне довольно развязно ответил:

— Отступаю.

— Да почему же вы не находитесь в полку?

— Я не знаю, где мой полк.

— Кто же вам приказал отступить?

— Я увидел, что все отступают, а потому и начал отступать.

Эти ответы и безначалие, царившее в обозе, дают понятие о том, в какой мере в описываемое нами время беспорядок, дошедший до паники, охватил уже всю армию. Продолжая ехать далее и сокрушаясь при виде того разгрома, в котором находилась толпа разнообразных повозок и людей, двигавшихся по Мандаринской дороге, — я с невыразимой грустью размышлял о том, что этим разгромом мы обязаны вовсе не японцам, атаки которых всегда с огромными для них потерями были отбиваемы нашими доблестными войсками; разгром этот произошел только вследствие чрезвычайной нераспорядительности начальства всех степеней и крайней бестолочи всех распоряжений: наша армия, — как тогда я рассуждал, — не была вовсе кем либо побеждена или разбита, она разбилась о собственную бестолочь. Чем дальше я ехал, тем справедливость этого рассуждения становилась неоспоримее».

Юденичу не довелось видеть подобную картину отступления армейских тылов, находившихся в Мукдене. Его полк уходил из города на север по той же Мандаринской дороге в арьергарде, готовый в любой час остановиться и развернуться для боя. Но такое положение дел после Мукденского сражения наблюдалось далеко не везде.

В Маньчжурской армии, дисциплина в рядах которой после Мукденского поражения резко упала, встала проблема дезертиров. Солдаты из тылового пополнения оставляли свои части и всякими правдами и неправдами старались добраться до России, откровенно не желая больше воевать на китайской земле «за Веру, Царя и Отечество». Чтобы остановить таких бегунов в прифронтовых маньчжурских городах Тилине, Чантуфу, Сыпиенае, Гунчжулине и Харбине, на узловых станциях железных дорог были поставлены надежные кордоны против лиц, самовольно оставивших свои полки. Во главе кордонов стояли чины военной жандармерии.

Информация, проходившая по штабной линии, удручала. Из нее вытекало, что пресечение дезертирства в рядах отступавшей

Маньчжурской армии не всегда было дело бесконфликтным. В сообщениях приводились удручающие примеры — один из которых особенно поразил Юденича. На Тиллинской железнодорожной станции произошел случай, когда офицер хотел было остановить группу вооруженных солдат-дезертиров, садившихся в вагон поезда, следовавшего в Читу. Нижние чины офицеру не подчинились и приняли его в штыки. Солдат пришлось разоружить силой и посадить на гарнизонную гауптвахту для расследования случившегося.

Подчиненный полковнику Н.Н. Юденичу стрелковый полк ничего подобного не знал. По архивным документам Маньчжурской армии, он отмечался как дисциплинированная воинская часть, которая оставалась такой до самого окончания Русско-японской войны. То есть это подтверждало то, что данный полковой командир смог сколотить из виленских стрелков достаточно хорошо организованный, слаженный воинский коллектив, способный выполнить самые трудноисполнимые задачи. Полк не «терял своего лица» в самой неприглядной фронтовой ситуации, особенно когда дело шло об отступлении после позорного Мукденского поражения.

Как сражались стрелки в деле под Мукденом? Об их подлинном мужестве, к примеру, свидетельствует запись в «ротной памятке» одного из стрелковых полков (соседнего с 18-м), сделанная фельдфебелем Цырковым:

«Артиллерийский огонь все усиливается. Шимозы и шрапнели буквально засыпали нас. Держаться в цепи было невозможно, и я послал (ротный командир был убит) об этом донесение подполковнику Кременецкому, но в ответ была получена записка с кратким содержанием: “Держаться во что бы то ни стало”».

С этого момента мы твердо решили умереть на месте. С этой мыслью люди забывали об опасности: они становились (для стрельбы. — А.Ш.) “с колена” и “стоя” и мстили за своих убитых и раненых товарищей. В это время мы были уверены, что японцы никогда не выбьют нас из занимаемого места, и не выбили бы, если бы не это противное отступление»

Позднее, в годы Первой мировой войны, на «своем» Кавказском фронте Николай Николаевич не раз убеждался в том, сколь велик и значим пример командира для своих подчиненных. Если он мог поддерживать среди них на должном уровне воинскую дисциплину и обычную организованность, то в та-

ком случае полку или батальону, батарее или эскадрону не грозила «эпидемия» расхлябанности и неисполнения приказов. Тогда люди не теряли чувства долга перед Отечеством и не становились толпами дезертиров, уходивших из окопов домой с оружием в руках. А именно таким смотрелся распропагандированный Русский фронт Мировой войны после февраля 1917 года.

Мукденское поражение, как казалось, положило предел терпению не только и без того волнующейся российской общественности, но и императорского двора. Николай II, удрученный благодушными реляциями своего недавнего военного министра, которые шли в Санкт-Петербург пространными телеграфными строчками, наконец-то решил его сменить.

Новым главнокомандующим стал генерал от инфантерии П.П. Линевич, прекрасно знающий Дальний Восток, которому он отдал многие годы жизни своей жизни. У него были и боевые заслуги; особенные отличия значились в послужном списке во время Китайского похода — подавления восстания «ихэтуаней» («боксеров») в 1900—1901 годах. Тогда японцы были союзниками международных экспедиционных войск, в состав которых входили и русские. Казалось, что смена главнокомандующего должна принести несомненную пользу, но дело было в том, что Линевичу от Куропаткина достались расстроенные воинские силы.

Многих тогда, в том числе и Юденича, поразило отношение государя императора к своему военному министру, оказавшемуся в «бедѣ». Он не был подвергнут, как ожидалось, царской опале, так и не услышав от Николая II даже «карающих» слов, не говоря уже о большем. Сразу же после окончания войны А.Н. Куропаткин был назначен членом Государственного совета. Он поселился в своем родовом имении в Псковской губернии, где один из самых неудачливых полководцев в истории Российской империи занялся литературными трудами мемуариста, оправдывавшего себя перед потомками. Там, на Псковщине, Куропаткин написал четырехтомный труд о Русско-японской войне 1904—1905 годов.

На Сыпингайских позициях война, казалась, затихла. У маршала Ивао Оямы уже не было сил продолжать наступления на север, хотя до желанной линии КВЖД оставались еще значительные расстояния. Русские войска приводились в должный порядок. Из России беспрестанным потоком прибывали попол-

нения и все необходимое для продолжения войны. Казалось, что в ней вот-вот должен наступить перелом.

Гролом среди ясного неба в три Маньчжурские армии пришло известие о страшном по сути поражении русского флота в Цусимском морском сражении. К тому времени активные боевые действия на суше сторонами почти не велись, если не считать частных столкновений самыми малыми силами. И русские, и японцы жили ожиданием каких-то важных событий на море. Всем было известно, что из Балтики в дальневосточные воды Тихого океана идет броненосный флот России под флагом вице-адмирала Рожественского, чтобы своими действиями переломить ход в войне.

Хотя война на море Россией после Цусимского позора была проиграна уже окончательно, дела на суше обстояли совсем иначе. Усилившись пополнениями, три русские Маньчжурские армии теперь мало в чем уступали неприятелю. Лучше всего это понимали даже не в штабе генерала Линевича, а среди японского генералитета. Но по всему было видно, что война на Дальнем Востоке завершается. Теперь действовать больше приходилось дипломатам, которые уже подумывали о том, как завершить военный конфликт между двумя империями.

Японская война имела огромную значимость для биографии Николая Николаевича Юденича: на полях и сопках Маньчжурии он получил признание несомненных дарований военачальника. Такое признание он получил не в генеральских чинах, а на должности командира стрелкового полка. Его личный авторитет в действующих войсках, как умелого и твердого в решениях начальника, был общеизвестен для воинов-маньчжурцев. 18-й стрелковый полк, как самостоятельная боевая единица, имел высокую репутацию, прежде всего за дела под Янсынтуном и в Мукденском сражении.

Показателен такой факт. Известный военный историк русского зарубежья, то есть белой эмиграции, Антон Антонович Керсновский в своей четырехтомной «Истории русской армии», описывая Мукденское сражение, с большим уважением называет фамилии трех полковых командиров, составивших себе в февральские дни 1905 года блестящую репутацию. Это были командир 18-го стрелкового полка полковник Юденич Николай Николаевич, 1-го Сибирского стрелкового — полковник Леш Леонид Вильгельмович и 24-го Сибирского стрелкового — полковник Лечицкий Платон Алексеевич.

Показательно в биографиях этих героев Маньчжурской армии и другое. В годы Первой мировой войны все трое станут генералами от инфантерии, то есть полными генералами и Георгиевскими кавалерами.

Последние двое будут воевать в основном на Юго-Западном фронте. Л. В. Леш будет командовать армейским корпусом (удостоился ордена Святого Георгия 3-й степени за бои в карпатских Бескидах) и 3-й армией. После разгрома германцами в марте 1917 года на Западном фронте одного из корпусов (3-го армейского генерала Якушевского: корпус из 19,5 тысяч человек потерял 12 тысяч, в том числе 9 — пленными) армия Цепля Временным правительством была расформирована «в наказание другим». В Гражданскую войну состоял в резерве чинов при деникинском штабе, стал белоэмигрантом, жил в Югославии.

Третий из полковых героев Мукдена — П. А. Лечицкий в Первую мировую войну возглавит 9-ю армию. За умелый прорыв фронта австро-венгров у Опатовки в конце 1914 года удостоился ордена Святого Георгия 3-й степени. Во время Брусиловского наступления 9-я армия особенно отличилась в Коломыйском сражении: при своих потерях почти в 25 тысяч человек нанесла полное поражение 7-й австро-венгерской армии, которая потеряла до 60 тысяч человек, в том числе 31 — пленными. Затем войска Лечицкого отличились в Молдавских Карпатах, заменив здесь отступавших союзников-румын. После Февральской революции вышел в отставку, протестуя против «демократизации армии». После Октября 1917 года вступил в Красную армию, впоследствии был арестован и в 1923 году умер в тюрьме.

Обращает на себя внимание и то, что в том коротком списке геройских полковых командиров из Мукденского сражения историка А. А. Керсновского командир виленских стрелков назван первым. Трудно согласиться, что такое могло быть чистой случайностью. Интересно здесь то, что подобное «распределение» мест еще никем из военных историков не оспаривалось.

Название 18-го стрелкового полка часто мелькало в сводках войны, во фронтовых корреспонденциях газетчиков. Равно как и имя полкового командира с такой необычной, но хорошо запоминающейся фамилией. В далеком от Дальнего Востока столичном Санкт-Петербурге, в Военном министерстве и Генеральном штабе смогли по достоинству оценить заслуги полковника

Н.Н. Юденича на поле брани, который уже девять лет ходил в этом воинском звании.

Война в Маньчжурии по сути дела завершилась. В июне 1905 года полковник Юденич был назначен командиром 2-й бригады 5-й стрелковой дивизии. Генеральские погоны не заставили себя долго ждать — производство в генерал-майоры произошло на удивление быстро (19 июня): на то она была и война. Что, впрочем, являлось хорошей традицией в Российской Императорской армии, где личные амбиции никогда не приветствовались, равно как и ущемление заслуг людей, доказавших свое право на выдвижение по служебной лестнице на боевом поприще.

Но при этом поражает другое: как то ни странно, боевыми наградами армейское командование в лице Куропаткина почему-то Николая Николаевича не очень баловало. И это при том, что обладатель Золотого оружия не раз демонстрировал в сложных боевых ситуациях искусство управления полком. Той боевой единицей любой армии, которой поручалось выполнение вполне самостоятельных задач. Но ордена за Японскую войну у Юденича все же были, хотя желанного Святого Георгия он так и не дождался.

Будущий полководец в ранге главнокомандующего Кавказским фронтом Первой мировой войны имел за маньчжурские «дела» всего два боевых ордена. Это были Святой Владимир 3-й степени с мечами (25 сентября 1905 года) и Святой Станислав 1-й степени, тоже с мечами (11 февраля 1906 года). Думается, что такими боевыми наградами мог гордиться любой офицер русской армии, прошедший через горнило Японской войны 1904—1905 годов. Но Георгиевским кавалером Юденич все же не стал, хотя это и было его заветной мечтой. Как, впрочем, для любого воина старой России во всех званиях, желавших выказать на войне доблесть и тем заслужить славу.

Участие в войне с Японией обернулось для Николая Николаевича еще и боевыми ранениями. Особенно тяжелым оказалось последнее из них, плохо залеченное, поскольку он на войне не пожелал отлежаться в госпитале, на чем очень настаивали врачи.

Война летом 1905 года едва теплилась и о каких-то масштабных операциях речь не шла. Русские армии, утвердившись на Сыпингайских позициях, и противостоящие им японские армии вели глухую позиционную войну. Для Маньчжурии это было

ничего нового, поскольку до этого война своей маневренности не теряла. Полки и дивизии вгрызались в землю по всем правилам военно-инженерного искусства. Больше заботились о фортификации, чем о том, как бы потревожить неприятеля.

Осмотрительный и осторожный главнокомандующий Ш. П. Линевиц больших операций против японцев не предпринимал. Впрочем, из столицы к нему таких требований телеграфной строкой не предъявляли: там тоже устали от безотрадной войны на Дальнем Востоке. Бои если и велись, то только местного значения, без большого пролития крови и расхода боеприпасов, особенно артиллерийских снарядов.

Машина военного времени тем временем продолжала раскручивать свой маховик, не подвластная пока никаким дипломатическим переменам. По Транссибирской железнодорожной магистрали и КВЖД продолжали катить воинские эшелоны: войска России все пребывали и пребывали в Маньчжурию. Теперь это были в основном кадровые, хорошо подготовленные войска, а не давно забывшие военное дело запасники.

Вне всяких сомнений, японский главнокомандующий был достаточно хорошо осведомлен о происходящем по ту сторону фронта. Маршал Ивао Ояма неоднократно сообщал в Токио о том, что русские войска усиливаются с каждым днем. Он предлагал: или вновь наступать с огромными потерями в людях, или заключить мир с Россией, которая войну уже проиграла, хотя только в море. У Оямы уже находилось немало единомышленников, желавших побыстрее закончить военный конфликт: Страна Восходящего Солнца исчерпывала свои резервы и возможности, прежде всего финансовые.

В штабе русского главнокомандующего, в столичном Генеральном штабе тоже зримо понимали одну простую истину: японцы «выдохлись». Исходя из этого, появились веские надежды изменить ход событий на войне, но главнокомандующий Линевиц о контрнаступлении в сторону Мукдена не помышлял и приказа на разработку подобных планов своим штабистам не давал, хотя такое ожидалось ими с откровенным нетерпением.

Вскоре на Сыпингайские позиции, которые продолжали совершенствоваться в фортификационном отношении, стали поступать газетные сообщения о том, что президент Соединенных Штатов Америки по своей инициативе (но далеко не бескорыс-

тной) начал переговоры с обеими воюющими державами. Мир был нужен Японии, чья экономика оказалась сильно подорванной большой войной, которая грозила затянуться. Мир был нужен и России, в которой вспыхнули революционные беспорядки, подавить которые властям все не удавалось.

Для действующей русской армии в 1905 году существовал свой печатный орган. Это была военная газета под названием «Вестник маньчжурских армий», которая регулярно печатала официальные сообщения из Санкт-Петербурга. По поводу ожидаемых мирных переговоров она печатала такие краткие сообщения:

«Государь император соизволил принять предложение президента Соединенных Штатов Америки на ведение, при его посредстве, мирных переговоров с Японией».

Вскоре после такого сообщения газеты принесли на первых страницах следующую новость: в американском городе Портсмуте начались мирные переговоры. Россияне уведомялись, что их делегацию возглавляет глава правительства государя императора Сергей Юльевич Витте. Его имя не нуждалось в комментариях: Витте уже стал для отечественной истории и автором «золотой денежной реформы», и исполнителем «государственной винной монополии», и строителем Транссиба и КВЖД.

Война на полях Маньчжурии закончилась с сообщением о том, что С.Ю. Витте и глава японской делегации Камимура подписали 23 августа 1905 года Портсмутский мирный договор. По нему Россия признавала Корею сферой влияния Японии, уступала ей Южный Сахалин и права на арендованный у Китая Ляодунский полуостров с крепостью Порт-Артур и коммерческим портом Дальним. Стороны обязывались одновременно вывести свои войска из Маньчжурии.

Глава российского правительства С.Ю. Витте, который за Портсмут был возведен в графское достоинство, назвал заключенный мир «благопристойным». Но никакие «приличные» условия мира не могли скрыть тяжесть и унижительность военного поражения Российской империи в столкновении с империей на Японских островах. Таких поражений было целых три: сдача крепости Порт-Артур, сражение под Мукденом и Цусима. Кроме того, были еще и людские, материальные потери.

Заключительным аккордом Русско-японской войны по всей России прозвучал высочайший манифест императора Николая II о заключении Портсмутского мира. Манифест, обнародован-

ный в Санкт-Петербурге в октябре 1905 года, отличался немногословием. Он гласил:

«В неисповедимых путях Господних Отечеству Нашему ниспосланы были тяжелые испытания и бедствия кровопролитной войны, обильной многими подвигами самоотверженной храбрости и беззаветной преданности Наших славных войск в их упорной борьбе с отважным и сильным противником. Ныне эта столь тяжкая для всех борьба прекращена и Восток Державы Нашей снова обращается к мирному преуспеваю в добром соседстве с отныне вновь дружественной Нам Империей Японскою.

Возвещая любезным подданным Нашим о восстановлении мира, мы уверены, что они соединят молитвы свои с Нашими и с непоколебимою верою в помощь Всевышнего призовут благословение Божие на предстоящее Нам, совместно с избранными от населения людьми, обширные труды, направленные к утверждению и совершенствованию внутреннего благоустройства России».

Сообщение о заключении мира в русской армии, как потом вспоминалось мемуаристами, восприняли «сумрачно». Подобного мнения придерживался и генерал-майор Юденич: в полках его стрелковой бригады нижние чины и офицеры как-то не были откровенно обрадованы окончанием проигранной войны. Проигранной, а в это уверовали все, не ими. Нигде не слышалось ни возгласов «ура», ни музыки. За столами не поднимались тосты за Портсмут и премьера Витте.

Николай Николаевич мог констатировать в поведении подчиненных ему военных людей следующее: все хотели вернуться в родное Отечество. «Владеть» Маньчжурией, этой несостоявшейся «Желтороссией», никто не желал: она была чужой землей для русских солдат и офицеров. Да и к тому же они по письмам из дома знали, что Японская война в родных краях популярностью в народе не пользуется.

Людам военным в таком отношении их однополчан к факту подписания Портсмутского мира виделось явственно одно: неудовлетворенность таким исходом Японской войны. И дело было даже не в отданном неприятелю Южном Сахалине и разрушенной в боях морской Порт-Артурской крепости. Едва ли не всех угнетала мысль о бесплодных ратных трудах и понесенных жертвах, доставивших русскому оружию вместо славы позор. Об этом

вовсю кричали оппозиционные самодержавию династии Романовых газеты и политики самого разного толка. В 1905 году Россия впала в водоворот революционного хаоса, о чем в Маньчжурию доходили только отголоски.

Однако, в отличие от многих в рядах «маньчжурского» генералитета, генерал-майор Н.Н. Юденич считал личное участие в Японской войне делом офицерской чести и предметом гордости российского дворянина, избравшего себе в жизни военное поприще и службу в рядах Российской Императорской армии. Здесь будущий кавказский полководец Мировой войны и полководец Белого дела был искренен как для себя, так и для окружающих его людей.

Он мог сказать любому, что гордится своим участием в Русско-японской войне. Что прошел все ее испытания достойно, с честью русского офицера. И что наградой ему за служение «Богу, Царю и Отечеству» стали Золотое Георгиевское оружие, боевые ордена, первый генеральский чин и два ранения, полученные на поле брани.

Последней наградой Николаю Николаевичу за маньчжурские дела стала медаль «В память русско-японской войны». Ее он получил в конце 1906 года, когда заканчивал излечение от полученного тяжелого ранения (второго) в одном из военных госпиталей и уже готовился к уходу в положенный по такому случаю отпуск.

Для участников боевых действий в Маньчжурии, Корее и на Сахалине медаль изготавливалась из светлой бронзы, для защитников Порт-Артурской крепости — из серебра, для лиц, не участвовавших непосредственно в боях, но состоявших на воинской службе и находившихся на театре военных действий и железнодорожников, — из темной бронзы.

На лицевой стороне медали помещалась дата «1904—1905» и изображение всевидящего ока. На обороте шла надпись: «Да вознесет нас Господь в свое время». Раненым и контуженым памятная медаль выдавалась на ленте с бантом. Именно такая медаль и украсила парадный мундир находящегося на более чем годичном излечении «маньчжурского» генерала.

Участники Русско-японской войны, как бы то ни было, тяжело переживали проигрыш в ней России. Один из военных вождей Белого движения генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин в своих мемуарах напишет, в частности, и о проигран-

ной Мукденской операции. Он одним из первых в российском генералитете поднимет в преддверии Мирового пожара, исходя из маньчжурского опыта, вопрос о профессионализме тех, кому доверяется судьба войны и людей, в ней участвовавших. Известно, что Н.Н. Юденич был публично солидарен с такими воззрениями генерала, с которыми он близко знаком не был, даже находясь в белой эмиграции. Деникин писал:

«Я не закрываю глаза на недочеты нашей тогдашней армии, в особенности на недостаточную подготовку командного состава и войск. Но, переживая в памяти эти страданные дни, я остаюсь в глубоком убеждении, что ни в организации, ни в обучении и воспитании наших войск, ни тем более в вооружении и снаряжении их не было таких глубоких органических изъянов, которыми можно было бы объяснить беспримерную в русской армии мукденскую катастрофу. Никогда еще судьба сражения не зависела в такой фатальной степени от причин не общих, органических, а частных. Я убежден, что стоило лишь заменить заранее нескольких лиц, стоявших на различных ступенях командной лестницы, и вся операция приняла бы другой оборот, быть может даже гибельный для зарвавшегося противника».

Человек высокого военного профессионализма, а таковым для военной истории отечественной и мировой остался Николай Николаевич Юденич, не мог не согласиться с подобными мыслями. Он всегда говорил, что Японскую войну проиграл не русский солдат. Но это уже ничего не меняло в том, что уже свершилось. До самых последних дней жизни Юденича одной из любимых песен для него стала песня А.И. Шатрова «На сопках Маньчжурии», написанная на слова С.Г. Петрова (Скитальца):

Тихо вокруг.
Сопки покрыты мглой,
Вот из-за туч блеснула луна.
Могилы хранят покой.

Белеют кресты —
Это герои спят.
Прошлого тени кружатся вновь,
О жертвах в боях твердят.

Тихо вокруг,
Ветер туман унес.
На сопках Маньчжурии воины спят,
И русских не слышно слез.

Пусть гаолян
Вам навевает сны,
Спите герои Русской Земли,
Отчизны родной сыны.

ГЛАВА 4

ОТ ВОЙНЫ ЯПОНСКОЙ ДО МИРОВОЙ

По возвращении из Маньчжурии в Россию Николай Николаевич не сразу вспомнил о своих незалеченных ранениях: служебных забот было хоть отбавляй. С ноября 1905 года по март 1906 года он временно командовал 2-й стрелковой дивизией, а с марта по апрель — 2-й стрелковой бригадой (бывшей дивизией).

Возвратившемуся с войны с тяжелым ранением в шею генерал-майору Н.Н. Юденичу пришлось распрощаться с должностью бригадного командира. Причина была проста: военные врачи уложили его в госпиталь, в котором он провел все бурные дни Первой русской революции 1905—1906 годов. Будущему вождю Белого движения на Северо-Западе России не довелось участвовать в подавлении «смуты» вооруженной силой.

Какими видел Юденич те революционные события? Скорее всего, свои чувства историк-белоэмигрант А.А. Керсновский выразил следующими словами, о гражданской искренности которых спорить, думается, не приходится и не следует:

«1905 и 1906 годы — годы первой русской смуты — составили тяжелую эпоху для русской армии. Ей пришлось выдержать напряженную борьбу на внутреннем фронте и спасти свою Родину, обратив на себя всю ярость и ненависть ослепленной интеллектуальной черни.

Особенно тяжелой была служба гвардии в Петербурге, где в январе 1905 года удалось при минимальном кровопролитии подавить чрезвычайно опасный бунт. Памятным осталось и усмирение Кронштадта зимой 1905/06 года. Беспорядки 9 января 1905 года были спровоцированы расстригой Гапоном. Было убито и ранено около 30 человек*. Русская революционная общественность подняла невероятную агитацию во всех странах мира против «кровавого царизма». Отметим, что в 1920 году в демократическо-парламентской Англии при подавлении (пулеметами и танками) рабочих беспорядков в Манчестере было перебито свыше 200 человек, и никто не кричал о зверствах. В феврале 1934 года при расстреле манифестаций бывших участников войны в Париже было убито и ранено около 800 человек, но не один француз не унизился до агитации против своей страны за границей.

Но самое выдающееся участие в преодолении смуты принял Лейб-Гвардии Семеновский полк энергичного генерала Мина, подавивший грозное московское восстание — знаменитый Пресненский бунт в декабре 1905 года. Чтобы иметь понятие об угрожавшей России опасности, надо знать, что московское восстание было организовано Всероссийским советом рабочих депутатов (Хрусталева-Носарь и Бронштейн-Троцкий), партией большевиков.

По всем городам России прокатилась волна фабричных и железнодорожных забастовок, повсюду в деревнях начались беспорядки. Осенние ночи 1905 года озарились факелами горевших помещичьих усадеб и экономий на всем протяжении от Балтийского моря до Волги. И всюду дорогу анархии и начинавшемуся развалу заступали верные своему долгу императорские войска. Бунты латышей Прибалтийского края, лодзинские беспорядки, восстание Свеаборга, черноморские бесчинства были жестокими ударами по ослабевшему организму России, но этот организм был еще, к счастью, прикрыт стальной кольчугой. Генерал Каульбарс усмирил юг России, адмирал Чухнин удержал

---

* Здесь Керсновский допускает ошибку: убитых было около 1000 человек и до 4000 раненых. (Прим. ред.).

Черноморский флот, заплатив за это жизнью. В Сибири анархия (бунты запасных, железнодорожные стачки, проявление сепаратизма) была прекращена энергичными действиями шедших друг другу навстречу генерала Меллер-Закомельского и Ренненкампа.

«Осиным гнездом» всей России в эти смутные годы являлся Кавказ. Несколько недель (декабрь 1905 года, январь 1906 года) там шла настоящая война. Пяти дивизий округа оказалось недостаточно, и из Киева спешно была туда переброшена 33-я пехотная дивизия. Пограничный Киевский округ остался почти совсем без войск. Большевицкая пропаганда имела огромный успех среди грузинского и армянского населения. Тут же разгорелись и сепаратистские устремления, а целые уезды и губернии терроризировались шайками «экспроприаторов». Среди особо предприимчивых экспроприаторов отметим Джугашвили-Сталина и Валлаха-Литвинова. Положение здесь оставалось напряженным до конца 1907 года».

В 1905 году генерал-майору Н.Н. Юденичу впервые воочию пришлось познакомиться с революционным брожением. Дело обстояло так. Стрелковой дивизии, в которой он командовал бригадой, в числе первых из состава русских войск в Маньчжурии было приказано возвратиться на места прежней дислокации. Военские эшелоны (батальон с имуществом на состав) потянулись из Иркутска в центральную Россию. Уже в Иркутске стало ясно, что государственная власть здесь держится с трудом. Местный Совет рабочих депутатов имел вооруженный красногвардейский отряд. Совет всячески «стимулировал» бунты солдат-запасников, прибывших в город с войны, но частью не तोпившихся возвратиться к родным очагам.

Иркутский градоначальник в этом революционном вихре держался только с помощью немногочисленной воинской силы. Это были конный дивизион иркутских казаков и местное военное училище, юнкера которого имели на вооружении только учебные винтовки. Многотысячный иркутский гарнизон колебался, не подаваясь ни в ту, ни в другую сторону. Солдаты то повиновались своим офицерам, то ходили на митинги, на которых главным политическим лозунгом привычно стал: «Долой самодержавие!».

Юденич оказался среди тех командных лиц из воинских эшелонов, которые помогли градоначальнику навести порядок. Вы-

ставленные вооруженные патрули, преимущественно из унтер-офицеров и старослужащих солдат, быстро отбили охоту у местных агитаторов всевозможных политических партий организовывать митинги на станции и вести пропаганду среди солдат, возвращавшихся с войны домой.

Подобная ситуация виделась на других станциях — в Ачинске, Черемхово, Красноярске, Канске, Новониколаевске. Было ясно, что прежний порядок на Транссибирской железнодорожной магистрали может быть наведен не просто твердой, а железной рукой. То есть без использования войск, что виделось ясно, покончить с революционной анархией, грозившей взорвать империю Романовых изнутри.

Тот памятный 1905 год убедил генерала Юденича в том, что с развалом государства и дестабилизацией власти в нем надо бороться предельно решительно. И не ждать запоздалых указаний из столицы, а брать инициативу на себя. Тогда не будет зрелища сожженных станционных построек и донесений на имя местных генерал-губернаторов с перечислением убитых и раненых стражей порядка, разграбленных лавок и провиантских складов, всевозможных разрушений.

Как человек сугубо военный, Николай Николаевич понимал, что императорская власть в России (как, впрочем, и в других европейских монархиях той эпохи) держится на армейской силе. Местные гарнизоны, воинские команды становились надежным гарантом восстановления прежнего правопорядка, разгрома дружин боевиков, прекращения безумия анархии. Последняя в писаниях газетчиков ассоциировалась с «русским бунтом», который всегда имел кровавый оттенок и отсвечивал пламенем многочисленных пожаров, в которых бесчисленно гибли ни в чем не повинные люди.

Но в ходе подавления революционной анархии армия, или, вернее, та часть ее, которая оставалась верной воинскому долгу и присяге, становилась естественным противником той части российского общества, которое выступало против царского самодержавия. По этому поводу историк А.А. Керсновский выразился так:

«В эти тяжелые годы сотни русских офицеров и солдат, тысячи стражников, жандармов и полицейских запечатлели своей кровью и страданиями верность Царю и преданность Родине, которую уже зацепил было крылом красный дракон. Воспитан-

ные в великой школе Русской Армии, они ясным своим взором видели то, чего не дано было видеть ослепленной русской общественности. Одиноким на геройском своем посту, эти люди спасали свою страну, свой народ, спасали тем самым и озлобленную общественность — спасали ее физически и за это не получали иной благодарности, как эпитеты «палачей народа», «кровопийц» и «нагаечников».

Громкими и негодующими протестами встречала русская общественность смертные приговоры, выносившиеся военно-полевыми судами террористам, экспроприаторам и захваченным с оружием в руках боевикам. «Не могу молчать!» — Льва Толстого прогремело на всю Россию. Великий яснополянский лицемер тем не менее отлично примирился с нарядом стражников при боевых патронах, охранявших его поместья от экспроприаторов.

Считая своим отечеством вселенную, русская передовая общественность не дорожила своей государственностью, более того — ненавидела ее и всю свою страстную ненависть переносила на защитников этой государственности — «на палачей народа», ставивших интересы своей страны выше своих личных. Этого последнего чувства русская радикальная интеллигенция, воспитанная на эгоизме и партийности, оказалась органически неспособной воспринять.

Чрезвычайно высоко расценивая себя, она с презрением и ненавистью относилась ко всем, не разделявшим ее партийной окраски, — в отношении этих все было дозволено, их кровь можно было проливать в любом количестве. Десяток казненных террористов были «светлыми личностями». Тысяча же мужчин, женщин и детей, разорванных их бомбами, никакой человеческой ценности в ее просвященных глазах не представляла. В лучшем случае, это была только «чернь», как передовая интеллигенция неукоснительно называла русский народ всякий раз, когда он не разделял ее взглядов.

9 января 1905 года было убито и ранено тридцать манифестантов* — и этот день был наименован «кровавым воскресеньем». В февральские и мартовские дни 1917 года были растерзаны пять тысяч человек — и революция была наименована «бескровной». Ни арифметика, ни логика не помогут нам разобраться в этих эпитетах, но мы прекрасно их поймем, когда увидим, что

* О количестве жертв 9 января см. выше. (Прим. ред.).

кровь в этих случаях была разная: «эта» кровь была священна, «ту» можно было проливать как воду.

В годы, предшествующие взрыву 1905 года, а особенно в смутный период 1905—1907 годов, революционерами было затронуто много усилий на пропаганду в армии и на флоте: подбрасывались прокламации, организовывались «ячейки». Усилия эти лишь в немногих случаях увенчались успехом

Сколько-нибудь значительные кровавые беспорядки происходили в частях, возвращавшихся с Дальнего Востока, — зачинщиками их были запасные. Авторитет офицера был еще слишком высок, чтобы его могла поколебать агитация проходимцев со стороны. Бунтовали, главным образом, запасные, отвыкшие от строя. Брожение сказывалось сильнее во флотских экипажах, отчасти благодаря особенностям тяжелой морской службы, а также благодаря отсутствию лучшей части офицерского состава, бывшей на Дальнем Востоке».

Покомандовать 2-й стрелковой бригадой Юденичу в мирной обстановке почти не пришлось: сказалось незалеченное пулевое ранение в шею, полученное в Мукденском сражении. Военно-медицинская комиссия настояла на стационарном лечении и спорить с ее доводами Николаю Николаевичу не приходилось.

Пребывание в госпитале затянулось: ранение, полученное в самом конце войны, оказалось тяжелым и трудно залечиваемым. Из госпиталя генерал-майора Н.Н. Юденича выписали только к исходу 1906 года и сразу отправили в отпуск. Ему не пришлось напоминать о себе в кадрах Военного министерства: выпускники Николаевской академии Генерального штаба, имеющие к тому же опыт войны, находились там на особом учете.

В России начиналась послевоенная реформа армии и флота, которую, к сожалению, завершить полностью до начала Первой мировой войны не удалось. В отставку были отправлены многие тысячи офицеров, особенно старшего звена, и генералов, которые не отвечали требованиям новой эпохи и потому ничем не смогли проявить себя во время Японской войны. Таким, как Юденичу, герою Янсынтуня и Мукдена, открывалась хорошая перспектива в продолжении армейской карьеры.

После госпиталя Николаю Николаевичу не пришлось долго «ходить за штатом». Уже 10 февраля 1907 года он получил назначение на должность генерал-квартирмейстера Кавказского во-

енного округа. На этой должности он пробыл недолго, получив новое назначение — начальником штаба внутреннего (а значит — второразрядного) Казанского военного округа. Семья Юденичей переезжает на новое местожительство в Казань.

Такое повышение бывшего командира стрелковой бригады, которым Н. Н. Юденич пробыл всего несколько месяцев, свидетельствовало о том, что армейская карьера складывалась вполне удачно. Можно сказать, что на строевых должностях он рос довольно быстро, особенно после Маньчжурии.

Казанский военный округ, по сравнению с пограничными Виленским, Варшавским, Киевским и Кавказским (не говоря о двух столичных — Петроградском и Московском), имел армейских войск совсем немного. Здесь было расквартировано всего два корпуса — 16-й и 24-й с их артиллерий, 5-я кавалерийская дивизия, два мортирных артиллерийских дивизиона, два саперных батальона, тылы. Но дел и забот, если к ним подходить серьезно, генерал-квартирмейстеру все же хватало. Округ являлся одним из самых крупных на территории России по своим мобилизационным возможностям.

Служба в Казанском военном округе шла спокойно, без каких-то потрясений. Свой 50-летний юбилей Николай Николаевич отметил в кругу друзей и сослуживцев. 16 декабря 1912 года был подписан высочайший императорский указ: о производстве Н. Н. Юденича в генерал-лейтенанты.

По такому случаю он был вызван в столицу, где предстал перед императором Николаем II, который имел с ним личную беседу. Известно, что речь в ней шла о нарастании военного противостояния в Европе. И о том, как русская армия должна была готовиться к ожидаемой большой войне на континенте. Юденич, отличавшийся прямоотой в суждениях, пришелся по праву всероссийскому монарху, на котором лежало во всей видимой тяжести бремя ответственности за безопасность державы Романовых.

Скорее всего, именно эта беседа повлияла на дальнейшее продвижение по служебной лестнице генерал-лейтенанта. В Казани долго служить ему не пришлось. Европейская коалиционная война приближалась, пока давая о себе знать все учащающимися дипломатическими конфликтами. Генеральные штабы государств Антанты и Центрального блока занимались разработкой вариантов стратегических планов. В будущей войне, как виделось всем,

события должны были разыграться по стародавней традиции не только в Европе. Сильная своей мощью в недалеком прошлом султанская Турция никак не могла остаться в стороне. Тем более что у нее был исторический противник — Россия.

Это немаловажное внешнеполитическое обстоятельство и определило дальнейшую судьбу генерал-лейтенанта Н.Н. Юденича. В российском Генеральном штабе, планировавшем военное противостояние турецкой армии в Закавказье, решили усилить руководство Кавказским военным округом. В случае войны ему предстояло разворачиваться (отдав часть войск в европейскую часть России) в отдельную армию или даже в самостоятельный фронт. В ходе проведенных организационно-штатных изменений вакантной, среди прочих, оказалась должность начальника окружного штаба.

При обсуждении кадровых изменений, кандидатур на эту ответственную должность оказалось несколько. Но в Военном министерстве предпочтение отдали начальнику штаба Казанского военного округа, «за» которого говорило многое. Поэтому споров вокруг его кандидатуры долго не велось.

Высочайший императорский указ последовал 25 января 1913 года. После коротких сборов Николай Николаевич отбыл из Казани на новое место службы в город Тифлис, где располагались штаб Кавказского военного округа и управление недавно восстановленного царского наместничества на Кавказе.

Служба в штабах позволила Н.Н. Юденичу приобрести опыт в вопросах организации и обучения войск, мобилизационного дела, обустройства быта воинских частей, разумного расходования отпускаемых казенных средств. В 1909 году его деятельность была отмечена орденом Святой Анны 1-й степени, в 1913 году — орденом Святого Владимира 2-й степени.

В столице наместничества Тифлисе семья Юденичей поселилась на Барятинской улице. Супруга генерала, Александра Николаевна, делала все для того, чтобы их дом стал тем местом, где бы окружное начальство в дружеском кругу могло проводить неслужебное время. Юденичи всегда были радушны и гостеприимны. Бывший дежурный генерал штаба Кавказского военного округа генерал-майор Б.П. Белозеров вспоминал:

«Пойти к Юденичам — это не являлось отбыванием номера, а стало искренним удовольствием для всех, сердечно их принимавших».

В Тифлисе Юденич был тепло встречен генералом от кавалерии и генерал-адъютантом, графом Илларионом Ивановичем Воронцовым-Дашковым, Кавказским наместником Его Императорского Величества, который по совместительству являлся и главнокомандующим войсками местного военного округа и войсковым походным атаманом Кавказских казачьих войск — Кубанского и Терского.

Воронцов-Дашков был известен не только как человек из ближайшего окружения императоров Александра III и Николая II, но и как умелый администратор, действительно много сделавший для экономического и культурного развития Кавказского края и как человек там весьма уважаемый. Один из крупнейших российских землевладельцев военного образования не имел — учился в Московском университете. С началом Крымской (или Восточной) войны 1853—1856 годов ушел добровольцем в русскую армию, службу начал в Лейб-Гвардии Конном полку.

В последние годы Кавказской войны блестящий столичный аристократ командовал личным конвоем князя А.И. Барятинского. Удостоился за боевые заслуги ордена Святого Георгия 4-й степени (за штурм крепости Ура-Тоби) и Золотого оружия. Граф Воронцов-Дашков примерно воевал против горцев имама Шамиля и в Туркестанском крае. Всего в 29 лет близкий друг будущего императора Александра III получил звание генерал-лейтенанта, командовал Лейб-Гвардии Гусарским полком.

С началом Русско-турецкой войны 1877—1878 годов командовал кавалерией Рушукского отряда (за исключением казачьей). После победной для русского оружия войны служил в столичном гарнизоне, командуя 2-й Гвардейской кавалерийской дивизией, в которую входили (в отличие от 1-й) всего четыре полка Лейб-Гвардии: Драгунский, Конногренадерский, Уланский и Гусарский.

Впечатляющий взлет И.И. Воронцова-Дашкова по служебной лестнице начался с воцарением на престоле Александра III Александровича, с которым он сдружился во время войны на болгарской земле. Тогда цесаревич-наследник стоял во главе Рушукского отряда. Высокие назначения следовали одно за другим — главноуправляющий государственного коннозаводства, министр императорского двора и уделов, канцлер Российских Царских и Императорских орденов, член Государственного совета Российской империи.

Граф Воронцов-Дашков был известен и как убежденный монархист. После убийства террористами-народовольцами государя Александра II некоторое время являлся начальником царской охраны и одним из организаторов «Священной дружины».

В феврале 1905 года, после восстановления поста царского наместника на Кавказе, Илларион Иванович Воронцов-Дашков оказался на Кавказе. Он оказался тем государственным мужем императорской России, который лично много сделал для развития горного края с обилием в нем христианских и мусульманских народов, вечно склонных к вооруженному насилию. Один из его известных современников, российский глава правительства С.Ю. Витте, писал о нем:

«Быть может, он единственный из сановников на всю Россию, который и в настоящее время находится в том краю, в котором управлял и который пользуется всеобщим уважением и всеобщей симпатией.

Это, может быть, единственный из начальников края, который в течение всей революции, в то время, когда в Тифлисе ежедневно кого-нибудь убивали или к кого-нибудь кидали бомбу, спокойно ездил по городу как в коляске, так и верхом, и в течение всего этого времени на него не только не было сделано покушения, но даже никто никогда еще не оскорбил ни словом, ни жестом».

Воронцов-Дашков, исполнявший самым добросовестным образом обязанности царского наместника, в том числе и как глава расквартированных на всегда беспокойном Кавказе войск, нуждался в надежных помощниках. Поэтому он был откровенно рад прибытию нового начальника окружного штаба, переложив на его плечи едва ли не всю заботу о войсках. Юденич быстро освоился на новом месте, встретив взаимопонимание со стороны своих новых сослуживцев.

Единомышленником Юденича в кавказских делах стал опытейший генштабист генерал от инфантерии Александр Захарьевич Мышлаевский, помощник по военной части царского наместника. Собственно говоря, на плечи этих двух военачальников и легла вся тяжесть подготовки размещенных здесь русских войск к войне против Турции, которую Берлин и Вена вовлекли в свой союз против Антанты, вернее — против России.

Как начальник штаба приграничного военного округа, Н.Н. Юденич стал обладателем всей разведывательной инфор-

мации (прежде всего проходившей по дипломатическим каналам) о подготовке Турции и ее армии к войне. Ему было известно, что турецкие эмиссары активно ведут антироссийскую пропаганду в соседней Персии (Иране) и даже в Афганистане. Об этом постоянно сообщали начальники отрядов пограничной стражи, которые были хорошо осведомлены о событиях, происходивших за кордоном. Особенно настораживал тот факт, что в турецком Генеральном штабе увеличивалось число германских офицеров-советников.

Наместник И.И. Воронцов-Дашков и российский Генеральный штаб возложили на начальника штаба Кавказского военного округа непосредственное участие в работе военно-дипломатических миссий по Востоку. Для Юденича, естественно, важным здесь было все то, что происходило в сопредельных с Россией государствах — Турции и Персии. Приходилось заниматься и Афганистаном, но в гораздо меньшей степени.

Обстановка в Европе тем временем все более накалялась, хотя стороны порой делали и примиренческие шаги. Еще в августе 1911 года в Санкт-Петербурге было подписано российско-германское соглашение по иранским делам. Оно частично смягчило возникшее в те годы острое противоречие государственных интересов двух держав, оттянуло на несколько лет развязывание военного конфликта между сторонами. Но определяющим фактором этого, разумеется, данное соглашение не было.

Возрастание международной напряженности на Ближнем Востоке привело к тому, что Тифлис стал центром российской политики в этом регионе. Причина крылась прежде всего в давних и серьезных разногласиях между Британией и Россией. Известный английский дипломат Грей так высказался по этому поводу:

«В отношении Персии мы хотели получить практически всю нейтральную зону и не можем ничего уступить там России; в отношении Афганистана мы не можем сделать каких-либо уступок России, так как мы не в состоянии получить согласия эмира; в отношении Тибета изменение, которого мы добиваемся и на которое необходимо согласие России, очень незначительно, и мы не можем ничего дать взамен. Таким образом, по всей линии мы хотим что-либо получить и не можем ничего дать. Вот почему трудно найти путь к совершению выгодной сделки».

Начало 1912 года ознаменовалось новыми разногласиями между Лондоном и Санкт-Петербургом по поводу все той же

Персии. Причиной их стало назначение американца Моргана Шустера главным финансовым советником тегеранского правительства. Это стало прямым ущербом для российских интересов в этой восточной стране.

Известно, что генерал-лейтенанту Н.Н. Юденичу, как начальнику штаба приграничного Кавказского военного округа, пришлось заниматься персидскими делами вплотную. Буквально через месяц после своего назначения на эту должность он получил секретное предписание Генерального штаба подготовить несколько воинских частей, прежде всего конных казачьих, для возможного ввода их на иранскую территорию для защиты государственных интересов России в этой стране.

Американский финансист Морган Шустер деятельно вел в персидской столице антироссийскую экономическую политику, которая почему-то давала возможность укрепиться в этой восточной стране германской агентуре. Здесь стали один за другим возникать инциденты, которые провоцировались Шустером. После одного из них в северные провинции Ирана, заселенные азербайджанцами, вступили войска Кавказского военного округа, чтобы стабилизировать там обстановку, которая грозила «аукнуться» для России в ее Северном Азербайджане и в нефтепромысловом Баку, не считая уже понесенного вреда торговым отношениям двух соседей.

Российское правительство откликнулось на сложившуюся у ее южных границ ситуацию решительно, угрожая шахской Персии военным походом на Тегеран. Санкт-Петербург потребовал отставки Моргана Шустера. Шаху и его кабинету министров пришлось без проволочек принять условия ультиматума северного соседа, памятуя исход двух Русско-Иранских войск первой половины прошлого столетия.

Обстановка на российско-иранской границе становилась взрывоопасной. Штаб Кавказского военного округа в дни дипломатического конфликта работал с полной нагрузкой, словно в условиях предвоенного или военного времени. Помимо пехотных батальонов, полков кубанских и терских казаков с конноартиллерийскими батареями, которые были уже введены в Южный Азербайджан, в случае возникновения военного конфликта предстояло направить в Иран и немало других окружных войск. Штаб округа во главе со своим новым начальником про-

демонстрировал готовность отобилизовывать полки и бригады в самые сжатые сроки.

Показательно, что Россия делала самые разные шаги для утверждения своих позиций в соседней стране. Среди них было и создание личной гвардии шаха Мохаммеда-Али в образе Персидской казачьей бригады. Она состояла из персов, но ими командовали русские офицеры и казахи урядники. Этой уникальной воинской частью, равно как и военным присутствием Кавказского округа в Иране, генерал-лейтенанту Н.Н. Юденичу пришлось заниматься самым непосредственным образом. История Персидской казачьей бригады была такова.

По соглашению между Россией и Великобританией от 18 августа 1907 года, в сферу российского влияния входила северная часть Персии, выше параллели, проходящей через город Хамадан. Дальше к югу шла полоса, которая объявлялась нейтральной. От города Шираза начиналась сфера британского контроля. Таким образом, Россия на договорной основе с Лондоном контролировала персидские провинции Гилян, Мазандеран и Северного Азербайджана, окрестности столичного Тегерана и города Мешхеда в Хорасане, примыкавшего к Туркестанскому краю.

Экономические связи России с Персией были взаимно важны. Первая активно торговала своими традиционными товарами в иранских городах, вторая вывозила много шелка через порт Энзели на Каспийском море. Но трудности жизни российского купечества в стране, внутренне неустроенной, были огромны. К 1908 году она находилась в состоянии полной анархии. Мохаммед-Али-шаху не подчинялись не только вожди кочевых и полукочевых племен, но и парламент — меджлис. Торговые караванные пути оказались в руках воинственных курдских, туркменских и иных племен. На иранском севере ширились выступления «фидаяев» — революционеров из числа местных жителей и выходцев с российского Кавказа.

Все эти события самым непосредственным образом затрагивали не только экономические интересы России, но и безопасность ее южной границы в Закавказье и Туркестане. Так, пограничный наблюдатель секретной депешей доносил в Санкт-Петербург (копия шла в Тифлис) следующее:

«Денег у Шаха совершенно нет, и он не знает, откуда их достать. Наблюдается совершенное отсутствие какой-либо орга-

низации и системы действий, у него нет ни одного умелого, авторитетного человека, который взял бы все дело в свои руки и пошел бы твердо и настойчиво к намеченной цели».

Внутриполитическая ситуация в Персии осложнилась до крайних пределов. Дело дошло до того, что меджлис встал на сторону открытого противника шаха принца Зюлли-Султана, рядившегося в одежду революционера. В мае 1908 года шах Мохаммед-Али наконец-то решился начать борьбу с меджлисом в собственной столице. Тегеран тех дней напоминал город, лишенный всякой власти и элементарного порядка.

Все же шах успел подготовить военную силу для борьбы со своими политическими противниками, которая стала в тех событиях для него единственной. Ею оказалась шахская гвардия — Казачья его Величества Шаха бригада. В то время она состояла из четырех конных полков, пластунского батальона, двух артиллерийских батарей по четыре орудия в каждой и пулеметной команды.

Командиром бригады являлся полковник Генерального штаба Владимир Платонович Ляхов, которому помогали три русских офицера и пять казачьих урядников. Личный состав бригады шахской гвардии состоял из персов, обученных инструкторами из России, 1200 конных казаков и 350 пеших пластунов с Кубани и Терека.

Ляхов, казак станицы Новосуворовской Кубанского казачьего войска, закончил те же военно-учебные заведения, что и Юденич. Прослужив недолго в Лейб-Гвардии Измайловском полку, оказался на Кавказе. В 1906 году во время первой русской революции во главе воинского отряда (он был в должности начальника штаба пехотной дивизии) восстановил законность и порядок в Осетии. После этого ему было поручено «обучение персидской кавалерии».

Генштабист Ляхов со своей бригадой и стал той реальной военной силой, которая помогла шаху Мохаммед-Али не только удержаться на престоле, но и одержать верх над «взбунтовавшимся» меджлисом. То есть казаки из русских и персов сохранили эту восточную монархию, когда она могла рухнуть.

Обстановка в Тегеране требовала от шаха принятия «хирургических» действий, то есть применения военной силы. Шах действительно решился на подавление вспыхнувшего в столице мятежа вооруженной рукой, поскольку переговоры с против-

ной стороной давно зашли в тупик. До серьезных, ожесточенных боев, в том числе уличных, дело тогда не дошло. Все началось с того, что казачья артиллерия несколькими залпами разрушила здание меджлиса, в котором «гнездилась» шахская оппозиция.

Последующие события приняли удивительный оборот. «Нейтрализованная» огнем восьми казачьих пушек почти 100-тысячная персидская армия сразу же изъявила покорность своему монарху, не помышляя больше о заступничестве за разбежавшихся из столицы парламентариев. Армия тогда состояла из иррегулярной (племенной) конницы и 72 пехотных («сарбазских») полков по 100—200 человек в каждом. Командование полками «сарбазов» передавалось по наследству, поэтому ими нередко командовали мальчишки 8—10 лет. О боеспособности и дисциплинированности такой армии всерьез говорить не приходилось.

Самая многочисленная часть шахской армии — иррегулярная конница набиралась из кочевников бахтиар, курдов и туркмен во главе с племенными вождями, которые далеко не всегда соглашались с тем, что ими кто-то командует. Генерал-майор Косоховский, в тех событиях командир экспедиционной казачьей бригады, так профессионально оценил состояние одного из курдских конных полков шахской армии:

«Небезопасны даже для своих. Совершенно к службе непригодны».

Шахская артиллерия, довольно многочисленная для персидской армии, состояла из двух сотен давно устаревших орудий, преимущественно бронзовых, заряжаемых с дула. Таких пушек уже многие десятилетия не имела ни одна европейская армия. Орудийные расчеты отличались своей необученностью. Однако в тегеранском арсенале хранилось до 50 скорострельных полевых и горных орудий Шнейдер-Крезе, для которых не находилось обученных артиллеристов.

Шахской гвардии — Персидской казачьей бригаде постоянно приходилось бороться с самыми различными разбойными шайками, которых во множестве развелось даже вблизи самого Тегерана. Порой такая борьба больше напоминала военные экспедиции. Так, осенью 1912 года был схвачен и по приговору военно-полевого суда повешен знаменитый разбойник Исмаил-Ходжи, уроженец Эриванской губернии, бежавший с сибирской каторги и разыскиваемый властями России.

В «смутных» событиях тех лет главарь многочисленной шайки разбойников Исмаил-Ходжи оказался приметной «сильной» личностью. Российский вице-консул в иранском городе Хое так характеризовал его деятельность в докладной записке:

«Исмаил-Ходжи зарекомендовал себя перед революционным персидским сбродом особой жестокостью в истреблении русских солдат, попавших в руки тавризских защитников персидской конституции».

Кавказский наместник граф И.И. Воронцов-Дашков, получив на то инструкции из Санкт-Петербурга, оказал шаху и его администрации в провинциях помощь в наведении порядка. В 1909 году в Персию был направлен под начальством генерал-майора Снарского экспедиционный воинский отряд в составе двух батальонов стрелков, четырех казачьих сотен кубанцев и терцев, трех артиллерийских батарей — скорострельной, горной и гаубичной. Затем отряд пополнили еще казаками. В следующем году был поставлен вопрос о выводе русских войск с иранской территории, но обстановка к этому явно не располагала.

В отчете за 1910 год о действиях русских экспедиционных войск в Персии, составленном генералом Самсоновым для штаба Кавказского военного округа и выше, говорилось следующее:

«Мы всегда стремились поскорее вернуть наши войска обратно (в Россию. — *А.Ш.*). Местное население, не разбираясь в тонкостях политических соображений, всякий раз видит в этом якобы нашу слабость, наше поражение.

Азиат покоряется только силе и никаких других высших, а тем более гуманных и рыцарских соображений, не понимает».

Отчет Самсонова был отправлен в Санкт-Петербург. Император Николай II, ознакомившись с документом из канцелярии своего наместника на Кавказе, собственноручно написал на нем одно-единственное слово:

«Верно».

Россия, как казалось со стороны, «завязла» в революционных событиях в Персии 1911—1912 годов. Ей пришлось увеличить численность своих экспедиционных войск. На территорию Персии были введены полки и отдельные сотни Кубанского, Терского и Семиреченского казачьих войск, артиллерия и несколько стрелковых батальонов. Шаху в тех событиях на свою многотысячную армию рассчитывать не приходилось. И даже наоборот — следовало опасаться.

Серьезные нападения иранских революционеров на русские воинские отряды случились только в северных городах — Тавризе и Реште. Боев с «фидьями» и просто с шайками самых заурядных местных разбойников случилось много, но все они отличались скоротечностью и больше напоминали вооруженные стычки. Постепенно движение революционеров-«фидяев» сошло на убыль, и, наконец, шахская администрация оказалась способной сама бороться с их остатками.

Теперь у Санкт-Петербурга и Тифлиса иранских забот стала намного меньше, но значение военных не умаялось. В декабре 1911 года российский военный министр В.А. Сухомлинов докладывал председателю Совета Министров В.Н. Коковцеву о положении дел в Персии следующее:

«Считаю настоятельно необходимым скорейшую выработку указаний для действий войск в Персии, а также для усиления их. Для сей последней цели необходимо или немедленное объявление частичной мобилизации войск КавВО или же перевозка на Кавказ потребного числа не мобилизованных войск из Европейской России».

Это указание военного министра в следующем «тревожном» году пришлось исполнять новому начальнику штаба Кавказского военного округа генерал-лейтенанту Н.Н. Юденичу. В Закавказье дополнительные войска перебрасывать не стали, приказав обойтись собственными, прежде всего казачьими, силами.

В «силовом» отношении ситуация по ту сторону российско-иранской границы почти не менялась: власть шаха для окраин страны, как и раньше, значила мало. Тот же В.Н. Коковцев, как глава кабинета министров России, получил и донесение из Тифлиса И.И. Воронцова-Дашкова. В нем с тревогой отмечалось следующее:

«Российский генеральный консул в Азербайджане (иранском Южном Азербайджане. — А.Ш.) указывает на факт пребывания в настоящее время в пределах Персии значительного числа русских подданных армян, грузин, татар (азербайджанцев), участвовавших в революционном движении в России, а затем скрывшихся в Персии, где они играют руководящую роль в происходящей там смуте».

Тогда еще не было такого понятия, как экспорт революции. Но то, что революционеры, организаторы стачек на Бакинских нефтепромыслах и крестьянских «красных сотен» грузинской

Гурии, вооруженных швейцарскими винтовками, закупленными японскими дипломатами для взрыва России изнутри во время войны 1904—1905 годов, нелегально перебрались в соседнюю Персию и пополнили ряды «фидяев» — являлось именно экспортом революции.

Воронцов-Дашков в декабре 1911 года добивался от столицы санкционирования самых решительных действий со стороны русских экспедиционных войск. В телеграмме из Тифлиса в Санкт-Петербург он требовал от начальства Генерального штаба:

«Дерзкое нападение на наш отряд в Тавризе и истязание раненых требуют примерного возмездия, почему полагаю предложить генералу Воропаеву взорвать цитадель и учредить полевой суд, в котором судить всех зачинщиков нападения, виновных в истязании раненых.

Приговоры немедленно приводить в исполнение.

Безусловно, необходимо взыскать с населения Тавриза значительную денежную сумму для обеспечения семейств убитых и раненых.

Признаю необходимым такие же меры применить в Энзели, Реште и других пунктах Персии, где были случаи оскорбления и убийства русско-подданных».

Такое «вхождение» российской стороны во внутренние дела шахской Персии вызывало естественное неудовольствие со стороны союзников Санкт-Петербурга по Антанте. Прежде всего их «заботило» наличие русских войск в этой стране и особенно их присутствие в иранском Курдистане, на границе с Турцией (Месопотамией, современным Ираком, бывшим тогда арабскими провинциями султана. — *А.Ш.*). Не случайно в одном из донесений военных агентов (военных атташе), поступившем в Тифлис, в окружной штаб, сообщалось следующее:

«Французы, немцы и англичане турок не опасаются, но увеличение мощи России в Курдистане — это своего рода кошмар для наших союзников»

Положение на ирано-турецкой границе складывалось конфликтным для России. В самом начале 1912 года турецкие войска большими силами переходят линию государственной границы с Персией и занимают горные перевалы между Хоем и Дильманом, полосу к западу от древнего караванного пути Хой — Урмия. Всего границу перешло 6 тысяч пехоты при 12 скорострельных орудиях, пулеметная рота и неустановленное число кавалерии.

Командование русских экспедиционных войск из состава Кавказского военного округа приняло незамедлительное решение вытеснить турок из иранского приграничья. Генерал Е. В. Масловский, находившийся тогда на месте событий, так описывал события в ходе операции по вытеснению турецких войск в их пределы:

«К намеченному отряду турок направлялся внезапно и скрытно отряд из трех родов оружия, силою значительно больше турецкого. Отряд выступал вечером, с расчетом подойти к туркам до рассвета. При приближении к турецкой заставе или отряду, наш отряд выделял из себя заставу, сильнейшую турецкой, и направлял ее обходом с задачей отрезать туркам путь отступления в пределы Турции.

Заняв удобный для наблюдения и обороны пункт, эта наша заставка водружала на видном месте русский флаг. То же делал и остальной отряд, располагавшийся перед фронтом турок. С наступлением утра, пробуждавшаяся турецкая часть, к своему изумлению и испугу, обнаруживала один, а потом и другой русские отряды.

При первой экспедиции турецкий начальник, выйдя с белым флагом в сопровождении нескольких человек, в энергичных выражениях потребовал объяснения, на каком основании русские войска выставили свои заставы и отряды на их территории. На это начальник русского отряда спокойно ответил, что территория не турецкая, а персидская, и раз турки выставили свои отряды и заставы, то то же будут делать и русские. При этом турецкому офицеру было объяснено, что впредь наши заставы никого не будут пропускать из Турции, т.е. ни подкрепления, ни снабжения. Турецкий офицер удалился и после короткого размышления увел свой отряд на соседний турецкий пост.

После этого случая турецкие части почти всегда, очевидно получив инструкции из Турции, уже ничего не спрашивали, а, завидев утром русские войска, снимались и уходили кружным путем в Турцию.

Таким образом, мирным путем, без дипломатических осложнений, одной угрозой, наши части к концу июня 1912 года очистили весь западный Азербайджан (провинция в Иране. — А.Ш.) от турецких войск».

Однако от этого разрядки внутривосточной ситуации во владениях шаха не произошло. На протяжении 1912 и 1913 годов

из русских экспедиционных отрядов, находившихся на персидской территории, приходили в штаб Кавказского военного округа донесения о серьезных боевых столкновениях. Так, в одном из них, за подписью генерал-майора Редько, сообщалось следующее:

«Для уничтожения шайки был выслан разъезд в 45 казаков от 3-й сотни 1-го Таманского полка под командой подъесаула Кобцева. Разбойники были настигнуты, в перестрелке 8 чел. убиты, отобраны 43 винтовки, 4 револьвера, 10 лошадей. У нас убитых и раненых нет».

Показательно, что боевые столкновения происходили не только на суше, но и у берегов Южного Каспия. В одном таком столкновении приняла участие канонерская лодка «Ардаган», пришедшая на помощь казачьей сотне, которая подверглась у Лерасы нападению «местных разбойников». С русской Каспийской флотилии докладывали об этом боевом эпизоде так:

«Секретная телеграмма командира канонерской лодки «Ардаган» капитана 2-го ранга Вейнера из Энзели от 6-го апреля 1912 г. За № 338.

Морскому министру.

Пришел в Лисар 4 апреля. Конвоировал фураж Талышского отряда, идущий на киржимах (большие мореходные лодки. — А.Ш.). Став на якорь, по мне открылся беглый огонь из домов селения, стрельба холостым зарядом не подействовала. Защищая казаков, могущих попасться в плен ввиду дальности главного отряда, дал 8 боевых выстрелов, после чего нападающие отошли в лес. Ранен нападающими 1 казак. Мною разрушен один дом перса.

Вейнер».

Постепенно ирано-турецкая граница превратилась в объект разведывательной деятельности турок. Их командование внимательно следило за действиями русских экспедиционных войск. Для начальника штаба Кавказского военного округа генерал-лейтенанта Н.Н. Юденича это большим секретом не являлось. Донесений по таким случаям к нему на стол ложилось много. Суть их состояла в следующем:

Турки основательно изучали театр будущих боевых действий и тактику действий русских экспедиционных отрядов в горах.

С этой целью в Персию постоянно засылались турецкие военачальники различных рангов. Это были, как правило, или офицеры приграничных гарнизонов, или профессиональные разведчики. Они налаживали отношения с протурецкими силами, прежде всего среди вождей курдских и других племен. Так, командующий 11-го корпуса султанской армии, расквартированного перед Мировой войной в районе города Ван, Джабир-паша совершил инкогнито поездку в Урмийский район.

После возвращения в Турцию из нелегальной «командировки», Джабир-паша заявил французскому вице-консулу (немало поразив того сказанным) следующее:

«Убедившись на деле, что такое персидская конституция и какая анархия царит в Персии, я лично считаю, что приход русских войск в Персию есть проявление человечности и гуманности, а не результат каких-либо агрессивных намерений».

Информацию схожего содержания с сопредельной стороны (то есть из Турции) разведывательное отделение штаба Кавказского военного округа добывало не раз. Много давалось пограничной стражей (в России подчинялось Министерству финансов). Известно, например, высказывание в Стамбуле одного из султанских чиновников: «Русские поступают в Персии очень умно и осторожно, а потому симпатии почти всего населения на их стороне».

У шахского режима была одна большая «головная боль». Особенно много хлопот ему, русским войскам на иранской территории и соответственно штабу кавказских войск в Тифлисе доставляли воинственные, не подчиняющиеся Тегерану полукочевники-шахсеваны. В переводе с персидского «шахсеваны» означают «любимцы шаха». В начале XVI века эти племена были искусственно образованы из самых храбрых и воинственных родов Персии шейхом Сефи как надежнейшая опора воцарившейся династии Сефеидов.

Шахсеваны (всего до 60 тысяч человек) заселяли северо-восточную часть иранского Азербайджана, занимая земли между горным хребтом Савелан и городом Ардебилем. Они делились примерно на 50 родов, во главе которых стояли беки. Мужская часть населения была сплошь вооружена и могла выставить для военных действий до 12 тысяч всадников.

Шахсеваны уже много лет дестабилизировали обстановку в стране. Даже при присутствии на ее территории русских войск

они продолжали совершать разбойные нападения на мирные селения возле резиденций самих шахских генерал-губернаторов. Действовали они почти безнаказанно, особенно прославил себя перед Первой мировой войной Мамед-кули-хан, называвший себя Мамед-кули-шахом.

Шахские власти долго ничего не могли с ним поделаться и удалось схватить, лишь заманив шахсеванского хана с его приближенными в ловушку, после чего их публично повесили. По этому поводу российский комиссар на границе с Персией докладывал в Тифлис:

«Бежавшие из Тегерана главнейшие виновники грабежей и убийств на границе Мамед-кули-хан и 9 шахсеванских вождей сегодня прибыли в Астару (иранский город на границе с Россией. — *А.Ш.*), арестованы».

Назревавшая большая война в Европе неизменно должна была «аукнуться» и на Ближнем Востоке, то есть в воздухе «запахло» очередной русско-турецкой войной. В такой ситуации кавказского наместника Воронцова-Дашкова и его начальника штаба генерал-лейтенанта Юденича заботила позиция курдских племен, проживавших на территории Персии. Они имели прямые сношения с племенами курдов, проживавшими на сопредельной части Турции, которые выставляли в султанскую армию многотысячную иррегулярную конницу для действий в горах.

О воинственности и непредсказуемости поведения населения Курдистана говорить много не приходилось. Как и все его предшественники на посту начальника окружного штаба, Юденич приказывал усиленно собирать разведывательную информацию о племенах куртинцев (курдов), проживавших не только на территории восточной Турции, но и в Персии. Так, в одной из собранных характеристик племенных вождей, рисовались такие портретные личности:

«Селим-паша — около 70 лет, отличается вероломным характером. Во время последней Русско-турецкой войны был на русской стороне, в отряде Тер-Гукасова, но бежал к туркам. В случае войны, вероятно, воздержится от решительных действий, а затем перейдет на ту сторону, где будет сила и успех;

Дервиш-Хамед-бей — около 50 лет, с разбойными наклонностями, фанатик;

Хаджи-Муса-бей — влияние его распространяется как на курдов, выставивших полки легкой конницы, так и на остальных.

Уверяет, что достаточно лишь простого его распоряжения, чтобы поднять восстание. Курды пойдут за ними в огонь и воду».

Официально участие русских экспедиционных войск в военных операциях на стороне шахского режима не объявлялось. Из Тифлиса в Генеральный штаб Российской Императорской армии, в его главное управление, за подписью генерал-лейтенанта Н.Н. Юденича была отправлена не одна телеграмма о боевых делах кавказских войск на сопредельной персидской территории. Так, в одной из них говорилось:

«Отряд в составе 5 сотен 1-го Лабинского (казачьего) полка, 2 сотен 1-нр Екатеринодарского (казачьего) полка, 6 рот 205-го пех. Шамахинского полка, 6 рот и 2 пулеметов 206-го пех. Сальянского полка, 4-х пулеметов 81-го пех. Апшеронского полка, 6 горных орудий 52-й арт. Бригады и команды сапер 2-го Кавказского саперного батальона выступили из Ардебилля для наказания шахсеван, за дерзкие их выступления против наших войск.

Генерал Юденич».

На одной из таких оперативных телеграмм из штаба кавказского наместника император Николай II собственноручно начертал такую высочайшую резолюцию:

«Нужно, чтобы наши экспедиционные или карательные отряды были таковыми, не с одной доблестью, но и по своей силе».

Операции против шахсеван носили характер необъявленных боевых действий. Юденич доносил в российскую столицу о бое с шахсеванами на Ахбулахском перевале экспедиционного отряда генерала Фидарева во всех подробностях, особенно отмечая мужественные поступки кубанских казаков:

«Командующий сотней подьесаул Баштанник, желая выяснить обстановку, выскочил вместе с одним казаком на несколько сот шагов вправо, на имевшуюся там седловину. Седловина эта оказалась занятой шахсеванами, которые открыли огонь почти в упор. Подьесаул Баштанник, видя себя в критическом положении, соскочил с лошади, залег в лощину и начал отстреливаться, потеряв из виду бывшего с ним казака Кононенко. Сделав несколько выстрелов, он был ранен в указательный палец правой руки, после чего потерял возможность отстреливаться, начал ползком отходить к своим, причем был контужен под челюсть, в грудь и левую ногу. Не имея сил уйти самому от наседавших шахсеван, подьесаул Баштанник стал звать на помощь.

Взвод хорунжего Крамарова с присоединившейся частью людей полусотни подьесаула Баштанника, под командой подьесаула Кирпы, заняли другую седловину и, спешившись, отбивали нападавших шахсеван ружейным огнем.

1-я сотня, находящаяся правее подьесаула Кирпы, сбив отдельных всадников, продвинулась на следующие высоты и, заняв их, удерживала натиск, не давая обойти правый фланг.

Призыв о помощи подьесаула Баштанника, окруженного шахсеванами, услышал подьесаул Крыжановский, который с конным вестовым поскакал по направлению криков и вместе с подоспевшим к нему с несколькими казаками хорунжим Брагуновым разогнал нападавших шахсеван. Недалеко от подьесаула Баштанника был найден тяжелораненый казак Кононенко.

С наступлением сумерек, хорунжий Крамаров с урядником и казаком, видимо, увлекшись преследованием, были отрезаны шахсеванами, что выяснилось только при сборе всех частей к перевалу. Тотчас же на розыски была послана специальная команда разведчиков, которая нашла их убитыми и ограбленными вблизи сел. Берзенд.

Потеря отряда во время боя: убиты — 1 офицер, 4 казака; ранен — 1 офицер.

Полковник Букретов».

В бою на Ахбулахском перевале конные отряды шахсеван были разгромлены только к вечеру. Это свидетельствовало о том, насколько упорной и ожесточенной оказалась та схватка в горах недалеко от российской границы.

Тот бой оказался решающим для выполнения поставленной задачи экспедиционным отрядом генерала Фидарева. Военный союз шахсеванских племен оказался на грани полного поражения в противостоянии шаху. Вскоре из штаба Кавказского военного округа в столицу на имя главы Военного ведомства была послана телеграмма такого содержания:

«Генерал Фидарев телеграфирует, что шахсеваны настолько серьезно разгромлены, что не помышляют о сопротивлении. Для захвата партии главарей двинулся из Хиова в горы (к горному хребту Савелан. — А.Ш.) отряд полковника Кравченко шахсеванами сдано около 1000 винтовок.

Граф Воронцов-Дашков».

Спустя некоторое время на берега Невы последовала новая телеграмма, в которой сообщалось, что в Ардебиле все ханы

шахсеванских племен дали клятву: впредь, ни при каких обстоятельствах не поднимать оружия против России. Теперь на границе с Персией для пограничной стражи жизнь стала действительно спокойной.

Примечателен такой исторический факт. Шахсеваны после военного поражения от русских экспедиционных войск неоднократно высказывали желание стать вместе с их землями подданными Российской империи. Но Южный Азербайджан, в отличие от Северного, так и остался одной из провинций шахского Ирана.

Однако в штабе Кавказского военного округа скоро поняли, что усмирить мятежных шахсеван не удалось. Боевые столкновения с ними русских отрядов вскоре возобновились. Из Тифлиса в Санкт-Петербург поступил, к примеру, такой документ:

«Его Императорскому Величеству.

Казвин Персия. Командир 1-го Кизляр-Гребенского ген. Ермолова полка ТКВ (Терского казачьего войска. — *А. Ш.*)

Рапорт

Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше доношу, что командир дивизиона вверенного мне полка получил донесение от разведчиков 5-й сотни о том, что сел. Чайнаки занято персидскими мятежниками с присоединившимися к ним шахсеванами, всего около 600 человек, и о том, что шайкой этой предполагается сделать нападение на дивизион, решил предупредить это и самому напасть на шайку.

Вызвав из порта Энзели канонерскую лодку «Красноводск» для совместных действий с дивизионом со стороны моря, на рассвете, подойдя к сел. Чайнаки, повел наступление. В то же время с «Красноводска» по мятежникам был открыт орудийный огонь. Спешенный дивизион в числе 125 казаков бросился в селение, из которого мятежники открыли сильный огонь, но были выбиты, отступили в горы, где и рассеялись.

В дивизионе смертельно ранен казак 4-й сотни Еремин. Со стороны мятежников убито 26 и ранено 31.

Казак Еремин происходит из казаков ст. Червленной Кизлярского отдела Терской области.

Полковник Рыбальченко».

Боевое донесение командира терского казачьего 1-го Кизляр-Гребенского полка в виде рапорта на имя Его Императорского Величества был прочитан императором Николаем II. Об этом

свидетельствует надпись на документе, сделанная рукой военного министра России генерала от кавалерии Сухомлинова:

«Его Величество изволил читать».

Заключительным аккордом в наведении порядка на персидской территории стало следующее донесение начальника штаба Кавказского военного округа в главное управление Генерального штаба. Юденич представил в Санкт-Петербург список 22 шахсеванских ханов и беков, оставленных заложниками в городе Ардебиле.

Историки считают действия русских войск на территории Ирана перед Первой мировой войной «Секретной персидской экспедицией». Такое название они получили потому, что не носили официальный характер. В этих действиях многое исходило от инициативы и воли полномочного царского наместника на Кавказе графа И.И. Воронцова-Дашкова и начальника окружного штаба генерал-лейтенанта Н.Н. Юденича.

Все же именно благодаря русским экспедиционным силам в Персии постепенно установился относительный внутренний порядок. В городах не вспыхивали большие беспорядки, которые с кровью выплескивались с базаров на улицы. По дорогам не рыскали разбойные конные отряды кочевников, притихли шахсеваны и курды, признавшие власть шаха над собой. Генерал-губернаторы стали собирать в подчиненных им провинциях налоги, меджлис изъявил послушание монарху.

В Тифлисе стали понимать, что пребывание русских войск по ту сторону пограничной реки Аракс затянулось. Такой вопрос начальник окружного штаба поставил перед Воронцовым-Дашковым. Тот согласился с мнением Юденича. В последних числах декабря 1913 года на правительственном уровне и у императора Николая II было решено вывести из Персии большую часть экспедиционных войск. По этому поводу министр иностранных дел России Сазонов сообщил главе Военного министерства Сухомлинову:

«Наступившее в последнее время известное успокоение в политической жизни в Персии дало мне повод пересмотреть основания командировки Казвинского отряда и пребывание его на персидской территории, причем по сношении с наместником ЕИВ на Кавказе выяснилось, что мы могли бы сократить отряд до состава одного казачьего полка.

Изложенные предложения удостоились высочайшего одобрения.

Уменьшение Казвинского отряда является тем более своевременными, что Шахское правительство уведомило нас о своем решении удвоить численность Тавризского отдела Персидской казачьей бригады, доведя таковой до 1288 человек, с просьбой командировать в Персию 2 русских офицеров и 4 урядников для инструктирования».

В итоге начальнику штаба Кавказского военного округа генерал-лейтенанту Н.Н. Юденичу, лично много сделавшего для успешного завершения «Секретной персидской экспедиции», из Санкт-Петербурга было приказано оставить на иранской территории с 1 января 1914 года следующие воинские силы, отозвав остальные в российские пределы:

Азербайджанский отряд в составе кубанского 1-го Полтавского казачьего полка и двух терских казачьих полков — 1-го Сунженско-Владикавказского и 1-го Горско-Моздокского (три сотни);

Ардебильский отряд (против шахсеван) из двух кубанских казачьих полков — 1-го Черноморского и 1-го Запорожского (три сотни);

Казвинский отряд из 1-го Кизляро-Гребенского полка терских казаков.

Одновременно с казачьей конницей Кавказского военного округа на персидской территории от войск Туркестанского округа на территории северо-востока Персии (в районе расселения туркменских племен и в провинции Хорасан) оставлялись следующие экспедиционные силы:

— Астрабадский отряд в составе двух казачьих сотен кубанского 1-го Таманского полка;

— Хорасанский отряд из четырех сотен 1-го Семиреченского казачьего полка.

В Генеральном штабе Турции и при султанском дворе заинтересованно следили за ходом русской «Секретной персидской экспедиции». Там отмечали ее несомненный успех. То же самое констатировали многочисленные германские военные советники, подвизавшиеся в султанской армии и на флоте на самых различных должностях. Военные агенты (атташе) России в одном из донесений, продублированном в штаб Кавказского военного округа, сообщили действительно ценную разведывательную информацию:

«Расчеты турок на персидских курдов пошатнулись, а решительное выступление России в Азербайджане дало понять, что

турки зашли слишком далеко со своими планами, что карты их открыты и что практичнее будет отложить свои упования на будущее время, когда обстоятельства окажутся для них благоприятными».

К началу вступления Турции в Первую мировую войну в Персии «все русские отряды остались лишь обозначенными или были постепенно ликвидированы» в первой половине 1914 года. Надобность их присутствия отпала по внешнеполитическим и военным причинам.

На время начала войны с Турцией командование Кавказским военным округом сохраняло в Персии лишь один-единственный экспедиционный отряд — Азербайджанский генерал-майора Федора Григорьевича Чернозубова, казака из станицы Нижнечирской области Войска Донского. По этому поводу историк-белоэмигрант Е. В. Масловский со всей справедливостью отмечал:

«В случае войны с Турцией было необходимо для обеспечения левого фланга развертывания Кавказской армии иметь наши войска выдвинутыми вперед, на персидской территории. Угрозы создания в этом районе турецко-германского плацдарма для будущих военных операций против России более не было. С началом войны с Турцией операционное направление Мосул — Урмия — Джульфа (географически расположенное на территории современных Ирака и Ирана. — *А.Ш.*) оказалось занятым нашими войсками».

Николай Николаевич Юденич, как будущий полководец русской армии на Кавказе в годы Мировой войны, словно «в воду глядел». Он и его оперативники окружного штаба, в чем им надо отдать должное, сумели обеспечить полную безопасность линии фронта кавказских войск на его восточном фланге, то есть со стороны Персии.

Все же не шахская Персия являлась главной заботой командования русских войск на Кавказе в лице многоопытного царского наместника и начальника его окружного штаба с опытом Японской войны. Такой заботой было поведение доживавшей свой исторический век султанской Турции. Ее поражение в Первой Балканской войне побудило Германию и Австро-Венгрию приступить к составлению секретных планов раздела не только европейских, но и азиатских территорий Оттоманской империи.

Об этом по агентурным и дипломатическим каналам стало известно в Санкт-Петербурге. Подобный раздел соседнего государства однозначно угрожал национальной безопасности России. В Петербурге со всей разумностью желали видеть на своих южных границах так хорошо знакомых по прошлым войнам турок, а не союзных германцев и австрийцев.

Между тем на берегах Босфора для России сгущались военные тучи. Германский посол в Стамбуле (Константинополе) Г. Вангенгейм во второй половине января 1913 года докладывал секретной депешей в Берлин:

«Малая Азия уже теперь во многих отношениях похожа на Марокканскую империю до Алжесираасской (1856 года. — *А.Ш.*) конференции. Быстрее, чем думают, на повестку дня может встать вопрос о ее разделе

Если мы не хотим при этом разделе остаться с пустыми руками, то мы должны уже теперь прийти к взаимному согласию с заинтересованными державами, а именно с Англией».

Вангенгейм высказывал не только свое личное мнение. Таких же взглядов придерживался и германский рейхс-канцлер Теобальт Бетман-Гольвег, подлинный творец немецкой имперской политики в преддверии мирового военного пожара. Однако длительный исторический опыт учил берлинских дипломатов, что любые «урезания» территории Оттоманской Порты не могли происходить без участия Российской империи.

Тогда Берлин и Вена стали проявлять известную настойчивость в привлечении России к намечаемому разделу Балкан и Ближнего Востока на сферы влияния. Такое можно было назвать планами колониального передела какой-то части мира. Российское же правительство, напротив, было заинтересовано в целостности малоазиатской части Османского государства.

Известен такой факт: германские военные советники и ближайшее султанское окружение подталкивало Решада Мехмеда V к новой войне с северным соседом. Когда об этом впервые завели разговор, султан в ужасе воскликнул:

— Воевать с Россией! Да ее трупа одного достаточно, чтобы нас сокрушить!..

В такой внешнеполитической ситуации Санкт-Петербургу приходилось внимательно отслеживать дипломатическую возню Германии и Австро-Венгрии вокруг «оттоманского наследства». Об этом, например, свидетельствует докладная записка главы

российского Министерства иностранных дел С.Д. Сазонова от 23 ноября 1912 года императору Николаю II. В записке российским премьером подчеркивалось следующее:

«Скорое распадение Турции не может быть для нас желанным. Это таит для России военную угрозу».

Как опытный дипломат-государственник, Сазонов предостерегал всероссийского самодержца от опрометчивых шагов в турецком вопросе. Одновременно он указывал главе Министерства иностранных дел на следующие обстоятельства:

«Весь расчет Вены и Берлина строится на попытке подорвать доверие Балканского союза к России.

Австро-Венгрия хочет получить свободу рук на западе Балкан, выдвигая иллюзорную для России приманку в районе (черноморских) проливов.

Мы не можем остановиться на почве компенсаций, которые невыгодно отразились бы на положении балканских государств».

Благодаря С.Д. Сазонову, его единомышленникам в кругу российских государственных мужей, да и самому императору, официальная позиция России в данном вопросе осталась прежней. По мнению Санкт-Петербурга, проливы Босфор и Дарданеллы и достаточная для их обороны зона на Балканском полуострове должны были принадлежать Турции и никакому другому государству Европы. Это была официальная позиция Российской империи.

Однако такая позиция не делала Турцию менее опасной для России в случае вызревшего военного конфликта на европейском континенте. Вызвано это было тем, что Турция переориентировалась на военный союз с Германией. В середине декабря 1913 года в Стамбул прибыла новая германская военная миссия. Ее возглавлял опытный штабной работник генерал Лиман фон Зандерс. На него возлагались реорганизация султанской армии и определение размеров немецкой помощи вооруженным силам Турции. Это стало серьезным сигналом об опасности для России.

Юденич видел в кавалерийском генерале Лимане фон Зандерсе опасного противника. За его плечами была военная академия и прекрасный послужной список. Командовал гусарским полком, кавалерийской бригадой, был командиром дивизии. Работал на различных штабных должностях. В 1911 году был произведен в генерал-лейтенанты. Фон Зандерс придерживался прогрессивных взглядов на развитие военного дела и оператив-

ного искусства, пользуясь среди германского генералитета заслуженным авторитетом. На уходящую в историю кавалерию он не уповал, с интересом присматриваясь к «механическим» средствам ведения современной войны.

О значимости миссии для Германии и Турции в Первой мировой войне говорят следующие цифры: в августе 1914 года в состав миссии входило 70 офицеров, в конце войны — 800. Лиман фон Зандерс фактически руководил турецкой армией и до, и в ходе войны. Одновременно султан поручил германскому генералу командование 1-м армейским корпусом, расквартированным в Константинополе. По этому поводу российский МИД заявил протест правительству Турции, что привело к серьезному дипломатическому кризису.

Роль главы германской военной миссии в военной системе Турции была велика. Об этом свидетельствует такой факт. Еще до начала Первой мировой войны, в январе 1914 года, фон Зандерс за заслуги в модернизации султанской армии производится в муширы — маршалы Турции и назначается генерал-инспектором ее огромной по численности армии. Подобная информация не являлась секретом для русского Генерального штаба и соответствующих должностных лиц в Тифлисе.

По долгу службы Н.Н. Юденич, равно как и царский наместник на Кавказе, был знаком с подобного рода информацией, порой носившей конфиденциальный характер. В частности, в штаб Кавказского наместничества, то есть лично Воронцову-Дашкову и Юденичу, приходили секретные телеграммы от посла России в Константинополе Н.К. Гирса. Николай Николаевич, например, был знаком с такой из них:

«20 июля (3 августа) 1914 г., № 612.

Из дальнейших моих объяснений с великим визирем я заключаю, что Порта (название правительства Турции и самой Османской империи. — *А.Ш.*), сохраняя до поры до времени нейтралитет, все же хочет быть готова ко всяким случайностям, твердо решив воспользоваться всяким обстоятельством, могущим принести какую-либо прибыль Турции. Нет сомнения, что, опасаясь нас и подозревая нас вследствие наветов наших доброжелателей в намерении захватить ныне же Босфор, она в душе желает успеха наших врагов.

Это чувство сильно поддерживается офицерами немецкой миссии, по-видимому, остающимися в Турции. Это элемент край-

нежелательный, так как он, несомненно, натравливает турок на нас, но Порта, полагая, не решится удалить его до выяснения результатов нашей борьбы с Германией. По отзыву нашего военного агента, турецкая армия в настоящий момент в таком состоянии, что не предоставляет для нас пока опасности.

При этих условиях, я полагал бы, что, принимая все меры предосторожности в наших пределах, нам не следовало бы при нынешних событиях входить с нею в какие-либо препирательства по поводу военных ее мероприятий, пока они не носят агрессивного против нас характера. Я полагал бы, однако, крайне желательным, чтобы Англия или Франция не допустили прихода сюда дредноута «Осман»*.

Гирс».

Российский посол в Стамбуле правильно оценил опасность немецкой военной миссии. О действиях сотрудников фон Зандерса в штабе Кавказского военного округа имелась исчерпывающая информация. В своей основе она исходила прежде всего от Гирса и его помощника Щеглова, военно-морского агента. Первоначальная численность миссии военных инструкторов стала расти уже после первого месяца ее пребывания в Турции. Германским офицерам было предоставлено право совмещать функции инструкторов с командными должностями.

Когда глава миссии фон Зандерс, он же мушир султана, стал командующим 1-м столичным корпусом, он деятельно занялся укреплением в фортификационном отношении предместий Стамбула и Босфора. В составе 1-го корпуса была создана образцовая дивизия из всех родов оружия во главе опять же членом германской миссии. Немецкие офицеры становятся во главе всех военных школ Турции.

Теперь все назначения на высшие должности в армии и производства в очередные воинские звания делались не иначе как по утверждению главы военной миссии Германии в Стамбуле. Такого иноземного засилья армия и флот Турции еще не знали. Резюмируя свое о том донесение, российский посол Н.К. Гирс обращал внимание на другую сторону «дела о миссии Сандерса»:

---

* Линкор «Султан Осман I», заказанный в Англии фирме «Арметронс». (Прим. ред.).

«Все это означает, что в случае наших десантных операций в районе Босфора в будущем мы встретим здесь германский корпус».

В штабе Юденича ясно понимали, что поступавшая разведывательная информация о военных приготовлениях в сопредельном государстве, которое дружественно было по отношению к России за несколько столетий считанные годы, расхолаживаться не позволяла. Поэтому штаб проводил усиленную подготовку будущего театра военных действий. Улучшались дороги, прежде всего в приграничных горах. Создавались по возможности более полные запасы армейского снаряжения. Проводилось уточнение состава первоочередного призыва запасников. Решались вопросы расквартирования возможных новых воинских частей. Много приходилось «выколачивать» из столичного Военного ведомства. А он, как известно, больше всего пекся о западных приграничных округах: Виленском, Варшавском и Киевском. Такое было и понятно — главные события большой европейской войны должны были разворачиваться только там.

Н. Н. Юденич самым серьезным образом озаботился об ускорении топографических съемок приграничной полосы. При этом он всегда ссылался на свое командование стрелковым полком и стрелковой бригадой на Японской войне. Тогда не то что карт мест предполагаемых боев часто не бывало у него под рукой — не было и карт китайских провинций с указанием городов, городков и основных дорог.

Поэтому требования генерал-лейтенанта Юденича к военно-топографическому отделу окружного штаба и его начальнику генерал-майору Н. О. Щеткину отличались жесткостью. В итоге его изнурительной работы на местности штаб Кавказского военного округа имел пять карт приграничья на случай войны, которая, к слову, не заставила себя на Кавказе долго ждать:

Двухверстная карта, составленная по материалам инструментальных съемок 1866 года в масштабе одна верста в дюйме, изданная типографским способом в два цвета.

Пятиверстная карта с прилегающими к Кавказу частями Турции и Персии. К ней был отпечатан алфавитный указатель на 307 страницах с 34 тысячами географических названий.

Десятиверстная, схожая с пятиверстной картой.

Двадцативерстная карта, отпечатанная в три цвета. Она имела стратегическое «звучание» для работников больших штабов.

И, наконец, крупномасштабная 40-верстная карта Кавказа и прилегающих частей Турции и Персии, напечатанная в три цвета, с выделением красным цветом областных и губернских границ.

Кавказскому наместнику и начальнику его штаба турецкими и персидскими делами приходилось заниматься на своем уровне. На более высоком уровне этими же вопросами занимались должностные лица в Санкт-Петербурге. Российское правительство, Военное министерство и Генеральный штаб были очень обеспокоены тем, что в Антанте должного единодушия по Ближнему Востоку не виделось. Война покажет, насколько прав был Н.Н. Юденич, не видя в англичанах верных и надежных союзников.

Россия не могла не готовиться к войне. В феврале 1914 года в столице было созвано закрытое совещание на высшем уровне, посвященное отношениям с Турцией. В нем приняли участие представители трех ведомств: дипломатического, военного и морского. На этом совещании присутствовал и генерал-лейтенант Юденич, замещавший в то время на посту командующего военным округом заболевшего графа Воронцова-Дашкова.

Единодушия среди участников совещания не нашлось: его участники высказывали самые различные точки зрения. Но против военных акций в районе черноморских проливов Босфор и Дарданеллы высказались министр иностранных дел А.П. Извольский, морской министр адмирал И.К. Григорович и генерал-квартирмейстер Генерального штаба Ю.Н. Данилов.

Последний (имевший в русской армии прозвище «Данилов-черный») после совещания пригласил Юденича к себе, где ознакомил с мобилизационными планами на случай войны с Австро-Венгрией и Германией. По этому плану Кавказский военный округ в начальный период войны лишался немалой части своих наличных войск, которые перебрасывались на запад, в европейскую часть страны. Взамен округ получал второочередные воинские формирования, казачью пехоту с Кубани и Терека. Юденичу было приказано составить подобный мобилизационный план за округ лично, с привлечением одного-единственного работника штаба — его генерал-квартирмейстера.

С таким же грифом секретности в окружном штабе появилась карта приграничья России и Турции. Едва ли не каждый день она покрывалась все новыми и новыми условными значками. Из различных источников становилось известно, что турецкое ко-

мандование подтягивает к линии государственной границы все новые и новые воинские части различного назначения, от мобилизовывались местные резервисты, пограничная жандармерия получала усиление. В Эрзерумской крепости накапливались армейские запасы. В курдских племенах, проживающих на турецкой территории, создавались многотысячные иррегулярные конные части, которые существенно дополняли регулярную кавалерию. То есть все эти приготовления свидетельствовали только об одном: войне на Кавказе быть скоро.

Было установлено, что в Турецкой Армении заканчивает концентрацию 3-я турецкая армия в составе трех армейских корпусов. Каждый из них состоял из трех пехотных дивизий и одной кавалерийской бригады. 9-й корпус: 17-я, 28-я и 29-я дивизии; 10-й корпус: 31-я, 32-я и 33-я дивизии; 11-й корпус: 18-я, 33-я и 34-я дивизии. Каждая дивизия состояла из трех полков пехоты и артиллерийского полка. Полки состояли из трех батальонов и пулеметной роты. Только в одной 9-й кавалерийской бригаде имелся конно-артиллерийский дивизион.

Турецкие войска имели современное вооружение, благодаря военным поставкам из Германии. Артиллерия имела современные пушки Шнейдера и Круппа. Пехота была вооружена винтовками Маузера.

Исходя из постоянно осложнявшейся ситуации, генерал-лейтенант Юденич провел реорганизацию окружного штаба. Весной того же 1914 года он добился разрешения у Военного министерства на создание «собственного», самостоятельного оперативного отделения при управлении генерал-квартирмейстера. Теперь приграничный Кавказский округ заблаговременно имел рабочий орган оперативного руководства боевыми действиями, что не могло не сказаться на успехах начального периода войны.

Николая Николаевича, которому теперь приходилось работать и по ночам, беспокоило и другое. Турецкая разведка заметно активизировала свою деятельность в приграничье, особенно в Аджарии и портовом городе Батуме, где местное мусульманское население делало немалую ставку, чтобы нанести по русской армии удар с тыла. В ходе же войны такие надежды оправдались только отчасти: мятежные выступления случились только в ряде горных селений.

Для бдительных пограничных стражников наступили напряженные дни и ночи. Теперь на горных тропах лазутчиков с той

стороны ловили числом больше, чем вооруженных контрабандистов и угонщиков скота. Стычки с применением огнестрельного оружия стали обычным явлением. Турецкие стражники на сопредельной стороне порой вели себя просто вызывающе.

На второй день начавшейся Русско-германской войны (пока еще не Первой мировой), 2 августа, султанская Турция официально присоединилась к коалиции держав Центрального блока заключив соответствующее соглашение с Берлином. Хотя соглашение враждебной стороны и было секретным, но уже в начале августа его копию доставили в Тифлис. Юденич внимательно ознакомился с содержанием документа, состоявшего из семи пунктов, каждый из которых прямо или косвенно касался России, ее кавказских территорий:

«1. Обе договаривающиеся стороны сохраняют нейтралитет в существующем между Австро-Венгрией и Сербией конфликте.

2. В том случае, если бы Россия вмешалась при посредстве действительных военных мер в конфликт и сделала бы, таким образом, необходимым для Германии выполнение своего долга и своих обязанностей союзницы по отношению к Австро-Венгрии, то этот долг и эти обязанности подлежали бы выполнению также и для Турции.

3. В случае войны германская военная миссия остается в распоряжении оттоманского правительства.

Оттоманское правительство обеспечит осуществление действительного влияния и действительной власти этой миссии в общих операциях турецкой армии.

4. Если оттоманские территории подвергнутся угрозе со стороны России, Германия защитит Турцию, в случае нужды, силой оружия.

5. Настоящее соглашение, заключенное с целью предохранения обоих государств от международных осложнений, могущих проистечь от современного конфликта, вступит в силу со дня его подписания и будет действительным до 31 декабря 1918 года.

6. Если ни одна из обеих договаривающихся сторон не откажется от него за шесть месяцев до истечения этого срока, то настоящее соглашение будет по-прежнему подлежать исполнению в течение следующих пяти лет.

7. Настоящее соглашение остается секретным и может быть

опубликовано лишь в случае согласия, установленного между обеими договаривающимися сторонами».

Секретное соглашение двух, прямо скажем, воинственно настроенных государств было подписано от имени своих правительств и монархов ответственными лицами. С германской стороны — послом в Стамбуле бароном Г. Фон Вангендеймом. С турецкой стороны — великим визирем принцем Саид-Галимом.

На следующий день после подписания в строгой секретности союзного договора между Берлином и Стамбулом, Турция пошла на известную дипломатическую хитрость, больше похожую на военную. Суть ее была изложена в секретной телеграмме министра иностранных дел России С.Д. Сазонова российским послам в Париже и Лондоне от 3 августа 1914 года. Содержание телеграммы было следующим:

«3 (16) августа 1914 г., № 1939

Ссылаюсь на телеграмму Гирса № 718.

В пояснение этой телеграммы считаю своим долгом сообщить, что несколько дней тому назад Энвер (Энвер-паша, военный министр Турции. — *А.Ш.*) делал следующие предложения:

- 1) Турки отзывают войска с кавказской границы.
- 2) Представляют нам армию во Фракии, могущую действовать против любого балканского государства, в том числе и Болгарии, если она пойдет против нас.
- 3) Удаление всех немецких инструкторов из Турции. За это Турция получает компенсацию: 1) во Фракии по водоразделу по линии меридиана Гюмильджина и 2) Эгейские острова.

Одновременно с этим заключается между Россией и Турцией оборонительный союз на 10 лет.

Сазонов».

Когда такой документ лег на стол генерал-лейтенанта Н.Н. Юденича, то вслух прокомментировал его присутствующим: «Значит, война для нас, кавказцев, близка». Дипломатическая хитрость Энвер-паши не обманула ни российский МИД, ни тем более штаб приграничного Кавказского военного округа. О том, что соседнее государство заканчивает свои военные приготовления, там знали из самой достоверной информации.

Ждать прихода войны на Кавказ долго не пришлось. Стамбул без заметных колебаний вступил в Первую мировую войну, стремясь стать в ней одним из победителей и желая возврата небольшой части утерянных Оттоманской Портой за последнее столетие территориальных владений, в том числе оказавшихся под властью российской короны. В их число, разумеется, входили Закавказье, Северный Кавказ (западная его часть) и Крым. Но мировой пожар принесет султанской Турции только губительное поражение: она потеряет последние свои имперские владения, а ее монархия канет в историю.

Война на Кавказе начиналась так. 27 сентября Турция закрыла черноморские проливы для торговых кораблей стран Антанты и прежде всего для России. Этот шаг стал как бы актом неофициального объявления Стамбулом войны противникам Германии и Австро-Венгрии. Теперь в Европе знали, на чьей стороне и против кого будет сражаться турецкая армия, приведенная в «соответствие» с германской военной миссией генерал-лейтенанта и мушира Лимана фон Сандерса.

Стамбул выжидал до середины октября 1914 года. Успехи немцев на Французском фронте создавали видимость скорого разгрома Антанты, и 16 октября соединенная турецко-германская эскадра под командованием немецкого контр-адмирала Вильгельма Сушона внезапно бомбардировала города Севастополь, Феодосию, Новороссийск, не принеся каких-либо серьезных разрушений. В составе эскадры входили германские линейный крейсер «Гебен» и легкий крейсер «Бреслау», которые вошли в состав военно-морского флота Турции под ее флагом, будучи переименованы (соответственно) в «Явуз султан Селим» и «Мидилли».

Теперь практически всеми кораблями Оттоманской Порты командовали немецкие офицеры. Контр-адмирал Сушон приказал офицерам и матросам «Гебена» и «Бреслау» сменить фуражки и бескозырки на красные фески. Сушон пользовался такими широкими полномочиями, что часто отдавал приказы союзному флоту через голову султанского морского министра Джемалья-паши. Флотом Турции фактически командовал он, а не адмиралы султана Решада Мехмеда V.

К слову сказать, отдельные современные исследователи высказывают мысль, что именно контр-адмирал Вильгельм Сушон своими бомбардировками российских черноморских городов

спровоцировал вступление Оттоманской империи в Первую мировую войну на стороне держав Центрального блока. Но это мнение во многом спорное, поскольку Турция готовилась к большей войне в Европе основательно и заблаговременно, подписав к тому же 2 августа союзный договор с Берлином.

У Суцона был хороший послужной список в командовании немецкими флотскими силами за пределами европейского континента. Его канонерская лодка «Адлер» участвовала в захвате островов Самоа в Тихом океане. После окончания Морской академии в Киле служил в Главном командовании ВМФ и Адмиралштабе. Во время русско-японской войны был начальником штаба крейсерской эскадры в Восточной Азии. С 1913 года — командующий эскадрой Средиземного моря в составе линейного крейсера «Гебен» и легкого крейсера «Бреслау». В момент объявления войны находился в итальянском порту Бриндизи. Получив команду идти в Турцию, обстрелял алжирские порты Филиппивиль и Бон. В Стамбуле был назначен командующим германо-турецким ВМФ (впоследствии также и болгарским флотом).

Союзная эскадра под флагом германского контр-адмирала после бомбардировки Севастополя, Феодосии и Новороссийска совершила нападение на Одессу. В ее гавани турецкими миноносцами беспрепятственно была потоплена русская канонерская лодка «Донец». В Тифлисе это сообщение восприняли однозначно: как начало войны Турции против России на Кавказе.

Министр иностранных дел России С.Д. Сазонов секретной телеграммой известил наместника на Кавказе графа И.И. Воронцова-Дашкова о случившемся:

«Турки открыли военные действия против незащищенного порта Феодосии и канонерки, стоявшей в одесском порту».

В ответ на откровенно враждебные акции со стороны Турции 2 ноября 1914 года Россия после некоторого «дипломатического» промедления объявила ей войну. 5 ноября такое же решение приняла Великобритания, а на следующий день — Франция.

Французский посол в Санкт-Петербурге (и Петрограде) М. Палеолог в своих мемуарах «Царская Россия во время мировой войны» так описал события, связанные с началом военных действий Турции против России:

«Четверг, 29 октября (по новому стилю) 1914 г.

Сегодня, в три часа утра, два турецких миноносца ворвались

в одесский порт, потопили русскую канонерку и обстреляли французский пароход «Португалия», причинив ему некоторые повреждения. После этого они удалились полным ходом, преследуемые русским миноносцем.

Сазонов принял известие с полным хладнокровием. Тотчас приняв распоряжения от императора, он сказал мне:

— Его Величество решил не отвлекать ни одного человека с германского фронта. Прежде всего нам нужно победить Германию. Поражение Германии неизбежно повлечет за собой гибель Турции. Итак, мы ограничимся возможно меньшей завесой против нападений турецких армий и флота.

Впечатление в обществе очень велико.

Пятница, 30 октября

Русскому послу в Константинополе, Михаилу Гирсу, повелено требовать паспорта.

По просьбе Сазонова, три союзных правительства пытаются, тем не менее, вернуть Турцию к нейтралитету, настаивая на немедленном удалении всех германских офицеров, состоящих на службе в оттоманской армии и флоте. Попытка, впрочем, не имеет никаких шансов на успех, так как турецкие крейсера бомбардировали только что Новороссийск и Феодосию. Эти нападения без объявления войны, без предупреждения, этот ряд вызовов и оскорблений возбуждают до высочайшей степени гнев всего русского народа.

Воскресенье, 1 ноября

Так как Турция не пожелала отделиться от германских государств, послы России, Франции и Англии покинули Константинополь.

К западу от Вислы русские войска продолжают победоносно наступать по всему фронту.

Понедельник, 2 ноября

Император Николай обратился с манифестом к своему народу:

«Предводимый германцами турецкий флот осмелился вероломно напасть на наше Черноморское побережье. Вместе со всем народом русским мы непреклонно верим, что нынешнее безрассудное вмешательство Турции в военные действия только

ускорят роковой для нее ход событий и откроет России путь к разрешению завещанных ей предками исторических задач на берегах Черного моря».

Я спрашиваю Сазонова, что значит эта последняя фраза, как будто извлеченная из сивиллиных книг.

— Мы будем принуждены, — отвечает он, — заставить Турцию дорого заплатить за ее теперешнее затмение. Нам нужно получить твердые гарантии по отношению к Босфору. Что касается Константинополя, то я лично не желал бы изгнания из него турок. Я бы ограничился тем, что оставил бы им старый византийский город с большим огородом вокруг. Но не более.

Вторник, 10 ноября

Нападение турок нашло отклик в самых глубинах русского сознания.

Естественно, что взрыв изумления и негодования нигде не был сильнее, чем в Москве, священной метрополии православного национализма. В опьяняющей атмосфере Кремля вдруг пробудились вновь все романтические утопии славянофильства».

Так мировой пожар 1914—1918 годов опалил Кавказ бомбардировкой с моря портового Новороссийска. Первая мировая война пришла на Кавказ со стороны Черного моря и уже в самом скором времени сделала генерала Николая Николаевича Юденича признанным полководцем русской армии. Она принесла ему славу и сделала его трижды кавалером императорского Военного ордена Святого великомученика и Победоносца Георгия.

Та же Мировая война самым неожиданным образом прервала его блестящую военную карьеру, а потом бросила в пучину Гражданской войны и оставила без Отечества, сделав уделом последних дней его жизни русское зарубежье, «основанное» в 20-х годах XX столетия белой эмиграцией. Волей судьбы сотен тысяч людей, разбросанных по всему свету, от Аргентины и Парагвая до Маньчжурии и Австралии.

ГЛАВА 5

ГЕРОЙ САРЫКАМЫША. ПОБЕДА НАД ЭНВЕР- ПАШОЙ

Мировая война началась для русской армии на Кавказе с того, что ее приказом из столицы заметно обескровили. Верховное командование России, пользуясь тем, что Турция еще не вступило в войну, приказало Тифлису перебросить на Западный фронт два из трех Кавказский корпусов — 2-й и 3-й с частями их усиления. На Кавказе оставлялся только один первоочередной 1-й Кавказский корпус. 1-я и 2-я Кубанские пластунские бригады, казачья конница и прочие части.

Однако Верховное командование не могло серьезно обескровить приграничный округ на вот-вот образующемся турецком фронте. После мобилизации на Кавказ был переброшен из Средней Азии 2-й Туркестанский корпус, состоявший из двух бригад неполного состав. Его стрелковые полки имели не по четыре батальона, а только по три.

С вступлением в войну Турции Кавказский округ (в соответствии с планом мобилизации) был развернут в Отдельную Кавказскую армию, действовавшую на самостоятельном стратеги-

---

* Здесь и далее под Западным фронтом подразумевается фронт России с Австро-Венгрией и Германией. (Прим. ред.).

ческом направлении. По своей силе эта армия оказалась намного слабее тех русских армий, которые были созданы с началом войны на Западном фронте. В Петрограде (Санкт-Петербург в патриотическом порыве государя императора Николая II был переименован) резонно считали, что Кавказ не будет играть первостепенной роли, поэтому русским войскам здесь ставились задачи только прикрытия государственной границы, а не проведения стратегических наступательных операций.

Планы кавказского командования строились на основе четырех возможных политических вариантов участия Турции в европейской войне. Война началась по третьему варианту: Турция, решившая вначале соблюдать нейтралитет, затем в тяжелый для России период войны на Западе изменила планы и напала на Закавказье. Задача русской армии в этом случае заключалась в том, что в то время, когда на Западе будет решаться судьба государства, войска, остающиеся на Кавказе, станут сохранять две главные коммуникации, соединяющие Закавказье с Европейской Россией, то есть железной дороги Баку — Владикавказ и Военно-грузинскую дорогу, а также Баку как промышленный центр.

Вместе с тем для Отдельной Кавказской армии дополнительно ставилась следующая задача: предотвратить появление турецких сил на территории Кавказа. Эта задача была выполнена в самом начале войны переходом русскими войсками линии государственной границы и вторжением собственно в Турцию. В дальнейшем намечалось вести активную оборону на занятых рубежах. Но в эти намерения кавказского командования почти сразу же «вмешался» султанский военный министр Энвер-паша.

Можно утверждать, что за время своего короткого пребывания на посту начальника окружного штаба генерал-лейтенант Н.Н. Юденич сделал очень многое для повышения боевой готовности кавказских войск. Как же относился лично сам Николай Николаевич к оценке готовности русской армии в целом к Великой войне? Известно одно, что этот вопрос им ни публично, ни в частных беседах, будучи в эмиграции, не обсуждался. По всей видимости, это была большая тема для полководца, и потому он старался всячески избегать ее.

В отличие от Юденича многие известные участники событий Первой мировой войны, оказавшись кто в Белом, кто в Крас-

ном стане, делились в своих мемуарных и исследовательских трудах мнениями на сей счет. Отказать в правдивости их суждениям и по сей день трудно: они были не только очевидцами военных потрясений, но и людьми, которые стояли во главе сражавшихся русских войск.

Во мнениях большинства таких лиц, оставивших после себя мемуарное наследие, сквозит мысль о неготовности русской армии к Великой войне. Один из вождей Белого движения на российском Юге генерал-лейтенант А.И. Деникин в своих воспоминаниях «Путь русского офицера» высказывается достаточно резко:

«Россия не была готова к войне, не желала ее и употребляла все усилия, чтобы ее предотвратить».

Известный военный специалист Красной армии А.А. Брусилов, бывший царский генерал от кавалерии, Верховный главнокомандующий Временного правительства (1917 г.) в своих мемуарах замечал следующее:

«Мы выступили с удовлетворительно подготовленной армией

Состав кадровых офицеров был недурен и знал свое дело хорошо, что и доказал на деле.

Хуже у нас была подготовка умов народа к войне. Она была вполне отрицательная.

Моральную подготовку народа к неизбежной европейской войне не то что упустили, а скорее не допустили».

Это авторитетные свидетельства двух командующих Юго-Западного фронта. Есть мнения участников и исследователей Великой войны иного, более категоричного тона. Так, военный историк А.М. Зайончковский в своем фундаментальном труде «Мировая война 1914—1918 гг.» дает действительно исчерпывающую картину готовности Российской империи и ее армии и флота к тяжким испытаниям, сокрушившим державу династии Романовых:

«Россия успела залечить свои раны (после русско-японской войны. — А.Ш.) и сделать большой шаг вперед в смысле укрепления своего военного могущества. Мобилизованная русская армия достигла в 1914 г. грандиозной цифры — 1816 батальонов, 1110 эскадронов и 7088 орудий, 85% которых могло быть двинуто на Западный театр военных действий.

В русской армии усовершенствовалось обучение, расширились боевые порядки, начала приводиться в жизнь эластичность их,

было обращено внимание на значение огня, роль пулеметов, связь артиллерии с пехотой, индивидуальное обучение отдельного бойца, на подготовку младшего командного состава и на воспитание войск в духе активных и решительных действий.

Но с другой стороны, оставлено было без внимания выдвинутое японской войной значение в полевом бою тяжелой артиллерии, что, впрочем, следует отнести и к погрешности всех остальных армий, кроме германской. Не были достаточно учтены ни громадный расход боеприпасов, ни значение техники в будущей войне.

Однообразного понимания военных явлений и однообразного подхода к ним ни в русской армии, ни в ее Генеральном штабе достигнуто не было, — отмечал далее А. М. Зайончковский. — В то время, когда офицерский состав вышел на мировую войну обученным тактике согласно новому полковому уставу (1912 года. — *А. Ш.*), у высшего командного состава, за редким исключением, наблюдалось отсутствие твердых определенных взглядов, а нередко и совершенно устарелые воззрения.

Генеральный штаб, начиная с 1905 года, получил автономное положение. Он сделал очень мало для проведения в жизнь армии единого взгляда на современное военное искусство. Успев разрушить старые устои, он не смог дать ничего цельного. С таким разнобоем в понимании военного искусства русский Генеральный штаб вступил в мировую войну.

Более того, русская армия начала войну весьма слабо снабженной всеми техническими средствами и огнеприпасами, имея у себя в тылу неподготовленную для ведения большой войны страну и ее военное управление и совершенно не подготовленную к переходу для работ на военные нужды промышленность.

В общем, русская армия выступила на войну с хорошими полками, с посредственными дивизиями и корпусами и с плохими армиями и фронтами».

Военный историк А. М. Зайончковский относится к числу серьезных исследователей Первой мировой войны. Его суждения о готовности русской армии к большой европейской войне явно не относятся к кавказским войскам и к личности полководца Н. Н. Юденича. Если бы у этого полководца в ранге командующего отдельной армией и самостоятельного фронта не имелось твердых воззрений на современное ему военное искусство, тогда бы и не было бы на Кавказе громких, убедительных побед

русского оружия. А они следовали на горном театре войны одна за другой.

То есть реалии Великой войны свидетельствуют со всей убедительностью, что действовавшие под командованием генерала от инфантерии Николая Николаевича Юденича Отдельную Кавказскую армию и Кавказский фронт «плохими» назвать никак нельзя. Даже с тех исторических позиций, когда все при царизме называлось «плохим».

События, как на всякой войне после ее официального объявления, в 1914 году развивались стремительно. Уже 1 ноября высочайшим императорским указом на базе Кавказского военного округа, утратившего два корпуса из трех, начала разворачиваться Отдельная Кавказская армия.

В силу занимаемой должности царского наместника ее командующим назначается престарелый генерал-адъютант граф И. И. Воронцов-Дашков, давно утративший многие качества большого военачальника. Начальником армейского штаба автоматически становится генерал-лейтенант Н. Н. Юденич. Помощником командующего назначается генерал от инфантерии Александр Захарьевич Мышлаевский: именно в его руках в первые дни войны с Турцией сосредотачивается все оперативное руководство русскими войсками на горном пограничном рубеже.

Отдельная Кавказская армия с первого дня своего существования фактически являлась отдельным, вполне самостоятельным фронтом Первой мировой войны. Она разворачивалась для боевых действий на огромной приграничной полосе протяженностью, пока, в 720 километров: от берега Черного моря до озера Урмия.

Из триумvirата, поставленного во главе русских войск на Кавказе, под ранг подлинного полководца подходил только один Юденич. Он обладал действительно богатым опытом Японской войны и организации боевой учебы в Кавказском и Казанском военных округах. Мышлаевский, номинально стоявший над ним в первые дни войны, являлся почетным профессором Николаевской академии Генерального штаба, не имевшим ни военного опыта, ни организаторских способностей. К слову сказать, дружба с этим человеком будет связывать Николая Николаевича до последних дней жизни в белой эмиграции. Царский наместник Воронцов-Дашков был в таком преклонном возрасте, что «видеть» его во главе армии просто не приходилось, хотя в свое

время, будучи офицером, он являл собой пример личной храбрости.

Следует заметить, что к чести Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова он не претендовал на реальное командование Отдельной Кавказской армией и с началом войны передал все бразды правления в руки своего начальника штаба. Об этом знали и в далеком Петрограде, и в более близком Стамбуле.

В Тифлисе имелись достоверные данные о силе неприятеля. На начало войны султанская армия насчитывала 40 дивизий низама, то есть кадровых войск. Их дополняли 53 дивизии реди-фа — резервных войск. Ополчение — так называемый мустафиз, мог насчитывать до ста тысяч человек. Кавалерия насчитывала более 60 полков, примерно треть которых формировались из ополчений курдских племен.

Против русских на Кавказе султанское командование выставило свою сильнейшую армию — 3-ю. Она состояла из трех армейских корпусов: 9-го, 10-го и 11-го. Каждый из них состоял из трех пехотных дивизий со штатной артиллерией. Кавалерия состояла из 2-й кавалерийской дивизии и иррегулярной курдской конницы, численность которой оценивалась штабом Юденича в четыре-пять дивизий.

Основные силы 3-й армии были развернуты в районе Эрзерумской крепости. 10-й армейский корпус стоял у Самсуна. На непосредственное прикрытие государственной границы турки больших сил не выдвинули. Но было известно, что по приказу военного министра Энвер-паши из состава войск, действовавших против англичан в Месопотамии южнее Багдада, перебрасывалась на усиление 3-й армии одна из пехотных дивизий действовавшего на юге современного Ирака 13-го армейского корпуса. Одновременно решался вопрос о переброске второй дивизии.

По уточненным данным, на начало боевых действий сила 3-й армии состояла из около 130 пехотных батальонов низама и реди-фа, примерно 160 кавалерийских эскадронов и конных курдских сотен, 270—300 орудий различных артиллерийских систем. Командовал 150-тысячной армией с ноября 1914 года генерал-лейтенант Гасан-Иззет-паша. Начальником его штаба являлся немецкий полковник (в скором времени генерал) Бронзарт фон Шеллендорф, прибывший в Турцию в составе германской военной миссии Лимана фон Зандерса. Имя этого человека Юде-

нич знал еще с Маньчжурии: тот состоял наблюдателем от Германии при японской армии.

На начало войны (по состоянию на 2 ноября 1914 года) Отдельная Кавказская армия имела 120 батальонов пехоты, 127 конных сотен кубанских и терских казаков и 304 артиллерийских орудия. Серьезных резервов армия не имела, как и ближайших перспектив на их получение.

Русские кавказские войска, согласно плану мобилизации, были развернуты на трех направлениях. На приморском Батумском направлении находились отдельные части 66-й пехотной дивизии, 5-й Туркестанской стрелковой и 1-й Кубанской пластунской бригад, 25-я бригада пограничной стражи.

Южнее, на Ольгинском направлении, находилась 1-я бригада 20-й пехотной дивизии генерала Николая Михайловича Истомина, участника русско-японской войны, после Февральской революции уволенного из армейских рядов. Бригада, составлявшая основу Ольгинского отряда, была усилена 26-й бригадой пограничной стражи, 3-м Горско-Моздокским полком Терского войска и саперной ротой.

Главным направлением на горном театре войны являлось Сарыкамьшское. Здесь были сосредоточены главные силы русских войск: 1-й Кавказский армейский корпус генерала Г.Э. Берхмана в составе двух пехотных дивизий (один пехотный полк входил в состав Ольгинского отряда), 1-я Кавказская казачья дивизия, недавно прибывший 2-й Туркестанский армейский корпус (две стрелковые бригады) генерала В.А. Слюсаренко, 1-й Кубанской пластунской бригады генерала Пржевальского, 2-й Кубанской пластунской бригады генерала Гулыги и другие войска.

В состав 1-го Кавказского армейского корпуса входили 39-я пехотная дивизия генерала де-Витта и 20-я пехотная дивизия генерала Истомина. Первая дивизия состояла из бригад генералов Воробьева и Дубисского (пехотные полки: 153-й Бакинский и 154-й Дербентский; 155-й Кубинский и 156-й Елисаветпольский). Вторая дивизия — из двух бригад тоже двухполкового состава (пехотные полки 77-й Тенгинский и 78-й Навагинский; 79-й Куринский и 80-й Кабардинский). Каждая дивизия имела одномерные артиллерийские бригады по два дивизиона. Из четырех дивизионов один — горной артиллерии.

2-й Туркестанский армейский корпус состоял из двух стрелковых бригад: 4-й Туркестанской полковника Азарьева (13-й,

14-й, 15-й и 16-й Туркестанские стрелковые полки, артиллерийский дивизион) и 5-й Туркестанской генерала Чаплыгина (17-й и 18-й Туркестанские стрелковые полки, артиллерийский дивизион, саперный батальон и 26-я бригада пограничной стражи).

1-я Кавказская казачья дивизия, начальником которой был генерала Баратов, состояла из четырех полков: кубанских — 1-го Запорожского, 1-го Уманского и 1-го Кубанского и терского — 1-го Горско-Моздокского. Дивизия имела свою огневую поддержку: 1-й Кавказский казачий артиллерийский дивизион из двух батарей кубанской и терской.

Тыловой армейской базой становилась крепость Карс, которую русские войска в предыдущих войнах с Оттоманской Портой брали штурмом четыре раза, прежде чем она стала достоянием Российской империи. В Карсе заканчивала формирование 3-я Кавказская стрелковая бригада генерала Габаева. Там же квартировался 263-й пехотный Гунибский полк.

Армейские резервы пока состояли из прибывающий в Тифлис своим ходом Сибирской казачьей бригады генерала Петра Петровича Калитина. Она была сформирована из 1-го и 2-го Сибирских казачьих полков и 2-й Оренбургской казачьей батареи. Калитин, казак станицы Ессентукской Терского казачьего войска, Первую мировую войну закончит генералом от кавалерии корпусным командиром. Затем окажется в белой эмиграции будет работать чернорабочим на автомобильном заводе в Париже. До конца своей жизни останется председателем Союза Георгиевских кавалеров. Последние годы будет жить в госпитале княгини Мещерской.

Силы русской и турецкой армий оказались примерно равными, если не считать того, что обеспечение резервами у Гасан-Иззет-паши дело обстояло намного лучше. В то время как русские на скорое усиление надеяться не могли, так как все подготовленные пополнения направлялись против австро-венгров и германцев. Если на Сарыкамышском направлении силы кавказцев превосходили турок, то на Ольтинском направлении формируемый отряд генерала Истомина уступал им по пехоте в шесть раз, по артиллерии — в три. Можно было предположить, что именно здесь может разыгаться приграничное сражение.

Великая война началась на Кавказе так. Первыми начали активные действия русские. Это делало честь армейскому штабу,

сумевшему быстро отобилизовать войска приграничного военного округа и выдвинуть их к линии государственной границы. Штабная культура генерала Юденича и его подчиненных, особенно оперативного отделения, оказалась на высоте.

Для неприятеля полной неожиданностью стало то, что уже 15 ноября разведывательные отряды 1-го Кавказского корпуса, с ходу заняв приграничные горные рубежи и перевалы, еще не покрытые снегом, начали выдвижение в направлении Эрзерума. Турецкая пограничная жандармерия почти всюду отступала без стрельбы, поспешно сжигая караульные помещения, конюшни и запасы фуража. Жандармы все делали в спешке, опасаясь, что казаки и русские пограничные стражники будут стараться пленить их.

После таких событий первого дня войны на горных дорогах начались столкновения с боевым прикрытием главных сил 3-й турецкой армии. Это были скоротечные, но достаточно упорные бои силами казачьих сотен и отдельных авангардных батальонов пехоты. Речи о вступлении в дело главных сил сторон пока не шло.

О первых днях войны на Кавказе сохранилось немного достоверных свидетельств. Пожалуй, наиболее интересные воспоминания оставил после себя Федор Иванович Елисеев, начавший войну в чине хорунжего кубанского 1-го Кавказского полка. Затем последовало участие в Гражданской войне, в которую он был подьесаулом. Командовал Корниловским конным полком, а в 1920 году — 2-й Кубанской казачьей дивизией. В белой эмиграции написал мемуары «Казаки на Кавказском фронте 1914—1917». Елисеев так описал свой первый бой:

«Получен боевой приказ по бригаде — как двигаться полкам. Наш полк назначен головным, а от Таманского полка назначена разведывательная сотня.

Разведывательная сотня таманцев прошла мимо нас. В темноте по силуэту дивного коня командира сотни я узнал 2-ю есаула Закрепы. Мой друг и однокашник по военному училищу хорунжий Николай Семеняка — младший офицер этой сотни, значит, он первым и раньше меня вступит в бой с турками, констатирую я и желаю ему отличиться. Он твердый, «натурный» человек и с дороги не свернет. Я только жалел, что в ночной тьме не вижу его и не могу пожелать ему полного и обеспеченного успеха в первом же бою.

Во всех сотнях стояла напряженно-серьезная тишина в ожидании выступления. Сотни стояли спешенными. Казаки и офицеры говорили между собой тихо, словно боясь, как бы турки не подслушали их. Чувствовалось, что каждый из них думал о войне и переживал — что даст нам утро?

Выступили. Шли шагом, не торопясь. Дорога извилистая. Расчет таков, чтобы к рассвету подойти к турецкой границе. Мы были в верстах трех от нее, как услышали впереди и вправо от себя выстрелы. Мы поняли, что разведывательная сотня таманцев натолкнулась на турок.

Уже светало. Справа скачет к нам казак-таманец и докладывает полковнику Мигузову, что “разъезд хорунжего Семеняки напоролся на турок, турки открыли огонь и пэрэбили казаков хорунжий тоже ранитый и лыжить промиж вбитых и послали мэнэ просыть пиддэржку мий конь тож ранитый”. И показал на круп своего коня. Позади седла зияла рана. Потный рыже-золотистый конь тяжело дышал. Мигузов направил его в главные силы к генералу Николаеву. То был младший урядник Краснобай.

“Семеняка ранен. Какое счастье быть раненым в первом же бою!” — думал я. Ведь это же геройство! И я был рад за своего друга.

Где была разведывательная сотня таманцев, мы не знали, но Мигузов сразу же выбросил своих две сотни — 1-ю подьесаула Алферова прямо по дороге на персидское пограничное село Базыргян, а 4-ю есаула Калугина на сильный турецкий пост Гюрджи-Булах, что у Малого Арарата. Алферов выскочил с сотней наметом, а Калугин широкой рысью. Скоро сотни скрылись от нас в неровностях местности. Остальные четыре сотни полка, сосредоточившись за одним из отрогов гор, спешили.

Скоро впереди нас затрещали очень частые выстрелы. То 1-я сотня вступила в бой с турками, в первый бой нашего полка.

Пост Гюрджи-Булах отстоял от нас на север версты на три. Скоро мы услышали выстрелы и оттуда. То вступила в бой и 4-я сотня.

Мы стояли под горой и ждали. Все офицеры направили свои бинокли в стороны ведущих бой сотен, но ничего не увидели из-за скал. Доносилась ожесточенная стрельба. Командир полка волновался и усиленно всматривался в свой старый бинокль (трубчатый), чтобы узнать: что же делается в его сотнях? Но гребень отрога скрывал от нас поле боя. Так и стояли мы в неве-

дении час, другой. Наконец от Алферова рысью скачет казак. Все наши взоры перенеслись на него. Нервный полковник Мигузов не выдержал и закричал:

— Да ско-рей же, сн-сын! Дав-вай сюда донесение! — и вырвал из рук бумажку.

“Занял гребни гор. Веду перестрелку с турками. Прошу дать поддержку!”, — писал подьесаул Алферов, и мы все слушали это остро, сосредоточенно.

— Э-э подьесаул Маневский! Пошлите в помощь Алферову одну свою полусотню, — обратился полковник к нашему командиру сотни уже более спокойно.

Мы с хорунжим Леурдой переглянулись, как бы молча спросили друг друга: кого из нас пошлет Маневский? И кто из нас будет счастливчик?

— Хорунжий Елисеев! Возьмите свою первую полусотню и скачите в район 1-й сотни, — официально бросил командир Маневский, впервые обращаясь ко мне “по чину”.

Коротко козырнув и не рассуждая, командую спешенной сотне:

— Первая полусотня — садись!.. За мной!

Маневский перекрестил нас. Широким наметом, обогнув кряж, бросились в направлении 1-й сотни. Подскочив к подошве второго гребня, мы увидели вправо 1-ю сотню в цепи по самому гребню, ведущую перестрелку. Алферов позади цепи прогуливался во весь рост. За спиною у него белый башлык.

— К пешему строю. Слезай! — кричу-командую почти на ка-рьере, и казаки, мигом скатившись с седел, выхватили из-за плеч винтовки и побежали ко мне.

— В цепь!.. Вперед! — командую, и казаки по булыжникам и камням, спотыкаясь и скользя по сухому каменисто-глинистому крутому подъему горы, карабкаются вперед и вперед, держа относительное равнение боевого строя. Ни у кого из нас не ощущалось чувства страха, а была одна цель — как можно скорее добраться до гребня и как можно скорее вступить в бой. Но как только казацьи папахи показали на гребне, рой пуль пронесся над ними, и мелкие камушки рикошетом осыпали нас.

— Ложитесь, ложитесь ваше благородие! — крикнули ближай-шие казаки, но вправо от нас подьесаул Алферов ходит позади своих казаков во весь рост — как же мне лечиться, прятаться от пуль? И отскочив чуть назад, я стал, как и Алферов, прогули-

ваться, следя за огнем казаков, которые открыли его немедленно же с казачьим запалом.

Турецкий гребень был чуть ниже нашего. За ним — первое турецкое село, над которым развевался их флаг на высоком древке.

Перестрелка затянулась. Было уже за полдень. Солнце слепило казаков, так как смотрело им в глаза. Результата боя не было видно. Но вот мы услышали какие-то крики слева, южнее нас, и тут же увидели казачьи папахи на каменистом турецком завале, командовавшем над всей местностью. То храбрый подъесаул Домарацкий по личному почину со взводом казаков выбил оттуда турок.

Он закричал с высоты командиру сотни подъесаулу Алфеву:

— Ка-зак Су-хи-нин уби-ит, приш-ли-те но-сил-ки.

С занятием Домарацким «ключа позиции» турки зашевелились. Из села, что перед нами, группами они стали отходить на запад. Мы поняли, что исход боя предрешен. Огонь турок уменьшился. Быстрыми перебежками казаки перемахнули ложбину и заняли их позиции. Кучи гильз валялись везде. На участке 1-й сотни убежали турки и курды в белых штанах. На самом правом фланге, у поста Гюрджи-Булах, 4-я сотня есаула Калугина наконец сломала сопротивление турок. Они побежали. И с нашего высокого участка видно, как один из взводов сотни под командой сотника Дьячевского ровно на закате ясного осеннего дня лавой, стремительным аллюром неизъезженных казачьих коней атаковал уходящих турок. Они бегут, но мы видим, как заметно уменьшается расстояние, и вот турки остановились, побросали винтовки и подняли руки вверх. Их быстро окружили казаки.

Вся наша цепь первой и третьей сотен вскочила и побежала к селу, над которым еще развевался турецкий красный флаг с белым полумесяцем и звездой. Флаг сорван. Он высился над таможней. У входа стоит перепуганный старик-таможник. Казаки его не тронули, и лишь гурт белых гусей стал их добычей. Мы не ели и не пили со вчерашнего дня.

Я смотрю на казаков. Все веселы. В поту, в пыли. Папахи круто сдвинуты на затылки. Полы черкесок отвернуты за пояса. Все держат винтовки в правой руке горизонтально, готовые ежесекундно вскинуть их, если того потребует случай. И ничего в них не было от регулярной армии.

После боя, после первого боя в их жизни, они излучали какое-то молодечество, безграничную удаль, братскую дружественность и, словно после «кулачек» в своей станице, полную удовлетворенность боем, воспринятым как привычная забава».

Тот бой в летописи кубанского 1-го Кавказского полка примечателен тем, что в его рядах появился первый фронтовой Георгиевский кавалер. Начальник армейского штаба генерал-лейтенант Юденич утвердил представление на героя боя за Гюрджи-Булах казака Подымова — серебряный Георгиевский крест 4-й степени.

После победного боя под Гюрджи-Булахом в 1-м Кавказском казачьем полку Кубанского войска несколько переделали знаменитую и любимую песню «Ермоловскую». Теперь она звучало несколько иначе, но по-прежнему браво и заразительно:

И Алферов будет с нами,
Нам с ним весело идти!
Без патронов, мы на шашки,
Каждый против десяти.

Наша грудь всегда готова
Встретить вражескую рать!
Полк Кавказский наш удалый
Не умеем отступить»

Подобные схватки на линии государственной границы велись весь день 15 ноября. Только на следующее утро границу перешли главные силы 1-го Кавказского корпуса: заслоны турецкой пограничной стражи были сбиты почти повсеместно, как правило, они не стремились втягиваться в бой, поспешно оставляя свои посты на границе.

Корпусной командир генерал Георгий Эдуардович Берхман действовал решительно. 39-я пехотная дивизия с ходу завладела Зевинской позицией и двинулась в Пассинскую долину. Вскоре войска 1-го Кавказского корпуса заняли важную в тактическом отношении Кепри-Кейскую позицию, но сразу за ней столкнулись со значительными неприятельскими силами.

Не менее успешно начал наступление по сопредельной территории и Эриванский отряд. Он двинулся на Чингильские высоты, овладел древней крепостью Баязет (с которым не раз была связана слава русского оружия, воспетая писателем Валентином

Пикулем) и Караклиссом. Была занята Алашкертская долина. Так уже в самые первые дни войны левый фланг Кавказского фронта получил надежное обеспечение.

Но на большой войне, как говорится не зря, дураков бывает мало. Неприятель оказался готов к такому ходу событий в начале боевых действий, то есть к первым шагам русских. Гасан-Иззет-паша и Бронзарт фон Шеллендорф, многочисленные немецкие советники в 3-й турецкой армии быстро парировали наступательный выпад Отдельной Кавказской армии.

Уже через два дня после с начала войны на Кавказе русские авангардные отряды были атакованы передовыми частями 9-го и 11-го турецких корпусов. Им, ввиду опасности обхода своего правого фланга, пришлось отойти к государственной границе. Более того, четырехдневные бои при Кепри-Кее закончились не в пользу кавказцев, которым пришлось оставить и Зевинскую позицию. Генерал Берхман смог остановить на линии границы контратаковавших турок только с подходом полков туркестанских стрелков.

Первая «пристрелка» сторон показала, что ни той, ни другой стороне на легкий успех надеяться не следовало. Только в приграничном Кепри-кейском сражении потери русских составили около десяти тысяч человек убитыми, ранеными и обмороженными. Турки понесли потери несколько меньше.

Юденич внимательно следил за развитием событий, стараясь не потерять инициативу в войне. Его оперативники вовремя «заметили» появление на правом фланге сперва наступавшего, а потом отступившего 1-го Кавказского корпуса крупных неприятельских сил. Чтобы не допустить прорыва ими линии государственной границы, к селению Караурган спешно, по железной дороге, стал перебрасываться недавно прибывший на Кавказ 2-й Туркестанский корпус.

Однако стрелков-туркестанцев опередила 1-я Кубанская бригада генерала Михаила Алексеевича Пржевальского. Это был человек, который лично прекрасно знал театр военных действий: выпускник Михайловской артиллерийской академии и Академии Генерального штаба, девять лет пробыл на посту секретаря российского генерального консульства в Эрзеруме, занимаясь сбором разведывательных сведений и изучая этот регион. Его кубанские казаки-пластуны вовремя прикрыли угрожаемый участок границы и сделали фронт на правом фланге русских войск устойчивым и надежно обеспеченным.

Генерал Евгений Васильевич Масловский, один из авторитетных отечественных исследователей Первой мировой войны на Кавказе, не раз по достоинству отзывался о героизме казачьей пехоты. О тех действиях пластунов генерала Пржевальского он писал:

«Вернувшись в Кагызман, бригада двинулась форсированным маршем.

Бывшие в голове три батальона уже 2 ноября перешли в наступление против 33-й турецкой дивизии.

Энергичным движением пластуны к вечеру отбросили турок

На следующий день вся бригада (всего пять батальонов, так как 1-й, полковника Расторгуева, был на приморском направлении) решительно атаковала турок и отбросила их, обеспечив левый фланг корпуса.

В ночь на 4 ноября по соглашению с генералом Баратовым, как только наступила темнота, оставив к югу от Аракса один батальон, с остальными четырьмя быстро перешла вброд через широкий и быстрый Аракс и атаковала с фланга и тыла турок.

При этом, ввиду трудности переправы через широкую реку с быстрым течением, ночью, в холодные ноябрьские дни, когда уже выпал снег, генерал Пржевальский первый с разведчиками переправился вброд, приказав всем переправляться вслед, не раздеваясь и держась группами за руки. Переправа была осуществлена быстро и неожиданно для турок.

Внезапным ударом пластуны опрокинули турок и внесли в их ряды смятение. Затем, выполнив блестяще задачу, пластуны перед рассветом таким же порядком вернулись на правый берег Аракса.

А с утра 5 ноября уже вступили в бой с турками, пытавшимися снова продвинуться вперед».

На крайнем правом фланге Отдельной Кавказской армии произошло то, чего опасались в штабе Юденича: неприятель поспешил перенести боевые действия в Батумскую область. Вернее, в ее горную часть, изобиловавшую лесами. В Стамбуле не зря делали ставку на ту часть аджарцев, которая исповедовала мусульманство. Положение русского Приморского отряда генерала А.Я. Ельшина, коменданта Михайловской крепости, сразу осложнилось. В тыловом Батуме началась паника: в горах стали действовать протурецкие отряды местных мусульман, в рядах которых, как потом стало известно, оказалось много турецких

жандармов. Из Тифлиса же от Ельшина требовали удерживать занимаемые позиции.

В одной из лекций по военной географии, которая читалась в 1925 году в Военной академии Рабочее-Крестьянской Красной Армии, говорилось об этом уголке российского Кавказа следующее:

«Значение Батума вообще велико и состоит в следующем:

1) Батумская бухта сообщает в себе все удобства для высадки десанта значительной силы и для якорной стоянки флота, и в то же время представляет собой вполне удобную базу для ведения операций вовнутрь страны.

2) Батум — значительный узел путей, которые расходятся, как по радиусам от центра, к г.г. Кутаис, Ахалцих и Артвин.

3) Батум имеет большое торговое и экономическое значение для всего Закавказья, которое усиливается неудобством Потийского порта.

4) В Батуме мы имеем пункт первостепенной стратегической важности не только по отношению к обороне Батумского участка, но и всего Причерноморского театра.

При указании выгод и недостатков операционных направлений в собственно Рионском участке было выяснено, какое важное преимущество получает противник, избрав исходным пунктом для своих операций внутрь страны устье р. Рион и г. Потти и далее долиной р. Рион на Кутаис. Но широкое развитие военных действий в этом направлении возможно только при условии обладания г. Батум. До захвата же его никакие серьезные операции на Черноморском побережье Кавказа немыслимы, так как Потийский порт слишком неудобен и мал, чтобы служить главной базой для крупного десанта, а таковой может быть только Батумская бухта, которая в первую очередь может сделаться главным объектом совокупных усилий неприятельского флота и его десанта.

5) Наконец, Батум, как показал опыт войны 1914—18 гг., может являться базой для десантных операций на турецком побережье, с целью оказания содействия правому флангу нашей армии при ее наступлении на Армянском театре. Особое значение в этом отношении получил г. Трапезонд»*.

* Название городов — как в первоисточнике. (Прим. ред.)

Положение на границах Аджарии после начала войны сразу же осложнилось. Русский Приморский отряд состоял из 264-го пехотного Георгиевского полка, батальона кубанских казаков-пластунов и нескольких сотен пограничных стражников, артиллерия почти вся была крепостная. Этим силам противостояла переброшенная из Стамбула 3-я турецкая пехотная дивизия со своей штатной артиллерией. Она была усилена отрядами местной жандармерии и несколькими тысячами иррегулярных ополченцев. Они больше всего походили на разбойников-башибузуков из прошлых русско-турецких войн.

Турки стремились прорваться в Батумскую область по узкой полосе черноморского побережья. Но это им не удалось и они были быстро остановлены на дальних подступах к Батуму. С получением в поддержку 19-го Туркестанского стрелкового полка генерал Ельшин отбил повсюду вражеский натиск. Однако действия против протурецких отрядов аджарцев-мусульман в одном из горных районов Аджарии — в Шевшети несколько затянулись. Здесь местных повстанцев-четников (их набиралось около трех тысяч) поддерживало несколько батальонов турецкой пограничной стражи под общим командованием немецкого советника майора Штанге.

В итоге неприятельского наступления вдоль берега Черного моря русские портовый Батум удержали. Но Южный Аджаристан с Арвином и Арданучем был уже занят турками. По планам Стамбула через эту область должны были двинуться на город Ардаган части 1-го Константинопольского корпуса, которые перебрасывались на театр войны морем.

Юденич, с согласия Ставки Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича-младшего, произвел реорганизацию Эриванского отряда. Он был переименован в 4-й Кавказский армейский корпус. К тому времени эриванцы выдержали несколько сильных боев с турками в Алашкертской долине. Непиятелю удалось вытеснить русских с перевала Клыч-Гядук и захватить две пушки. Однако подоспевший пехотный Ахульгинский полк смелой атакой восстановил положение на перевале и отбил у врага два полевых орудия.

Новая война России против Турции всколыхнула местное армянское население. И.И. Воронцов-Дашков одобрил идею формирования семи армянских добровольческих дружин, которым было выделено стрелковое оружие и боеприпасы. Первона-

чально дружины получили название «Араратской группы», пройдя боевое крещение в Баязетском отряде генерала Николаева.

Однако на берегах Невы к вооружению армян отнеслись не однозначно — Министерство внутренних дел высказало свою озабоченность происходящим. Правительству была представлена ведомственная докладная записка, в которой отмечалось, что для многонационального Кавказского края вооружение для ведения войны какой-то части населения в последующем может быть чревато осложнениями. Министр внутренних дел, среди прочего, писал в докладной записке следующее:

«Над этим думать некому. Этот обширный край, представляющий собой хотя второстепенный, но все же самый серьезный, в смысле вопросов будущего, театр военных действий, остается без власти, без руководителя. Нынешний наместник на Кавказе генерал-адъютант граф Воронцов-Дашков — человек совершенно больной и дряхлый, фактически уже не способный к трудовой жизни.

В самые тревожные дни, переживавшиеся Кавказом, во время наступления турок на Сарыкамыш, он никого не принимал, но тем не менее никому не передавал своей власти. Поэтому в результате на Кавказе царило и сейчас царит полное безвластие. Всякий делает что и как ему угодно, а народная молва упорно твердит, что Кавказом управляет графиня Воронцова-Дашкова».

Спустя некоторое время армянские добровольческие дружины получили свою организацию. Первоначально они назывались по именам своих выборных командиров — Андроника Сасунского, Амазапса, Дро, Кери, Бехамбека. Однако по настоянию Юденича дружины были переформированы в армянские стрелковые батальоны, то есть приобрели армейскую организацию. Так, 1-я дружина Андроника Сасунского стала именоваться 1-м армянским стрелковым батальоном.

Формировались и грузинские добровольческие дружины — Кутаисская и Тифлисская. Затем они были сведены в Грузинский стрелковый батальон, который затем развернули в одноименный полк.

После первых наступательных действий и контрударов вблизи государственной границы лицо войны несколько изменилось. Стороны действовали уже меньшими силами, но тоже проводили атаки, получая от противника ответные. Юденич маневрировал на линии фронта войсками в ожидании ответной насту-

пательной операции Гасана-Иззет-паши. В том, что она скоро последует, оперативники армейского штаба не сомневались.

На оперативной карте приграничья было заметно, что первые дни войны дали русским некоторый тактический перевес. Эрзерумский отряд, сформированный из подходивших к границе частей 1-го Кавказского армейского корпуса, углубился на 20—30 километров на турецкую территорию. Эрзерумцы решительной ночной атакой заняли командные высоты в окрестностях города Алашкерт. Особенно трудной оказалась схватка за «Рыжую гору».

После этих начальных событий Кавказский фронт замер. В конце ноября пришла зима с ее снежными бурями и обильными снегопадами, отчего дороги и тропы в горах сделались почти непроходимыми. О каких-то наступательных операциях с задействованием многих тысяч людей и десятков артиллерийских орудий сторонам не приходилось и думать. Но, как показали последующие события, только до поры до времени.

Стороны не дремали, проявляя похвальную бдительность. На линии соприкосновения каждодневно происходили яростные стычки разведывательных отрядов. Но они редко превышали числом одну-две сотни человек. Это свидетельствовало о том, что генерал Юденич и Гасан-Иззет-паша стерегли друг друга, стараясь разобраться в замыслах противной стороны.

Думается, что в Стамбуле доподлинно знали, что русская армия на Кавказе еще долго не получит значительного усиления: на фронтах России против немцев и австро-венгров шли тяжелые бои. Поэтому германская военная миссия стала настойчиво подталкивать султанское командование активизировать свои действия на Кавказе с тем, чтобы туда с Восточного фронта русское командование перебросило часть сил.

После таких усилий Берлина события на Кавказе стали развиваться стремительно. 3 декабря 1914 года в командование 3-й турецкой армией вступает сам военный министр султана Мехмеда Решада V — мушир Энвер-паша. Гасан-Иззет-паша за свою осторожность был отстранен от командования, номинально оставаясь во главе армии. О том, что сменилось высшее командование вражеской армии, русским стало известно от пленных. Затем пришло официальное подтверждение из города Могилева, где располагалась Ставка Верховного главнокомандующего. Появление в Эрзерумской крепости энергичного, смелого и

самоуверенного Энвер-паши насторожило Юденича: он понял, что в неприятельском стане готовится что-то действительно серьезное.

Юденич, отдававший приказы от имени командующего кавказскими войсками генерала от кавалерии Воронцова-Дашкова, потребовал от всех воинских начальников активизировать разведывательные действия, усилить дежурство в штабах и на линиях связи, усилить боевое охранение на передовой и привести в готовность имеющиеся резервы. Среди прочего приказывалось оборудовать в фортификационном отношении занимаемые в горах позиции.

Появление военного министра султана на Кавказе, а не на Месопотамском или, скажем, Палестинском фронтах против англичан, говорило о многом. И в первую очередь о том, что мушир Энвер-паша в самом скором времени возглавит крупную наступательную операцию. Это был известный в военных кругах человек, имевший опыт Первой и Второй Балканских войн: именно в них выдвинулся как большой военачальник, имевший в султанской армии немалый личный авторитет, особенно среди офицерства. Турецким солдатам он импонировал прежде всего тем, что происходил родом из простой, бедной семьи. Ко всему прочему, в 1911 году руководил народным восстанием против итальянских войск в ливийской провинции Триполитании.

Энвер-паша отличался не просто решительным, а еще и деятельным характером. Ему было всего 33 года, а он, выпускник константинопольской Академии Генерального штаба, был членом руководства партии младотурок и, вместе с Махмуд-Шевкет-пашой и Ниязим-беем, организатором заговора 1909 года против «кровавого» султана Абдул Гамида II. В январе 1913 года произвел военный переворот и сверг правительство Киамиля-паши, которое в ходе Балканских войн было настроено на мирное решение спорных вопросов с Европейскими соседями Турции. В основе политических взглядов Энвер-паши лежали идеи панисламизма.

Мушир не первый год вынашивал планы создания великого «Туранского государства». Оно должно было вобрать в себя огромные территории от Суэцкого канала до Казани, от Самарканда до балканского города Адрианополя. Энвер-паша не скрывал своего желания захватить российский Кавказ и поднять там исламское зеленое знамя.

К посту военного министра он пришел не только благодаря своей доблести и личной популярности. Два года он был военным атташе в Германии, произведя в Берлине самое благоприятное положение. Побывал на посту начальника Генерального штаба. В январе 1914 года женился на племяннице султана и уже в феврале был назначен военным министром.

Немецкие военные советники, сам фон Зандерс, хорошо знавшие лично Энвер-пашу многие годы, следующим образом характеризовали султанского военного министра:

«38 лет, очень заботившийся о своей внешности, лично очень храбрый, хладнокровный в минуты опасности, упрямый, самоуверенный, энергичный. Несмотря на несколько лет, проведенных в Германии, его хорошие военные способности не получили всестороннего развития, как того требовало бы его положение вице-генералиссимуса и военного министра. Логичность же и последовательность изменяли ему в тех случаях, когда ему казалось, что он может приобрести славу завоевателя, как это было в период Сарыкамыша».

Тот же генерал фон Зандерс, много беседовавший с Энвер-пашой, обращал внимание на то, что военный министр Турции не скрывал перед иностранцами своих планов создания в самые короткие исторические сроки создания огромного по территории «Туранского государства»:

«Он мне высказывал идеи фантастические и курьезные. Он имел желание достичь позднее Афганистана и Индии».

Советский историк комбриг Н. Корсун, преподававший в 30-х годах в Военной академии имени М.В. Фрунзе, писал об Энвер-паше так:

«Он был большой интриган и типичный кондотьер, способный на любую авантюру. Однако он не всегда соглашался с мнениями и советами своих друзей германцев. Последних он стремился допускать, главным образом, лишь на технические должности...»

...Вскоре в штаб Отдельной Кавказской армии стали поступать сведения о том, что мушир Энвер-паша готовит широко-масштабную наступательную операцию, направление же удара было неясным. Но речь велась о захвате всего Закавказья. В горных селениях Аджарии усилилась агитация против «неверных». С гор вновь стали угрожать портовому Батуму. В случае его утра-

ты Севастопольская оперативная эскадра лишалась передового пункта базирования».

Наиболее важная разведывательная информация поступала оперативникам Юденича от перебежчиков, преимущественно армян-христиан. Информация суммировалась, и вскоре картина неприятельских приготовлений стала проясняться. Стало известно, что 11-му турецкому армейскому корпусу предписано совместно со 2-й кавалерийской дивизией и курдским конным корпусом атаками сковать активность русского Сарыкамышского отряда, то есть главные силы 1-го Кавказского корпуса, основы Отдельной армии. Сковать так, чтобы из него нельзя было взять ни одной части для усиления фронта в других местах.

Планы наступательной операции у Энвер-паши были действительно более чем обширные. Он намеревался одним ударом на Сарыкамыш наголову разгромить главные силы русских, после чего двинуться на Кавказ, занять город Баку с его нефтепромыслами и поднять среди кавказских народов восстание против России под зеленым знаменем ислама. Такой план султанского полководца получил полное одобрение со стороны его германских военных советников.

Если в штабе Юденича примерно знали о задачах 11-го турецкого армейского корпуса, то о приказах Энвер-паши 9-му и 10-му корпусам не было известно ничего. А им приказывалось в ходе наступления уничтожить в считанные дни малочисленный Ольгинский отряд русских и обходным маневром в горах, двигаясь через селение Бардус, отрезать передовую тыловую базу противника в селении Сарыкамыш, где находились большие артиллерийские склады. Таким образом, главные силы Отдельной Кавказской армии, находившиеся на переднем крае, оказывались в окружении и подлежали истреблению (или пленению).

Той турецкой группировке, нацеленной на Аджарию с ее Батумской бухтой, предписывалось занять важный перекресток горных путей — город Ардаган и тем самым обеспечить безопасность с севера действия 9-го и 10-го корпусов. С захватом Батума боевые действия переносились на земли Грузии, прежде всего в соседнюю область — Гурию.

Юденич не зря обладал, по мнению современников, стратегическим мышлением. Из той «разнокалиберной» разведывательной информации, которая каждодневно ложилась ему на стол, понял главное в ожидаемых событиях: Энвер-паша заду-

мал одним решительным ударом выйти к Главному Кавказскому хребту, чтобы затем оказаться сперва на Тереке, а потом и на Кубани.

Армейская разведка перешла на усиленный режим работы, что стало давать неплохие результаты. Уже 5 декабря стало известно о движении одной из пехотных дивизий 9-го вражеского корпуса в районе селений Пертанус и Кош, отстоявших от селения Бардус на расстоянии всего 55 километров. Захваченный пленный показал, что его 31-я пехотная дивизия 10-го корпуса выдвигается к Иту. Юденич приказал впредь все указания армейского штаба войскам передавать по радио.

Через несколько дней конная казачья и воздушная разведка, независимо друг от друга, обнаружила выдвижение к линии фронта еще двух дивизий турецкой пехоты. Как потом оказалось, это были 30-я и 32-я дивизии из того же 10-го корпуса. Они двигались в направлении селения Ольты по дороге из Тортума. От позиций русского Ольтинского отряда их отделяло в горах всего около сотни верст трудного пути.

Начальник армейского штаба приказал, по возможности, выдвинуть как можно дальше вперед конные казачьи дозоры. В них предписывалось включать пограничных стражников, которые по долгу службы хорошо ориентировались в горах и знали местные языки.

Одновременно, даже в сложных метеоусловиях, стали вести активную воздушную разведку экипажи летательных аппаратов авиационного отряда (первоначально звена) армии, размещавшегося в крепости Карс. Каждый такой экипаж состоял из двух человек: пилота и наблюдателя. В дальнюю разведку теперь посылались только наиболее подготовленные летчики, выпускники Гатчинской и Севастопольской авиационных школ.

Показания взятых в разных местах пленных удивляли: военный министр Энвер-паша старался лично посетить как можно больше воинских частей. Он интересовался всем: готовностью к наступлению, состоянием дорог в горах, а самое главное — боевым духом своих войск. Мушир издал специальный приказ по 3-й султанской армии, который волей случая вскоре оказался в штабе Юденича. В приказе говорилось:

«Солдаты, я всех вас посетил. Видел, что и ноги ваши босы и на плечах ваших нет шинелей. Но враг, стоящий напротив вас, боится вас. В скором времени вы будите наступать и вступите на

Кавказ. Там вы найдете продовольствие и богатства. Весь мусульманский мир с надеждой смотрит на ваши усилия».

Окончательный план наступательной операции, задуманной Энвер-пашой, был выражен в приказе, который разработал опытный оперативник немецкий майор Фельдман. Приказ был разослан в войска 3-й армии за подписью начальника армейского штаба генерала Бронзарт фон Шеллендорфа. В нем говорилось следующее:

«Кепри-кей, 6 декабря 1914 г.

Приказ на 9 декабря 1914 г.

1) Главные силы противника на старом месте.

2) Все силы 3-й армии с Ольтинского направления двигаются прямо в тыл правого фланга противника с целью отрезать его главные силы от Карского направления и сбросить их прямо на юг — в ущелье реки Аракс.

3) 2-я кавалерийская дивизия, усиленная пехотой и артиллерией, наступая на фланг противника к югу от р. Аракс, отвлекает его внимание на этот фланг (согласно отдельно данным указаниям).

4) 11-й корпус, оставаясь на своих позициях для отвлечения внимания противника, на всем фронте производит демонстративное наступление. В случае наступления всех сил противника, он останавливает его (11-му корпусу даны специальные указания).

5) 9-й корпус двигается, по крайней мере, двумя колоннами (левая колонна дорогой Эмрек — Ени-кей) и достигает дороги Кизил-килиса — Ид. Он будет всемерно препятствовать соединению неприятельского отряда в районе Ида с главными силами, расположенными восточнее.

6) 10-й корпус одной дивизией достигает Ида, двумя другими дивизиями — Ардоса. Оба корпуса атакуют встречного противника. По выполнении этого движения вероятно наступление 10 декабря: 9-й корпус — на линию Чатах — Петкир, а 10-й корпус — прямо в сторону Ольты; 11 декабря: 9-й корпус — в направлении на Кетек, а 10-й корпус — в направлении на Бардус.

7) Граница между зонами разведки 2-й дивизии и 11-го корпуса — р. Аракс.

Граница между зонами 9-го и 11-го — линия, проходящая через Кара-бых, Сичан-Кала, Кюлли-даг. Граница между зонами 9-го и 10-го корпусов — хребет Карга-базар, Ольты, Ид.

8) Относительно способа доставки донесений последует особое приказание.

9) Штаб армии — в Кебри-кее».

План Энвер-паши, с внесенными в него поправками германских военных советников, теоретически был правилен. Слишком выдвинутое вперед положение русского Сарыкамьского отряда указывало на выгоды обхода его справа. Вне всякого сомнения, это понимал и Н.Н. Юденич, опытный штабной работник оперативного звена.

О том, что 3-я турецкая армия перешла в наступление, генерал-лейтенанту Н.Н. Юденичу доложили ранним утром 9 декабря. К вечеру того же дня картина прояснилась: неприятель стремился крупными силами охватить Ольтинский отряд генерала Истомина, имевший небольшие силы: одну пехотную бригаду, 3-й Горско-Моздокский полк терских казаков, одну армянскую добровольческую дружину, несколько других подразделений и 24 артиллерийских орудий. То есть у русских здесь не набиралось сил даже на одну сводную дивизию.

Но, начав наступление на возможно более широком фронте, 3-я турецкая армия сразу же лишилась главного своего преимущества — внезапности главного удара. Это был просчет Энвер-паши и его военных советников. Русские своевременно узнали о готовящемся неприятельском наступлении. Вопрос для них заключался лишь в том, куда нацеливались султанский мушир и генерал Бронзарт фон Шеллендорф. И тому и другому тактического искусства было не занимать.

Последующие события показали, что планирование наступательной операции оказалось не на высоте. Вражеское командование не смогло согласовать действия наступающих корпусов и дивизий ни по времени, ни по месту. Такие непростительные просчеты привели к самым плачевным, вернее — трагическим для турок результатам.

Уже на второй день наступления, то есть 10 декабря, две турецкие дивизии, выдвигавшиеся соответственно из селений Из и Тортум, соприкоснулись на горных дорогах и приняли друг друга за русских. На дальних дистанциях завязался жаркий огневой бой, в котором стороны не жалели ни снарядов, ни патронов. Когда о неожиданном появлении противника за линией фронта доложили Энвер-паше, то тот, оправившись от изумления, приказал выяснить, откуда взялись крупные силы русской

пехоты. Однако наступления на этом участке он отменять не стал, решив не считаться с потерями.

Когда в случившемся разобрались, военный министр султана пришел в неопишемую ярость. И было отчего: две столкнувшиеся в горах турецкие дивизии за день огневого боя потеряли в общей сложности до двух тысяч убитыми и ранеными, расстреляв при этом немалую часть имевшегося при себе боезапаса. Не встревожило в тот день Энвер-паши, думавшего только о блистательной победе, и более серьезное обстоятельство: в войсках, которые шли по заснеженным горным дорогам налегке, появились первые обмороженные. Число их все увеличивалось.

Сначала все шло так, как и задумывалось в штабе 3-й армии. Слабые заслоны русских не могли остановить продвижение вперед турок. 17-я и 29-я их дивизии, подошедшие вечером 11 декабря к селению Бардус, стоявшему на пересечении горных дорог, заняли его и без отдыха двинулись в направлении на Сарыкамыш.

Однако вскоре наступавшие натолкнулись на крепкий заслон русских. Стоявшие в Бардусе передовой заставой две сотни пограничной стражи — конная и пешая, отошли на заснеженный Бардусский перевал и там заняли оборону, бесстрашно изготовившись встретить наступающего врага огнем двух с половиной сотен винтовок. Уж чего-чего, а такого турки никак не ожидали.

События показывали, что мушир Энвер-паша и его штаб из немецких военных советников владели быстро менявшейся обстановкой из рук вон плохо. Еще не зная, что 10-й корпус вместо запланированного поворота от Ольты на восток увлекся преследованием русского Ольтинского отряда, командующий 3-й армией направил к Сарыкамышу еще и 32-ю пехотную дивизию. Однако та из-за сильных морозов в горах и снежных заносов на дорогах в горах туда дойти не смогла и остановилась «на отогрев» в Бардусе.

Затем в планы Энвер-паши неожиданно вмешался один-единственный полк русской пехоты — славный делами в Великой войне 18-й Туркестанский стрелковый. Он нанес атакующий удар со стороны селения Ени-кей, и турецким 32-й дивизии совместно с 28-й пехотной дивизией 9-го корпуса пришлось разворачиваться для прикрытия путей сообщения. Появившиеся перед ними туркестанские стрелки, которые выдвинулись через Хан-

ский перевал, были приняты за крупные силы идущего в контрнаступление противника.

Естественно, что один полк отважных стрелков не мог остановить продвижение двух турецких армейских корпусов — 9-го и 10-го. Они вышли на рубеж селений Арсенян — Косор. Именно в это время 11-й корпус, выполняя предписание Энвер-паши, повел наступление на русский Сарыкамышский отряд и завязал упорные бои на линии селений Маслагит — Арди.

Муширу Энвер-паше и генералу фон Шеллендорфу казалось, что все идет по намеченному им плану, если не считать «маленьких сбоев и недоразумений». Наступавшим среди гор турецким войскам удалось достичь немалого тактического успеха. После кровопролитного боя был захвачен город Ардаган. Турки устроили там страшную резню христианского армянского населения. Когда русские отобьют Ардаган, то увидят страшную картину — вырезанные до последнего человека армянские семьи, дома, подвалы, колодцы, заваленные безжалостно убитыми мирными людьми.

Переданное по радио сообщение о потере Ардагана серьезно встревожило начальника штаба кавказских войск. Из этого города шел прямой путь в Боржомское ущелье, выход из которого у Боржоми стерегла лишь одна дружина ополчения. Юденич сумел парировать такой выпад Энвер-паши в ближайшие же дни. Из Тифлиса к месту событий сперва по железной дороге, а потом походным порядком была срочно переброшена Сибирская казачья бригада с конно-пулеметной командой и оренбургской казачьей батареей. Она своевременно закрыла туркам путь в Боржомское ущелье.

В эти дни на Кавказ прибыл император Николай II, который совершал поездку по фронтам для поднятия боевого духа русских войск. Император побывал в крепости Карс и селении Сарыкамыш. Государя сопровождали начальствующие лица Отдельной Кавказской армии, в том числе и генерал-лейтенант Н.Н. Юденич. Свидетельницей посещения кавказских войск монархом оказалась Христина Семина, медицинская сестра одного из Карских госпиталей, жена полкового врача Ивана Семина. Оказавшись после Гражданской войны в белой эмиграции, рядовая участница Великой войны писала в своих воспоминаниях о том памятном для нее дне:

«— Барыня! Сейчас приходил казак из штаба, спрашивал барина, я сказал, что их нету — уехал на позицию за ранеными.

Император приезжает сегодня в три часа! Государь будет ехать по нашей улице. Так чтобы на заборе не висело солдатское белье, сказал казак.

Бедный мой Ваня. Только несколько часов не дождался, чтобы посмотреть на Государя! Мне хотелось плакать от обиды, что его здесь нет. Такая великая радость увидеть живого, не на портрете, вот здесь, в глуши, на краю великой России, нашего Государя!.. Мне хотелось с кем-нибудь поделиться таким великим событием, говорить о Нем! Я пошла и постучала в дверь к Штровманам.

— Мадам Штровман, Государь приезжает в три часа.

Она открыла дверь и сейчас же спросила:

— Вы думаете, я могу стоять на улице?..

— Я не знаю!

— Дайте мне вашу форму, чтобы я могла стоять поближе к Нему!

— Вон, посмотрите, солдаты пришли. Идемте, я дам вам козынку.

Потом я надела шубу и вышла на улицу. Она была полна солдат. Они становились по два в ряд вдоль всей улицы от поворота с главной и до самого госпиталя.

Никогда еще, кажется, у меня не было такого чувства радости и каких-то сладких слез!.. Я радуюсь такому счастливому дню. Может быть, единственному дню моей жизни? И почему-то хочется плакать! Слезы сами катятся из глаз. В носу мурашки, губы дрожат, не могу слова выговорить.

Солдаты стоят веселые, здороваются со мною, а я плачу.

— Здравствуйте, сестрица! Радость-то какая — сам Государь приезжает к нам!

— Да! Большая радость! — еле выговариваю я, а слезы ручьем льются из моих глаз.

Солдаты тоже как-то присмирили.

— Да! Это не каждому доводится видеть-то Государя Императора, — говорит солдат.

— Погодка-то какая стоит! Только для парада Государева! — говорит другой.

Они поближе придвинулись ко мне, чтобы вести общий разговор.

— Прямо, значит, с поезда и в церковь, а оттедова, по этой самой улице, в штаб и госпиталь. Поздоровается с ранеными,

поздравит! Кому Егория повесит. Ну, потом, конечно, и по другим, прочим делам поедет.

— Я, так думаю, что Государь по другим улицам обратно поедет, чтобы, значит, все могли его видеть, — сказал бородастый солдат.

— А вы весь день будете стоять, пока Государь не уедет?

— Нет, сменят. Как обратно проедет — так и уйдем! Мороз сегодня шибко крепкий, — говорит солдат, постукивая нога об ногу.

Я только сейчас обратила внимание на их шапки, на которых вместо кокарды были крестики. Да и сами они какие-то бородастые и совсем не молодые!

— Почему у вас на шапках крестики?

— Мы второочередники! Здесь фронт спокойный, как раз для таких, как мы — старики. А вы, сестрица, из каких краев будите? — спросил солдат.

— Я здешняя, кавказская, — из Баку.

Вышла мадам Штровман, в моей белой косынке.

— Можно мне стать впереди вас, солдаты?

Все сразу обернулись.

— Впереди стоять нельзя! Но тут стойте, нам не мешаете! Места хватит, только долго не простои́те на таком морозе! Еще рано! Поди, в церкви сейчас!

Я пошла в комнату, чтобы согреться, замерзла стоять, но в комнате еще тоскливее стало.

— Барыня! Едет, едет! — кричит Гайдамакин.

Я выбежала на улицу и сразу точно горячей волной обдало меня! — Ура! Ура! Урааа! Неслось снизу улицы. Солдат узнать нельзя было: лица строго-суровые. Стоят как по ниточке, по два в ряд, держа ружья перед собой. Офицеры чуть впереди солдат, вытянув шеи туда, откуда несется все громче и громче урааа! Вдруг снизу волна словно поднимается: ширится в громком ура!.. И дошло до нас. Я хотела тоже кричать ура, — раскрыла рот, но спазма сжала мне горло и вместо ура вырвались рыдания.

И ура неслось все громче и громче! Показались какие-то автомобили — один, другой. Я протираю глаза, хочу лучше видеть, а слезы снова ручьями бегут. А солдаты так радостно, так могуче кричали приветствие своему Государю!

Вот! Вот он! Кланяется на обе стороны. — Какое грустное лицо! Почему так Ему грустно?..

Вот и приехал! Скрылось светлое видение.

Я оглянулась. Мадам Штровман сидела на дощатом заборе и счастливо улыбалась.

— Слава Тебе, Господи! Удостоился увидеть Государя! Теперь и умирать не страшно! — оборачиваясь ко мне, говорит солдат, утирая рукой слезы.

И не один он плакал. Плакали и другие; вытирали глаза кулаком.

— Не поедет больше по этой улице Государь, — говорит солдат, сморкаясь прямо рукой и сбрасывая на снег.

— Ну вот, теперь пойдем обедать. Прощайте, сестрица.

— С Богом! — говорю я и тоже иду домой.

Сейчас же пришла Штровман.

— Знаете, что я думала. Он — что-нибудь совсем особенное! А Он такой же, как и все офицеры!

— Мне все равно, что вы думали, но это Россия, это моя родина, это все, все чем мы, русские люди, живем. — Я ушла в свою спальню и долго еще там плакала. О чем? И сама не знаю».

Посетив крепость Карс и Сарыкамыш, император Николай II посетил полки на передовой, на виду у конных пикетов турок, стоявших дозорами на ближайших вершинах. Монарх всюду щедрой рукой раздавал Георгиевские кресты — солдатские «Егории», посещал раненых в госпиталях и полковых лазаретах, обедал среди воинов.

Николай I покидал горный край, очень довольный состоянием и боевым настроением Отдельной Кавказской армии.

Битва за Сарыкамыш — главное событие Первой мировой войны на Кавказе в кампании 1914 года — началась уже после отъезда императора. Именно это приграничное селение стало целью наступательной операции, задуманной Энвер-пашой для 3-й султанской армии. Военный министр Турции, решивший лично возглавить ее, уповал только на победу. Но сражение прославило не мушира, а русского генерала Николая Николаевича Юденича.

Исследователи, военные специалисты отмечают, что план, разработанный немецкими советниками Энвер-паши, был действительно хорош. Будь он исполнен так, как задумывался, русской Отдельной Кавказской армии грозил, если не полный разгром, то тяжелое поражение в приграничье, на своей же территории. И, как следствие понесенного поражения, появление

турецких войск в Закавказье. Но этого не случилось во многом благодаря полководческому дарованию Юденича.

Почему атакующий удар 3-й турецкой армии планировался именно по Сарыкамышу? А не, скажем, по другой тыловой базе русских, Карской крепости? Крепость имела сильный гарнизон и немало артиллерии. На конечной же станции фронтовой узкоколейной дороги русских гарнизон разительно отличался своей немногочисленностью. На этот счет разведывательные данные штаб Энвер-паши имел самые достоверные.

Тыловой Сарыкамышский гарнизон состоял из двух дружин ополчения, охранявших пристанционные армейские склады. Такие дружины состояли из призываемых по случаю войны военнообязанных старших возрастов. Офицерский состав тоже составляли запасники. И те и другие отвыкли от воинской службы и давно не держали в руках оружие. Вооружали таких ратников зачастую устаревшим оружием — берданками, которые бережно хранились в арсеналах для такого случая.

На конечной станции узкоколейки были расквартированы еще и два железнодорожных эксплуатационных батальона. Люди в них были годны к службе еще меньше, чем ратники ополчения. Они были вооружены теми же берданками, имея по пятнадцать (!) патронов на человека. В местном военном госпитале имелось небольшое число вооруженных санитаров-нестроевиков. Это было все, из чего состоял Сарыкамышский гарнизон.

Но по совершенной случайности в тот день на железнодорожной станции оказалось несколько стрелковых взводов. Они отправлялись в тыл из разных частей для формирования нового 23-го Туркестанского стрелкового полка. Стрелков набиралось на две неполные роты. По подобному случаю в Сарыкамыше оказались и два орудийных расчета с трехдюймовыми пушками. Также случайно оказались в тот день на станции прибывшие с последним поездом и более сотни (по ряду сведений — две сотни) выпускников-прапорщиков Тифлисского военного училища, ехавшие на фронт и имевшие личное оружие.

Из старших офицеров проездом на станции оказался полковник Николай Адрианович Букретов. С началом войны выпускник Николаевской академии Генерального штаба и преподаватель Тифлисского военного училища короткое время занимал должность старшего адъютанта в армейском штабе, после чего был назначен офицером для поручений в штаб 2-й Кубанской

пластунской бригады. Он ехал к месту новой службы и в тот день задержался в селении.

Когда авангарды походных колонн двух турецких армейских корпусов обнаружили на дальних подступах к Сарыкамышу, штаб Отдельной Кавказской армии находился в Тифлисе. Юденич стал горячо настаивать на том, чтобы штаб незамедлительно переехал в Сарыкамыш, которому грозила участь стать эпицентром ожидавшего приграничного сражения. Старший по положению генерал от инфантерии А.З. Мышлаевский колебался. Бывший ординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба, бывший в 1909 году начальником Генерального штаба, фактически исполнял обязанности командующего Отдельной Кавказской армией. Только 10 декабря он согласился с доводами Николая Николаевича, и армейский штаб экстренным поездом выехал в селение у границы Меджингерт, которое находилось всего в 20 километрах от Сарыкамыша. Там стоял штаб 1-го Кавказского корпуса генерала от инфантерии Берхмана.

Когда по прибытии в Меджингерт стали выяснять сложившуюся на фронте обстановку, то оказалось, что во 2-м Туркестанском корпусе нет ни командира, ни начальника штаба. Первый (генерал Слюсаренко) серьезно заболел, второй отбыл по приказу свыше. Тогда Юденич и его генерал-квартирмейстер Л.М. Болховитинов настояли на том, чтобы Мышлаевский принял на себя командование всеми войсками на Сарыкамышско-Эрзерумском направлении.

Одним из своих первых приказов генерал от инфантерии Александр Захарьевич Мышлаевский назначил Юденича временным командующим 2-м Туркестанским корпусом с сохранением обязанностей по должности начальника армейского штаба.

Когда поступили сведения о движении колонн турецкой пехоты в горах по направлению к Сарыкамышу и фронтальных атаках 11-го неприятельского корпуса со стороны Эрзерума, Мышлаевскому и Юденичу стал ясен замысел Энвер-паши. Он явно намеревался устроить русским кавказские Канны. Или, проще говоря, собирался загнать их в «мешок».

Руководство Сарыкамышской, начинавшейся как оборонительная, операцией Николай Николаевич начал с принятия командования 2-м Туркестанским корпусом. Корпусной штаб-

офицер Б.А. Штейнфон, ставший впоследствии генералом, вспоминал:

«11 декабря 1914 г. Стало совсем темно, когда прибыл Юденич в сопровождении своих доблестных помощников — полковника Масловского и подполковника Драценко. Засыпанные снегом, сильно промерзшие, они спустились в саклю-штаб. Непослушными от мороза руками, Юденич сейчас же придвинул к огню карту, сел и, не развязывая даже башлыка, коротко приказал: «Доложите обстановку». Его фигура, голос, лицо — все свидетельствовало об огромной внутренней силе. Бодрые, сияющие боевым азартом лица Масловского и Драценко дополняли картину. Одобрив наше решение не отходить, Юденич немедленно отдал директивы продолжать сопротивление на фронте и организовать в тылу оборону Сарыкамыша».

С вокзалом станции Сарыкамыш (там полковник Букретов устроил свой импровизированный штаб) была налажена постоянная связь. Юденич сообщил ему, что на помощь уже выслан полк туркестанских стрелков. Один из его батальонов, для ускорения движения, был посажен на обозные телеги. Возникшим было приказано спешить.

Мышлавеский с Юденичем пошли на немалый риск, решив снять с передовой часть войск 1-го Кавказского армейского корпуса и перебросить их в тыл, к Сарыкамышу. Речь пока шла о 20 батальонах пехоты, 6 сотнях казаков и 20 орудиях. Но оба генерала понимали, что этих сил скорее всего будет мало, когда турецкая пехота силой в несколько дивизий начнет массированные атаки позиций защитников Сарыкамыша.

За день 12 декабря, незаметно для атакующего врага снявшись с фронта, в дальний тыл, двинулись пять батальонов 1-й Кубанской пластунской бригады, 80-й пехотный Кабардинский, 155-й пехотный Кубинский, 15-й Туркестанский стрелковый и 1-й Запорожский кубанских казаков полки, 20 орудийных расчетов 20-й Кавказской артиллерийской бригады, отдельная Терская казачья батарея и Кавказский мортирный дивизион.

Силы с фронта для помощи снимались немалые. Но этим войскам предстояло проделать по зимним горным дорогам марш-бросок в 70—100 верст труднейшего пути в морозные дни.

Турки взяли в полукольцо селение Сарыкамыш и железнодорожную станцию 13 декабря. Выход неприятеля на ближайшие подступы гладким не получился: две сотни пограничных стражни-

ков держали оборону на перевале до последнего. И только тогда, когда перед ними скопилось до нескольких батальонов вражеской пехоты, начавших обтекать перевал по заснеженным лесам на склонах гор, пограничники, унося всех раненых (часть из них замерзла в снегу), отошли к железнодорожной станции.

Помощь с передовой подоспела к Сарыкамышу за одни сутки. Именно столько времени хватило кубанскому 1-му Запорожскому казачьему полку и батальону стрелков, посаженному на обозные повозки, чтобы прибыть на место. Казаки спешили и сразу же вступили в бой. Теперь полковник Н.А. Букретов мог вздохнуть свободно: обещанную поддержку, пусть только ее малую часть, он уже получил.

Казачий полковник оказался подлинным героем сарыкамышской эпопеи. Приняв командование гарнизоном на себя, он разбил линию обороны на секторы. Из взводов стрелков-туркестанцев он создал две сводные роты. Для начала они были направлены на усиление пограничных стражников, которые вели упорный бой на вершине горного хребта. Молодые прапорщики пошли на усиление дружин ополченцев и железнодорожников-эксплуатационников. Для всех на станционных складах нашлись трехлинейные винтовки вместо берданок. Букретов приказал свезти к вокзалу артиллерийские боеприпасы с дальних складов, которые защищать он не мог из-за неимения людей.

Уже в самом начале организации обороны полковнику повезло. На одном из складов нашлось 16 станковых пулеметов системы «Максим». Так Букретов в трудные дни стал обладателем оружия огромной огневой силы: в первый год Мировой войны станковые пулеметы еще не стали оружием пехотных рот, их было во фронтовых войсках немного.

Пока защитники железнодорожной станции, торопясь, устраивали оборонительные позиции, неприятель показался у них на виду. Тысячи турок-пехотинцев, обессиленные дальним и трудным маршем в зимних горах, где снег лежал по колено, продвигались вперед крайне медленно. Дивизии и полки растянулись по горным дорогам на многие версты, управление ими сильно затруднялось.

Случилось то, чего мушир Энвер-паша и генерал фон Шеллендорф меньше всего ожидали: внезапного удара, на силе которого строились все их расчеты, по Сарыкамышу у них не полу-

чилось. Когда турецкие колонны начали спускаться с гор в узкую долину, русские дозоры обнаружили их еще издалека.

Испросив разрешение по телеграфу у начальника армейского штаба, полковник Букретов выслал навстречу туркам на саях оба железнодорожных эксплуатационных батальона, успевших перевооружиться винтовками. Железнодорожники стрелковому делу не обучались, и неприятель к исходу 12 декабря сбил этот слабый заслон, высланный на 8 километров от станции.

Авангардные турецкие пехотные дивизии — 17-я и 29-я за ночь сумели сосредоточиться перед Сарыкамышем. На рассвете 13 декабря они спустились с гор в долину и повели атаки крупными силами. Букретов был вынужден организовать круговую оборону. Русские защищались умело, используя главным образом огонь станковых пулеметов «Максим» и пальбу в упор из имевшихся двух полевых орудий.

Подкрепление с передовой подоспело в самый критический эпизод боя того дня: турки овладели селением Северный Сарыкамыш. Под вечер 13 декабря пехотинцы 80-го Кабардинского полка провели результативный контрудар. Рота за ротой пошли с шоссе на горы. Турки в частых рукопашных схватках были отброшены от дороги, по которым с фронта подходили подкрепления.

На исходе 13-го числа в бою за Сарыкамыш с русской стороны уже участвовало до девяти батальонов пехоты и семь казачьих сотен, которые сражались в пешем строю. Но и неприятель час от часа увеличивал свои силы. Русским в тот день просто чудом удалось отстоять вокзал, селение и большинство тыловых складов. Вокзал был удержан благодаря вводу в дело последнего резерва обороняющихся — двух сотен пластунов-кубанцев.

На следующий день, 14 декабря, число турецких пехотных батальонов заметно увеличилось. Они спускались с гор один за другим в поредевшем составе: немало солдат отстало или замерзло в снегах лесистых гор по пути. Турки тешили себя надеждой найти в Сарыкамыше тепло и кров, провиант и теплую одежду на русских складах, поэтому замерзшие люди так яростно бросались в атаки.

Для Энвер-паши, если только он владел полной информацией о ходе боев, картина выглядела откровенно удручающей. 29-я пехотная дивизия потеряла замерзшими на привалах по пути и сильно обмороженными солдатами до половины своего списочного состава! И это не считая боевых потерь убитыми и ра-

неными. В соседней 17-й дивизии ситуация была несколько лучше. Но и здесь число замерзших и обмороженных исчислялось не на сотни, а на тысячи людей.

Трагизм положения наступающих турок выражался в том, что помочь же обмороженным людям было некому и нечем. Разведенные в лесах костры от мороза солдат, лишенных теплого зимнего обмундирования, не спасали. Русские после боев в горах нашли немало кострищ, вокруг которых кольцом лежали замерзшие.

Один из участников той операции, начальник штаба 9-го турецкого корпуса, в своих послевоенных мемуарах так оценивал бесславные для него сарыкамышские события:

«Драма, порожденная Энвер-пашой, завершилась».

Для 3-й турецкой армии драматические события, действительно, начались уже с первого дня марш-броска через зимние горы. Планы мушира Энвер-паши на осуществление кавказских Канн рушились безвозвратно. Но несмотря ни на что, турки весь день 14 декабря раз за разом пробовали крепость русской обороны с трех сторон. С четвертой стороны по защитникам станции постреливали местные жители-мусульмане, которые не остались в стороне от происходящих событий.

К полудню 15 декабря весь 10-й турецкий армейский корпус сосредоточился перед Сарыкамышем. Кольцо окружения, не без деятельной помощи местных жителей-курдов, почти сомкнулось вокруг селения и железнодорожной станции. Узкоколейка, уходящая к крепости Карс, оказалась перерезанной неприятелем. В довершение всех бед вражеским снарядом была выведена из строя единственная радиостанция на железнодорожном вокзале. Так защитники Сарыкамыша, третьи сутки проводившие без горячей пищи и почти без сна, лишились связи со штабом Кавказской армии.

В тот же день, утром, авангард турецкого 9-го армейского корпуса вышел к селению Ново-Селиму, что окончательно отрезало Сарыкамыш от главных сил Кавказской армии. Исполняющий обязанности армейского командующего генерал Мышлаевский отдал приказ через командира 1-го Кавказского корпуса Берхмана об общем отступлении по последней оставшейся свободной дороге вдоль государственной границы.

Отдав такой приказ, генерал от инфантерии Мышлаевский по этой дороге убыл в Тифлис с тем, чтобы там собрать остав-

шиеся войска для обороны столицы Кавказского наместничества. В Тифлисе среди его жителей началась паника, многие стали, бросая все, покидать город. Ходили слухи, что турки-османы уже наступают на столицу Грузии. Фаэтонщики брали по тысяче рублей до Владикавказа. Тех, кто ехал по Военно-Грузинской дороге, часто грабили местные разбойники, и многие беженцы приезжали во Владикавказ обобранными дочиста.

Считая себя за старшего, генерал от инфантерии Берхман начал было отводить войска, выполняя приказ Мышлаевского. Тогда Юденич 17 декабря послал к нему полковника Драценко, чтобы убедить его в необходимости прекратить начавшееся отступление корпусных войск и продолжить борьбу за Сарыкамыш.

Ссылаясь на «Положение о полевом управлении войск», генерал-лейтенант Н.Н. Юденич, как начальник армейского штаба, взял на себя главное командование. 1-й Кавказский и 2-й Туркестанский корпуса прекратили отход и заняли сильные для обороны позиции. Они не сдвинулись с них, несмотря на яростные атаки 11-го турецкого корпуса генерала Абдул-Керим-паши.

Решение Мышлаевского об отступлении могло повлечь за собой самые трагические последствия. Как характеристика настроения в тыловых частях, создавшегося после начала выполнения генералом Берхманом указания старшего начальника, может служить следующий случай. При отходе с позиций близ Сонамера, начальник армейского штаба при переезде в Караурган стал свидетелем такой картины: какой-то интендантский чиновник уничтожил свой склад, высыпая муку в реку. Юденич приказ немедленно прекратить истребление нужных запасов провианта. Чиновник стал оправдываться тем, что приказано отступить, и он не хотел оставлять врагу запасы вверенного ему продовольствия.

Николай Николаевич ответил, что он не собирается никуда отступать со своим 2-м Туркестанским корпусом и поэтому приказывает ему тщательно хранить запасы муки, отвечая за них своей головой. Вскоре эта самая мука, спасенная от поспешного уничтожения, очень пригодилась, поскольку генерал Берхман откровенно поторопился отправить обозы 1-го Кавказского корпуса в глубокий тыл.

Вечером 15 декабря в Сарыкамыш прибыли новые подкрепления: пехотные 154-й Дербентский и 155-й Кубинский полки из 39-й пехотной дивизии, последние батальоны 1-й Кубанской пластунской бригады генерал-майора М.А. Пржевальского.

Они помогли защитникам Сарыкамыша с большим трудом отразить мощный натиск уже двух турецких армейских корпусов. До самой ночи то там, то здесь завязывались штыковые бои. Схватки за местный вокзал носили самый бескомпромиссный характер. В итоге туркам пришлось откатиться на исходные позиции в окрестные леса в свои прежние снежные ямы — окопы.

Бои, не менее тяжелые, шли и в последующие дни. Со стороны казалось, что весь Сарыкамыш завален трупами убитых и замерзших турок и русских. После очередных атак сражавшихся порой разделяло расстояние в несколько десятков шагов. С наступлением темноты на склонах гор, окружавших железнодорожную станцию, турки разводили сотни костров, пытаясь хоть так спастись от сильных морозов.

Турки чувствовали по все возрастающей силе сопротивления русских, что сил у них тоже становится больше. К вечеру 15-го числа оборону держало уже более 22 батальонов пехоты, 8 спешенных казачьих сотен при почти 80 пулеметах и около 30 различных артиллерийских орудий.

В тот день «заявил» о себе царский наместник, он же по должности командующий Отдельной Кавказской армией. На имя Юденича из Тифлиса пришел телеграфной строкой приказ, который круто менял его фронтовую судьбу. Телеграмма гласила следующее:

«Генералу Юденичу. Срочно.

Ввиду прорыва турок, предлагаю вам вступить в командование войсками 1-го Кавказского и 2-го Туркестанского корпусов.

Вы должны разбить турок у Сарыкамыша и открыть себе выход на Карс вдоль железной дороги, а при невозможности — на Каракурт и даже по обходным путям в направлении к Карсу, уничтожая турок, которые перебрались с Ольтинского направления на пути между Сарыкамышем и Карсом.

Для обеспечения вашего движения можно уничтожить часть ваших обозов и бросить излишние тяжести. В случае недостатка продовольствия широко пользуйтесь местными средствами.

Сам я переезжаю в Александрополь, чтобы принять дальнейшие меры. Необходимо, чтобы связь ваша с Тифлисом и Александрополем не прерывалась, организуйте ее на Кагызман, оттуда до Каракурта есть летучая почта.

Генерал от кавалерии Воронцов-Дашков.

15 декабря 1914 г.

Тифлис».

Телеграмма была продублирована в Ставку. Царский наместник расписывался в ней о полной своей несостоятельности командовать кавказскими войсками. Более того, он давал своему начальнику штаба право отступить с Сарыкамышской позиции к крепости, то есть отступать по территории России вглубь от государственной границы, бросая при этом «излишние тяжести» русской армии и реквизируя провиант и фураж у местного населения.

Не менее в удручающем состоянии в день 15 декабря, как Воронцов-Дашков, находился Энвер паша. Настроение было у него испорчено в силу трех случаев. Во-первых, командир 9-го корпуса, откровенно сгушая краски, донес, что в 29-пехотной дивизии осталось всего около 300 активных штыков, 11 горных орудий и 8 пулеметов.

Во-вторых, доставленный в штаб 3-й армии пленный русский солдат показал, что противник в районе Сарыкамыша располагает пятью полками, «стремящимися окружить турок», и что роты у русских имеют по 160 винтовок. Это надломило Энвер-пашу, поскольку он воочию видел печальное состояние своих 9-го и 10-го корпусов.

И, наконец, в третьих, в тот день, как писал турецкий мемуарист, Энавер-паша «сам остался голодным со всем штабом в диких ущельях и лесах Сарыкамыша и ему пришлось разделить кусок хлеба убитого поручика 29-го артиллерийского полка».

Оборонять Сарыкамыш становилось все тяжелее. К вечеру 16 декабря в лесу севернее железнодорожного вокзала было замечено скопление больших сил вражеской пехоты, — она хорошо просматривалась на снегу боевыми дозорами русских. К тому же промерзшие солдаты, несмотря на угрозы своих начальников, разжигали среди деревьев костры. Над привокзальным лесом стелилась дымная пелена.

Когда уже почти стемнело, сторожевая застава 80-го пехотного Кабардинского полка, углубившись в лес, сумела перехватить вражеского посыльного с приказом дивизионного начальника. Документ адресовался командиру 10-го корпуса. Среди прочих сведений в нем говорилось о подготовке общей ночной атаке позиции русских.

Было высказано предположение, что это дезинформация, подброшенная неприятелем. Но около 22 часов вечера 3-й бата-

льон кубанцев-пластунов, занимавший высоту Орлиное гнездо, вокзал и мост на шоссе, был атакован колоннами вражеской пехоты. Турки знали, куда нанести удар: здесь располагались основные склады провианта и боеприпасов.

Дело быстро дошло до ближнего боя — бились штыками, прикладами, кинжалами, кулаками. При всей ярости рукопашных схваток стало сказываться заметное превосходство числом атакующих. Пластуны, ведя бой, стали шаг за шагом отступать к селению Сарыкамыш, чтобы там «зацепиться» за его каменные дома. Начальник вокзального участка обороны командир 1-го Запарожского казачьего полка полковник И.С. Кравченко попытался остановить отступавших, но был убит.

Турецкая пехота, захватив вокзал, с ходу ворвалась в центральную часть селения Сарыкамыш и заняла расположенные там казармы 156-го Елисаветпольского пехотного полка, стоявшего здесь в мирное время. Неприятель стал спешно закрепляться в каменных казарменных зданиях, пытаясь при этом продвинуться еще дальше, но безуспешно. Бой затих только под утро, когда турки окончательно утратили атакующий пыл.

В тех событиях туркам впервые пришлось столкнуться под Сарыкамышем с огнем гаубичной артиллерии. К 16 часам сюда прибыла 1-я батарея (шесть гаубиц) 2-го мортирного дивизиона с прожекторной ротой 1-го Кавказского саперного батальона. Батарея сделала суточный переход около 50 километров. На большом привале в районе Меджингерта упряжные лошади батареи от усталости легли и с большим трудом были подняты для дальнейшего движения. Батарея была направлена в Сарыкамыш с приказом: «Потерять конский состав, но к вечеру 16 декабря обязательно прибыть в названный пункт».

17 декабря части, подчиненные полковнику Букретову, получили приказ выдвинуться в сторону Бардусского перевала и подойти на тысячу шагов к окопавшейся там вражеской пехоте. Турки, укрывавшиеся в лесу и в складках гор, стали поражаться огнем гаубичных батарей, которых у русских было уже две.

Против турок силой до батальона, засевших в «красных каменных саклях» селения курдов-мусульман Восточный Сарыкамыш, действовали две роты 80-го пехотного Кабардинского полка. Выбить неприятеля из горного селения не удавалось на протяжении трех суток, так как все подступы к саклям простреливались турками с окружающих высот. Юденич приказал очи-

стить селение, поскольку в противном случае нарушалась система обороны железнодорожной станции.

Только под воздействием огня прибывших гаубиц, местами подвезенных на огневые позиции на быках, так как лошади были бессильны втащить эти орудия на высоты, турки очистили часть селения. К вечеру охотники-саперы подползли к ближайшей сакле и взорвали ее мощным зарядом пироксилиновых шашек, положенных на крышу сакли. Каменное строение рухнуло, и все обороняющиеся, засевшие в сакли, погибли под ее обломками.

Взрыв деморализующе подействовал на остальных турок, засевших в других саклях. Большая часть их сдалась в плен: 11 офицеров и три сотни солдат из различных полков во главе с командиром 80-го пехотного полка. Эти пленные показали, что Сарыкамышской операцией руководит лично Энвер-паша, при котором находились два немецких генерала и один штаб-офицер из германской военной миссии.

В день 17 декабря турки в районе вокзала предприняли несколько сильных атак, которые были встречены контрударами. Русские захватили здесь свыше 200 человек пленных. Вражеские атаки здесь прекратились с наступлением темноты благодаря установленному на ближайшей высоте мощному прожектору, который высвечивал окрестности вокзала.

К исходу этого дня в результате продолжительных боев в Сарыкамыше скопилось свыше двух десятков турецких офицеров и около полутора тысяч солдат. Они крайне стесняли русских, так как им были нужны конвой, помещения, пища, а многие раненые, кроме того, требовали медицинского ухода и перевязок. Между тем во всем этом защитники Сарыкамыша сами испытывали крайнюю нужду.

В далеком Могилеве, в Ставке Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича-младшего с трудом разобрались в происходящих на Кавказе событиях. В полдень 17 декабря оперативный дежурный по штабу Отдельной Кавказской армии в Тифлисе получил срочную телеграмму из Ставки. В ней предписывалось генерал-лейтенанту Н.Н. Юденичу вступить в командование армией. В телеграмме сообщалось, что приказ на него императором Николаем II будет подписан в самое ближайшее время (24 декабря).

В той же телеграмме новому командующему Отдельной Кавказской армией настоятельно предписывалось «локализовать прорыв противника и восстановить положение».

Вскоре в Тифлис телеграфной строкой пришли новые указания. Бывший командующий армией генерал-адъютант граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков, в силу своего преклонного возраста и неспособности начальствовать над войсками, отзывался в резерв Верховного главнокомандующего. Но император Николай II не мог так просто «отставить» бывшего друга своего отца и заслуженного сановника. Государь учредил специально для него должность — «состоять при особе Его Величества». Более того, неизвестно, за какие военные заслуги граф Воронцов-Дашков в 1915 году был награжден императорским Военным орденом Святого великомученика и победоносца Георгия 3-й степени.

Новую должность Николай Николаевич Юденич принимал в пылающем пожарами Сарыкамыше. Он прекрасно осознавал критичность ситуации: для контрудара требовались свежие силы, а резервы были на исходе. С передовой снимать войск было нельзя. Донесения командиров частей, сражавшихся у Сарыкамыша, говорили о том, что люди измотаны до предела, что их все труднее стало поднимать в атаки, что много раненых и погибших, что приходится уже беречь патроны. Многие просили поддержки из резерва.

Больше всего Юденича поразило донесение за прошедшие сутки полковника Букретова, подлинного героя сарыкамышской эпопеи. Тот в донесении, датированном 19 декабря, докладывал на имя генерал-майора Пржевальского, у которого находился в оперативном подчинении, следующее:

«Вчерашний день, 18 декабря, гнал людей в бой, а сегодня не желаем, пока не подойдут подкрепления. В ротах осталось по 70—80 человек, офицеры командуют 3—4 ротами; был случай, когда командир полка командовал ротой. Пока подкрепление не подойдет и не будут присланы боеприпасы, до тех пор в наступление переходить не буду. Люди изнурены, голодны.

Как прикажете действовать дальше? Я сделал все возможное. Обстановка неизвестна. Страшные потери в людях; в особенности много пошло сопровождать раненых, не возвращаются больше назад. Пулеметов нет, орудия не стреляют якобы за отсутствием целей. Держаться на позиции не в состоянии».

День 19 декабря был одним из самых тяжелых во время сарыкамышских боев. Энвер-паша приказал в очередной раз штурмовать железнодорожную станцию и само селение. С рассветом

огневой бой возобновился, турки яростно обстреливали позиции противника из винтовок, пулеметов и орудий. Они особенно стремились удержать за собой Бардусский перевал. В 14 часов дня на землю внезапно опустился густой туман, различать цели можно было лишь в 4—5 шагах.

Огневой бой усилился. Юденичу со всех сторон стали поступать доклады о том, что неприятель готовится к сильной атаке. Действительно, по условному сигналу, с криками «Алла», раздавшимися по всему фронту, турки в очередной раз бросились с гор в узенькую долину. Однако их общая атака повсюду была отражена. К 16 часам командир центрального участка обороны доложил в штаб, что уже отбиты три вражеские атаки, а четвертая вот-вот начнется, а в его резерве остался только один взвод. Но и четвертая атака турок, ставшая в тот день последней, закончилась полной неудачей и с большими потерями.

Именно в день 18 декабря, как свидетельствуют очевидцы, Энвер-паша окончательно понял, что его план наступательной операции не осуществится. Командующий 3-й армией приказал своим частям под Сарыкамышем перейти к обороне, и он порекомендовал командирам корпусов отправить в Эрзерум знамена. Впервые с начала Сарыкамышской операции в его приказе появилась такая фраза:

«Я надеюсь, что мы завтра сумеем удержаться на наших позициях».

Так как Энвер-паша предвидел, что неизбежное отступление будет по уже знакомым дорогам в заснеженных горах тяжелым, то знамена в турецких частях были, согласно его требованию, сняты с древков. Они были отправлены в Эрзерумскую крепость с несколькими офицерами и унтер-офицерами. Для большей сохранности знамен они должны были обмотать полотнища вокруг тела.

Юденич начал с того, что наладил надежную связь, которая обеспечила ему надежное управление. Связь теперь осуществлялась через три десятка радиостанций. Только благодаря этому командующий армией смог получить всю картину последних дней и на передовой, и в тыловом Тифлисе. Картина вырисовывалась такая: армия Турции во главе с Энвер-пашой повела наступление на российское Закавказья, нацелившись прежде всего на Грузию. Пока.

В тех событиях и проявился впервые полководческий дар Николая Николаевича Юденича. Он решил в такой, самой не-

благоприятной для Кавказской армии, ситуации нанести ответный удар по 3-й турецкой армии, командование которой уже взяло в свои руки стратегическую инициативу в войне. Эту инициативу требовалось вырвать из рук Энвер-паши.

Юденич стал наращивать силы под Сарыкамышем. К вечеру 20 декабря туда подошли 1-я Кавказская казачья дивизия и 2-я Кубанская пластунская бригада. Командующий лично направил в тыл туркам на Бардусский перевал уже отличившийся в боях 17-й Туркестанский стрелковый полк. По его приказанию комендант Карса отправил части 3-й Кавказской стрелковой бригады в Ново-Селим и благодаря такому расчетливому ходу движение по узкоколейной железной дороге было полностью восстановлено. Неприятеля оттеснили от узкоколейки в окрестные горы.

План контрнаступления русских вырисовывался следующим образом. Наступление начиналось одновременно с трех сходящихся направлений: главными силами на район Сарыкамыша с фронта, от города Ардагана и Ольты. На Ардаганском горном плато Сибирская казачья бригада уже нанесла туркам жестокое поражение. Одновременно в движение приходили сильные обходные отряды, которым ставилась задача создать во вражеском тылу угрозу полного окружения сил Энвер-паши.

За счет скрытой перегруппировки полков 39-й пехотной дивизии, 1-й и 2-й Кубанских пластунских бригад, а также двух артиллерийских бригад, подходивших из Карской крепости, предполагалось достичь оперативный успех. То есть был задуман широкий маневр силами на горном театре войны. Но все, как говорится, гладко бывает только на бумаге.

Приходилось опасаться вражеских лазутчиков, которых среди местного мусульманского населения было хоть отбавляй. Поэтому встал вопрос маскировки на маршрутах передвижения войск и согласованности их действий. (Именно это и не удалось Энвер-паше и начальнику его штаба генералу Бронзарту фон Шеллендорфу.)

Штаб Отдельной Кавказской армии сумел решить все эти вопросы на должном, похвальном уровне. Результаты декабрьского наступления 1914 года русских на Кавказе продемонстрировали качество штабной культуры ближайших помощников Юденича.

Самые срочные меры были предприняты в отношении организации надежной связи, без которой оперативность управления армейскими силами резко снижалась. Да еще в условиях зимнего высокогорья. Командующий армией приказал в войсках, действовавших на главных направлениях контрудара, оборудовать несколько радиолиний. Конечные искровые станции размещались в армейском штабе, а также в штабах дивизий и отдельных отрядов. Приказы Юденича передавались действующим войскам теперь не телеграфом и не конными вестниками, а по радио. При этом больших помех не возникало.

На линии огромной протяженности — от Батума на черноморском побережье и до Товиза в горах Турецкой Армении работало одновременно до 30 полевых радиостанций. Они обеспечивали днем и ночью надежное управление дивизиями, бригадами и отдельными отрядами. У представителей государств Антанты, аккредитованных при Ставке Верховного главнокомандующего России, такая организация связи вызвала немалое удивление и откровенный восторг.

Подобная схема организации радиосвязи в Первой мировой войне применялась впервые. И вообще, организация такого масштабного контрнаступления на горном театре, аналогов в военной истории еще не знало.

Юденич владел ситуацией, удачно выбрав время для ответной наступательной операции. К началу ее подготовки атакующие усилия 3-й турецкой армии находились уже на исходе. Это чувствовалось по оперативным донесениям с мест боев. Теперь было исключительно важно не упустить драгоценное время.

Во время сарыкамышских событий Н.Н. Юденич спустя более столетия вновь применил основы суворовской тактики по «Науке побеждать», которые заключались в трех принципах русского военного гения: глазомер, быстрота, натиск. Генералиссимус Александр Васильевич Суворов-Рымникский оставил для будущих поколений воинства России и такое правило: «Деньги дороги, жизнь человеческая еще дороже, а время дороже всего».

21 декабря перешли в контрнаступление все войска Сарыкамышского района, вынудив турок к отходу по обледенелым горам через дальние перевалы. На следующий день наступать стали остальные силы Кавказской армии. Она наступала в горах на гораздо более широком фронте, чем перед этим наступал ее

противник. Контрудар по 3-й турецкой армии всюду увенчался успехом.

Особенно упорными оказались наступательные бои вокруг Бардусского перевала. Позиция обороняющихся здесь турок атаковывалась с двух сторон. В туманную погоду, по глубокому снегу бойцы шли в гору «вяло», выбиваясь из сил. Выстрелы гулко раздавались в морозном воздухе. Кубанские пластуны овладели перевалом к 14 часам дня, взяв при этом батарею из шести орудий с поразительно большим запасом снарядов.

Пластуны, ободренные успехом, стали теснить турок дальше вдоль горного хребта Турнагель. Но на опушке Турнагельского леса они натолкнулись на «батарею из 16 пулеметов» и окопавшуюся в большом числе вражескую пехоту. Тогда в поддержку атакующим был послан 17-й Туркестанский стрелковый полк. Только к исходу дня от турок были очищены все рощи близ Бардусского перевала.

Надо отдать должное Энвер-паше и его немецким военным советникам: они попытались спасти от разгрома свою армию. Был отдан поспешный приказ об отступлении. Но он опоздал. Суть заключалось в том, что русский командующий тактически «чисто» переиграл военного министра Турции. Генерал-лейтенант Н. Н. Юденич тактически грамотно организовал атаки и преследование 9-го и 10-го колоннами войск, которыми командовали Пржевальский, Букретов, Масленников, Баратов, Попов, Габбаев, Чаплыгин, Барковский, Воронов. Каждый такой отряд имел четко поставленную боевую задачу, схему взаимодействия с соседями справа и слева.

Как и предполагалось, первоначально главные события разыгрались под Сарыкамышем. Там в горно-лесном районе в полном окружении оказался почти весь неприятельский 9-й армейский корпус. Уже в первый день контрнаступления кавказских войск там случилось настоящее чудо для военной истории.

14-я рота 154-го пехотного Дербентского полка под командованием капитана Вашакидзе смелым ударом в штыки прорвалась в самую глубину обороны турок. Результат такой поистине лихой атаки превзошел все мыслимые и немыслимые ожидания командира этого полка: рота захватила 8 орудий, корпусной штаб во главе с командиром 9-го армейского корпуса Исхан-пашой и всех трех командиров его дивизий — 17-й, 28-й и 29-й с их штабами. Интересно и то, что вражеские штабы сдались бойцам-

дербентцам, которых насчитывалось всего 40 (!) человек: от роты в ходе сарыкамышских боев осталось в строю чуть больше одного взвода.

Вместе с Исхан-пашой сложили оружие 107 султанских офицеров и немногим более двух тысяч солдат. К слову сказать, Исхан-паше в плену создали хорошие условия. В 1916 году он удачно бежал из плена (из Баку) и через Афганистан и Персию пробрался в Турцию и в конце Первой мировой войны уже с отличием сражался против англичан. За свой смелый побег из русского плена историки порой величали его «вторым генералом Корниловым».

В одной из своих работ по истории Первой мировой войны, вышедшей в 30-е годы прошлого столетия, комбриг Н. Корсун писал о том удивительном эпизоде сарыкамышских боев:

«Русские с утра 22 декабря усилили артиллерийский, ружейный и пулеметный огонь и сжимали остатки 9-го турецкого корпуса. 80-й пехотный Кабардинский наступал в стык 9-го и 10-го турецких корпусов, стремясь овладеть районом Ягбасан и охватывая левый фланг 17-й турецкой пехотной дивизии. 154-й пехотный Дербентский полк наступал на центр 9-го корпуса. В то же время колонна Масленникова, имея в главных силах 155-й пехотный Кубинский полк и шесть рот 15-го Туркестанского стрелкового полка, продвигаясь с Бардусского перевала, охватывала правый фланг 9-го корпуса.

Давление наступающих усиливалось. Со всех сторон турки просили о помощи.

2-й эшелон штаба 9-го корпуса и его оперативные документы турки успели заблаговременно отправить через Бардус в Эрзерум. Прибывший в 14 часов командир 10-го корпуса с улыбкой заявил командиру 9-го корпуса Исхан-паше по-французски: «Все кончилось», и отдал приказ о начале общего отступления, указав, что в районе Кизил-килиса — Чермук имелась горная дорога, связывавшая оба корпуса, по которой командир 10-го корпуса и рекомендовал Исхан-паше начать отход, так как русские вряд ли могли понять на пересеченной местности этот маневр турок.

Около 16 часов штаб 9-го корпуса оказался под обстрелом русских, стрелковая цепь которых показалась на просеке в стыке между 17-й пехотной дивизией и 10-го корпуса.

В то время как прибывший из 28-й пехотной дивизии ординарец доложил, что последняя окружена и взята в плен и чины штаба начали сжигать оперативные документы, вблизи раздался окрик по-русски: «Не двигайтесь, сдавайтесь!» С этими словами обращался к туркам русский офицер с револьвером в руке, шедший впереди пехоты.

Командир корпуса и его штаб сдались этому офицеру, который принял пленников за пост сторожевого охранения, так как в людях, проживших 11 дней в Сарыкамышских лесах, заочпченных дымом костров, нельзя было узнать командиров».

Разгром корпусного и дивизионных штабов лишил войска 9-го корпуса управления. Его части были уничтожены в горах, а остатки взяты в плен. Армейский корпус «таял на глазах»: к 19 декабря в плену оказалось уже более пяти тысяч его солдат и офицеров. Трофеями стали вся артиллерия и обоз. Отличился пехотный Бакинский полк, который в одной из атак захватил девять вражеских орудий. О тех боях полковник Е.В. Масловский, занимавший должность генерал-квартирмейстера в полевом штабе Юденича, один из крупнейших историков-белоэмигрантов, писал:

«Турки оказывали упорное сопротивление. Полузамерзшие, с черными отмороженными ногами, они тем не менее принимали наш удар в штыки и выпускали последнюю пулю, когда наши части врывались в окопы».

Понесся большие потери, 30-я и 3-я турецкие дивизии начали отступать от Сарыкамыша в великом беспорядке через горный перевал к Бардусу, надеясь там закрепиться на выгодной позиции. В это селение прибыл и Энвер-паша со своим штабом и немецкими советниками. Он сумел так счастливо покинуть штаб 9-го корпуса, который за восемь дней боев фактически перестал существовать.

Показательно, что в Бардусе мушир уверял всех, что его 3-я турецкая армия сражается доблестно и успешно. Но словам военного министра уже мало кто верил и на Кавказе, и в Стамбуле.

Под натиском контрнаступающих русских войск не удалось устоять и 10-му турецкому корпусу, хотя он оказался в гораздо более выгодных условиях, чем силы Исхан-паши. Дивизии 10-го корпуса отходили с большими потерями повсеместно, по пути теряя свою прежнюю организованность. Их выручило то обсто-

ательство, что противник не сумел по горным заснеженным дорогам вовремя выйти на ближние подступы к Бардусу.

У этого селения турки попытались дать отпор преследователям. Их 32-я пехотная дивизия нанесла удар во фланг и тыл русского Сарыкамышского отряда, который в это время вел упорные бои с 11-м неприятельским корпусом на укрепленном пограничном рубеже. Положение там спас отряд генерала Н.Н. Баратова, командира 1-й Кавказской казачьей дивизии. Левая колонна контрнаступающего баратовского отряда захватила в плен остатки 32-й пехотной дивизии — более двух тысяч человек. Дело облегчалось тем, что турки уже не хотели сражаться, отчаявшись найти спасение среди снегов окрестных гор.

Тактический успех казачьего генерала Баратова разрешил назревший кризис на правом крыле передового Сарыкамышского отряда, устоявшего перед всеми атаками действовавшего против него 11-го турецкого корпуса. После разгрома 32-й пехотной дивизии, наносившей удар от Бардуса, натиск войск армии Энвер-паши повсеместно ослаб.

В ходе контрудара, задуманного и осуществленного Н.Н. Юденичем, бой состоялся у Ардагана. Близ этого приграничного города боевое крещение приняла только что сформированная 5-я Кавказская стрелковая дивизия, полки которой поддержали славу старых кавказских гренадер. Один из ее полков — 10-й во главе с князем Цулукидзе захватил штаб 30-й турецкой дивизии вместе с ее начальником и 4-орудийную артиллерийскую батарею.

Повторное взятие Ардагана овеяло славой Сибирскую казачью бригаду генерал-майора Петра Петровича Калитина. Бригада прибыла в Тифлиси из Туркестана походным порядком. Свой основной резерв командующий Отдельной Кавказской армии был вынужден перебросить на правое крыло растянутого по горам фронта.

Двадцатипятиверстный конный переход к Ардагану бригада проделала без потерь обмороженными людьми. В одну из темных и морозных ночей по глубокому снегу калитинцы подошли к городу. На подступах к нему были встречены кубанские пластуны, которые после жаркого боя оставили Ардаган под натиском превосходящих сил турецкой пехоты.

Тогда генерал-майор Калитин решил, беря инициативу в свои руки, отбить Ардаган в ту же ночь. Турки еще не знали о появ-

лении под городом русской конницы. Дав коням и людям немного отдохнуть, Калитин двинул бригаду к городу, до которого, судя по карте, оставалось идти еще три-четыре версты. Шел густой снег, темнота стояла полная.

1-й Сибирский казачий полк имени Ермака Тимофеевича должен был сойти с шоссе и обойти Ардаган, вновь выйдя на шоссе уже за городом. Второму полку приказывалось идти по шоссе до первых домов и там остановиться. Бой должны были начать ермаковцы: шум начавшихся схваток должен быть услышан, поскольку город тянулся вдоль дороги версты полторы: горы не давали ему разрастаться вширь.

Турки проявили полнейшую беспечность: устроив в армянской части города пожар и увлекшись грабежом домов, они не выставили на ночь ни боевого охранения, ни даже часовых. Шесть сотен казачьей сотни без шума обошли город по его окраине и оказались в ближнем тылу у неприятеля.

Дальше ардаганские события разворачивались так. Первой в город молчаливо вошла четвертая сотня 1-го Сибирского казачьего полка есаула Волкова. Уже через несколько минут она натолкнулась в темноте на густую толпу турок (это оказался целый батальон пехоты), шедших по шоссе. Была ли подана команда для атаки — никто после боя не мог сказать с уверенностью. Но после нескольких беспорядочных выстрелов в темноте казаки уже рубили направо и налево вражеских пехотинцев, с которыми они перемешались в толпе.

Дело было кончено в считанные минуты: пехотный батальон оказался частью вырублен, а частью сдался в плен вместе с полковым знаменем. Вслед за четвертой сотней полка ермаковцев в город влетели и остальные пять сотен: таится теперь уже не было смысла. Услышав на противоположном конце Ардагана ружейную пальбу, в атаку пошел и 2-й Сибирский казачий полк.

Разгром турок в Ардагане был полный и впечатляющий. Среди прочих трофеев 1-го Сибирского казачьего полка имени Ермака Тимофеевича оказалось знамя 8-го Константинопольского пехотного полка, одного из самых привилегированных в султанской армии. По решению Юденича оно было выставлено в Тифлисе, в музее Кавказского военного округа как один из самых почетных экспонатов.

Казаки изрубили на ардаганских улицах около 500 вражеских пехотинцев, взяв в плен около 900 человек. Только небольшой

части турок удалось ускользнуть из города под покровом ночи. Потери сибирских казаков составили 16 убитых и 36 раненых, они лишились около семи десятков лошадей.

Ардаганское дело сибирских казаков разрушило план Энвер-паши ворваться в Грузию через Боржомское ущелье. Подходившая к городу свежая турецкая пехотная дивизия, встретив случайных беглецов, остановилась и затем отошла к селению Ольты, заняв там оборону, ожидая наступления русских со стороны Ардагана.

Главным армейским силам — передовому Сарыкамышскому отряду, оборонявшемуся на рубеже селений Ени-кей, Баш-кей, генерал-лейтенант Юденич приказал наступать повсеместно, в едином порыве. Но продвижение вперед здесь шло медленно из-за глубокого снега и отчаянного сопротивления турок, которые еще только вчера сами настойчиво атаковали русских. Дело часто доходило до штыковых схваток, после которых появлялось много раненых, которых с санитарными обозами сотнями отправляли в тыл.

Поняв, что войска 11-го турецкого корпуса будут и дальше стойко обороняться, Юденич решил сломить их сопротивление обходом левого неприятельского фланга у селения Кетек. Приказ на этот нелегкий фланговый маневр получил командир 18-го Туркестанского стрелкового полка полковник Довгирт. Полк усилили четырьмя орудиями. Турки, не имея дальних дозоров, просмотрели выход русских во фланг их позиции.

В двадцатиградусную стужу туркестанские стрелки, с трудом прокладывая себе дорогу в снегу, нередко переносили орудия и боеприпасы на руках, упорно продвигались вперед. В ущельях и распадках снег местами превышал человеческий рост. Обходной путь полк проделал за пять суток; при этом люди, не получая горячей пищи, питались почти одними сухарями.

Неожиданно появившись во вражеском тылу, стрелки развернулись в боевой порядок и перешли в атаку. На фланге 11-го турецкого корпуса началась паника. Его полки стали один за другим поспешно отступать из-за явной угрозы окружения: силы зашедших во фланг русских были неизвестны. Солдаты перестали подчиняться офицерам, а те не могли выполнять распоряжения Абдул-Керим-паши. Под Караурганом в плен был захвачен начальник 34-й турецкой пехотной дивизии со своим штабом и дивизионным знаменем.

Внезапный удар силой в один 18-й Туркестанский стрелковый полк и переход в наступление всего Сарыкамышского от-

ряда имели полный успех. Отступление неприятельских войск вскоре стало повальным. В ночь на 29 декабря турки начали отход и от селения Ольты. На горных высотах к северо-западу от Сегдасора они заняли было арьергардную позицию по обе стороны от шоссе, кое-как смогли окопаться, устроить завалы на горных дорогах и тропах.

Русские обнаружили отход неприятеля только на рассвете следующего дня и сразу же двинулись в преследование. Пройдя всего восемь километров, они были встречены сильным артиллерийским огнем с закрытых позиций. Своя же полевая артиллерия находилась еще на подходе. Положение выправила вовремя подоспевшая 2-я Оренбургская казачья батарея: ее орудийные расчеты быстро развернулись и открыли огонь, который оказался на удивление всем метким и губительным.

Под прикрытием огня казачьих пушек стрелки смогли развернуться вдоль шоссе. Это напугало турок угрозой обхода их позиции с флангов. Они отступили еще дальше, заняв новую выгодную позицию. Ночью на разведку ушли четыре сотни сибирских казаков с конно-пулеметной командой. Успешно выполнив поставленную им задачу, казаки без потерь возвратились к своим.

На рассвете русские вновь начали атаку вдоль шоссе. Удача сопутствовала 263-му пехотному Гунибскому полку. Его роты, попав под перекрестный огонь, все же сбили турок с позиции и обратили их в бегство. Те теперь думали только о спасении, рассеявшись по окрестным горным лесам. Бежать по шоссе было опасно из-за казачьей конницы.

Сарыкамьшская операция имела полный успех. Новый 1915 год Отдельная Кавказская армия встретила в наступлении. К 5 января она вышла, перейдя повсеместно государственную границу, на рубеж селений Ит, Арди, Даяр. С этой линии открывались благоприятные возможности для развития наступления в глубь Турецкой Армении. Но, углубившись на вражескую территорию на 30—40 верст на вражескую территорию, Юденич приказал прекратить преследование отступающих турок.

Преследовать оказалось некого: 3-я турецкая армия было наголову разгромлена. Из ее 90-тысячного состава у мушира Энвер-паши уцелела едва седьмая часть — 12 400 полностью деморализованных людей. Продолжавшаяся почти месяц на фронте

более чем в сто километров Сарыкамышская операция завершилась убедительной победой русского оружия. Ее противник понес урон в 78 тысяч человек, из которых 15 тысяч попали в плен, а остальные или были убиты, или замерзли в горах.

Теперь перед военной администрацией встала сложная по исполнению задача: в самый кратчайший срок произвести захоронение павших под Сарыкамышем турок, чтобы избежать опасности возникновения эпидемии чумы или другой заразы. Юденич приказал использовать для этих целей военнопленных. В марте 1915 года Карский окружной начальник доложил ему о захоронении в братских могилах только в окрестностях селения Сарыкамыш 23 тысяч убитых турок и что осталось предать земле еще несколько тысяч трупов.

Всего к весне 1915 года при работах по очищению окрестностей Сарыкамыша было захоронено 28 тысяч человек и 13 тысяч животных (лошадей, обозных верблюдов и быков). То, чего так боялось армейское командование — эпидемии чумы, удалось избежать.

Победителям достались богатые трофеи: около 70 горных и полевых орудий (вся артиллерия 9-го и 10-го корпусов), многочисленные обозы с выучными верблюдами и лошадьми. Количество трофейного оружия и различного военного имущества подсчету не поддавалось. Но запасов провианта было взято немного.

3-я турецкая армия до 1918 года, до самого окончания Первой мировой войны, пребывала на Кавказском фронте против России. Но, несмотря на все значительные пополнения в людях и технике, она больше никогда не достигала той численности, которую имела перед началом наступательной операции на российский Сарыкамыш. Стамбул оказался не в состоянии укомплектовать ее до прежней численности.

Блистательная победа для русских кавказских войск далась дорогой ценой, хотя и с меньшими людскими потерями. Отдельная армия лишилась около 26 тысяч своих бойцов убитыми, ранеными и обмороженными. Последних набиралось 6 тысяч человек. Число погибших могло быть заметно больше, но многие тяжелораненые воины были спасены в полевых госпиталях, некоторые из которых героически работали под вражеском огнем в почти окруженном Сарыкамыше. Всего же в Сарыкамышской

наступательной операции участвовало около 45 тысяч русских войск.

Военный министр Турции, сложивший с себя обязанности командующего разгромленной 3-й султанской армии, 25 декабря прибыл в Эрзерум. По словам турецкого мемуариста отставного полковника Шериф-бей Кепрюлю, бывшего начальника штаба 9-го турецкого корпуса, Энвер-паша отбыл из Эрзерума в Сивас, «проклинаемый бывшими соратниками как наемник германского императора, похоронивший в снегах Анатолийскую армию и обвинявший всех командиров в трусости.

Чтобы оправдать себя в Константинополе перед лицом партии «Единение и прогресс», он, искажая события и факты, распространял ложные версии и клеветал на тех, кто доблестно сложил свои головы под его водительством.

Такова была цена попытки Энвера овладеть районом Карс и Ардаган, пропагандировать панисламизм и реализовать мечты пантуранизма»»

Общепризнанным в мировой военной истории является то, что Сарыкамышская победа русского оружия имела сильный резонанс в начавшейся полгода назад Великой войне. О победе русской армии на Кавказе много писалось в газетах прежде всего стран Антанты.

Император Николай II, высшее командование не поскупилось на награды победителям. Более тысячи солдат, казаков, ополченцев и офицеров было представлено к Георгиевским наградам — Георгиевским крестам и Золотому оружию.

Командующий Отдельной Кавказской армией Николай Николаевич Юденич, принявший бразды правления в критические «сарыкамышские» дни, сумел продемонстрировать истинное полководческое искусство. Его заслуги были оценены высоко: званием генерала от инфантерии и орденом Святого Георгия 4-й степени «за Сарыкамыш». В наградном листе было записано:

«Вступая 12 минувшего декабря в командование 2-м Туркестанским корпусом и получив весьма трудную и сложную задачу — удержать во что бы то ни стало напор превосходных турецких сил, действовавших в направлении Сонамер — Зивин — Караурган, и выделить достаточные силы для наступления от Сырбасана на Бардус, с целью сдержать возраставший натиск турок, наступавших от Бардуса на Сарыкамыш, выполнил эту

задачу блестяще, проявив твердую решимость, личное мужество, спокойствие, хладнокровие и искусство вождения войск, причем, результате всех распоряжений и мероприятий названного генерала была обеспечена полная победа под г. Сарыкамышем».

За Сарыкамыш последовали не только награждения, но и наказания. От своих командных должностей были отстранены генералы Мышлаевский и Берхман. В прошедших событиях они продемонстрировали несостоятельность командования вверенными им войсками. Первый — армией, второй 1-м Кавказским армейским корпусом. Было указано на то, что оба они в сложной обстановке утратили боевой дух и твердость в принимаемых решениях, проявив в критические минуты известные колебания. Именно они хотели отступить от Сарыкамыша и отдать его неприятелю.

Союзники России по Антанте не остались в стороне от событий на Кавказе. В Великобритании и особенно во Франции отметили блестящую победу русского оружия. 6 января 1915 года посол Французской Республики в Петрограде М. Палеолог с известной долей восторга записал в своем дневнике, который проливал свет на многие события Первой мировой войны:

«Русские нанесли поражение туркам вблизи Сарыкамыша, по дороге из Карса в Эрзерум. Этот успех тем более похвален, что наступление наших союзников началось в гористой стране, такой же возвышенной, как Альпы, изрезанной пропастями и перевалами. Там ужасный холод, постоянные снежные бури. К тому же — никаких дорог и весь край опустошен. Кавказская армия русских совершает там каждый день изумительные подвиги».

В самом начале Великой войны на Кавказе полководец Юденич показал себя мастером ведения горной войны, гораздо более многосложной, чем боевые действия в чистом поле, на равнинах. Вне всякого сомнения, ему была известна мысль императора французов Наполеона Бонапарта о горной войне:

«Где может пройти козел, там может пройти человек, где пройдет человек, пройдет батальон, а где батальон, там и армия».

Еще учась в московском 3-м Александровском училище, Юденич юнкером познакомился с трудами такого видного военного теоретика прошлого, как Клаузевиц, который в эпоху наполеоновских войн успел послужить и в рядах русской армии. Уже тогда он понял, что война в горах имеет свои законы, знание которых дает военачальнику известное преимущество над

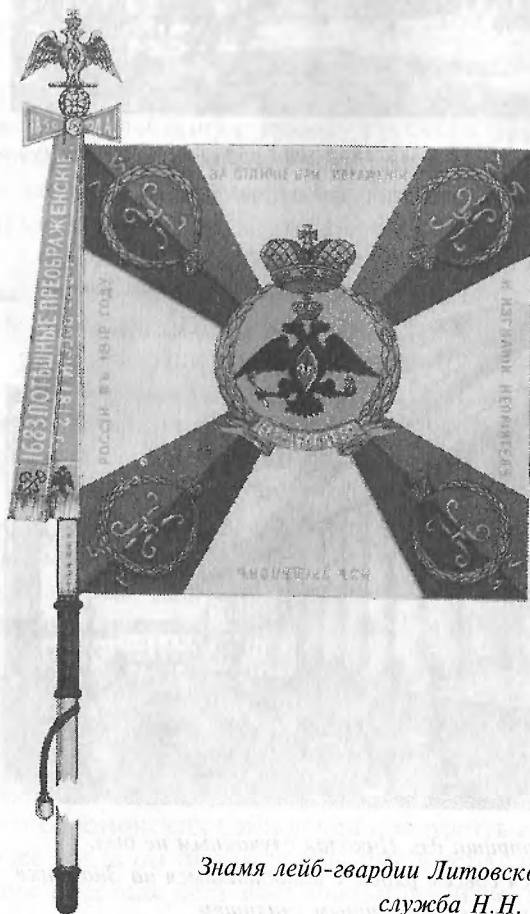
Улица Знаменка в Москве, где 18 июля 1862 года родился Н.Н. Юденич

*Выбор жизненного поприща для Николая случайным не был.
Отцовский дом располагался совсем рядом с находившимся на Знаменке
3-м Александровским военным училищем*

*Знак Александровского
военного училища, которое
Н.Н. Юденич окончил
в 1881 году*

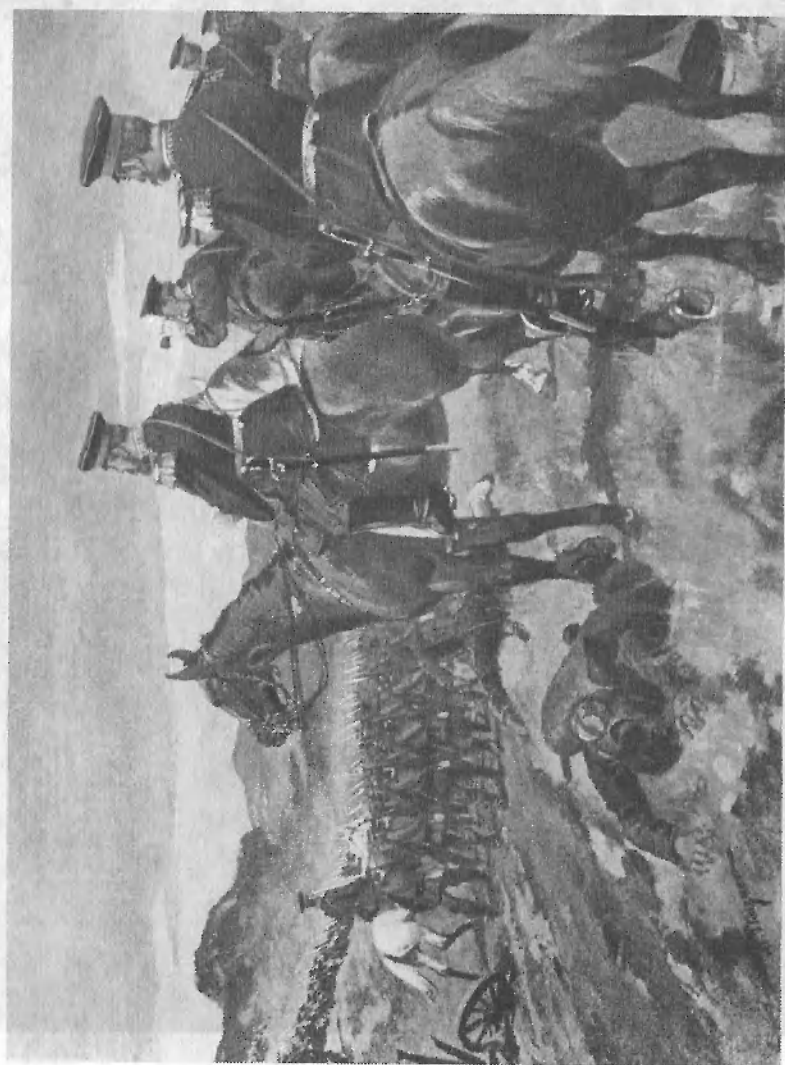

*Знамя лейб-гвардии Литовского полка, где начиналась
служба Н.Н. Юденича*

Порт-Артур в 1904 году

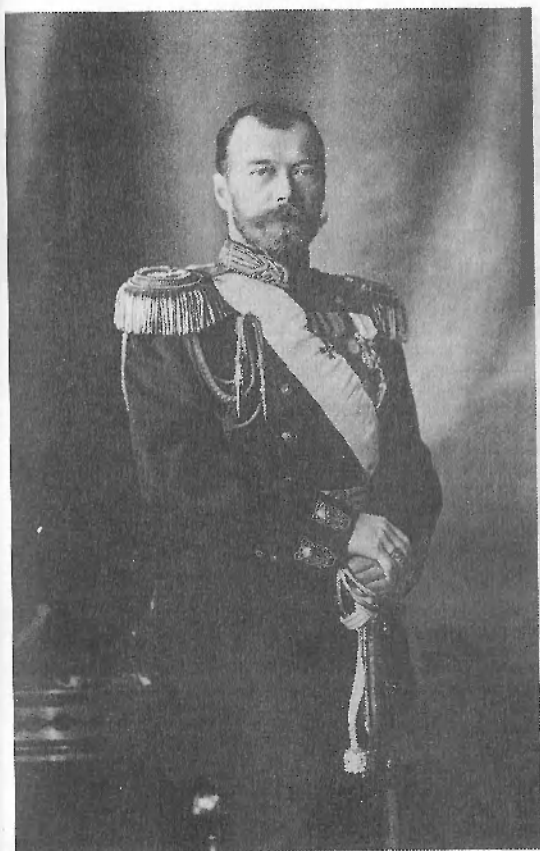
С. Ю. Виноградов

Генерал Куропаткин во время русско-японской войны

Издание 1911 года. Издательство Военного министерства.
Москва. 1911 г.

Николай II

С.Ю. Бумме

Н.Н. Юденич

Портрет Юденича. Худ. М. Мизернюк

Главнокомандующий Кавказской армией великий князь Николай Николаевич (в центре) и командующий Кавказской армией генерал Н.Н. Юденич с чинами штаба после Эрзерумской операции. 1916 г.

Генерал Юденич с чинами штаба Кавказской армии. 1916 г.

*Командующий Кавказской армией
генерал от инфантерии Н.Н. Юденич*

Генерал Юденич с группой офицеров

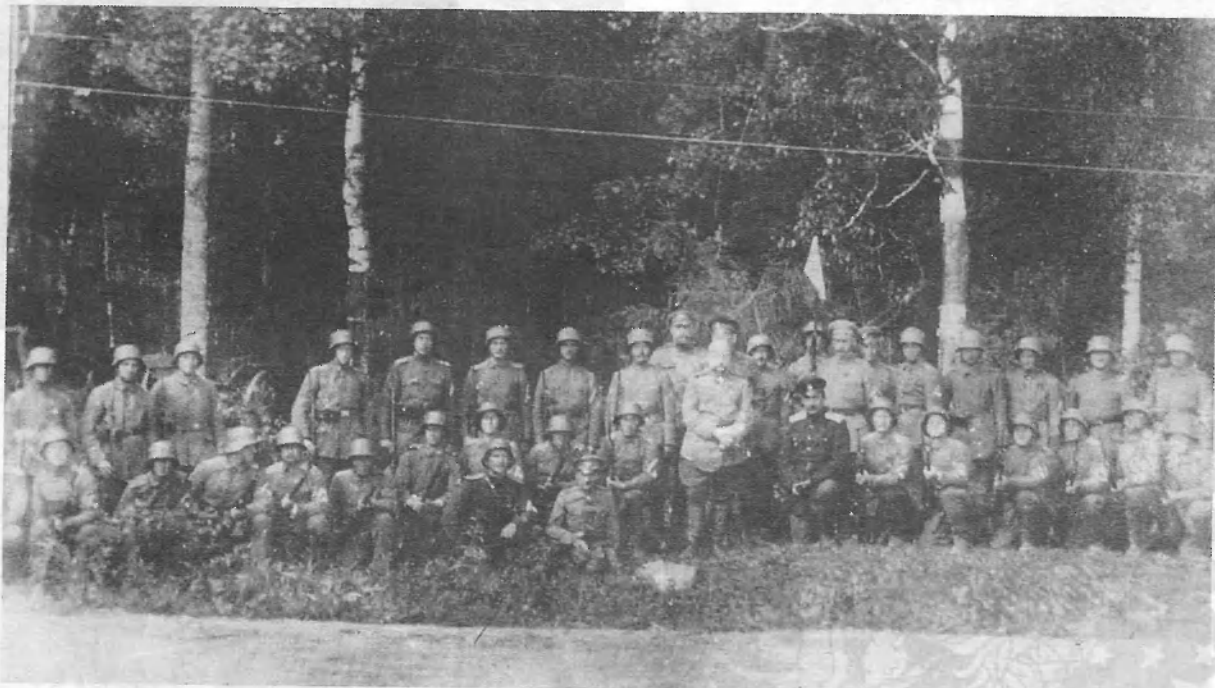

*Троцкий поражает дракона
контрреволюции. Плакат. 1918 г.*

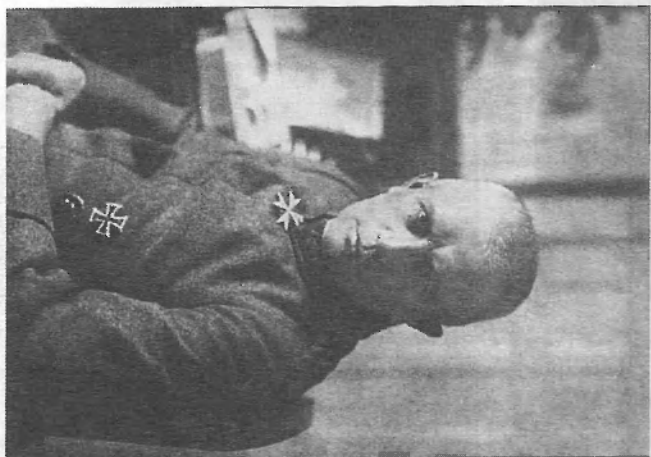
С.С. Каменев

*Генерал Юденич (в центре) с бойцами 2-й офицерской роты 1-го батальона отряда светлейшего князя Ливена.
Лето 1919 года*

*Полковник князь А.П. Ливен.
Это была одна из самых замет-
ных фигур Белого движения в
Прибалтике (фото времен
Первой мировой войны)*

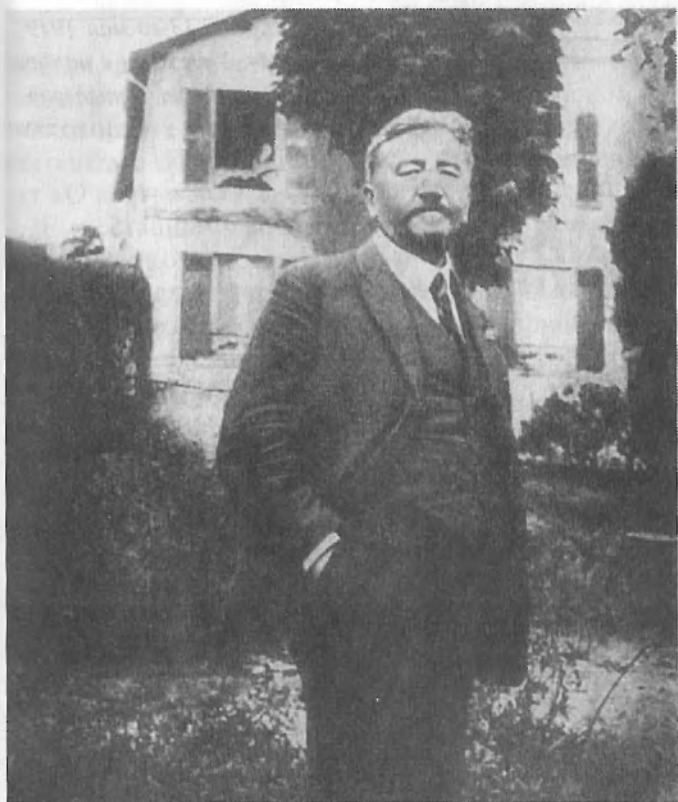

*Немецкий генерал-фельдмаршал
барон фон дер Гольц*

*Штабс-ротмистр
С.Н. Булак-Балахович*

*Полковник князь
П.Р. Бермондт-Авалов*

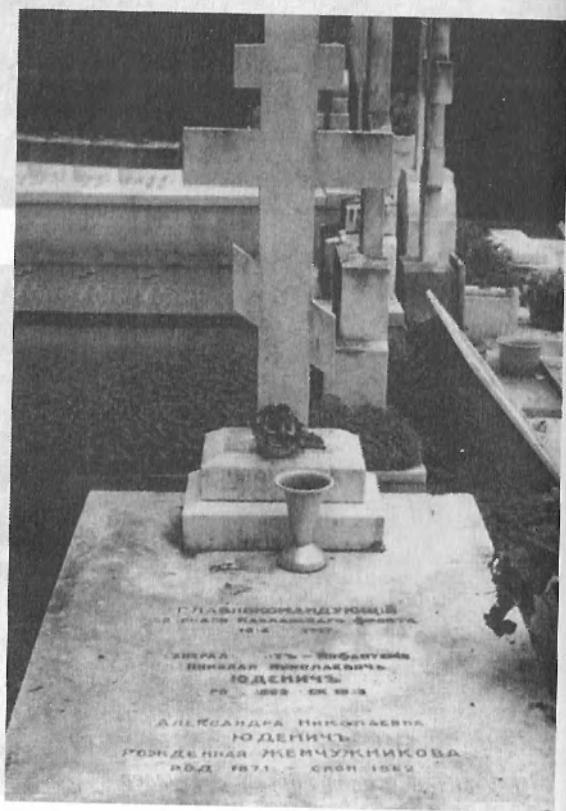

*А. Куприн: «Я пламенный бард
Северо-Западной армии. Я никогда не
устану удивляться ее героизму
и воспевать его»*

Генерал от кавалерии Е. К. Миллер

*«Крест 13-го мая 1919
года». Учрежден в память
о походе на Петроград*

*Могила Н.Н. Юденича
и А.Н. Юденич на
кладбище Кокад в Ницце*

любим, даже более сильным, противником. С трудами Клаузевица Николай Николаевич более основательно и вдумчиво познакомился еще раз в стенах Николаевской академии Генерального штаба. И тогда, и теперь на него впечатление произвел трактат «О войне».

Ему, ставшему во время Сарыкамышских боев общепризнанным тактиком ведения горной войны, например, запомнилось из этого военно-теоретического труда выражение автора о том, что «ничтожный отряд, прикрытый с фронта крутым скатом, а справа и слева ущельями» приобретает большую силу. Развивая эту мысль, Клаузевиц отмечал:

«Не подлежит сомнению, что небольшой отряд, удачно выбравший позицию в горах, приобретает необычайную силу. Небольшая часть, которую на равнине легко прогнали бы несколько эскадронов кавалерии и которая сочла бы себя счастливой, если поспешным отступлением ей удалось бы спастись от разгрома и плена, в горах имеет с известной, мы сказали бы с тактической наглостью выступить на глазах целой неприятельской армии и потребовать от последней, чтобы ей, небольшой кучке, был оказан почет по-военному — методическим наступлением, обходом и прочим».

В противостоянии с муширом Энвер-пашой и его советниками из германской военной миссии кавказский полководец продемонстрировал собственную школу ведения горной войны. Она тогда блеснула Сарыкамышской эпопеей, действиями Ольтинского отряда генерала Истомина, Ардаганским делом. Но пока это было еще только начало Первой мировой войны, когда ее волнующие мир события не развернулись в глубине Турецкой Армении, на берегах Ефрата и горной Персии.

По мнению исследователей Первой мировой войны, значение Сарыкамышской наступательной операции, так умело проведенной Н.Н. Юденичем, состояло в том, что теперь государственная граница России на Кавказе была надежно защищена. После провала плана Энвер-паши союзник Германии и Австро-Венгрии — Турция больше не помышляла о вторжении в Закавказье и дальше за Большой Кавказский хребет, будучи вынуждена защищать собственную территорию от русской армии. Только октябрь 1917 года резко изменил военно-политическую ситуацию на Кавказском фронте.

После Сарыкамыша Николаю Николаевичу Юденичу больше не довелось на поле брани встретиться с муширом Энвер-

пашой. Тот, после провала операции на тактическое окружение русских войск в духе «Канн» видного германского военного теоретика генерал-фельдмаршала Альфреда фон Шлиффена, поклонником взглядов которого он был, отбыл в столицу. Энвер-паша навсегда забыл о военных победах на Кавказе. В Стамбуле ему больше не доверяли, престиж заметно упал. После поражения Турции в Первой мировой войне и свержения младотурецкого правительства, Энвер-паша бежал за границу. Так же, как и членов правящего триумвирата, Джамаль-паша и Талаат-паша, его под давлением держав Антанты заочно приговорили к смертной казни.

Однако для истории Востока Энвер-паша не потерялся. После недолгого пребывания в побежденной Германии, где у него имелись немалые связи среди военных, он в 1919 году переехал в Советскую Россию, в которой еще не завершилась Гражданская война. По приглашению Карла Радека, члена Исполкома Коминтерна, посетил Москву. Осенью 1920 года участвовал в конференции мусульманских деятелей в Баку. Попытка проникнуть в Турцию и организовать борьбу против Мустафы-Кемаль-паши (Ататюрка — «отца турков») закончилась неудачей.

Тогда Энвер-паша осенью 1920 года уехал в Советский Туркестан, где шла настоящая война с басмачами. Там бывший турецкий мушир создал подпольный «Комитет национального объединения». Переехав в Восточную Бухару, он стал «прорабатывать» идею сближения Турции, Афганистана, Персии и России, имея цель создать некий союз против Великобритании. Эта деятельность завершилась тем, что в 1922 году Энвер-паша возглавил банды басмачей, действовавших при поддержке англичан, и организовал поход на Бухару. В одной из стычек близ Бальджуана он был убит, а его отряд разбит.

Н.Н. Юденич со многими из событий, связанных с именем Энвер-паши, был знаком по газетным публикациям. В 20-х годах французские газеты давали обширную информацию о военных событиях, которые происходили в России после официального завершения Гражданской войны. В том числе и о басмаческом движении в Средней Азии.

ГЛАВА 6

СТРАТЕГ ГОРНОЙ ВОЙНЫ.

БИТВА ЗА КРЕПОСТЬ

ЭРЗЕРУМ

Сарыкамышская наступательная операция позволила отбросить наголову разгромленную 3-ю турецкую армию от границ России. Вся война еще была только впереди. Поражение Энвер-паши давало возможность подготовиться к новым наступательным операциям, в основе которых лежала бы уверенность бойцов Отдельной Кавказской армии в возможности вести победные действия в чужих для них горах.

Пока в Эрзерумской крепости остатки султанской армии восстанавливали боеспособность, принимали резервные войска, набирали местное ополчение, подвезли всевозможные припасы, на фронте наступило относительное затишье. Юденич приказал в ряде мест провести разведку боем, чтобы «прощупать» неприятельскую оборону. Но почти всюду турки встретили русских с крайним ожесточением, что свидетельствовало о их «крайнем душевном отчаянии» после понесенного разгрома под Сарыкамышем.

Командующий Отдельной Кавказской армией не стал упорствовать в желании продвинуться дальше в глубь турецкой территории. Войска были измучены прошедшими боями в зимних горах, армейские запасы оказались на пределе. Большие людские потери восполнить в достаточном количестве пока не пред-

виделось. Госпиталя были переполнены ранеными, больными и обмороженными: были дни, когда только в одном Сарыкамыше их скопилось более 12 тысяч человек. Пришлось принимать самые срочные меры для того, чтобы часть их отправить санитарными обозами в неблизкий Карс, который стал медицинским центром армии.

Получив передышку, русская армия по мере прибытия пополнений комплектовала роты и батальоны, конница пополнила конское поголовье, поскольку за зиму много лошадей пало или погибло в боях. Улучшались фронтовые коммуникации: саперам на войне в любое время года работы находилось всегда много. Большие и малые штабы вели подготовку следующих операций. Поскольку в начальный период войны на русских Северо-Западном и Юго-Западном фронтах побед над германцами и австро-венграми не имелось, успехи на Кавказе получили особое звучание. Имя генерала от инфантерии Н.Н. Юденича стало широко известно в российском обществе. Во фронтовых публикациях «Русского инвалида», «Часового», «Московских ведомостей» и многих других газет, Николая Николаевича называли продолжателем славных традиций российского воинства, на протяжении двух столетий воевавшего на Кавказе.

В последующем историки заинтересуются подобным феноменом личности полководца Юденича. Его стиль управления кавказскими войсками был действительно чем-то сродни стилю командования генералов А.П. Ермолова и Н.Н. Муравьева-Карсского. Образ командующего Отдельной Кавказской армией, героя Сарыкамыша и победителя Энвер-паши, привлекал теперь многих журналистов. Один из современников так описывал его фронтовой быт:

«В небольшом, довольно грязном и неприветливом городишке стоит двухэтажный дом с двумя часовыми у подъезда с развевающимся над фронтоном флагом. Из-под крыши его выбегает целый пучок телефонных проводов, на дворе постоянно пыхтят автомобили. До поздней ночи, когда небольшой городок уже засыпает, светятся окна дома. Это ставка командующего Кавказской армией. Здесь помещение штаба, квартира генерала Юденича, ряда офицеров управления, точнее, кабинеты, в углу которых стоят кровати.

С вечера курьерами, по телефону и телеграфу поступают донесения. Некоторые из них немедленно докладываются коман-

дующему. Общий же доклад генерал-квартирмейстер обычно делает в 10 часов утра. Затем подается завтрак. Он проходит в общей столовой — отношения в ставке чисто товарищеские. После завтрака все приступают к работе.

Ее много. Она своеобразна. Дело в том, что отдельные армейские отряды по существу являются самостоятельными объединениями, небольшими армиями. Для каждого из них приходится оборудовать тыл, налаживать связь, думать об их усилении за счет армейских резервов. Если к этому еще прибавить, что турки сохраняют численное превосходство, что действовать нашим войскам приходится зачастую среди воинственного мусульманского населения, то вся сложность работы генерала Юденича станет еще понятнее.

В 18 часов командующий и штаб сходятся за обедом. Он тянется недолго. После обеда генерал Юденич нередко выезжает в войска. Чаще же после часовой прогулки он возвращается в ставку, где до поздней ночи принимает доклады о снабжении войск, организации тыла, о решении кадровых вопросов».

Юденичу все же удалось выбить у могилевской Ставки Верховного главнокомандующего России необходимые для наступательных операций кампании 1915 года резервы — 4-й Кавказский армейский корпус (30 батальонов пехоты и почти 70 кавалерийских эскадронов и казачьих сотен), который формировался на Северном Кавказе. Корпусом командовал генерал от инфантерии П.И. Огановский.

Однако радость от прибытия такой поддержки в армейском штабе оказалась преждевременной: корпус был укомплектован людьми только на треть. Особенно чувствительным был некомплект офицерского состава.

Тогда Юденич добился у Ставки Верховного главнокомандующего права производить в офицеры — прапорщики лучших унтер-офицеров и Георгиевских кавалеров. Каждый из таких кандидатов в офицеры должен был быть грамотным и доказавшим в боях свою «примерную» доблесть.

Это была, разумеется, вынужденная мера, которая нашла вскоре самое широкое распространение и на других фронтах. На Кавказе ускоренные выпуски Тифлисского военного училища и армейских школ прапорщиков в Тифлисе и Гори не покрывали убыль офицерского состава в боях. К концу войны, напри-

мер, в пехотных полках в среднем останется меньше десятка кадровых офицеров, начинавших войну.

4-й Кавказский армейский корпус генерала Огановского по прибытии в Карс был отправлен на передовую. Командующий армией поставил перед корпусом следующую задачу:

«Частыми атаками улучшать занимаемое положение, ведя боевые действия передовыми отрядами, комплектуемыми из наиболее боеспособных частей».

Надо отдать должное бойцам прибывшего на Кавказский фронт только-только сформированного корпуса, горевших желанием сражаться. А корпусной командир генерал П. И. Огановский оказался умелым военачальником, способным идти на разумный риск. 4-й Кавказский армейский корпус действовал восточнее главных сил армии, продвигаясь на юг вдоль турецко-иранской границы. Применяя тактику внезапных ночных налетов обходящими и передовыми отрядами, корпус к середине июня вышел к селению Арнис.

Несмотря на противодействие турок, русские достаточно уверенно создали в горах Турецкой Армении сплошную позицию, примыкавшую к озеру Ван. Юденич, ведя горную войну, добился заметных тактических успехов: теперь центр и правое крыло армии занимали горные перевалы, надежно прикрывавшие Сарыкамьшское, Ольтинское и Батумское направления.

В будущем исследователи Первой мировой войны придут к заключению, что Н. Н. Юденич сумел в небольшие сроки обеспечить Кавказскому фронту стратегическую устойчивость. Это стало хорошим залогом для успехов будущих наступательных операций и сказывалось на общем положении России.

Продвижение корпуса генерала Огановского имело свои последствия, не описанные историками Великой войны. В районе озера Ван вспыхнуло крупное вооруженное восстание местного христианского населения — армян и айсоров (ассирийцев). Их партизанские отряды создали серьезную угрозу турецким тылам.

Из Стамбула потребовали подавить восстание христиан с предельной жестокостью. В район Ванского отряда были направлены летучие жандармские отряды, отряды местных курдских племен, которые огнем и мечом прошли по армянским и айсорским селениям, вырезая поголовно их население. От истребления спасались только те, кто бежал в горы или сумел защититься.

При первом известии о Ванском восстании Юденич отдал приказ казачьей коннице спешно пробиваться на помощь повстанцам. К озеру Ван и одноименному городу спешили и армянские добровольческие дружины Кавказской армии. Их бойцы называли этот древний город «Армянской Москвой». Один из участников того марш-броска вспоминал:

«Прошли уже много. Кругом ни души. Вдруг лай собак. Село. На рысях вскакиваем в него. По трупам вырезанных женщин и детей определяем, что село армянское. Трупы еще не разложились. Значит, резня была недавно. Кроме двух-трех худых собак — никого.

Двигаемся дальше. Из-за глыб камней показались люди, человек двадцать. Нас восемь (передовой офицерский разъезд казачьего полка. — *А.Ш.*). Силы неравные. В нас не стреляют — примета хорошая. Курды всегда стреляют еще издалека. То оказались мужчины армянского вырезанного села. Они скрываются в горах от курдов уже несколько дней. О движении русских войск ничего не знают. И какова была их радость, когда они узнали, что Ван уже занят русскими войсками. Объяснялись кое-как по-турецки. Со слезами на глазах они целуют мои ноги в стремяни. Жуткая человеческая драма.

Отпустив их в свое село, разъезд дошел до озера Арчак. Мелкий пологий берег. Ни одной лодчонки на горизонте. Все словно вымерло. Осторожно вышли на окраины маленького городка Арчак. От старушонки армянки узнали, что турок в городке нет.

Задача выполнена. По торной мягкой дороге переменным аллюром мы спешим в Ван».

На радушном праздничном застолье в городе Ван, устроенном в честь русских офицеров, местный городской голова Арам-паша зачитал телеграмму в адрес российского монарха. Вот ее полный текст:

«В день рождения Вашего Величества, совпадающий с днем вступления Ваших Войск в столицу (древнюю. — *А.Ш.*) Армении, желаем величия и победы России, мы, представители национальной Армении, просим принять и нас под Ваше покровительство. И пусть в роскошном и многообразном букете цветов Великой Российской империи маленькой благоухающей фиалкой будет жить автономная Армения».

Начало летней кампании 1915 года для Отдельной Кавказской армии ознаменовалось успехом: русские войска вышли к

озеру Ван. Было восстановлено присутствие небольшого отряда кавказских войск на самом севере Иранского Азербайджана, у станции Джульфа. Бывший там ранее отряд генерала Ф.Г. Чернозубова в разгар Сарыкамышских боев был отозван в пределы России.

Юденича озаботило то, что протурецки настроенные вожди племен стали оказывать все возрастающее влияние на шаха Персии. Стало известно и то, что через ее территорию в соседний Афганистан проследовали немецкая миссия во главе с опытным дипломатом-разведчиком Нидермайером и турецкая миссия Кизим-бея.

Кавказский командующий долго не раздумывал над такой тревожной информацией. Он вернул на север Персии, в Южный Азербайджан экспедиционный отряд генерала Чернозубова. Тот 17 января вновь занял город Тавриз, без боя захватив там 21 орудие местного гарнизона. Русские войска взяли под контроль все иранские земли, прилегающие к российской границе.

Такая операция оказалась вполне своевременной. Чернозубовским казакам пришлось вести бои не только с местными «мятежниками», больше напоминавшими разбойников с большой дороги. Были обращены в бегство авангардные отряды турецкой конницы из 13-го корпуса, действовавшего ранее против англичан в Месопотамии (Ираке).

Отряду генерал-майора Ф.Г. Чернозубова пришлось выдержать сильный, неуспешный бой со «скопищем» курдской конницы под начальством Мансур-бека. Курдов поддерживала турецкая пехота Халил-бея численностью в несколько тысяч человек. Столкновение произошло у селения Касрик. Оно началось с того, что пехотный батальон турок из засады обстрелял передовую казачью сотню. Потерпев поражение, Мансур-бек со своей конницей бежал к городу Битлису. Но на полпути старейшины племени решили сдаться русским и прекратить военные действия против них. «Куртинцы» пошли в поисках спасительного мира даже на сдачу оружия. Однако сдача оружия племенем Мансур-бека едва не сорвалась. Возвращаясь с переговоров, он со своей охраной наткнулся в горах на разъезд забайкальских казаков. Те ничего не знали о введущихся переговорах, завязали перестрелку, в которой курдский вождь был убит.

Генерал Чернозубов от лица русского командования высказал вдове соболезнование; в племя были отправлены тела по-

гибших и их кони. Младший брат погибшего вождя — Бегри-бек начал выполнять условия достигнутого соглашения, приказав своим воинам сдать полученное от турок оружие.

Командующий Отдельной Кавказской армией в условиях военного времени оказался фактически управляющим Закавказским краем с правами царского наместника. Поэтому он в первую очередь решил заняться «умиротворением» той части Батумской области, в которой действовали отряды аджарцев-мусульман. Те вели разведку в интересах турок, совершали нападения на небольшие группы военнослужащих Приморского отряда, устраивали засады на дорогах. Было известно, что в Чорохском районе среди аджарцев замечено большое число турецких военных.

К тому времени командование Приморским отрядом сменилось: генерал Ельшин получил назначение на германо-австрийский фронт, его сменил генерал Ляхов. Ему и было поручено очищение от мятежников и турок горных лесов по берегам реки Чорох. «Замирение» прошло без карательных санкций: не был разрушен ни один дом местного жителя.

Восстание в пользу Турции аджарцев-мусульман в Батумской области было ликвидировано к началу апреля 1915 года. Турецкие отряды были вытеснены за пределы государственной границы, и они больше не делали попыток возвратиться назад.

Когда русские войска, преследуя их, перешли границу Аджарии, они неожиданно столкнулись с крупными неприятельскими силами. У селения Корнис 14-й Туркестанский стрелковый полк повел атаки на вражескую позицию на горном перевале, хорошо оборудованную в инженерном отношении, но полку пришлось отступить — перед ним оказалась «целая» 32-я турецкая пехотная дивизия.

Проблем у кавказского командующего набиралось много. Ему, среди прочего, приходилось заботиться о размещении многочисленных военнопленных. Всего с начала войны до середины февраля 1915 года в плен к русским попали четыре паши, 337 офицеров и 17 675 нижних чинов. Для их размещения в городе Баку и на острове Наргин было спешно выстроено большое число барачков.

Юденич, с разрешения могилевской Ставки, провел реорганизацию Отдельной армии, сообразуясь с ее разбросанностью на горном театре войны. Его усилиями был сформирован новый, 5-й Кавказский армейский корпус, командиром которого

стал генерал-лейтенант Н. М. Истомин, хорошо показавший себя начальником 20-й пехотной дивизии. Были сформированы 4-я Кавказская стрелковая, 4-я и 5-я Кавказские казачьи дивизии из кубанцев и терцев.

Верховный главнокомандующий России великий князь Николай Николаевич-младший и начальник его штаба генерал Н. Н. Янушкевич не забывали о Кавказе. Туда из Польши была переброшена Кавказская кавалерийская (не казачья) дивизия. (На Западном фронте противники все глубже зарывались в землю, начиналась позиционная война, и кавалерии не оставалось места ни для маневров, ни для рейдов по вражеским тылам.) В горах же Турецкой Армении такие действия велись всю войну.

Кавказская кавалерийская дивизия была особенным соединением русской армии, будучи сформирована из прославленных во многих войнах полков, имевших хорошие традиции ведения горной войны. Это были полки: 16-й драгунский Тверской, 17-й драгунский Нижегородский (самый прославленный в Кавказской войне), 18-й драгунский Северский и 1-й Сунженско-Владикавказский имени генерала Слепцова Терского казачьего войска.

Полки дивизии прибывали в Тифлис воинскими эшелонами. Из столицы Кавказского наместничества на фронт они следовали уже походным порядком. Их прибытие примечательным стало благодаря знаменитой солдатской песне «Под зеленою ракитой», которая быстро завоевала удивительную популярность среди кавказских войск:

Под зеленою ракитой
Русский раненый лежал,
И к груди, свинцом пробитой,
Крест свой медный прижимал.

Кровь лилась из свежей раны
На истоптанный песок,
И уже слетались враны,
Чуя лакомый кусок.

Вдруг раздался клич военный,
Снова грянул жаркий бой.
И к раките прислоненный
Услыхал его герой.

Услыхал и приподнялся,
Как мертвец среди могил,
Услыхал, за саблю взялся.
Но упал, лишенный сил.

Вскоре в штаб Юденича стала поступать информация о том, что стамбульские власти, побуждаемые германской военной миссией фон Зандерса, намереваются перехватить инициативу у русских на Кавказе. Подобная информация исходила из самых разных источников, и потому в накале предстоящих боев сомневаться не приходилось. Русские стали готовиться к отпору.

В это время, как в начале Великой войны, Отдельная Кавказская армия вновь лишилась значительной части своих сил. По решению Ставки Верховного главнокомандующего из армии забирались только недавно сформированный 5-й Кавказский армейский корпус и 20-я пехотная дивизия. Они предназначались для отправки в Одессу и Крым, где формировалась новая 7-я армия генерала Никитина.

Эта армия создавалась для участия в десантной операции Антанты в проливах Босфор и Дарданеллы. На этом настаивала прежде всего Британия. Юденич лично был против подобной операции, не веря в ее успех — Россия не обладала на Черном море достаточным числом десантных судов. Николая Николаевича больше всего удручало то, что Кавказ (навсегда) покидали герои боев за Сарыкамыш — бойцы 80-го пехотного Кабардинского полка, входившего в состав 20-й пехотной дивизии. Но приказ Ставки пришлось исполнить.

Из состава Отдельной армии была взята и 2-я Кубанская пластунская бригада полковника Букретова. В Севастополе герои Сарыкамыша были представлены императору Николаю II. Государь лично имел беседы с Букретовым, награжденным, как и командующий Отдельной Кавказской армией, орденом Святого Георгия 4-й степени, начальником пулеметной команды 11-го Кубанского пластунского батальона сотником Коджарой и начальником пулеметной команды 12-го батальона хорунжим Ванжей.

В знак особого признания подвигов кубанской казачьей пехоты во время Сарыкамышских боев шефом одного из батальонов 2-й бригады высочайшим указом был назначен наследник цесаревич Алексей.

7-я армия была сформирована в короткие сроки. Она на треть состояла из кавказских войск. Однако русскому десанту не удалось в 1915 году высаживаться на берегах Босфора у стен древнего Царьграда: армия оказалась переброшенной на германский фронт.

В задуманной десантной операции против черноморских проливов союзникам России по Антанте явно не повезло. Армия британского генерала Гамильтона, состоявшая из английских, австралийских, новозеландских и французских войск, после высадки на полуостров Галлиполи сразу же была остановлена 5-й турецкой армией под командованием немецкого генерала фон Зандерса. Начались затяжные бои, в которых большие потери понес и союзный флот.

Они не могли продвинуться вперед с полуострова и понесли большие потери. В конце концов Антанте пришлось эвакуировать свой десант с Галлиполи. В Стамбуле это событие праздновали как великую победу, что в действительности так и было.

Поражение Дарданелльской экспедиции Антанты прямо сказывалось на кавказские дела. Юденич, внимательно следивший за ходом событий у черноморских проливов, понимал, что немалая часть воодушевленных одержанной победой султанских войск 5-й армии может в скором времени оказаться против его Отдельной армии.

Для начала он решил упрочить позиции кавказских войск в Турецкой Армении. С этой целью для рейда по вражеским тылам выделялась Кавказская кавалерийская дивизия, которой командовал генерал-лейтенант Шерпанье. Перед этим дивизия уже совершила один такой рейд, оказавшийся удачным. В мае русская конница от иранского города Тавриза прошла вокруг озера Ван и вышла к городам Ван и Урмия. В том рейде, закончившемся в восточной части Турецкой Армении, участвовало 36 кавалерийских эскадронов и казачьих сотен при 12 горных и 10 полевых орудиях.

На этот раз в рейд направлялось три драгунских полка — 16-й Тверской, 17-й Нижегородский, 18-й Северский и три казачьих полка — кубанский 1-й Хоперский и забайкальские 3-й Верхнеудинский (бурятский) и 2-й Аргунский. В сводном отряде генерала Шерманье имелась конно-пулеметная команда (8 «Максимов»).

Считалось, что время для рейда конницы было выбрано удачно: трава всюду имела в изобилии — кони и обозные верблюды были обеспечены подножным кормом.

Русское командование рассчитывало на то, что сводный конный отряд генерал-лейтенанта Шерпанье во время рейда получит поддержку армянских партизанских отрядов, которые особенно активно действовали в Ванской области и вблизи Сивасского уезда. Понимая такую опасность у себя в глубоком тылу, турецкие жандармские батальоны из Харпута, Диарбекира и Битлиса начали карательные операции против мирного армянского населения. Но своего черного дела они не сумели довершить, попав под удар русской конницы.

В ходе рейда сводный отряд генерала Шерпанье за две недели прошел по горам путь в 800 верст. Хотя больших и упорных боев не случилось, однако у неприятеля было захвачено 29 артиллерийских орудий, из которых 26 стали трофеями при взятии города Ван. Жители тепло встретили у себя русских, чего армянам-христианам турки впоследствии не простили.

Рейд русской конницы произвел на местные племена курдов сильное впечатление. «Куртинцы» составляли значительную часть кавалерии 3-й султанской армии, и теперь они стали опасаться за безопасность мест своего расселения. К тому же они боялись мести за совершенное ими в иранском городе Соудж-булаг злодеяние: там был убит российский консул полковник Яс, голова которого долго возилась курдами на пике.

В Стамбуле долго подыскивали нового командующего 3-й султанской армией. Выбор пал на генерал-лейтенанта Хафиха Хаки-пашу. Но он вскоре неожиданно умер. Тогда его место занял генерал-лейтенант Махмуд Камиль-паша, бывший до того заместителем военного министра Энвер-паши. Ему были подчинены на Кавказском театре войны все воинские силы — полевые войска, крепостные гарнизоны, пограничная стража, жандармерия.

Новому командующему от Энвер-паши досталось тяжелое наследие: даже после значительных людских вливаний 3-я армия не набирала и трети своей первоначальной численности. Пехотные полки в своем составе редко превышали тысячу человек. Дивизии имели максимум три-четыре тысячи человек.

При таком непростом для командующего 3-й армией положении Махмуд Камиль-паша, тем не менее, не терял присут-

ствия духа. Он начал энергично готовить новый «победоносный» поход на российское Закавказье. Благодаря прибывающим резервам его армия полностью восстановила свои прежние силы. Более того, к июню 1915 года армия насчитывала в своем составе 150 тысяч человек и 360 орудий.

План султанского командования выглядел вполне реалистично: ударная почти 60-тысячная группировка обрушивалась на слабый по своей силе 4-й Кавказский армейский корпус. В результате успеха турки значительными силами выходили во фланг и тыл русской Кавказской армии, перерезая значительную часть ее коммуникаций. Во главе ударной, так называемой правофланговой группы» был поставлен опытный, лично хорошо знавший Кавказ генерал-лейтенант Абдулкерим-паша. (После развала в 1918 году Российского государства он будет назначен послом Турции в Тифлисе, столице Республики Грузия.)

К лету 1915 года Отдельная Кавказская армия (вместе с тыловыми частями) насчитывала в своих рядах 133 тысячи штыков, 36 тысяч шашек и 356 артиллерийских орудий. С северо-запада на юго-восток эти силы на то время располагались следующим образом: Приморский отряд, 2-й Туркестанский, 1-й Кавказский и 4-й Кавказский армейские корпуса, Азербайджанский (в Иране) отряд. Главной тыловой базой армии оставалась крепость Карс.

Разведывательный отдел армейского штаба в той ситуации со своими обязанностями справился вполне удачно. Он смог установить факт подготовки неприятельского наступления. Взятые в плен турки на допросе сказали, что в их окопах побывал новый начальник штаба 3-й армии немецкий майор Ф. Гузе с группой штабных офицеров. Они на месте уточняли исходное положение первого эшелона наступающих войск.

Все разведывательные данные, носившие ценность, немедленно докладывались командующему. Юденич, сопоставляя самую различную информацию, мог сделать вывод: Махмуд Камиль-паша готов в самое ближайшее время начать наступательную операцию. Все говорило за то, что подготовка к ее осуществлению уже заканчивается.

Кавказскому полководцу предстояло принять ответственное решение, которое могло определить исход кампании 1915 года. И он решил действовать по-суворовски, то есть руководствуясь одним из приемов А. В. Суворова, который выражался в словах:

— Удивить противника — значить победить его!

Юденич понимал, что удивить и победить Махмуда Камиль-пашу можно только при условии знания его сильных и слабых сторон. Николай Николаевич решил сыграть с противником на опережение, поставив 4-му Кавказскому армейскому корпусу (против которого турки готовили удар) следующую боевую задачу: массированным ударом конницы разбить в долине реки Евфрат на левом фланге кавказских войск сосредоточившиеся там крупные вражеские силы.

Генерал Огановский показал себя в той ситуации неудачным тактиком. Русская конница пошла вперед по трем сходящимся направлениям: ее огромная масса в 115 эскадронов и сотен (почти пять кавалерийских дивизий) оказалась распыленной на огромной горной территории. Поэтому свою задачу на упреждение корпус не выполнил, хотя наделал много шума и паники в ближних турецких тылах. Но проку от этого получилось мало.

Имея такие утешительные сведения, Махмуд Камиль-паша 9 июля 1915 года отдал приказ о наступлении. Ударная группировка (более 80 пехотных батальонов и кавалерийских эскадронов) нанесла сильный удар на Мелязгертском направлении. Цель удара — прорвать позицию 4-го Кавказского армейского корпуса в долине реки Северный Евфрат. Боевое охранение русских, застигнутое врасплох, сразу отошло к главным силам. В тылу русских войск стали действовать многочисленные диверсионные группы местных мусульман.

В сложившейся ситуации Азербайджанский отряд не пришел на выручку 4-му Кавказскому корпусу. Тогда генерал Огановский обратился к командующему за разрешением отвести часть корпусных сил на рубеж севернее Алашкертской долины. Но Юденич приказал удерживать занимаемые позиции.

Но корпус Огановского не сумел отразить натиск ударной группировки Абдулкерим-паши. После тяжелых боев в середине июля войска стали с арьегардными боями отходить к государственной границе. Турки, ведя энергичное преследование, заняли Караклис и стали подниматься на Агридагский хребет.

Махмуд Камиль-паша мог быть доволен началом наступательной операции: весь левый фланг русской армии оказался в критическом положении. Смущало командующего 3-й султанской армией только одно немаловажное обстоятельство — русские отступали к границе без серьезных потерь.

Юденич не промедлил с ответным контрударом. По его распоряжению срочно был сформирован сводный отряд генерал-лейтенанта Н.Н. Баратова. Его основу составили 4-я Кавказская стрелковая и 1-я Кавказская казачья дивизии с артиллерией. Этим силам были приданы 17-й Туркестанский стрелковый полк и славный своими подвигами 153-й пехотный Бакинский полк. Всего 24 пехотных батальона, 36 казачьих сотен и около 40 орудий. Отряд сумел скрытно сосредоточиться в Даяре.

План был таков: туркам давалась возможность как можно дальше втянуться в горы, после чего баратовский отряд ударом в тыл группировки Абдулкерим-паши перекрывал ей удобные пути к отступлению. Юденич выждал, и когда турки поднялись на высоту Агридагского хребта, отдал приказ Баратову:

«Наступать в направлении, по которому проходил лучший путь отступления турок».

Но жизнь внесла свои коррективы. Хорошо задуманный на карте маневр сводного отряда генерал-лейтенанта Баратова во многом не удался. Причин тому оказалось немало: незнакомая горная местность, отсутствие хороших проводников, разрушенные неприятелем дороги и, наконец, просчеты командования замедлили темпы нанесения контрудара.

Надо отдать должное Абдулкерим-паше. Поняв, что ему легко оказаться в западне, он проявил завидную распорядительность и начал быстро отводить свои войска от Караклиса. Такие действия оказались своевременными, и турки понесли потери всего в три тысячи человек. (Среди них оказались 300 молодых подпоручиков недавно прибывших на фронт из Стамбула после окончания военного училища.) Ударная группировка 3-й султанской армии почти беспрепятственно откатилась на юг, к Евфрату, и стала там закрепляться для обороны.

4-й Кавказский армейский корпус продвинулся вперед, заняв к 15 сентября оборону на линии от перевала Мергемир до Бурну-булаха. К югу от Арджиша генерал Огановский выставил сильное боевое охранение, остерегаясь удара турок. На этом и завершились летние события на левом фланге Отдельной Кавказской армии.

Чтобы понять причины понесенной неудачи, Юденич приказал оперативникам армейского штаба разобраться в причинах несогласованности действий левофланговых сил. По всем расчетам маневр баратовского отряда должен был иметь тактический

успех. Выяснилось следующее. Командир русского Азербайджанского отряда, стоявшего уже на турецкой территории восточнее озера Ван генерал-майор Ф.И. Назарбеков проявил удивительную вялость в своих действиях. Как говорится, он и пальцем не пошевелил, чтобы хоть как-то помочь наступательным движениям своего соседа справа.

В прошедших событиях еще больше удивляли действия командира Кавказской кавалерийской дивизии генерал-лейтенанта Шерпанье. Его конница стояла на северном берегу озера Ван и могла внезапно ударить по близкому селению Мелазгерту, стоявшему на берегах реки Мурад-чай. В Мелазгерте сходились четыре важные горные дороги. Если бы русские взяли этот перекресток дорог, то отходившие турки могли оказаться в «мешке».

Настораживало то, что генерал Шерпанье уже «прославился» подобными действиями в самом начале войны, в Польше. На берегах Ванского озера он также безучастно созерцал бегство турок к Евфрату, как год назад под городом Лодзь смотрел на бежавшую мимо его кавалерийского корпуса германскую артиллерию и обозы.

Однако разбирательство в отношении странных на войне действий генералов Шерпанье и Назарбекова в итоге ни к чему не привело. В Петрограде при императорском дворе и у первого, и у второго нашлись высокопоставленные покровители. У Юденича таких людей в ближайшем окружении Николая II не находилось.

В той баратовской операции командующий кавказскими войсками вновь продемонстрировал высокое тактическое искусство. Он предпринял все для того, что Махмуд Камиль-паша не смог перебросить новые силы в Алашкертскую долину. Для этого 2-й Туркестанский и 1-й Кавказский армейские корпуса в ряде мест предприняли частные наступательные действия, тем самым сковывая силы турок. Атаки велись с рубежа реки Чорох, селения Дели-баба, перевала Мергемир.

Частные наступления могли иметь большой размах, но атакующие усилия русских войск развития не получили из-за недостатка боеприпасов, прежде всего из-за начавшегося «снарядного голода». Однако в итоге группировка Абдулкерим-паши не получила усиления с фронта — командующий 3-й армией не решился где-либо оголять передовые позиции.

Все же русское оружие в Турецкой Армении праздновало один серьезный частный успех. Большая удача пришлась на долю удар-

ного отряда генерала Чернозубова, имевшего прекрасную боевую репутацию. Имея 40 казачьих сотен, 8 дружин ополчения и 20 артиллерийских орудий, Чернозубов сумел продвинуться на Ван-Азербайджанском направлении в глубь турецкой территории на 40 километров и занять подвижную оборону в горах в полосе 400 километров — от Арджиша до южного берега озера Урмия.

О начальных событиях на Кавказском фронте остались интересные воспоминания. Они принадлежат перу известного белоказачьего атамана войска Донского генерала Петра Николаевича Краснова:

«Это было в самые первые дни войны на турецком фронте, в долине Евфрата. 1-го ноября 1914 года конный отряд Эриванской группы занял с боя турецкий город Душах-Кебир. Наше наступление шло в Ванском направлении к Мелазгерту. 2-го ноября от отряда была выслана разведывательная сотня. Но, отойдя версты на четыре, она натолкнулась на значительные силы конных курдов и принуждена была остановиться. Попытки разездов пробиться дальше не увенчались успехом, и начальник отряда, генерал-майор Певнев, решил 6-го ноября произвести усиленную разведку отрядом трех родов войск и оттеснить курдов.

В разведку был назначен 3-й Волгский казачий полк Терского казачьего войска под командой полковника Тускаева, два орудия 1-й Кубанской казачьей батареи под командой подьесаула Певнева и два пулемета дивизионной команды под командой 1-го Запорожского Императрицы Екатерины II казачьего полка, сотника Артифексова.

3-й Волгский полк, только что мобилизованный, состоял из немолодых казаков... с командиром, только что назначенным из конвоя Его Величества и отвыкшим управлять конными массами.

Напротив, — батарея и пулеметчики — все были кадровые казаки с двух- и трехлетним обучением, молодежь, горевшая желанием помериться силой с врагом, прекрасно воспитанная и дисциплинированная, сжившаяся со своими офицерами.

Ранним утром яркого солнечного дня отряд вышел из Душаха. Пройдя четыре версты, на линии селения Верхний Харгацых, где горные отроги рядов холмов, прорезанных круторебрими балками, спускаются в долину реки Евфрат, — отряд услышал выстрелы. Головная сотня была встречена пешими и конными

курдами. Искусно пользуясь глубокими оврагами и складками местности, террасами спускающейся к реке, курды маячили кругом сотни, обстреливая ее со всех сторон.

Полковник Тускаев, не рискуя принять бой в конном строю, спешил две сотни, около 130—140 стрелков, — и повел наступление на конные массы. Противник, укрывшийся по балкам, развернулся. Перед волгскими цепями была организованная курдская кавалерия — тысяч до пяти всадников.

Курдская конница охватила головную сотню, бывшую в версте от казачьих цепей. Курды, джигитуя, подсакивали к казакам шагов на четыреста и поражали их метким прицельным огнем.

В сотне появились убитые и раненые. Она подходила к обрывистому берегу Евфратского русла, вся каменистая долина реки пестрела курдскими толпами. Гул голосов, неясные вскрики, ржанье коней раздавались от реки. Повсюду были цели для поражения огнем и так велика была вера в технику, в силу артиллерийского и пулеметного огня, что полковник Тускаев приказал артиллерийскому взводу выехать вперед цепей и огнем прогнать курдов.

Лихо, по конно-артиллерийски, вылетел по узкой тропинке к берегу подьесаул Певнев, развернулся за двумя небольшими буграми у самого берега и сейчас перешел на поражение, ставя шрапнели на картечь.

Курды не дрогнули. Нестройными конными лавами, сопровождаемыми пешими, с непрерывной стрельбой, они повели наступление на головную сотню, стоявшую в прикрытии батареи, и на орудия.

Терцы Волгского полка не выдержали атаки. Три взвода сотни оторвались и ускакали. Под берегом остался один взвод, — человек пятнадцать, и два орудия, яростно бившие в курдов.

Им на помощь был послан пулеметный взвод сотника Артифехсова.

Широким наметом, имея пулеметы на вьюках, пулеметчики выехали вперед орудий и сейчас же начали косить пулеметным огнем курдские толпы. Курды отхлынули. Пулеметный огонь был меткий на выбор, но курды чувствовали свое превосходство в силах и, отойдя на фронте, они скопились на левом фланге и, укрываясь за холмами Евфратского берега, понеслись на бывшие сзади батареи сотни волгцев полковника Тускаева. Курды

обходили их слева и сзади. Волгцы подали коноводов и ускакали, оставив и орудия под речным берегом.

В величавом покое сияло бездонное синее небо над розово-желтыми кремнистыми скатами Малоазиатских холмов. Тысячам курдов противостояла маленькая кучка казаков, едва насчитывавшая тридцать человек. Орудия часто стреляли, непрерывно трещали пулеметы, отстреливаясь во все стороны и осаживая зарывавшихся курдов. Телами убитых лошадей и людей покрывались скаты холмов, но крались и ползли курды, и меток и губителен становился их огонь.

Два молодых офицера, подъесаул Певнев и сотник Артифексов, с горстью все позабывших и доверившихся им казаков, бились за честь русского имени.

Пулеметные ленты были на исходе. Взводный урядник Петренко — красавец и силач, — доложил Артифексову полушепотом:

— Ваше благородие, осталось три коробки.

В то же мгновение первый пулемет замолчал. Номера были ранены, и сам пулемет поврежден. И сейчас же ранило 1-й номер второго пулемета. Огонь прекратился.

Сотник Артифексов сел сам за пулемет, тщательно выбирая цели и сберегая патроны.

Из тыла прискакал раненый казак Вржец.

— Командир полка приказал отходить! — крикнул он.

Из-за бугра показался Певнев.

— Сотник, прикрывайте наш отход, а мы прикроем ваш.

— Ладно. Будем прикрывать отход.

Заработал пулемет.

Сзади звонко звякнули пушки, поставленные на передки. Загremели колеса. Орудия, со взводом терцев, поскакали назад. На месте батареи остался зарядный ящик с убитыми лошадьми, трупы казаков и блестящие медные гильзы артиллерийских патронов.

На береговом скате офицер и десять казаков отстреливались от курдов пулеметом и из револьверов. Курды подходили на сто шагов. В неясном гортанном гомоне толпы уже можно было различить возгласы:

— Алла... Алла...

Одному Богу молились люди и молились о разном.

Прошло минут десять. Сзади рывкнул выстрел и заскрежетал снаряд. Подъесаул Певнев снялся с передков. Пулеметам надо

было отходить. Курды бросили пулеметы, и конная масса, человек в 500, поскакала стороною на батарею. Нечем было их остановить, орудия стояли под прямым углом одно к другому и часто били, точно лаяли псы, окруженные волками. Артиллерийский взвод умирал в бою.

— Вьючить второй пулемет! — крикнул Артифексов и сел на свою лошадь. Сознание силы коня и то, что на нем он легко уйдет от курдов, придало ему бодрости.

Курды кинулись на казаков.

— Ребята, ко мне!

И тут, в XX веке, произошло то, о чем пели былины на пороге IX века. Петренко, как новый Илья Муромец, врубился в конные массы курдов и крошил их, как капусту. На бескровном лице дико сверкали огромные глаза, и сам он непроизвольно, не отдавая отчета в том, что он делает, хрипло кричал:

— Ребята, в атаку. Ребята, в атаку в атаку.

Рядом с ним, на спокойной в этом хаосе людских страстей лошади, стоял казак 3-го Волгского полка, Файда, и с лошади, из винтовки, почти в упор бил курдов.

Пулеметы ушли. Из отряда осталось только трое: сотник Артифексов, Петренко и Файда. Петренко был ранен в грудь и шатался на лошади

— Уходи! — крикнул Артифексов, отстреливаясь из револьвера — и, как только Петренко и Файда скрылись в балке, выпустил своего могучего кровного коня.

Впереди было каменистое русло потока. Сзади нестройными толпами, направляясь к агонизирующей батарее, скакали курды. Часто щелкали выстрелы.

Большие камни русла заставили сотника Артифексова задерживать коня, перевести его на рысь и потом на шаг. Лошадь Артифексова вдруг как-то осела задом, заплела ногами и грузно свалилась. Сейчас же вскочила, прынула и упала на Артифексова, тяжело придавив ему ногу.

Мимо проскакали курды. Они шли брать батарею. Иные соскакивали у трупов казаков и обирали их. Громадный курд увидел Артифексова, бившегося под лошадь, соскочил с коня и с ружьем в руках бросился на офицера. Он ударил Артифексова по голове прикладом, торчком. Мохнатая кубанская шапка предохранила голову, и был только тяжелый удар, вызвавший минутное помутнение в голове. Артифексов схватил курда одною

рукою за руку, другою за ногу и повалил его, зажав ему голову под мышкой правой руки, а левой рукой старался достать револьвер, бывший под лошадью. Курд зубами впился в бок Артифексова, но тому удалось достать револьвер и он, выстрелом в курда, освободился от него.

Мутилось в голове, как в тумане, увидел Артифексов двух волгских казаков, скакавших мимо.

— Братцы, — крикнул он, — помогите выбраться!

Казак по фамилии Высококобылка остановился.

— Стой, ребята, пулеметчиков офицер ранен.

— Я не ранен, я только не могу встать.

Высококобылка закричал что-то и стал часто стрелять по наседавшим курдам. Другой казак, Кабальников, тоже что-то кричал Артифексову. Артифексов рванулся еще раз и выкарабкался из-под лошади. Но сейчас же на него налетели трое конных курдов. Одного убил Артифексов, другого кто-то из казаков, третий поскакал назад.

— Ваше благородие, бегите сюды! — крикнул Артифексову Высококобылка.

Казак из-за больших камней русла не могли подъехать к офицеру.

Артифексов подошел к ним. Они стали по сторонам его, он вставил одну ногу в стремя одному, другую — другому и, обнимая их, поскакал между ними по дороге. Но дальше шла узкая тропинка. По ней можно было скакать только одному. От удара по черепу силы покидали Артифексова.

— Бросай, ребята. Все равно ничего не выйдет.

— Зачем бросай, — сказал Высококобылка и спрыгнул со своей лошади.

— Садись, ваше благородие. Кабальников, веди его благородие. За луку держитесь. Ничего, увезем.

На мгновение Артифексов хотел отказаться, но машинально согласился. Высококобылка опустился на колено у скрытой в холме тропы и изготовился стрелять. И как только курды сунулись в промоину, меткими выстрелами стал их класть у щели.

Выпустив пять патронов, он догнал Кабальникова, вскочил на круп лошади, и все трое поскакали дальше. Но не проскакали они и двухсот шагов, как курды прорвались в щель и стали стрелять по казакам. Высококобылка соскочил с лошади, лег и остался один против курдов, выстрелами на выбор он опять ос-

тановил их преследование, потом подбежал к Кабальникову и, взявшись за хвост лошади, бежал за Артифексовым.

Они уже выходили из поля боя. Стали попадаться казаки отряда. Курды бросили преследование. Сотник Артифексов был спасен.

Глухой ночью он проснулся. Нестерпимо болела ушибленная нога. Кошмары давили. В пустой хате, где его положили, было темно и страшно. Шатаясь, он вышел на воздух. В бескрайней пустыне горел костер. Кругом сидели казаки.

— Братцы, дайте мне побыть с вами, страшно мне одному. Голова болит, — сказал Артифексов.

Молча подвинулись казаки. Офицер сел у костра. Он прилег. Чья-то заботливая рука прикрыла его ноги буркой.

Тихо горел костер. Трещали чуть слышно мелкие сучья. В стороне жевали кони. Высоко в небе ткали невидимый узор звезды, точно перекидываясь между собою лучами-мыслями.

Молчали казаки.

Подвиг братской христианской любви и самопожертвования был совершен.

По уставу.

Как офицер «дома» учил. Как наказывал отец. Как говорила, провожая мать. Как обязан был поступать каждый казак, как поступали тогда все».

В своей книге «Тихие подвижники. Венок на могилу неизвестного солдата Императорской Российской Армии» П. Н. Краснов трогательно описал лишь один пример героизма на кавказском поле брани Первой мировой войны. Их же там было совершено множество.

Наступательная операция на левом крыле кавказских войск все же имела конечный успех. Именно так расценили Евфратскую операцию в могилевской Ставке Верховного главнокомандующего. Только в плен попали один паша, 81 офицер и 5209 солдат. У турок было отбито 12 орудий и десяток пулеметов. Однако сам Юденич считал проведенную операцию неудачной, рассчитывая на более весомые результаты.

За срыв неприятельского наступления летом 1915 года и умелое руководство войсками Отдельной Кавказской армии генерал от инфантерии Н. Н. Юденич удостоился ордена Святого Георгия 3-й степени. Кроме того, за летние «суворовские» дела он был награжден орденом Белого Орла с мечами.

Вскоре после этих событий, русская армия на Кавказе ощутила на себе вступление в войну Болгарии, которая стала союзницей Центральных держав. Теперь путь из Берлина и Вены до Стамбула по железной дороге стал прямым, непрерывным. Это сразу отразилось на снабжении турецких войск новейшими артиллерийскими орудиями и боеприпасами германского производства. Или, говоря иначе, турки не испытывали, как русские, в конце 1915 года снарядного голода.

23 сентября 1915 года на Кавказ был назначен новый царский наместник. Император Николай II, недовольный оставлением русскими войсками Польши и Галиции, хотя серьезным военным поражением это назвать никак было нельзя, решил лично возглавить Верховное командование России. Генерал от кавалерии великий князь Николай Николаевич-младший получил назначение наместником в Тифлис, главнокомандующим Кавказской армией и войсковым наказным атаманом Кавказских казачьих войск. Но командование Отдельной армией осталось в руках Н.Н. Юденича, а на бывшего Верховного главнокомандующего с его большим военным опытом легла забота за тылы и деятельность кавказской администрации.

Лично к великому князю Николаю Николаевичу-младшему Юденич относился с глубоким уважением. Внук императора Николая I всю свою судьбу связал с русской армией. Закончил Николаевское инженерное училище и Академию Генерального штаба. Отличился в русско-турецкой войне 1877—1878 годов: за форсирование Дуная удостоился ордена Святого Георгия 4-й степени, за бои на Шипке — Золотого оружия. Затем командовал Лейб-Гвардии Гусарским полком, бригадой и дивизией (2-й) гвардейской кавалерии. В 1905 году, после окончания войны с Японией, стал председателем Совета Государственной обороны, командующим гвардией и столичного военного округа.

С началом Первой мировой войны великий князь назначается Верховным главнокомандующим России. Его ставка первоначально размещалась в городе Барановичи, затем была перенесена в Могилев. За Галицийскую битву удостоился ордена Святого Георгия 3-й степени, за взятие австрийской крепости Перемышль получил Георгия 2-й степени. Был награжден Золотой саблей, украшенной бриллиантами с надписью «За освобождение Червонной Руси». Известно, что великий князь относился к Юденичу уважительно и ценил его полководческие да-

рования. Им удалось с первых дней наладить личный контакт и достичь полного взаимопонимания в решении армейских вопросов.

В конце 1915 года по предложению командующего Отдельной Кавказской армией генерала от инфантерии Н.Н. Юденича, поддержанному царским наместником, для действий в Персии был создан экспедиционный корпус. Предыстория решения была такова. После провала Дарданелльской десантной операции престиж Великобритании на Востоке заметно упал. Это, в частности, отразилось на внутривосточной ситуации в Персии. Душой берлинских интриг здесь стал дипломат-разведчик граф Каниц, который получил поддержку у ряда вождей кочевых племен на юге страны и в шахской жандармерии, созданной и обученной шведскими военными инструкторами, открыто симпатизировавшими Германии.

В Лондоне в этом усмотрели прямую угрозу Британской Индии и стали требовать ввода русских войск в Персию. Император Николай II уступил едва ли не ультимативным требованиям союзника по Антанте. Юденич и великий князь Николай Николаевич-младший были противниками такого решения. Объяснялась такая позиция просто: Кавказский фронт растягивался с 600 верст до 1000. Сразу же вставал вопрос — где взять войска для удержания такой огромной фронтовой линии?

Из могилевской Ставки было приказано создать экспедиционный корпус в самые сжатые сроки. Поэтому на первых порах в него вошло всего 3 пехотных батальона, 39 казачьих сотен и 5 артиллерийских батарей. Всего набиралось около 8 тысяч бойцов и 20 полевых пушек. В дальнейшем корпусные силы наращивались.

Командовать корпусом поручалось генерал-лейтенанту Николаю Николаевичу Баратову. Он имел хорошую боевую репутацию (награжден за Японскую войну Золотым оружием), командовал 1-м Сунженско-Владикавказским полком терских казаков. В Великую войну вступил начальником 1-й Кавказской казачьей дивизии, отличился под Сарыкамышем. За Евфратскую операцию удостоился ордена Святого Георгия 4-й степени.

Основу экспедиционного корпуса составили 1-я Кавказская казачья и Кавказская кавалерийская дивизии. Войска Баратова по железной дороге были перевезены в Баку. Затем на кораблях Каспийской военной флотилии и мобилизованных гражданских

судах корпус перевезли в иранский порт Энзели, ближайший к Тегерану. Никакого вооруженного противодействия этой операции со стороны иранцев встречено не было.

К тому времени на персидской территории в приграничье уже находились небольшие турецкие отряды. Ими командовали один из племенных вождей курдов Эмир-Наджен и немецкий лейтенант фон Рихтер.

Сосредоточившись в Энзели, экспедиционные войска через две недели двумя походными колоннами двинулись от каспийских берегов к городам Хамадан и Кум, опорным пунктам неприятельских сил. Тегеран русские войска обошли, чтобы избежать возможных, нежелательных для России, волнений.

Баратов действовал решительно. Заняв Хамадан, он в ближайшие дни разгромил «диверсионные» отряды врага в Боруджарде, Доулетобаде, Лялекане и Куме. На самом деле это были племенные ополчения протурецки настроенных вождей и отряды персидской жандармерии во главе со шведскими инструкторами. До серьезных боев дело нигде не доходило. Разоруженных и безлошадных кочевников распустили по домам. Трофеями стали 22 давно устаревших орудия (некоторые из которых стреляли чугунными ядрами). Турки же поспешили укрыться на своей территории. Действиями экспедиционного корпуса остались довольны и в Могилеве, и в Тифлисе, и, естественно, в Лондоне.

В конце 1915 года в штаб Юденича пришел приказ Ставки Верховного главнокомандующего за № 681. Приказ назывался: «Об ускоренном производстве всех в следующие чины за выслугу лет на фронте». Такой нетрадиционный шаг был сделан императором в поисках личной популярности в рядах русской действующей армии.

Согласно приказу Верховного главнокомандующего армейские офицеры — в пехоте, кавалерии, артиллерии, технических частях и тылах — могли быть представлены к производству в следующие чины в следующих случаях. В кавалерии:

1. Хорунжие и корнеты, выступившие на войну, с производством в сотники и поручики со старшинством 19 июля 1915 года. То есть один год фронтовой жизни давал им следующее офицерское звание.

2. Прапорщики, хорунжие и корнеты, выступившие на фронт после объявления войны, производятся в следующие чины,

пробыв на фронте и в строю 9 месяцев. Их старшинство в следующем звании ограничивалось также не выше 19 июля 1915 года.

3. Для получения чина подъесаула или штаб-ротмистра — надо пробывать на фронте и в строю ровно один год.

4. Для получения чина есаула или ротмистра — надо прокомандовать на фронте казачьей сотней или кавалерийским эскадроном один год и четыре месяца.

5. Для получения следующих штаб-офицерских чинов — надо на фронте и в строю пробывать не менее одного года и четырех месяцев.

Эти положения касались казачьей конницы, регулярной кавалерии — драгунской, уланской, гусарской и кирасирской и национальных конных частей.

Для артиллерии подобные сроки были заметно увеличены. В приказе объяснялась тому причина: этот род оружия меньше всего был подвергнут огню неприятеля и нес наименьшие боевые потери.

Согласно приказу № 681 сроки получения нового офицерского звания для пехоты оказались намного меньше, чем в кавалерии. Это было и понятно. Именно «царица полей» несла наибольшие потери в людях и при наступлении, и в обороне:

1. Чтобы получить прапорщику или хорунжему-пластуну очередное воинское, требовалось пробывать на фронте и в строю только четыре месяца.

2. Другим офицерам, в звании выше прапорщика или хорунжего, на это требовалось уже полгода.

В порядке особого поощрения младшие офицеры получали очередное воинское звание за два боевых ранения. Потом высочайшим императорским указом эта статья приказа № 681 была отменена, как «излишне щедрая».

Юденич с пониманием отнесся к новому чинопроизводству на фронте. В рядах Отдельной Кавказской армии к повышению в звании были представлены все прапорщики, хорунжие и подъесаулы. Николай Николаевич стал, ко всему прочему, инициатором удивительного для Великой войны приказа о 28-дневных отпусках офицеров и нижних чинов, но в порядке очередности и по заслугам. Так, в казачьих полках полагалось отпустить двух офицеров и двух казаков из каждой сотни.

Жизнь показала, что каждый такой отпуск явился «испытанием» для всех, кто его заслужил, будь то офицер или нижний

чин. В родных местах, особенно в деревнях и станицах, отпускникам приходилось рассказывать не только о живых, но и погибших земляках. О том трогательно рассказал в своих мемуарах кубанский казачий офицер Ф.И. Елисеев:

«Я в своей станице. Святая Пасха. Мы на кладбище, по обычаю — поминовение усопших. Там — вся станица. Масса родственников. Сплошное христосование до боли в губах. Казачки целуются крепко, смачно, обязательно в губы и три раза. Спросы да расспросы о мужьях. Свой офицер-станичник, да еще полковой адъютант, — живой вестник полка. Он должен все знать, и он должен все рассказать — как там?

Ко мне близко-близко подходит мать и тихо говорит:

— Сыночек к тебе хотят подойти Боевы, да стесняются. Ведь их Гриша убит в полку. Отец и жена хотят расспросить: как он погиб, но боятся к тебе подойти, сыночек.

Воспоминания о гибели Гриши и то, что Боевы хотят подойти, да «боятся», — кровь ударила мне в лицо.

— Где они? — схватив руку матери, болезненно произнес я.

— А вон в сторонке, за могилами, — ответила она, указывая кивком головы.

Бросаю всех своих многочисленных родственников и через могилы, заросшие свежей травой, быстро, перескоком, приближаюсь к ним.

Они стоят грустные, словно пришибленные — отец, мать, сноха и меньший сын.

— Дяденька, здравствуйте! Христос Воскресе! — очень почти-тельно и радостно говорю я, обнимая и целуя его в совершенно сухие губы — растерявшегося и убитого горем казака-старика 45 лет от роду. Жена его уже горько плачет, приговаривая:

— Гри-шут-ка на-аш па-ги-ип.

Обнимаю и целую старушку, залившуюся при виде меня еще больше горячими слезами. Все ведь они знают меня еще с пеленок, как своего родного соседа-казачонка, и вот теперь я — офицер, живой, здоровый, веселый, счастливый и прибывший с фронта, где погиб их старший сын, будущий кормилец стариков. Рядом стоит сноха, жена Гриши. Стоит, горестно потупившись, и молча плачет.

— Жена Гриши? — спрашиваю ее, сам уже готовый расплакаться.

А она, горемычная вдовушка в свои 22 года, вместо ответа бросилась ко мне, повисла на шее и залила слезами и мои бое-

вые ордена, и аксельбанты, и своим неутешным горем перевернула всю мою душу. И мне стало так неловко, даже стыдно, что я так нарядно одет, когда у них большое и непоправимое семейное горе. И мои боевые офицерские ордена, честно заслуженные в должности младшего офицера сотни, меня уже смущали и давили на психику.

Успокоились. Начались расспросы, как всегда у неискушенного казачества: где? когда? как именно погиб Гриша?

Что я им мог сказать в утешение? Сын ведь погиб, погиб безвозвратно. Я даже не мог сказать им всю правду, чтобы еще больше не усилить их горе. Что он, Гриша, убит в лоб, убит наповал, не пикнув, как цыпленок, так как такие подробности их убили бы еще больше. Ведь все хотят услышать, что «умирающий еще дышал, смотрел, вспоминал отца, мать, женушку-подруженьку и перед последним вздохом просил им кланяться». А тут — их сын и муж убит «наповал и в лоб». И какое могло быть здесь утешение для них.

Рассказал подробно, как их хоронили. Сказал, что мы умыли их лица, поставили православный крест (я не сказал, что это был маленький крестик из палочек, чтобы не огорчать их). Сказал, что могилу можно будет после войны найти и тело перевезти в станицу. Это я врал уже умышленно, желая хоть чем-нибудь, хоть как-нибудь посеять в их душах радость, утешение, успокоение.

От этого рассказа, вижу, посветлели их лица. Они уже смотрели радостно на меня, уже рассматривают мой мундир, ордена. Они уже называют меня по-станичному, по старому — Федюшка. Но мне от всего этого стало неловко. И вот почему. Их сын, рядовой казак, погиб в бою, зарыт в чужой «распроклятой турецкой земле», и вот он, офицер, не только что жив, но и здоров, весел, приехал в отпуск, да еще к самой Святой Пасхе и — с орденами Ну, какая же тут может быть справедливость?!

Были тяжкие минуты, и было такое человеческое горе, которое никакими доводами, никакой логикой не доскажешь и не докажешь.

Наговорились. Успокоились».

Нейтрализуя Персию, пришлось вспомнить о том, как настойчиво турецкая и германская агентура стремилась утвердиться в Афганистане. По решению Ставки Верховного главнокомандующего в декабре 1915 года в Туркестанском военном округе вновь

был сформирован Хорасанский отряд: около тысячи человек при четырех конных орудиях. Он перекрывал границу иранской провинции Хорасан с Афганистаном на всех известных караванных тропах. Казаки-семиреченцы своими действиями сразу отбили охоту у вождей местных племен повоевать за обильные обещания посланцев Стамбула.

По договоренности с Англией, русские и британские экспедиционные войска установили подвижную, конную завесу на рубеже Бирджент — Систан — Оманский залив. Этой мерой были окончательно сорваны планы Германии и Турции закрепиться в Персии. Лондон мог успокоиться за судьбу жемчужины королевской короны — Индии.

Теперь русский экспедиционный корпус мог легко выйти к границе Месопотамии. Там, на иракской земле, союзники-англичане вели тяжелые бои с турками. Но в той военной ситуации большим секретом не являлось то, что Лондон не хотел видеть на берегах Тигра и Евфрата кавказские войска. Хотя у англичан дела на юге Ирака шли из рук вон плохо, помощи у армии Юденича они пока не просили.

Лондон же не мог не тревожиться за происходящее там. Наступавший вверх по течению Тигра экспедиционный корпус генерал-лейтенанта Чарльза Таунсенда оказался разгромленным в сражении у Ктезифона 6-й турецкой армией. Ею командовал 72-летний немецкий генерал-фельдмаршал барон К. фон дер Гольц. В Турции он прошел путь от адъютанта султана до командующего сперва 1-й армией, стоявшей на защите Стамбула, затем 6-й армией, действовавшей в Месопотамии.

Войска Таунсенда под сильным натиском неприятеля стали отступать к берегу Персидского залива. Там турки осадили укрывшихся в крепости Кут-Эль-Амара англичан. Те прорвать извне блокадное кольцо не смогли. Таких попыток главнокомандующий британскими войсками (преимущественно индийскими) генерал-лейтенант П. Ноэль Лейк предпринял четыре раза. К тому же турки создали на реке Тигр военную флотилию, противник же их подобной не имел.

Когда Верховное командование России предложило союзникам свою помощь в Месопотамии, то генерал Лейк решительно отверг ее. В результате вскоре осажденные в Кут-Эль-Амаре британские войска капитулировали. Месопотамия прославила в Первой мировой войне турецкое оружие.

К концу 1915 года 3-я турецкая армия генерал-лейтенанта Махмуда Камиль-паши сумела восстановить свои силы после Сарыкамышского разгрома и оставления ее рядов частью курдских ополчений. Более того, в нее в самом скором времени должны были влиться войска 5-й армии, защищавшей Дарданеллы от десанта союзников, и 28 тысяч призывников, которые проходили ускоренное обучение. Тогда соотношение сил окончательно сложилось бы не в пользу русских.

Армия Махмуда Камиль-паши организационно состояла из все тех же 9-го, 10-го и 11-го армейских корпусов, 2-й кавалерийской дивизии. Левый приморский фланг прикрывала 10-тысячная группа Хамди и Штанге (немца), правый, в Персии — почти 20-тысячная группа Халиля, половина которой состояла из курдской конницы. Юденичу было ясно, что поскольку неприятель восстановил свои силы, то он в самом скором времени сможет начать наступательную операцию.

Могилевскую Ставку вполне устраивало устойчивое положение Отдельной Кавказской армии, не просившей резервов. Поэтому на осень 1915 года ей были поставлены только задачи активной обороны.

Однако так воевать было совсем не в духе полководца Н.Н. Юденича. Для начала он с разрешения Ставки создал собственный «маневренный резерв» и произвел перегруппировку армейских сил. Это, разумеется, не осталось вне поля зрения вражеской разведки и заставило Махмуда Камиль-пашу встревожиться.

Кавказский командующий, помня о просчетах в первую фронттовую зиму, на сей раз позаботился об обеспеченности войск теплой одеждой, провиантом, боеприпасами, фуражом. Не забыли и о топливе — леса имелись только в приморских горах и вокруг Сарыкамыша.

Заботили Юденича и армейские коммуникации, которые большей частью в горах напоминали караванные тропы. Дорожное строительство во фронтовой полосе он вел с поразительным размахом. Всю войну саперные роты и строевые части занимались ускоренной прокладкой новых дорог и исправлением старых.

Юденич не стал ждать, когда вражеская армия заметно возрастет по сравнению с его кавказскими войсками. 18 декабря 1915 года в Тифлисе состоялся военный совет Отдельной Кавказской армии. Он принял план новой крупномасштабной на-

ступательной операции (зимой, в горах!), который был отправлен в Могилев на утверждение Николаю II.

Из чего исходил генерал от инфантерии Н.Н. Юденич, заявив о необходимости проведения такой сложной во всей отношениях операции? Прежде всего из соотношения и расположения сил сторон. Главные силы располагались в полосе более 400 километров от берега Черного моря до озера Ван. Дальше на Восток, заходя на иранскую территорию, удерживались, по возможности, дороги и горные перевалы.

Позиция 3-й турецкой армии выглядела достаточно устойчивой. Оба ее фланга надежно защищались самой природой. Левый — труднопроходимым хребтом Понтийского Тавра, правый — еще более неприступным горным массивом Драм-Дага. Из-за этого неприятельскую позицию предстояло рвать фронтальным ударом, поскольку обход ее с флангов представлял огромные трудности прежде всего для конницы.

Опорным пунктом армии Махмуда Камиль-паши являлась крепость Эрзерум — тыловая база и узел транспортных коммуникаций всей восточной части Турции. Основные неприятельские силы были сосредоточены на Сарыкамышском и Ольтинском направлениях, что позволяло туркам вполне надежно прикрывать Эрзерум. Было ясно, что этот город-крепость они будут оборонять до последнего.

По плану наступательной операции, намеченной на вторую половину января 1916 года, одновременный удар намечалось нанести с трех направлений — Эрзерумского, Ольтинского и Битлисского. К наступлению предназначались все три армейских корпуса: 1-й и 4-й Кавказские, 2-й Туркестанский. Последнему предстояло двинуться вперед на два дня раньше других. Решающим для операции должен был стать взлом вражеской обороны в направлении селения Кеприкей: здесь создавалась ударная группировка из 20 батальонов пехоты и 15 казачьих сотен. Их порыв обеспечивался огнем 80—100 орудий. Такой плотности пушечного огня Великая война на Кавказе еще не знала.

В ударную кеприкейскую группу были отобраны войска, хорошо зарекомендовавшие себя в минувших делах: 4-я Кавказская стрелковая дивизия с ее артиллерией, Сибирская казачья бригада и 1-й Кавказский мортирный дивизион. Группой командовал дивизионный начальник генерал-лейтенант Николай Михайлович Воробьев.

Чтобы сковать силы турок и лишить их маневра резервами, намечалось проявить активность Приморскому отряду на Батумском направлении, Ван-Азербайджанскому отряду — на Ванском и Урмийском направлениях. Баратовскому экспедиционному корпусу приказывалось наступать на город Керманшах.

Эрзерум имел стратегическое значение: овладение им позволяло развивать наступление на равнины Анатолии, в «сердце» Османской империи. Юденич не собирался длительно осаждать «кавказскую твердыню», а решил брать горную крепость, что называется, с ходу.

План Эрзерумской наступательной операции, разработанный в штабе Юденича, выглядел настолько убедительно, что ни среди кавказского генералитета, ни в Ставке Верховного главнокомандующего России сомневающихся в ее успехе не нашлось. Но все было не так просто, как могло показаться со стороны.

Первоначально Верховный главнокомандующий император Николай II и его тифлисский наместник великий князь Николай Николаевич-младший, не желавшие рисковать на Кавказе, были категорически против Эрзерумской наступательной операции. И было от чего: Юденич предлагал штурмовать сильную крепость зимой, наступать на нее по обледенелым горным дорогам и перевалам при примерном равенстве сил с неприятелем.

Верховное командование убедили не столько стратегические расчеты Юденича, сколько известие о провале Дарданелльской десантной операции союзников по Антанте. Высвободившиеся там турецкие войска могли вскоре оказаться на Кавказе и резко изменить сложившуюся там устойчивую ситуацию.

Между тем передовой генералитет русской армии был согласен с планом операции Юденича, который брал всю ответственность за ее исход на себя. Так, генерал-майор Б.А. Штейфон, участник штурма Эрзерума, высоко оценил полководческую задумку:

«В действительности каждый смелый маневр генерала Юденича являлся следствием глубоко продуманной и совершенно точно угаданной обстановки. И, главным образом, духовной обстановки. Риск генерала Юденича — это смелость творческой фантазии, та смелость, которая присуща только большим полководцам».

Столь высокую оценку полководческому творчеству Николая Николаевича Юденича давал и тогдашний генерал-квартирмей-

стер Отдельной Кавказской армии Е.В. Масловский. Он говорил на Юбилейной конференции, посвященной 50-летию пребывания Н.Н. Юденича в офицерских должностях, проведенной в Париже:

«Генерал Юденич обладал необычайным гражданским мужеством, хладнокровием в самые тяжелые минуты и решительностью. Он всегда находил в себе мужество принять нужное решение, беря на себя и всю ответственность за него, как то было в Сарыкамышских боях и при штурме Эрзерума. Обладал несокрушимой волей. Решительностью победить во что бы то ни стало, волей к победе весь проникнут был генерал Юденич, и эта его воля в соединении со свойствами его ума и характера являлись в нем истинные черты полководца».

В Могилеве утвердили план операции, и с 22 ноября началась перегруппировка кавказских войск. При этом приходилось считаться с наличием вражеских лазутчиков в собственном тылу, ближнем и дальнем. Штабисты-оперативники разработали систему маскировки перемещения войск, которую для горной войны можно считать образцовой. Марши воинских частей проводились под видом учений, вывода их с передовой на «заслуженный» отдых и на переформирование.

Так, например, была осуществлена смена 2-й Кавказской стрелковой дивизии, которая выводилась в резерв 4-го Кавказского армейского корпуса (командир — генерал от инфантерии Владимир Владимирович де Витт, сменивший Огановского).

Поскольку времени до начала операции было достаточно, удалось сделать для ее успешного осуществления многое. Подготовка зимнего наступления в горах Турецкой Армении отличалась особой тщательностью в первую очередь по обеспечению людей теплой одеждой: каждый боец получал пару валенок и теплые портянки, короткий полушубок, стеганые на вате шаровары, папаху с отворачивающимся назатыльником, варежки и шинель.

Юденич очень многое позаимствовал из особенностей боевых действий в Балканских горах во время Русско-турецкой войны 1877—1878 годов. С ними он был хорошо знаком. Так, на случай необходимости маскировки в заснеженных горах он предусмотрительно приказал заготовить достаточное количество белых коленкоровых халатов и белые чехлы на шапки.

Зимой приходилось считаться не только с горными снегами и морозной погодой. Чтобы яркое зимнее солнце не слепило

глаза, личному составу 1-го Кавказского армейского корпуса, которому предстояло наступать на высокогорье, были выданы защитные очки.

При планировании операции армейским штабом учитывалась каждая мелочь, которая могла повлиять на успех наступления. Так как Эрзерумский район был безлесный, а подвоз дров почти невозможен, каждый солдат должен был иметь при себе два полена для обогрева на ночлегах. От редкого кустарника в речных долинах проку зимой оказывалось мало.

Приходилось обращаться и к крайним, нежелательным мерам. Командиры рот разрешали своим солдатам разбирать на дрова брошенные местными жителями жилища. (Глинобитные и сложенные из дикого камня дома в горах «крепились» деревом.) Но официальных приказов на такие действия старшим начальством, разумеется, не издавалось.

Командующий Отдельной армией пошел и на другое «новшество» в условиях ведения горной войны зимой. В снаряжение наступающих пехотных рот включили толстые жерди или доски для устройства переправ — мостков через незамерзающие горные ручьи и речушки. Во время зимнего наступления под Сарыкамышем сотни турецких солдат получили обморожения ног из-за мокрой обуви, которая леденела на морозе. Просушить обувь не удавалось даже при разведении жарких костров.

Погода могла самым негативным образом повлиять на темпы продвижения кавказских войск вперед, поэтому метеорологический отдел, подчинявшийся инспектору артиллерии армии генералу Слюсаренко, постоянно анализировал состояние погоды и выдавал рекомендации в войска на день и на неделю. К концу 1915 года в полосе расположения корпусов и отрядов Отдельной армии было развернуто 17 (!) метеостанций. Такого история войн еще не знала.

Армейский тыл работал с перенапряжением сил. Перед началом операции заблаговременно были пополнены до норм все передовые и промежуточные склады боеприпасов и интендантского имущества.

Сотрудники оперативного отделения штаба армии не знали ни сна, ни отдыха. Использовались любые возможности для создания видимости подготовки кавказских войск лишь к зимовке в горах и неготовности к наступательным действиям до самой поздней весны будущего года.

Юденич требовал содержать в рабочем состоянии железнодорожные пути от Карса до станции Сарыкамыш и подъездные пути к ним. От Карса до Мерденека и Ольты с лета 1915 года эксплуатировалась фронтовая узкоколейка на конной тяге — так называемая конка. Велись работы по строительству параллельно шоссе от Сарыкамыша до Караургана узкоколейки паровой тяги.

Поскольку зима в горах Турецкой Армении изобиловала сильными снегопадами, в войсках на это время были сформированы специальные снегоочистительные команды. Они боролись со снежными заносами на важнейших участках армейских коммуникаций. Одновременно эти команды несли охрану дорог.

Войсковые обозы заметно пополнились вьючными животными — лошадьми и верблюдами, кое-где стали использовать и ослы. Верблюжьи караваны стали привычными. Немалая часть такой тягловой силы закупалась в северных иранских провинциях.

Командующий армией приказал оборудовать для своего штаба передовой командный пункт в Караургане, находившемся всего в 20 километрах от линии фронта. Сооружение новых линий связи держалось в тайне и производилось под видом исправления старых. Телеграфные линии получили надежное охранение из конных казачьих и пограничной стражи дозоров. Службу радиосвязи объединили в отдельную радиогруппу, подчиненную армейскому штабу.

Генерал Юденич затеял целую переписку с могилевской Ставкой, но все же добился заметного увеличения числа радиостанций, столь необходимых в условиях горного театра военных действий. Подготовка радистов велась при штабе армии.

Требования к войсковой маскировке давались жесткие. Чтобы вражеские наблюдатели не могли обнаружить маршевое пополнение, перевалы через горные хребты в прифронтовой зоне преодолевались только ночью с соблюдением полной светомаскировки. Запрещалось даже курение на ходу. Днем с передовых позиций каждой дивизии в тыл демонстративно отводилось по батальону, которые под покровом ночи скрытно возвращались обратно.

Подготовка к Эрзерумской наступательной операции показала высокую штабную культуру помощников Н.Н. Юденича. Подготовка наступления оказалась достойной академических учебников по военному искусству. Особое внимание привлекала оперативная маскировка предстоящего наступления.

Был распушен слух о намечавшихся якобы ранней весной наступлениях Ван-Азербайджанского отряда и баратовского экспедиционного корпуса совместно с англичанами в Месопотамии. Чтобы слух отмечен был правдоподобностью, Юденич приказал произвести в иранском Азербайджане закупку большого количества верблюдов для обозов. Одновременно закупались гурты скота для питания войск, заготовливались пшеница и фураж. Поскольку «кормовых» денег в казне генерал-лейтенанта Н.Н. Баратова имелось только на самое необходимое, было разрешено выменивать у местного населения скот, пшеницу и фураж на сахар.

Оперативники армейского штаба дезинформировали турок всевозможными способами, устраивая целые игры. Так, за несколько дней до начала наступления армейским штабом была отправлена командиру 4-й Кавказской стрелковой дивизии срочная нешифрованная телеграмма. В ней содержались сведения из числа «секретных»: сосредоточиться на станции Сарыкамыш для дальнейшей отправки по железной дороге в Иран. Все было сделано для того, чтобы содержание нешифрованной телеграммы особой важности стало известно многим по пути ее «движения».

Затем один из полков дивизии — 13-й стрелковый был «шумно» переброшен в пограничную Джульфу, где, выгрузившись из железнодорожных вагонов, совершил неспешный, демонстрационный суточный переход. После этого полк быстро возвратился назад, на фронт.

Перед началом операции командующий армией собрал в своем штабе военный совет. Он проходил 20 декабря в Карской крепости. Круг участников совета был предельно узок: командиры корпусов и 4-й Кавказской стрелковой дивизии — генералы Калитин, де Витт, Пржевальский и Воробьев, начальники их штабов. Предупредив о необходимости соблюдения строжайшей тайны, Николай Николаевич изложил план предстоящей наступательной операции.

Никаких письменных документов на руки участникам совещания не выдавалось даже в опечатанном виде. Уже одно это свидетельствовало о полной секретности всего услышанного на совещании в Карсе.

Но это было еще не все для сохранения в тайне дня начала операции. За пять дней до ее начала участок прорыва был полностью изолирован от армейского тыла. На всех дорогах и тро-

пах были выставлены сторожевые заставы и конные разъезды, им была поставлена категорическая задача: всех впускать и никого, ни под каким предлогом, не выпускать из охраняемой зоны. Таким образом треугольник Ольты — Карс — Кагызман оказался полностью изолированным не только для посторонних лиц, но и для своих военных.

Армейская почтовая служба продолжала принимать почтовую и телеграфную корреспонденцию также в одностороннем режиме. Письма и телеграммы не отправлялись в Тифлис в течение всех этих дней.

Любопытную картину представляла из себя и железнодорожная станция Карс. Поезда из Тифлиса приходили в прифронтный город переполненными, а обратно уходили пустыми.

Секретность готовящегося наступления соблюдалась буквально во всем. Не только войска, но и старшие начальники были извещены о ней в самый последний день. Причем каждому командиру было сообщено, что именно на него возлагается нанесение главного удара. Это оказалось чрезвычайно важным психологическим моментом, благодаря которому все должностные лица на фронте были предельно энергичны и собраны.

Подготовку армейской Эрзерумской наступательной операции в условиях зимнего высокогорья специалисты по сей день считают «классикой» Первой мировой войны. Да и не только ее. Умело проведенная маскировка операции и дезинформация врага через его же агентуру в русском тылу вполне достигла своей цели.

Достоверно известно, что, введенное в заблуждение передвижением русских войск в районе Джульфы турецкое командование до последней минуты полагало, что наступать будет только 4-й Кавказский армейский корпус. И что удар будет наноситься на Битлис, южнее озера Ван.

Переход в наступление русских утром 28 декабря 1915 года стал полной неожиданностью для турецкого командования. А первая телеграмма, пришедшая из Эрзерума в Стамбул, сообщала о катастрофе на Кавказе: фронт 3-й турецкой армии был взломан за один день. Ничего не подозревавшие и не опасавшиеся перед Новым годом Махмуд Камиль-паша и его начальник штаба германский полковник Гузе даже уехали, с разрешения военного министра, в отпуск к своим семьям. Там, в тылу, и нашла их срочная телеграмма.

Как и намечалось, первым перешел в наступление 2-й Туркестанский армейский корпус генерала от инфантерии М.А. Пржевальского. Но уже в самом начале операции он едва «не споткнулся» о сильные укрепления неприятеля на вершине горы Гей-Даг. Ее пришлось брать при сильной артиллерийской поддержке силами двух дивизий — 4-й и 5-й Туркестанских стрелковых. Взлом вражеской обороны велся в полосе восточнее озера Тортум-гель до селения Веран-тап.

Затем левый фланг атакующих, идя на перевал Карачлы к селению Кеприкей, неожиданно для турок повернул на запад, а не пошел вперед по более удобным горным дорогам. Тогда-то вражескому командованию стало ясно, что «Юденич-паша» затевает что-то серьезное.

В той ситуации русский полководец действовал чисто интуитивно. Он приказал ночью повернуть наступающие пехотные батальоны с Ольгинского и Эрзерумского направлений в сторону перевала Мергемир. Турецкое же командование оставило этот горный участок без должной защиты в силу того, что посчитало, что противник будет наносить удар войсками 1-го Кавказского армейского корпуса. Бойцы генералов Воробьева и Волошина-Петриченко (Донская пешая казачья бригада) сквозь выюгу устремились к Мергемиру.

Юденич приказал 1-му Кавказскому корпусу с первых дней усилить давление на противника. Бои на этом участке отличались жестокостью, как это случилось 31 декабря в схватке за Азапкейскую позицию. В новогоднюю ночь, в метель, 4-я Кавказская стрелковая дивизия прорвала вражеский фронт и двинулась дальше.

Новый, 1916 год кавказские войска встретили в победном наступлении едва ли не по всей линии фронта. Турки оказывали упорное сопротивление, особенно по обоим берегам реки Аракс, по долине которой проходили удобные пути к Эрзеруму. Юденича особенно порадовали действия армейской группы генерала Воробьева, которая повела бой 30 декабря. Она начала выходить в тыл турецким войскам в Пассинской долине.

Внимательно отслеживая ход событий, Юденич старался уловить переломный момент в противостоянии. Только к вечеру 1 января разведка со всей достоверностью установила, что почти все резервы 3-й турецкой армии введены в сражение для поддерж-

ки своих первых эшелонов. Многочисленные пленные, особенно из числа штабных офицеров, это подтверждали.

Это было большим тактическим успехом в начавшейся операции. Резервы Отдельной Кавказской армии пока не расходовались, и теперь Юденич имел прекрасную возможность выдвигать их в нужном направлении за наступающими первыми эшелонами, маневрировать ими в полосе успешно развивающегося наступления. В тот же день 4-я Кавказская дивизия была усилена 263-м пехотным Гунибским полком, а корпус Калитина — 262-м пехотным Грозненским полком.

Отчаянное сопротивление турок не смогло остановить натиск русских. Уже 3 января кавказские стрелки спустились с гор в Пассинскую долину, буквально по пятам преследуя отступавшего неприятеля. Однако уничтожить его основные силы в долине не удалось: сжигая за собой склады и селения, турки вышли из окружения с небольшими потерями. Причина крылась в том, что 4-я Кавказская стрелковая дивизия, наступая по плохо разведанным путям, не имела знающих проводников.

Турецкие войска в Пассинской долине спасло и еще одно обстоятельство. Высланная в ночь на 3 января вперед Сибирская казачья бригада получила задачу взорвать единственный мост через реку Аракс близ Кеприкея, уничтожив его охранение. Однако сибирские казаки, не имея проводника, заблудились ночью во время метели, проблуждав в неприятельском тылу до рассвета. Потом выяснилось, что в ту ночь охране моста было запрещено разводять костры для светомаскировки.

Свою оплошность Сибирская казачья бригада исправила уже через несколько дней. За горой Хасан-кала она вместе с кубанским 3-м Черноморским казачьим полком разгромила неприятельский арьергард. Турки не смогли отбиться от неудержимой лавы конных сотен. Казаки преследовали врага на дальность прямого пушечного выстрела с передовых фортов Эрзерумской крепости.

Появление казачьей конницы под стенами Эрзерума стало полной неожиданностью для крепостного гарнизона. Сибиряки и кубанцы появились в час, когда турецкие солдаты очищали свои укрепления от обильно выпавшего снега. Переполох случился страшный: бросая лопаты и метлы, аскеры в панике бросились под защиту крепостных батарей.

Юденичу доложили, что три казачьих полка по пути к Эрзеруму пленили около двух тысяч турок из 14 различных полков

восьми дивизий (!). Это свидетельствовало о том великом беспорядке, в котором отступала к крепости сбитая со своих позиций 3-я турецкая армия.

Первое донесение из-под Эрзерума пришло в штаб Юденича 3 января. В нем говорилось, что турки готовят форты к обороне. На следующий день были взяты вражеские позиции у Кебрикея, основательно укрепленные в фортификационном отношении немецкими инженерами. После этой победы русские войска 9-го и 10-го турецких корпусов обратились в бегство к Эрзеруму. Горные дороги захлестнул человеческий поток. Затем начали отступать войска державшиеся в долине реки Аракс. Они тоже отходили весьма поспешно, оставив русским все свои артиллерийские склады.

За взятие Кебрикейских позиций, что привело 3-ю турецкую армию к новому разгрому до подхода победоносных «галлиполийских» дивизий генерал от инфантерии Н.Н. Юденич удостоился довольно редкой боевой награды, а в Первой мировой войне единичной — ордена Александра Невского с мечами.

4-я Кавказская стрелковая дивизия успешно наступала по долине Аракса, не давая врагу зацепиться за селения с их каменными постройками. Так отряд капитана В.И. Сорокина в ночном бою овладел древней крепостью Календор — после жаркой перестрелки ее гарнизон капитулировал.

Турецкий фронт, тыловые рубежи трещали по всем швам. Махмуд Камиль-паша рассылал в войска грозные приказы, требуя от подчиненных только одного: любой ценой остановить продвижение русских к Эрзеруму. Но все было тщетно. Отступавших спасало во многом то, что разведка русских проявила нерасторопность и «проморгала» час, когда турки оставили передовые позиции. Соответственно, в штабе 1-го Кавказского корпуса с запозданием был отдан приказ о начале преследования турок.

Юденич требовал наступать днем и ночью. 9 января русские овладели последними вражескими укреплениями у селения Кизил-килис. Теперь на пути к Эрзерумской крепости инженерных преград для них не имелось.

Все же победы в ходе наступательной операции давались Отдельной Кавказской армии с трудом, ценой немалых людских потерь. До прихода к Эрзеруму она потеряла почти 20 тысяч человек. Так, 39-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Федора

Трофимовича Рябинкина, на долю которой выпали особенно тяжелые бои, лишилась половины своего боевого состава. Турки за время отступления к Эрзерумской крепости потеряли убитыми и ранеными 25 тысяч человек, не считая 7 тысяч попавших в плен.

В рядах наступавших кавказских войск находились фронтовые корреспонденты. Благодаря их публикациям в газетах Россия узнала о многих славных делах русского оружия. Так, широкую известность получил подвиг 154-го пехотного Дербентского полка. За первые восемь дней боев полк потерял всех своих старших офицеров. На штурм укреплений Азапкея пехотинцев-дербентцев повел полковой священник, протопоп Смирнов, лишившийся в той атаке ноги.

От мысли взять крепость с ходу Юденичу пришлось отказаться. Сказывались людские потери и появившийся недостаток в винтовочных патронах. А неприкосновенный армейский запас огневых припасов находился в Карсе. Ко всему прочему люди были измучены марш-бросками по горным дорогам — преследование велось днем и ночью, на отдых давалось самое малое время.

Сложность скорого взятия Эрзерума виделась и в том, что артиллерия едва поспевала за наступающей в горах пехотой. Еще сложнее складывалась ситуация с подвозом снарядов. И, наконец, в командование Отдельной Кавказской армией неожиданно стал вмешиваться царский наместник. В штаб Юденича аэропланом из Тифлиса были доставлены указания на предстоящие действия:

«Генералу от инфантерии Юденичу.

Указываю Вам на нижеследующее:

1. Обращаю ваше особенное внимание, чтобы не только начальники отдельных колонн, но и сами командиры действовали строжайше по вашим директивам. Дарованный нам успех надо использовать, но планомерно, не увлекаться, и все должно быть в общей связи. Мне кажется, что занятие района г. Хасан-кала не соответствует тому, что вы телеграфировали мне утром о характере использования занятой территории. Хотя я уверен, что управление вы держите твердо в своих руках, но считаю все же нужным подтвердить важность действовать планомерно.

Требую, прежде всего, прочнейшего занятия укрепленной линии, на которой вы наилучшим образом можете отражать все попытки турок вновь занять отвоеванную территорию. Такой

линией на главном направлении мне представляется перевал Карачлы, с. Кеприкей, гора Ах-баба (к югу от с. Кеприкей); на занятые же сегодня пункты смотрю только как на выгодно-наблюдательные.

2. Я вполне уверен, что войска, проявившие столько доблести, поборовшие такие неимоверные трудности, способны к проявлению высочайше-геройских подвигов, но я совершенно согласен с вами, что общая обстановка не позволяет нам решиться двинуться на штурм Эрзерума без тщательной подготовки и во всеоружии необходимых для этого средств. Помимо малого количества ружейных патронов, у нас нет соответствующей артиллерии для успешной борьбы с тяжелой турецкой артиллерией, фортами и долговременными укреплениями; наш общий резерв сравнительно слаб, база наша отдалена, и подвоз, как вы сами сообщили мне, далее Кеприкея затруднен.

Перед Туркестанским корпусом турки, судя по вашим донесениям, еще оказывают серьезное сопротивление. Что Кеприкейская позиция была оставлена турками без боя, вполне естественно, потому что с падением г. Кузу-чан она была обойдена с фланга и угрожалась в дальнейшем с тыла. Может быть, турецкая армия и не в состоянии в данное время оказывать нам сопротивление в поле, но мы не знаем, к чему она способна на верках* крепости, при поддержке сотен орудий.

Ввиду сказанного, не считаю себе вправе разрешить производство этой операции.

Используйте самым широким образом конницу, если есть корм, для разведки.

Наместник Его Величества
Великий князь Николай Романов».

Впрочем, не один царский наместник сомневался в возможности взять Эрзерум. Через несколько дней в армейский штаб прибыл из Тифлиса генерал Ф.Ф. Палицын. Бывший начальник российского Генерального штаба состоял при великом князе в качестве военного советника. Со свойственной ему обстоятельностью и эрудицией Палицын стал доказывать невозможность без длительной подготовки взятия штурмом такой мощной

* Верки — крепостные оборонительные сооружения. (Прим. ред.)

крепости, как Эрзерум. Он писал Юденичу записки с подробным анализом обстановки, но тот их не читал.

Командующий был настроен «по-суворовски» — штурмовать Эрзерумскую крепость. Улавливая высокий моральный подъем войск и зная через оперативников постоянно изменяющуюся обстановку, Юденич вознамерился во что бы то ни стало взять Эрзерум — «ворота» в Анатолию. Генерал Е. В. Масловский писал о нем:

«Юденич инстинктом, присущим только крупному полководцу, сразу схватил всю сущность неповторимой дважды столь благоприятной для нас обстановки и понял, что наступила самая решительная в течении войны минута, которая больше никогда не повторится».

Русская пехота появилась перед вражеской твердыней «в одиннадцать фортов» 7-го января. Такой быстрый выход к городу авангардных 4-й Кавказской стрелковой дивизии и 263-го пехотного Гунибского полка оказался для турок неприятным сюрпризом.

Основу его составляла природная горная позиция Девебойну, отделявшая Пассинскую долину от Эрзерумской. На горном хребте размещалось одиннадцать хорошо подготовленных к круговой обороне фортов. Они размещались в две линии, прикрывая друг друга артиллерийским огнем.

Даже внешний обзор говорил об искусстве проведенных инженерных работ. Все более или менее удобные подступы к Девебойну прикрывались полевыми укреплениями, которые были возведены под руководством германского генерала-фортификатора Поссельта.

Слабые стороны в системе крепостной обороны угадывались трудно. К примеру, южное предместье города-крепости защищали два мощных форта. Их артиллерийские батареи простреливали не только близлежащие дороги, но и известные тропы на горных склонах.

Протяженность всей горной оборонительной линии Эрзерума превышала 40 километров: это не могло не впечатлять. Большинство фортов представляли собой сооружения закрытого типа в виде каменных многоярусных башен с амбразурами для орудий. Некоторые из фортов имели по два-три вала и систему рвов глубиной до шести-семи метров. В отдельных фортах были устроены капониры или полукапониры для обстрела рвов на тот

случай, если в них проникнет противник. Гарнизоны укреплений состояли из орудийных расчетов, пехоты прикрытия и саперных команд. Была отлажена система связи между крепостными укреплениями.

На карте Эрзерумская крепость представляла из себя довольно обширную укрепленную позицию, развернутую фронтом на восток (в сторону российского Кавказа) с хорошо прикрытыми горами флангами. Все же уязвимое место крепости виделось — это были ее тыловые обводы. Поэтому противник, проникший в Эрзерумскую равнину, мог блокировать город. Русские войска в истории такой опыт уже имели.

Кавказские войска подступали к Эрзеруму, преодолев все трудности. Особенно сложным оказался путь для войск 2-го Туркестанского армейского корпуса. Перевалы были завалены снегом, горные дороги во многих местах приходилось расширять для прохода артиллерии и обозных повозок. Этим занимались не только саперные роты туркестанцев, но и выделенные для таких работ пехотные батальоны.

Едва ли не самым сложным препятствием стал перевал Карапунгар (высота 2310 метров от уровня моря). Корпусной командир М.А. Пржевальский «в сердцах» послал своему главному инженеру телефонограмму следующего содержания:

«Жду от вас выполнения в кратчайший срок не только возможного, но и невозможного; от успеха вашей работы зависит успех операций корпуса».

Началась осада Эрзерумской крепости, а вместе с ней и подготовка к штурму. Русские передовые отряды выбили турок из близлежащих селений, все ближе и ближе подбираясь по выкопанным за ночь окопам к фортам.

Оборону Эрзерума взял на себя лично Махмуд Камиль-паша. 11-й армейский корпус держал оборону на севере крепостного обвода. Две его дивизии находились на передовой, третья, размещенная у форта Тафта, являлась резервной. 9-й корпус защищал позицию Девебойну. 11-й корпус находился в резерве: одна его дивизия стояла под городом, две другие — у селений Тасмахор и Сивишли. В самом городе разместились недавно прибывшие из Трапезунда и Эрзинджана запасные батальоны и сводные пехотные полки, составленные из наиболее расстроенных в последних боях частей. Пленные показывали, что их командующий только одной пехоты имеет более 80 тысяч. Но с другой

стороны, в полках 11-го армейского корпуса имелись роты всего по сорок штыков.

Юденич, как полководец, дорожил временем. Сразу после создания осадного полукольца его штабом был тщательно разработан план атаки Эрзерумской крепости. Его войска распределялись для производства штурма следующим образом:

1. 2-й Туркестанский армейский корпус:

а) колонна генерала Азарьева — 4-я Туркестанская стрелковая дивизия с артиллерией — 24 орудия полковника Андриевского;

б) колонна генерала Чаплыгина — 5-я Туркестанская стрелковая дивизия;

в) корпусной резерв из 4-х стрелковых батальонов.

2. Колонна генерала Волошина-Петриченко — Донская пешая казачья бригада в составе четырех батальонов. (Но один из батальонов попал по дороге в горах при сильном морозе в метель и потерял большую часть бойцов обмороженными.)

3. Колонна генерала Воробьева — 4-я Кавказская стрелковая дивизия при 36 артиллерийских орудиях.

4. Артиллерийский участок генерала Вадина у села Гюльджас. Здесь было размещено 16 тяжелых осадных орудий и 18 полевых гаубиц. В прикрытии стояла одна дружина ополчения.

5. 1-й Кавказский армейский корпус:

а) колонна генерала Рябинкина — 39-я пехотная дивизия с 30 полевыми пушками;

б) колонна генерала Докучаева — сводная из 8 пехотных батальонов и 4 ополченческих дружин;

в) колонна генерала Чиковани из 4 с половиной дружин и 5 казачьих сотен;

г) корпусной резерв — 4 батальона пехоты без артиллерии;

д) армейский резерв генерала Савицкого — 12 пехотных батальонов, 4 орудий и 2 казачьих сотен.

6. Армейская конница:

а) колонна генерала Раддаца из 12 казачьих сотен с 12 конными орудиями;

б) колонна генерала Николаева из 18 казачьих сотен.

Для штурма Эрзерума русский командующий стянул две трети действующего состава своей армии. На приступ отряжалось 88 батальонов пехоты, 9 с половиной дружин ополчения, 166 пушек, 29 полевых гаубиц, 16 тяжелых осадных орудий (подвезен-

ных на автомобильной тяге из Карса), 70 с половиной казачьих сотен и 4 саперные роты.

Приготовления к штурму в главном завершились к 27 января. Юденич, удостоверившись к готовности войск атаковать вражескую крепость, подписал приказ о генеральном приступе. В нем говорилось:

«Используя захват массива Карга-базар, господствующего над левым флангом Девебойнской позиции, произвести стремительный удар в полосе Чобан-деде, Делан-гез, с одновременным наступлением 2-го Туркестанского корпуса со стороны Гурджибогазского прохода на Кара-гюбекскую позицию и обходом Девебойну своим правым флангом разбить противника».

На военном совете Юденич объявил, что штурм назначен на 30 января, на 8 часов вечера. При этом он заметил, что силы сторон по пехоте равны и многое в атаке зависит от бесстрашия бойцов и личной инициативы начальников всех степеней.

Кавказские войска заняли назначенные им исходные позиции. В два часа пополудни 29 января осадные пушки и полевые гаубицы артиллерийского участка генерала Вадина у селения Гюльджас открыли огонь по форту Чобан-деде и неприятельской позиции около него.

На следующий день, в назначенный час пошли на приступ войска 1-го Кавказского, а через три часа — 2-го Туркестанского армейских корпусов. Штурмовые колонны под вражеским огнем пошли на приступ линии фортов и полевых укреплений. За первые сутки русским удалось овладеть северной частью позиции Гурджибогазского прохода, фортом Кара-гюбек. При его взятии особо отличился 11-й Туркестанский полк, шедший в первом эшелоне атакующих.

Занят был важный по расположению и силе форт Далан-гез. Он прикрывал собой подступы к узлу эзерумской обороны форту Чобан-деде в ущелье реки Туй-су. В захваченном укреплении закрепился штурмовой отряд подполковника И. Н. Пирумова. Поскольку оборона дала серьезную «трещину», Махмуд Камиль-паша решил вернуть форт Далан-гез любой ценой. С рассвета по нему открыли стрельбу более сотни вражеских артиллерийских орудий. Шквал огня отрезал русский отряд от своих, к вечеру у него стали кончаться боеприпасы.

Пирумов приказал своим бойцам стрелять только прицельно. В дело пошли трофейные турецкие винтовки и снятые с убитых

патронные сумки. Поскольку огонь защитников Далан-геца угасал, неприятель понял их бедственное положение в полуразрушенном укреплении. Турецкая пехота проводила атаку за атакой, старалась выбить русских из форта. Те шестую и седьмую атаку отбивали уже штыками, сберегая последние патроны на крайний случай.

Когда началась восьмая вражеская атака, уже в вечерних сумерках, форт получил помощь: неизвестный рядовой на осле сумел доставить винтовочные патроны. Юденич, узнав об этом подвиге, приказал найти этого солдата для награждения Георгиевским крестом, однако никто не признался, к огорчению командующего, в совершенном подвиге.

О жестокости схваток за форт Далан-гез свидетельствует следующее: из 1400 нижних чинов и офицеров полутора батальонов 153-го пехотного Бакинского полка, оборонявшегося здесь, осталось в строю всего около 300 человек, по большей части раненых. Ночью героический гарнизон форта пополнили, а раненых отправили в тыл. Для истории примечательным стало то, что в 1877 году именно пехотинцы Бакинского полка — 10-я рота штабс-капитана Томаева, погибшего в том бою, брали Далан-гез.

Переломным днем в ходе атаки Эрзерумской крепости стал морозный и солнечный день 1 февраля. Русские овладели последним из наиболее труднодоступных фортов, запиравших Гурджибогазский проход, — фортом Тафта. Отличился здесь 17-й Туркестанский стрелковый полк полковника Кириллова, захвативший в качестве трофеев десять крупновских орудий больших калибров и множество снарядов.

С занятием форта Тафта русские войска прорвались в Эрзерумскую долину. Первым в нее спустился с гор 15-й Кавказский стрелковый полк полковника Запольского. Теперь вражескому гарнизону грозило кольцо окружения, которое уже начинало смыкаться. Турки отчаянно контратаковали, стараясь удержать Девебойнскую позицию.

В ходе сражения по приказанию Юденича авиаторы вели воздушную разведку все светлое время суток. Именно они сумели установить, что из города-крепости в сражение за Девебойну ушли стоявшие там пехотные полки. Первым такую весть принес летчик поручик Мейзер. Тогда командующий пошел на оправданный риск: он переподчинил командиру 2-го Туркес-

танского корпуса штурмовые колонны генералов Волошина-Петриченко и Воробьева, а также конницу генерала Раддаца, приказав ей совершить рейд во вражеском тылу.

Такое решение склонило победную чашу весов в сторону русских. Пехотинцы-елисаветпольцы прорвались к форту Чобан-деде. Дербентский полк захватил батарею из 28 орудий. Пехотинцы Кубинского полка овладели фортом Гяз. Гунибцы захватили форт Узун-Ахмет, потеряв при его штурме больше половины своих офицеров. 5-я Кавказская стрелковая дивизия заняла форты Кобургу и оба Картаюка, ратники ополчения — форт Каракол. Терские казаки в конной атаке стали обладателями шести трофейных орудий.

2-го февраля 39-я «Железная» пехотная дивизия наконец-то овладела фортом Чобан-деде и линией фортов на хребте Палентекен. Она же первой в 7 часов утра 3 февраля 1916 года ворвалась в покинутый турками город Эрзерум. Но все же самыми первыми на эрзерумские улицы вступили не пехотинцы, а влетевшая в город казачья сотня есаула Медведева. В тот же день капитулировали гарнизоны еще сражавшихся фортов. В плен сдалось 235 офицеров и свыше двенадцати тысяч солдат. Трофеями победителей стали 323 крепостных и полевых орудий, 12 знамен.

Эрзерумская виктория далась дорогой ценой. При штурме погибло и было ранено 8,5 тысяч воинов. Да еще в полевые госпитали слегло 6 тысяч обмороженных людей. Солдаты «теряли ноги» по уже известной причине: толщина подошвы сапог для горной зимы оставляла желать много лучшего. «Победить» же военное интендантство Юденичу так и не удалось до самого 1917 года.

Над древней эрзерумской цитаделью был поднят российский стяг. Великий князь Николай Николаевич-младший доносил в могилевскую ставку на имя императора Николая II о победе:

«Господь Бог оказал сверхдоблестным войскам Кавказской армии столь великую помощь, что Эрзерум после пятидневного непрерывного штурма взят».

Отличившихся в боях воинов ждали заслуженные награды. Но в далеком Могилеве встал вопрос: что следует пожаловать главному герою Эрзерумской виктории? Начальник штаба Ставки генерал от инфантерии М.В. Алексеев запросил по телеграфу царского наместника:

«На случай, если Государь Император изволит обратиться ко мне, всеподданнейше испрашиваю указания Вашего Императорского Величества для доклада по сему и как могли бы быть отредактированы заслуги этого генерала в Высочайшем приказе».

Николай Николаевич-младший телеграфом сообщил государю императору свое личное мнение о генерале Юдениче и одержанной им новой блистательной победе:

«Заслуга его велика перед Вами и Россией. Господь Бог с поразительной ясностью являл нам особую помощь. Но, с другой стороны — все, что от человека зависимо, было сделано. Деве-бойна и Эрзерум пали благодаря искусному маневру в сочетании со штурмом по местности, признанной непроходимой. По трудности во всех отношениях и по результатам, взятие Эрзерума, по своему значению, не менее (важно), чем операции, за которые генерал-адъютант Иванов и генерал-адъютант Русский были удостоены пожалованием им ордена Святого Георгия 2-й степени.

Моя священная обязанность доложить об этом Вашему Императорскому Величеству. Просить не имею права.

Ген.-Адъютант Николай.

Эрзерум, 8 февраля 1916 г.».

Император не замедлил ответить тоже телеграммой:

«Очень благодарю за письмо. Ожидал твоего почина. Награждаю Командующего Кавказской Армией генерала Юденича орденом Святого Георгия 2-й степени.

Николай».

Так командующий Отдельной Кавказской армией за новый разгром 3-й турецкой армии и взятие самой мощной на театре войны крепости высочайше удостоился Георгия 2-й степени — крестом для ношения на шее и звездой для парадного мундира. В указе о награждении говорилось:

«В воздаяние отличного выполнения при исключительной обстановке, блестящей боевой операции, завершившейся взятием штурмом Девебойнской позиции и крепости Эрзерума 2 февраля 1916 года.

Верховный Главнокомандующий
вооруженными силами России
император Николай II Александрович».

Награждение Николая Николаевича Юденича было примечательно во многих отношениях. Во-первых, это была полковод-

ческая награда. Во-вторых, он стал последним полководцем старой России, удостоившимся такой почести. К слову сказать, за всю Первую мировую войну орденом Святого Георгия 1-й, высшей степени удостоен не был никто. И, наконец, в третьих, к Юденичу пришло признание его дарований высшим командованием держав Антанты.

Примечательно то, что союзники России по Антанте придали победному штурму Эрзерума исключительное значение. За эту победу русский полководец получил от Великобритании орден Святого Георгия и Михаила, а от Франции самую высокую ее награду — орденскую Звезду Большого Креста Почетного Легиона.

В ходе битвы за Эрзерум султанское командование не решилось на такой шаг, который сделали генералы Юденич и Мышлаевский во время Сарыкамышского сражения, то есть снять войска с передовой и стянуть их к месту боев. Тем самым инициатива в войне на Кавказе окончательно перешла в руки вождя кавказских войск до самого конца его пребывания на этом посту. Ни Энвер-паша, ни Бронзарт фон Шеллендорф, ни Махмуд Камиль-паша не смогли ему, как стратегу и тактику, составить достойной конкуренции.

За все время победной операции Стамбул сделал одну-единственную попытку подать помощь защитникам Эрзерума. В Трапезунд был послан линейный крейсер «Явуз»*. Он доставил 8 пулеметных команд с 32 пулеметами, горную артиллерийскую батарею, 2 аэроплана, одну тысячу новеньких немецких винтовок, 300 ящиков различных боеприпасов и всего четыре сотни солдат и 29 офицеров.

Попытка доставить эти грузы и людей в Эрзерум не удалась. Горные перевалы оказались засыпанными глубокими снегами, а «мобилизованные» местные ополченцы и деревенские старосты с поставленной задачей не справились.

Тогда все надежды возложили на аэропланы с громкими и звучными названиями — «Арибрун» и «Анафарт». Их пилоты прошли обучение в Германии. Один самолет во время перелета из Трапезунда в Эрзерум потерпел аварию в горах, другой же до

---

* Бывший «Гебен». Под турецким флагом имел название «Явуз султан Селим». (Прим. ред.)

крепости долетел. Но во время боев одинокий аэроплан на русские полки, штурмующие вражеские укрепления, своим появлением в воздухе страха не нагнал.

Для истории Первой мировой войны наступление на Эрзерумскую крепость стало одной из самых умело организованных и исполненных операций. Одним из самых впечатляющих ее сторон являлось то, что операция проводилась в зимних горах. Даже альпийские успехи австрийцев и итальянцев с их союзниками не шли в сравнение.

Эрзерумский штурм сильно прозвучал в воюющей России и повлиял на умы ее союзников по Антанте. Те до этого мало знали и заботились войной на далеком от Французского фронта Кавказе. Падение мощной крепости потрясло Турцию. Теперь Стамбулу и германской военной миссии фон Зандерса стало не до очередных побед над англичанами на юге Месопотамии и не до Палестинского фронта. Теперь следовало прикрывать от русских собственную Анатолию: армия генерала от инфантерии Н.Н. Юденича держала в своих руках все удобные пути на анатолийские равнины с высокогорья Турецкой Армении.

Такова была цена Эрзерумской наступательной операции, победа в которой стала вершиной полководческого искусства Николая Николаевича Юденича. Эта блистательная победа поставила его в один ряд с другим прославленным русским полководцем в Первой мировой войне А.А. Брусиловым, «автором» знаменитого Брусиловского прорыва, другими военными вождями Антанты и Центральных держав.

ГЛАВА 7

КАВКАЗСКИЙ ФРОНТ.

ТАЛАНТ ПОЛКОВОДЦА

Взяв Эрзерумскую крепость, Юденич не посчитал наступательную операцию завершённой, хотя поставленная цель была уже достигнутой. Русские повели преследование остатков вновь разбитой 3-й неприятельской армии. Юденич стремился максимально использовать «победный ресурс», зная, что на усиление армии Махмуда Камиль-паши уже отправлены значительные силы из Стамбульской укрепленной зоны и из Месопотамии. Эти войска имели хороший боевой опыт и отличались бодростью духа после разгрома англичан и их союзников.

Турки, ошеломленные понесенным разгромом, стремились укрыться в расположенном неподалеку городе Эрзинджане и в укрепления на горе Испир и хребте Думлу-Даг. Там неприятель намеревался «зацепиться» и отсидеться до прибытия уже высланных подкреплений. Поэтому русским пришлось опять брать штурмом сильные от природы вражеские позиции в горах.

Преследование велось в полосе 2-го Туркестанского корпуса. Горная зима тем временем все чаще и чаще проявляла свой норов. В ущельях свирепствовала пурга, дороги заносило снегом (их не успевали расчищать), склоны гор, поросших редким кустарником, обледенели. Запасы провианта, взятые с собой, оказались на исходе. Солдаты все чаще питались одними сухарями. Армейские тылы безнадежно отстали.

Новым успехом русского оружия стало взятие города Испир. Благодаря этой победе над отступавшей армией Махмуда Камиль-

паши нависла угроза охвата с флангов. Операция развивалась так, как она задумывалась в штабе Юденича. Но преследование велось всего пять дней, после чего было разумно прекращено. Могилевская Ставка выразила свое неудовольствие, но командующий Отдельной кавказской армией настоял на своем решении. На то у него имелись веские причины.

Война зимой в горах диктовала свои условия. Обозы с самым необходимым армейским обеспечением не поспевали за наступающими войсками. Возникали серьезные перебои с доставкой провианта, пехота расстреливала последние запасы патронов. Полевые и горные батареи теряли на обледенелых горных дорогах много упряжных лошадей и оттого становились «малоподвижными». Санитарные обозы не справлялись с перевозками раненых и обмороженных.

Но хуже всего обстояло дело с фуражом для многих тысяч коней. Отправленный из армейских тылов фураж за дальностью пути попросту съедался в дороге обозными лошадьми и верблюдами.

Командующий приказал тыловому армейскому начальству оказать помощь наступающим туркестанцам. Им было выделено для перевозки самых необходимых грузов две сотни верблюдов. Но «корабли пустыни» с великим трудом продвигались по горным дорогам и тропам, занесенных снегом. Верблюды гибли от сильных морозов, падали с обледенелых горных склонов в ущелья.

Поэтому командующий Отдельной армией и отдал приказ 2-му Туркестанскому корпусу через пять дней безостановочного преследования разгромленных турок закрепиться на реке Западный Евфрат и перейти к позиционной обороне. Затем такие же приказы получили и другие войска, участвовавшие в Эрзерумской операции.

Все же результаты преследования вражеской армии впечатляли: в плен попали еще 80 офицеров и 7500 солдат. Тысячи местных ополченцев разбежались по своим селениям и городкам. Трофеями русских стали 130 разных орудий, брошенных турками во время бегства. За эти дни Махмуд Камиль-паша был смещен с должности командующего 3-й армией. Его место занял генерал-лейтенант Абдулкерим-паша, продержавшийся на этом посту всего до марта месяца.

Карта показала Юденичу на необходимость выравнивания линии фронта. Кавказцы не без успеха провели несколько част-

ных наступлений. В ночь на 17 февраля 4-й Кавказский армейский корпус взял атакой город Битлис, стоявший на перепутье важных дорог. Попытка турок силой одной пехотной дивизии и многочисленной курдской конницы отбить Битлис провалилась: русские нанесли упреждающий удар. Это была серьезная удача: теперь прочно перекрывался наиболее удобный путь, по которому султанское командование перебрасывало на Кавказ подкрепления из Месопотамии и Сирии.

Обеспокоенный потерей Битлиса, неприятель развернул вокруг него диверсионную деятельность: конные отряды курдов перекрыли все дороги и тропы, ведущие к этому городу. Теперь по ним обозы могли передвигаться только под сильным прикрытием. Тогда новый командир 4-го Кавказского армейского корпуса генерал В.В. де Витт пошел на ответные меры: много селений, брошенных бежавшими в горы жителями, было сожжено, а отряды курдских всадников преследовались казачьей конницей до последней возможности.

Такие крутые меры быстро подействовали на местные курдские племена. Едва ли не ежедневно к де Витту стали пребывать вожди и старейшины куртинцев с изъявлением покорности России. Часть племенных ополчений была разоружена, хотя, разумеется, они сдали далеко не все оружие и патроны. Вскоре в окрестностях Битлиса установилось относительное спокойствие, и разбойные нападения на обозы и посты стали редкими.

После Эрзерума Н.Н. Юденич озаботился черноморским побережьем: турки находились в опасной близости к Батуму, к Михайловской крепости. Правофланговый Приморский отряд генерала В.П. Ляхова начал продвижение на запад вдоль узкой береговой полоски. Приходилось брать атакующие укрепления, которые турки раз за разом устраивали на берегах многочисленных горных речушек. Вскоре линия фронта была отодвинута от Батума на достаточно безопасное расстояние.

Однако Юденич понимал, что в самом скором времени придется брать порт Трапезунд (современный Трабзон), откуда получали снабжение и пополнения войска левого крыла 3-й султанской армии. Овладение этим городом лишало неприятеля важного тылового узла. Однако операция по овладению Трапезундом могла быть успешной лишь во взаимодействии с Черноморским флотом.

В Батумской гавани в то время базировались два эсминца и канонерская лодка «Донец», пострадавшая в самом начале войны в Одессе и недавно вышедшая из ремонта. Но трех кораблей было мало для огневой и десантной поддержки Приморского отряда в случае его наступления на Трапезунд. Юденич начал телеграфные переговоры с могилевской Ставкой, которая пошла навстречу высказанным просьбам.

Из Севастополя в Батум в середине января 1916 года прибыли линейный корабль «Ростислав», канонерская лодка «Кубанец» и два эсминца. Был сформирован Батумский военно-морской отряд для содействия приморскому флангу Отдельной Кавказской армии. Общее руководство морскими силами на Кавказе осуществлял командир Батумской военно-морской базы капитан 1-го ранга Римский-Корсаков.

Приморский отряд вновь перешел в наступление. Черноморские корабли оказывали кавказцам огневую поддержку; с тральщиков, имевших малую осадку и подходивших к самому берегу, было высажено несколько тактических десантов. Турки после непродолжительного сопротивления, как правило, отступали в горы. После взятия города Ризе, русские войска до поры до времени остановили продвижение вперед и стали закрепляться на реке Архаве. Теперь они находились на дальних подступах к Трапезунду.

В первой половине 1916 года велись бои и баратовским экспедиционным корпусом, который действовал вблизи границ Турции на персидской территории. На протяжении всей войны рейды казачьей конницы оказали немалое содействие англичанам, которые вели бои на юге современного Ирака. 24 февраля русские войска заняли город Керманшах — центр западных областей Персии. Теперь под угрозой русской конницы оказалось Багдадское направление. Это были последние эпизоды широко-масштабной Эрзерумской наступательной операции.

Стратегический успех Отдельной Кавказской армии заключался в том, что она овладела единственным укрепленным районом в Малой Азии — крепостью Эрзерум. Теперь перед русским оружием через недалекий город Эрзинджан открывались ворота в Анатолию — в центральные области отживающей свой век Османской империи. Генерал от инфантерии М.В. Алексеев, начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего, так отозвался об Эрзерумской операции:

«Этот успех приобрел на ближневосточном театре особую значимость на фоне неудач в Дарданелльской операции и наступления англичан в Месопотамии».

В начале марта 1916 года в Ставке было решено овладеть портом Трапезунд. Но сил у генерала Ляхова, командовавшего Приморским отрядом, было недостаточно — имелось в строю всего около 15 тысяч человек при 50 орудиях. Армия выделить резервы в силу растянутости линии фронта не могла. Об этом Юденич доложил в Могилев. Там было решено усилить кавказские войска на черноморском побережье.

С русского (Западного) фронта были сняты 1-я и 3-я Кубанские пластунские бригады и по железной дороге переброшены в Новороссийск. Они и составили ударную силу Приморского отряда. Юденич прибыл на место и взял на себя руководство началом Трапезундской наступательной операции, которая с первых дней развивалась успешно.

У Сермене был высажен десант из 2-й пластунской бригады и одной казачьей батареи. Однако здесь у Юденича произошел серьезный конфликт с командующим Черноморским флотом адмиралом А.А. Эбергардом. Тот, не желая рисковать кораблями Севастопольской оперативной эскадры, отдал им приказ вернуться в базу. Появись тогда у Сермене турецко-германский флот адмирала Сушона, и судьба русского десанта могла быть решена.

Вскоре Эбергард был снят с должности. На его место прибыл с Балтики начальник Морской дивизии вице-адмирал А.В. Колчак. Он был популярен на флоте за проведение десантной операции в германском тылу у мыса Домеснес (Калкасаге) получил орден Святого Георгия 4-й степени. С ним у Юденича сразу сложились доверительные отношения при полном взаимопонимании.

Трапезундская наступательная операция продолжилась. Турки при всех своих значительных силах смогли оказать действительно упорное сопротивление только на западном берегу реки Карадеры, хорошо его укрепив. Однако оборона их была взломана. В бою отличился 19-й Туркестанский стрелковый полк полковника Б.Н. Литвинова, одержавший победу у Офа и захвативший вражескую позицию у Буюк-Дере.

После этого стрелки-туркестанцы с боем овладели городом Дживизликан к юго-западу от Трапезунда. В том бою успех был

предрешиен бесстрашным порывом одной из рот 19-го полка, которая под сильным вражеским огнем смогла перебежать каменный мост через реку Каредеру и укрепиться на ее западном берегу. Бой завершился тем, что две тысячи турок сдались в плен, а остатки трапезундского гарнизона вместе с частью мусульманского населения бежали в горы, сдав город без сопротивления.

Русские войска продолжили наступление вдоль берега Черного моря по единственной здесь дороге. Но вскоре генерал Ляхов приказал прекратить дальнейшее продвижение на запад. Стало известно, что турки перебросили к реке Искафир пехоту — до 41 батальона. Из них 31 занял оборону на речном берегу, а остальные засели в горах, которые в этом месте нависали над узкой прибрежной полосой.

Юденич одобрил принятое решение: главная цель операции — захват Трапезунда — была достигнута ценой малых потерь. В городе создали русскую военную администрацию. Генерал-губернатором Трапезунда назначили генерала Шварца, отличившегося в самом начале войны в Польше защитой Ивангородской крепости.

Неприятельские морские силы с большим запозданием попытались помешать наступлению русских по черноморскому побережью. Но появившийся у Новороссийска крейсер «Гебен» («Явуз султан Селим») был встречен русским линейным кораблем и отогнан в открытое море. А появившаяся в тот же день у города Ризе немецкая подводная лодка была атакована русским эсминцем и повреждена.

Портовому Трапезунду Ставкой придавалось серьезное значение в войне на Кавказе. В начале мая в нем высаживается, перевезенный морем 5-й Кавказский армейский корпус генерал-лейтенанта В.А. Яблочкина. Он был сформирован из двух третьоочередных дивизий. Генерал Ляхов стал начальником 39-й пехотной дивизии, что стало ему наградой за успешное проведение операции. Один из главных ее героев — полковник Литвинов, командир 19-го Туркестанского стрелкового полка, получивший тяжелое ранение, удостоился Георгиевского оружия и ордена Святого Георгия 4-й степени.

Действия Юденича в ходе Трапезундской наступательной операции вызвали неудовольствие императора Николая II и его наместника на Кавказе. И тот и другой считали, что русские войска должны были продвинуться значительно западнее Тра-

пезунда, не считаясь с тем, что безопасность захваченной прибрежной полосы со стороны гор обеспечить было нечем. Так, великий князь Николай Николаевич-младший свое раздражение выразил следующей телеграммой из Тифлиса:

«В Сарыкамыш генералу Юденичу.

Срочно.

Не желая обращаться непосредственно к генералу Яблочкину, обращаю ваше внимание на невнимательное отношение к левому флангу 5-го корпуса, что считаю весьма необходимым. На этом фланге видно отступление вместо наступления. Я недоволен действиями пластунов. Не вижу связи, они действуют разрозненно и без руководства. Если командиры не обладают необходимыми способностями, то их нужно отстранить.

24. 6. 16. № 1769.

Генерал-адъютант Николай».

В ходе наступательных операций Отдельной Кавказской армии в 1915—1916 годах были заняты неприятельские территории, которые по своим размерам превышали по площади современные Грузию, Азербайджан и Армению, вместе взятые. При этом кавказские войска не проиграли ни одного сражения. Генерал, видный военный историк Е. В. Масловский писал о полководческих деяниях Николая Николаевича Юденича:

«Армия малочисленная, всегда численно слабейшая противника, армия с ничтожными техническими средствами и имеющая перед собой противника с превосходными боевыми качествами, непрерывно одерживая победы над врагом.

Тот, кто внимательно будет исследовать последнюю русско-турецкую войну, подметит, что все операции Кавказской армии, руководимой генералом Юденичем, всегда покоились на основных принципах военного искусства

Этот же исследователь отметит то громадное значение, которое придавалось на Кавказе духовному элементу в бою. Вот почему, когда сражение начинается поражением воображения противника неожиданностью удара и всегда длительным напряжением до предела сил бойцов, в чрезвычайно упорных и непрерывных атаках создавалось нарастание впечатления, которое потрясало противника, и он сдавал.

Весь проникнутый активностью, только в проявлении крайней степени ее видя решение, генерал Юденич признает лучшим способом ведения войны — наступление, а выгоднейшим

средством последнего — маневр. В соответствии с духом активности генерал Юденич обладал необычайным гражданским мужеством, хладнокровием в самые тяжелые минуты и решительностью».

Действия русских войск на Кавказе получили свое звучание и на дипломатическом уровне. В апреле 1916 года союзники по Антанте — Россия, Великобритания и Франция заключили между собой секретное соглашение. Речь в нем шла о разделе последних владений империи турок-османов. Среди прочего, в этом документе говорилось следующее:

«Россия аннексирует области Эрзерума, Трапезунда, Вана и Битлиса до подлежащего определению пункта на побережье Черного моря к западу от Трапезунда. Область Курдистана, расположенная к югу от Вана и Битлиса, между Мушем, Сертом, течением Тигра, Джебзире-ибн-Омаром, линией горных вершин, господствующих над Амадией и областью Мергевера, будет уступлена России, которая взамен признает собственностью Франции территории, заключенные между Али-Дагом, Кесарией, Ак-Дагом, Ильдиз-Дагом, Зарой, Эгином, Харпутом. Кроме того, начиная от области Мергевера, граница арабского государства пойдет по линии горных вершин, отделяющих в настоящее время оттоманскую территорию от персидской».

Для прикрытия Трапезунда, который становился тыловой базой правого фланга Отдельной Кавказской армии, создается Платанский укрепленный район, который был занят войсками 5-го Кавказского армейского корпуса, сформированного по инициативе Юденича. Последующие события показали, что это была своевременная мера.

В самом конце весны 1916 года, когда в горах просохли дороги и еще не наступил летний зной, в наступление перешел русский экспедиционный корпус в Персии. Генералу Н.Н. Баратову была поставлена задача: оказать содействие союзникам-англичанам, нанеся удар по направлению к Багдаду. Однако Юденич считал, что отход от города Керманшаха отрывает корпус от левого фланга Кавказской армии, что вносило дезорганизацию в стратегические интересы России на Востоке. Однако Лондон настоял перед Петроградом на собственных интересах.

Юденич считал, что экспедиционный корпус готов совершить только набеговую операцию, поскольку состоял преимущественно из конницы. В его рядах значилось 65 кавалерийских эскад-

ронов и казачьих сотен, а пехоты — всего 8 батальонов и 2 ополченческие дружины. Корпусная артиллерия имела всего 36 орудий. Всего русские имели на то время в Персии 9104 штыка, 9919 сабель и 504 офицера.

В силу известных причин основные свои силы генерал-лейтенант Баратов держал на удерживаемой им линии Сене, Алиабад, Хорриабад, а оставшиеся войска находились в тылу или составляли резерв. На этом фронте турки сил имели меньше — 4 батальона пехоты, 4 эскадроны кавалерии, 20 орудий и курдскую конницу неустановленной, постоянно меняющейся численности. Но у городов Ханекина и Мендали, на севере современного Ирака, стояли значительные резервы неприятеля, готовые нанести по русским фланговый удар в случае их наступления от Керманшаха на Багдад. С этим в штабе Юденича приходилось считаться.

Положение англичан виделось крайне тяжелым. Предпринятые в апреле 1916 года британским корпусом попытки силой четырех дивизий на берегах реки Тигр деблокировать осажденную крепость Кут-эль-Амара, в которой оборонялись войска генерала Таунсенда, успеха не имели. Поэтому Лондон и проявлял такую настойчивость в отношении активизации действий баратовского экспедиционного корпуса, требуя нанести удар по Багдаду, что однозначно отвлекло бы из блокадного кольца вокруг Кут-эль-Амары немалое число турецких войск. С интересами же союзной России Британия не считалась.

Пока шла непродолжительная подготовка к выступлению русского корпуса от Керманшаха, обстановка на юге Месопотамии резко изменилась. 28 апреля, после 147-дневной осады, осажденные в Кут-эль-Амаре капитулировали. В плен туркам сдалось 5 генералов, 3 тысячи английских солдат, 7 тысяч индусских солдат и 3300 военнослужащих частей обеспечения. Поводом для капитуляции стало то, что запасы провианта в крепости стали подходить к концу.

Все же командующему Кавказской армией пришлось отдать Баратову приказ о наступлении. Русские с боем взяли город Касри-Ширин, захватив там у неприятеля громадные запасы военного имущества. Турки оставили иранскую территорию и отошли к иракскому городу Ханекину. Но большего русские войска сделать не могли: на корпусную линию фронта в 800 верст они имели всего восемь пехотных батальонов. Британцы требовали

же от союзников силами двух полков пехоты совершить то, чего они не сумели сделать на берегах Тигра четырьмя своими дивизиями.

Турецкое командование понимало, что если русские нанесут удар в направлении Ханекина или Багдада, то большая часть 6-й султанской армии в Южной Месопотамии окажется отрезанной от метрополии. В то время сменился командующий этой армией: место умершего от тифа германского фельдмаршала фон дер Гольца занял Халиль-паша. Он оставил против англичан один слабый 18-й армейский корпус в 16 тысяч человек. Более же сильный 13-й корпус (25 тысяч человек, 80 орудий) был выставлен против русских.

Баратов нанес удар на Ханекин, но успеха не имел. Турки здесь заметно превосходили его в силах. Они перешли в контрнаступление и вновь вошли на персидскую территорию, захватив город Керинд, а затем и Керманшах. Но дальше им продвинуться не удалось.

Русский экспедиционный корпус отошел в более здоровые по климату горные районы. Если потери в боях с турками составили всего 460 человек, то от болезней и прежде всего от эпидемии малярии — 2430 человек, больше трети всего личного состава корпуса. Некоторые батальоны и согни превратились в малярийные лазареты.

Поскольку англичане своим союзникам, наступавшим на город Ханекин, никакой поддержки не оказали, командующий Отдельной Кавказской армией получил право отдать приказ Баратову об отступлении от границ Месопотамии. Что тот и исполнил.

Юденич понимал, что противная сторона постарается взять реванш за поражения под Эрзерумом и Трапезунтом. Опасаясь контрударов, он приказал вести усиленную разведку с воздуха. Такая мера оказалась своевременной: 10 апреля летчики донесли о передвижениях крупных сил турецкой пехоты и конницы, нескольких батарей полевых орудий в направлении на Харпут.

К тому времени у Юденича появился серьезный противник в лице нового командующего 3-й турецкой армией генерал-лейтенанта Вахиб-паши. Он относился к поколению «европеизированных» военачальников: сам фон Зандерс придерживался о нем высокого мнения. Первую мировую войну Вахиб-паша начал командующим хорошо оснащенной и обученной германскими

инструкторами 2-й армии, которая находилась в стратегическом резерве Верховного командования Турции и квартировалась в ее европейской части.

В Стамбуле делалось все для того, чтобы усилить 3-ю армию, которая уже дважды была разгромлена русскими — в Сарыкамышской и Эрзерумской операциях. Теперь число дивизий в ней было доведено до пятнадцати. В состав армии влили два новых корпуса — 5-й и 12-й. На Кавказе вновь назревали грозные события: Вахиб-паша вознамерился вырвать из рук противника стратегическую инициативу.

Юденич с его полководческим дарованием не стал медлить с контрмерами. По его приказу 5-й Кавказский армейский корпус, упреждая неприятеля, нанес удар на Гюмиш-Хене и дальше в направлении на Эрзинджан. Приступили к активным действиям и другие корпуса: упорные бои завязались близ Байбурта и Килькита. Важный в стратегических соображениях сторон город Эрзинджан оказался под угрозой захвата русскими войсками.

Силы для новых наступательных операций у Юденича имелись. На 18 мая 1916 года боевой состав Отдельной Кавказской армии определялся, согласно донесению в могилевскую Ставку, так:

«Совершенно секретно.

Списочный состав Отдельной Кавказской армии:

Пехотных батальонов — 183 и отдельная пехотная рота.

Дружин государственного ополчения — 49.

Казачьих сотен и кавалерийских эскадронов — 175.

Пулеметов — 675. (Преимущественно системы «Максим».)

Орудий различных артиллерийских систем — 470 (полевых, горных, осадных).

Инженерных рот — 26.

Авиационных и воздухоплавательных отрядов и рот — 4.

Автомобильных и мотоциклетных команд и рот — 6.

Броневых автомобилей — 9.

Всего личного состава:

Штыков — 207 293.

Сабель — 23 220».

В таких силах Отдельная Кавказская армия имела превосходство над 3-й турецкой. Но опасения Юденича оправдались: стремясь сделать 1916 год переломным в борьбе за Кавказ, Стамбул, не без наставлений из Берлина, начало переброску на помощь

Халиль-паше 2-й армии (2-й, 3-й, 4-й и 16-й корпуса), которой командовал Дарданелльский победитель мушир Ахмед Иззет-паша.

В свои 52 года он имел большой стаж военной службы, отличаясь от почти всего турецкого генералитета тем, что не участвовал в политической деятельности. Во время Первой Балканской войны 1912 года занимал пост начальника Генерального штаба, во Второй 1913 года — так называемой Межсоюзнической — был главнокомандующим турецкой армии.

2-я султанская армия имела численность в 78 тысяч человек. Полевая артиллерия ее исчислялась почти в сто орудий, преимущественно новейших систем (с заводов Круппа). Горных орудий, однако не имелось. Ожидалось, что на месте ее ряды пополнят до 10 тысяч конных ополчений курдских племен. Армия перебрасывалась от Стамбула по железной дороге, но до линии фронта ей предстояло пройти своим ходом не одну сотню километров. По расчетам оперативников штаба Юденича, войска мушира Ахмеда Иззет-паши могли полностью сосредоточиться на месте не раньше августа.

Прибывшая 2-я султанская армия заняла линию фронта между селением Харапут и озером Ван. Вновь прибывшие турецкие войска обладали боевым настроем. Пораженческий дух в их рядах отсутствовал напрочь, чего никак нельзя было сказать о личном составе 3-й армии. «Дарданелльский победитель» сразу же начал собирать информацию о противостоящих ему силах русских, проводя во многих местах разведку боем и активизируя агентуру из местного мусульманского населения.

Заметное усиление султанских войск на театре войны резко изменило ситуацию в Курдистане. Большинство племен куртинцев решило вновь поучаствовать в войне: в первые же дни в ряды армии мушира Ахмед Иззет-паши влилось 7 тысяч всадников. На коммуникациях русских войск вновь стала накаляться обстановка.

Сопоставляя разведывательную информацию, поступавшую в армейский штаб из самых разных источников, Юденич угадал, что в наступление должна перейти именно 2-я армия. Она занимала фронт всего в сто километров сильно пересеченной горной местности. И, что самое опасное, против стыка 1-го и 4-го Кавказских корпусов.

Стало известно и то, что «хорошо знакомая» 3-я армия Вахиб-паши, получив подкрепления, уплотнила свои боевые порядки. По имевшимся сведениям, ей была поставлена задача

наступать на сравнительно узком участке фронта: от берега Черного моря до горной области Дарсим, южнее города Эрзинджана. Тем самым сковывались силы русских на главном, эрзинджанском, направлении и тем самым обеспечивался успех армии Ахмеда Иззет-паши.

Еще до общего наступления Вахиб-паша решил ликвидировать так называемый Мамахатунский выступ на линии фронта. Там находились позиции 4-й Кавказской стрелковой дивизии. Удар на Мамахатун обрушили сразу два армейским корпуса — 9-й и 11-й, и русским пришлось отойти. Но когда турки попытались продвинуться к Эрзеруму, то были остановлены 39-й пехотной дивизией, имевшей славу одной из лучших в Кавказской армии: ее полки успешно отразили пять массированных вражеских атак.

Из всех полков, сражавшихся на Мамахатуне, больше всего подвигов в те дни выпало на долю 153-го пехотного Бакинского полка. В боях 21, 22 и 23 мая подчиненные полковника Маслового остановили атакующий натиск двух (!) турецких пехотных дивизий — 17-й и 28-й и отразили две кавалерийские атаки. В последних случаях бакинцы всем полком вели залповый огонь в упор стоя и с колена, как на зачетном учении. Но полк понес тяжелые потери, лишившись 21 офицера и 900 нижних чинов.

Борьба за Мамахатунский выступ выглядела предвестником больших событий. Юденич потребовал активизировать разведку на всех участках фронта. Его поражало то обстоятельство, что полученная информация разительно отличалась от той, что приходила в Тифлис от британской разведки через могилевскую Ставку.

В штабе Юденича царило «непонимание» ожидаемых событий. Оно рассеялось после того, как близ Огнота на русскую сторону перебежал майор турецкого Генерального штаба, начальник оперативного отдела штаба 3-го корпуса 2-й армии, черкес по национальности. С собой он прихватил много различных секретных документов, поступивших в корпус от Мушира Ахмеда Иззет-паши. В подлинности их сомневаться не приходилось.

Документы, как и показания майора-перебежчика, говорили о том, что на Эрзинджанском направлении готовится крупная наступательная операция. Все же Юденич, умудренный опытом двух войн, решил перестраховаться. Турки, вероятно, были не-

мало удивлены тем, что за несколько ночей русская разведка по всей линии фронта взяла несколько десятков пленных. Кроме того, во многих местах русские, где силой батальоном или ротой пехоты, где казачьей сотней произвели разведку боем. Тем самым вызывался на себя огонь тех артиллерийских батарей и пулеметных гнезд, ранее не установленных визуальным наблюдением.

Когда вся собранная за последние дни разведывательная информация легла на стол, у того уже не было сомнений в достоверности сказанного перебежчиком. Со всей очевидностью стало ясно, что Вахиб-паша и Ахмед Иззет-паша решили нанести сильный атакующий удар. Требовалось принять контрмеры особенно на стыке 5-го Кавказского и 2-го туркестанских корпусов: стало известно, что на этом участке прорыва Вахиб-паша уже сосредоточил по полбатальону турецкой пехоты против одной русской роты.

Юденич из армейского резерва передал в 5-й Кавказский корпус семь пехотных батальонов, доведя некоторые полки до четырехбатальонного состава. Но все равно неприятель имел в полосе прорыва ощутимое превосходство — 27 батальонов против 12 батальонов обороняющихся русских. Но больше резервных кавказских войск послать сюда возможности не имелось.

Ожидалось, что 3-я турецкая армия перейдет в наступление на широком участке фронта. Но в начале июня главный удар Вахиб-паша нанес свежими 5-м и 10-м корпусами по долине Лиман-Су через Оф на Трапезунд. Неприятелю удалось вклиниться между двумя русскими корпусами.

Успех был изначальный: уже вскоре наступающие «споткнулись» о стойкость все того же 19-го Туркестанского стрелкового полка полковника Литвинова. Его бойцы в течение двух суток (!) держали мертвой хваткой две галлиполийские пехотные дивизии, не позволив им даже на версту продвинуться вперед.

В полку числилось 60 офицеров и 3200 нижних чинов. После двухсуточного боя полковник Литвинов недосчитался 43 офицеров и 2069 солдат и унтер-офицеров. Но перед позициями туркестанских стрелков осталось лежать 6 тысяч турецких пехотинцев. В том бою в штыковой схватке был убит не простой начальник 10-й дивизии, а сын султана Абдул Гамида. Его телохранители не смогли уберечь в рукопашной схватке наследника престола Оттоманской империи, решившего на Кавказе добавить к своему имени славу военачальника.

Полковника Литвинова можно с полным основанием на то считать одним из подлинных героев русской армии. Но судьба командира прославленного делами 19-го Туркестанского полка сложилась трагично. Летом 1917 года он был назначен начальником 1-й Закавказской запасной пехотной бригады, в которой должен был восстановить пошатнувшуюся дисциплину. В конце года арестован новыми властями, но вскоре освобожден бойцами своего полка. Уехав во Владикавказ, Литвинов стал одним из главных руководителей подготовки восстания терского казачества против 11-й Красной армии. После соединения повстанцев с белой Добровольческой армией, по своей просьбе был назначен командиром Туркестанского отряда, с которым принял участие в Гражданской войне в Закаспийской области. Получил чин генерал-майора, будучи командиром Закаспийской стрелковой дивизии.

В эмиграции Литвинов проживал в Белграде и симпатиями к советской власти не отличался. В 1945 году 73-й бывший белогвардейский генерал и Георгиевский кавалер был выдан правительством Иосипа Броз Тито СССР. Там он попал в концентрационный лагерь, где вскоре погиб.

Подвиг 19-го Туркестанского полка позволил корпусным командирам Яблочкину и Пржевальскому перегруппировать свои силы и прикрыть угрожаемое направление. Благодаря этому положение удалось выправить. Юденич, тонко улавливая изменения обстановки, приказал 2-му Туркестанскому и 5-му Кавказскому армейским корпусам нанести серию контрударов. После этого наступающий порыв турок на Трапезундском направлении иссяк.

Командующий Кавказской армией незамедлительно организовал ответное наступление, но не на упавшую духом армию Вахиб-паши, а на свежую 3-ю. Ее войскам, тоже пришедшим в движение, пришлось откатываться на исходные позиции. Здесь отличился 490-й пехотный Ржевский полк, который разбил элитный полк стамбульских гвардейцев и захватил в качестве почетного трофея полковое знамя. Вид пленных султанских гвардейцев поразил русских солдат: каракулевые шапки, неизношенные сапоги, мундиры из добротного сукна.

Проведенная операция получила название Эрзинджанской. Она завершилась атакующим ударом 1-го Кавказского корпуса генерала Калитина. По его приказу Сибирская казачья бригада

по горным дорогам зашла в тыл неприятелю на Сивасском шоссе у Михора и вызвала панику в турецких обозах, которая перекинулась на войска, находившиеся на передовой.

Посланные в обход 4-я Кубанская пластунская и 4-я Туркестанская стрелковая бригады принудили неприятеля, державшего оборону на правом берегу Северного Евфрата, поспешно отойти на запад и без боя очистить Эрзинджан. Первыми ворвались в город пехотинцы-дербентцы, форсировавшие реку Мурад-чай по груди в ледяной воде.

2-я султанская армия оказалась разгромленной в очередной раз. Только пленными она потеряла 17 тысяч человек. Русские восстановили положение у Мамахатуна, заняв прежние позиции. Отличился пехотный Бакинский полк, который взял в плен более полторы тысячи турок, в том числе 63 офицера, и захватил два орудия. Всего под Мамахатуном в плен сдались 4 тысячи человек.

Мамахатунский выступ в ходе наступательной операции стал полем кровопролитной битвы. В ходе ее случилась блистательная конная атака в исполнении двух казачьих полков. Вот как описывали ту атаку в белоэмигрантском информационном листке Кубанской канцелярии («Вольная Кубань», 1930, Белград) один из участников — есаул Ширай, тогда прапорщик, младший офицер одной из сотен 1-го Таманского казачьего полка, контуженный в бою разрывом снаряда:

«25 июня 1916 года 1-й Кавказский корпус генерала от кавалерии Калитина перешел по всему фронту в наступление. 1-я конная бригада 5-й Кавказской казачьей дивизии генерала Колесникова, входившая в группу генерал-майора Ляхова, после занятия Мамахатуна двинулась на Эрзинджан.

6 июля утром бригада заняла селение Юхоон-Лори, оставленное турками без боя, и, не задерживаясь, двинулась дальше к селению Аик, где, по данным разведки, противник занимал окопы по хребту, включая и село Аик. Командир бригады решил немедленно же атаковать в конном строю сидящую в окопах турецкую пехоту, не ожидая подхода нашей артиллерии и пластунув, шедших в четырех верстах правее бригады.

Командирам полков было приказано выдвинуть вперед от каждого полка по две сотни и атаковать ими неприятеля. От 1-го Таманского полка были назначены 1-я (в ней числился младшим офицером прапорщик Ширай. — А. Ш.) и 3-я сотни, от 1-го

Кавказского — 2-я и 6-я. В назначенных в первую линию сотнях было около 120 шашек (в каждой казачьей сотне. — *А.Ш.*).

Местность версты на две до окопов была ровная, покрытая пшеницей. Посреди, параллельно хребту, занятому турками, протекала небольшая речушка. За речушкой, на версту, местность ровно поднималась к самому селу Аик.

Было 7 часов вечера, солнце уже село за гору, но его заходящие лучи еще окрашивали небо, когда назначенные сотни по знакам своих командиров развернулись в лаву. Пошли рысью. Таманские сотни шли правее кавказцев.

Изредка стали посвистывать пули, и сотни прибавили аллюр. Пули стали свистеть еще чаще. Заклокотали до того молчавшие турецкие пулеметы, пролетели и разорвались первые снаряды гаубичной батареи. Раздалась команда: «Шашки вон!» и «Наметом!».

Защелкали разрывные пули, дававшие синеватые вспышки в наступивших сумерках.

Сотни были взяты в работу с трех сторон. От шелканья разрывных пуль, трескотни пулеметов, разрывов снарядов ничего не было слышно. Сотни несли крупные потери. Но лихих таманцев и кавказцев уже ничего не могло остановить. С доблестными командирами впереди они дорвались до турок и с лихвой возместили им свои потери. Аик был взят.

В то же время бригада совместно с пластунами ликвидировала скопившуюся на правом фланге атаковавших сотен сильную угрозу в виде появившейся новой турецкой пехоты.

В полной уже темноте все было кончено. Казаки еще раз поддержали свою старую славу».

Перед той знаменитой атакой между командующим Кавказской армией и командиром казачьей бригадой генерал-майором Колесниковым состоялась короткая «радиопереписка». Когда два кубанских казачьих полка в наступлении прошли долину Лори Дараси (Долину Роз), они оказались остановленными огнем многочисленной неприятельской пехоты, укрепившейся на невысоком горном хребте. Колесников сделал по радио запрос в армейский штаб, доложив о сложившейся ситуации. На вторую радиограмму генерал Н.Н. Юденич ответил целым посланием:

«Сибирская казачья бригада весь свой боевой путь проделала по тылам турок. Сибирские казаки — наши гости здесь, на Кавказе, и они отлично применились к боевой обстановке ранее им неведо-

мых мест, в то время как своя же, Кавказская бригада кубанских казаков, идет только обыкновенным путем в силу приказа и устава. Приказываю двигаться вперед и атаковать турок. Юденич».

Кубанцы выполнили приказ командующего. Бригада силой в 1500 шашек сбросила с горного хребта вражескую пехоту лобовой конной атакой и большей частью истребила в ходе преследования по долине Лори Дараси.

В ходе Эрзинджанской наступательной операции русские войска так и не встретили дружного отпора со стороны двух турецких армий. Мушир Ахмед Иззет-паша был готов поддержать оказавшегося под ударом Вахиб-пашу. Но в расчетах германских военных советников, планировавших переброску на Кавказ 2-й армии, оказались серьезные ошибки. Они не учли пропускную способность железнодорожных магистралей. В итоге новая армия развернулась в полную силу на назначенных ей позициях не в апреле, а лишь в конце июля, с опозданием на два с половиной месяца. Впрочем, такого не ожидали и в штабе Юденича.

В наступление же 2-я армия смогла перейти только в начале августа, когда 3-я армия уже подверглась разгрому. Раньше других прибыл на новое место 16-й армейский корпус генерала Мустафы Кемаль-паши, будущего президента Турецкой Республики (Ататюрка — «Отца турков»). После разгрома британских и французских войск на Галлиполийском полуострове жители Стамбула встречали его как спасителя столицы.

Военное счастье оказалось для него на Кавказе изменчивым. Здесь он пробыл совсем короткий срок. Весной 1917 года он успел даже покомандовать 2-й армией. Но вскоре по приказу Стамбула отправился на Сирийско-Палестинский фронт, который к концу войны, что говорится, «затрещал по швам» под натиском прежде всего обходного английского «Верблюжьего» корпуса, который выиграл в пустыне у турок все схватки за источники питьевой воды.

Мушир Ахмед Иззет-паша после Дарданелл был настроен решительно. Главный удар его армия нанесла на Огнот и Битлис. Наиболее упорные бои завязались на левом фланге 1-го Кавказского корпуса, то есть в горах Турецкой Армении. Русские войска держали оборону стойко, и вскоре почти все резервы 2-й армии оказались втянутыми в бои.

Юденич с его опытом войны в горах уловил это обстоятельство и решил дать противной стороне встречное сражение. То

есть он решил повторить сценарий победной Евфратской наступательной операции. В район Киги ускоренным маршем перебрасываются две пехотные дивизии из состава только что сформированного 6-го Кавказского армейского корпуса, командование которым было вверено генерал-лейтенанту Д.К. Абациеву.

Встречные бои исключительной жестокости произошли под селением Киги. Отступить же от него все же пришлось туркам. Близ города Хане разгрому подверглась 4-я турецкая дивизия: она была охвачена атакующими русскими с флангов. Здесь в плен сдался 11-й пехотный (50 офицеров и 1600 солдат) и остатки 10-го пехотных полков. Сама же дивизия после боя у Хане перестала существовать как таковая.

Русские отбили назад город Муш. Вблизи него 16-й корпус генерала Мустафы Кемаль-паши был смят атакующими и стал отходить, так и не сумев где-либо закрепиться. У селения Раята 4-я Кавказская казачья и Сводно-пограничная (составленная из кавказской пограничной стражи) дивизии в жарких трехдневных боях уничтожили вражескую пехотную дивизию, которая после этого оставила в списочном составе армии мушира Ахмеда Иззет-паши только свое наименование.

Совместного наступления двух султанских армий на Эрзерум так и не получилось. Контрудара же Отдельной Кавказской армии генерала Н.Н. Юденича они не выдержали и откатились назад. В итоге турки понесли такие большие потери, что некоторые корпуса пришлось преобразовать в дивизии, а дивизии — в полки. К концу 1916 года 3-я армия насчитывала в своих рядах всего около 36 тысяч человек, 2-я — 64 тысячи. Теперь пехоты в них набиралось всего 142 батальона.

В контрнаступлении русские к концу сентября вышли на рубеж Элхеу—Эрзинджан—Огнот—Битлис—озеро Ван, где и установилась новая линия фронта. Кавказские войска подустали после боев в горах, и им требовался и отдых, и многое другое. Наступила долгожданная стратегическая пауза, которую не спешили нарушить ни та ни другая сторона.

Началось планирование кампании 1917 года. Мировая война затягивалась, и конца ей пока не было видно. Юденичу и его армейскому штабу в наступающем четвертом году вооруженной борьбы на Кавказе приходилось считаться с целым рядом важных обстоятельств. Их набиралось четыре, и ни одно из них игнорировать не приходилось.

Во-первых, обособленность театра военных действий определяла относительную самостоятельность Отдельной Кавказской армии. Не случайно генерал-лейтенант А.И. Деникин в своих «Очерках русской смуты» отметит следующее обстоятельство:

«Кавказ жил своей жизнью, осведомляя центр лишь в той степени, в какой считал нужным, и в освещении, преломленном сквозь призму местных интересов».

Во-вторых, в силу природных обстоятельств положение армии с ее растянутыми в горах коммуникациями становилось все тяжелее. Крайне ограниченный в продовольственных и фуражных ресурсах горный край с его бездорожьем создавал много сложностей в жизнедеятельности войск. Особенно тяжело приходилось войскам левого, южного, крыла фронта.

Тревожили не боевые, а санитарные потери. Только за один месяц — декабрь 1916 года из состава боевых частей выбыло вследствие цинги и тифа около 30 тысяч человек, или две полнокровные пехотные дивизии. Таких боевых потерь армия Юденича не несла ни в одной операции. Но и в турецких армиях тоже свирепствовала эпидемия тифа, занесенная в горы из Месопотамии.

Отсутствие фуража, бескормица и болезни лишили армейские обозы многих тысяч лошадей и верблюдов, основной тяговой силы на Кавказском театре войны. Падеж лошадей привел к тому, что немало артиллерийских батарей, стоявших на огневых позициях, оказались полностью без конной тяги. Пушечные и мортирные батареи не могли идти вперед, то есть участвовать в наступлении, менять свои позиции. И, наконец, в критической ситуации не могли и отступить.

Укомплектованность тыловых транспортов составляла уже только сорок процентов. Это не могло не отразиться на снабжении войск на передовой продовольствием и провиантом — оно к началу зимы 1916 года резко ухудшилось. Закупки же верблюдов и лошадей в Закавказье и Персии резко снизились из-за заметного снижения их числа за годы войны.

В-третьих, союзники-англичане проявляли все большую заинтересованность в активизации действий русских войск. Смысл таких пожеланий не представлял из себя большого секрета: Лондон очень хотел, чтобы русские оттянули на себя как можно больше турецких войск из Месопотамии и Палестины. Но лично Юденич был категорически против этого, что не раз уже при-

водило к телеграфным конфликтам со Ставкой Верховного главнокомандующего.

И, наконец, последним, четвертым, обстоятельством стал климат. Экспедиционный корпус в Персии «косила» малярия, а в войсках, располагавшихся в горах Турецкой Армении, появился возвратный тиф. Ко всему прочему борьба со снегом на дорогах и позициях отнимала много сил у людей. Генерал Квинитадзе, начальник штаба 4-й Кавказской стрелковой дивизии, описал в своих мемуарах военную зиму так:

«Одновременно с достройкой окопов и землянок строили дороги на Эрзерум. Но это была просто детская игра с природой. В начале декабря 1916 года солнце спряталось и повалил снег. Увидели солнце лишь на два дня в конце декабря, но затем недели две-три шел непрерывно снег. Все дороги завалило им. Расчищать их было невозможно, так как расчищенный участок сейчас же снова заносило.

Снег стоял стеной до 3—4 саженьей, ветер страшный, метель. В 20 шагах ничего не видно; стоят люди и чистят дорогу, заметаемые снегом и замерзая

На позициях, где мы находились до ухода в Эрзерум, было что-то трудноописуемое. Часто утром было нельзя открыть землянку, так как вся она, до верха, оказывалась засыпанной снегом.

Зимой поели ишаков, кошек и собак. Иной раз солдаты варили бульон из хвостов и ели его. Лошади отъедали друг у друга хвосты и гривы.

Обозы стояли на перевалах, занесенные снегом».

Организованную и дисциплинированную Отдельную Кавказскую армию спасало еще то, что до нее позднее других фронтов доносились отголоски политических событий, которые происходили в «тыловой» Российской империи, и прежде всего в столичном Петрограде. Но и на Кавказе чувствовалось, что династия Романовых неумолимо теряет контроль над страной. Российская империя катилась к своему крушению.

Юденичу теперь приходилось все чаще сталкиваться с фактами разложения воинских коллективов, особенно находившихся в тылу, в Закавказье. Стало обыденной картиной, когда самые различные политические организации и общественные комитеты этой южной окраины империи пытались парализовать деятельность командования Кавказской армии.

Все вышеизложенные обстоятельства проигнорировать было нельзя. Поэтому Юденич счел возможным подготовить к весне 1917 года лишь две частные наступательные операции. О новом широкомасштабном наступлении говорить не приходилось.

Первой из этих операций должна была стать Мосульская. В ней должны были участвовать недавно сформированный 7-й Кавказский армейский корпус генерал-лейтенанта Ф.Г. Чернозубова, основой которого стал 2-й Кавказский кавалерийский корпус, и экспедиционный корпус Баратова, которому предстояло наступать на город Мосул из Персии.

Вторая наступательная операция намечалась тоже на левом фланге, но четкой проработки в армейском штабе она не получила. Остальным войскам планировалось ведение активной обороны, для того чтобы сковывать неприятеля и не позволить ему маневрировать по линии фронта своими резервами.

Могилевская Ставка и царский наместник в Тифлисе великий князь Николай Николаевич-младший не возражали против таких планов на кампанию 1917 года. Но кавказский полководец сделал в своих замыслах одну серьезную ошибку. Учтя интересы России, он «не учел» ее союзнические обязательства перед Антантой. Или, говоря точнее, ближневосточные интересы Британии.

Николай II во всех подробностях ознакомил Лондон с планами войны на будущий год. В британском Генеральном штабе забили тревогу по поводу перспектив продолжения войны на Ближнем Востоке. В конце января 1917 года в Тифлис прибыл для союзных переговоров полномочный официальный английский представитель начальника Генерального штаба генерал-фельдмаршала сэра Вильяма Роберта Робертсона. После аудиенции у царского наместника, у него состоялась беседа с командующим Кавказской армией.

Британец передал Юденичу настоятельную просьбу генерала Фредерика Стэнли Мода, командующего королевскими войсками на юге Месопотамии, провести наступательные операции на Багдад и Ханекин. Генерал Мод планировал наступление на Багдад, но сил имел явно недостаточно: пять индийских пехотных дивизий и одну английскую кавалерийскую бригаду. То есть 55,5 тысяч штыков, 5100 сабель и 205 орудий. Помимо этого на охране тылов в беспокойном арабском окружении у него оставалось 16 тысяч штыков, 1400 сабель и 39 орудий.

Юденич, зная мнение Ставки Верховного главнокомандующего и стремление лично государя императора свято выполнять союзнический долг, был вынужден согласиться на просьбы генерал-фельдмаршала Робертсона. Тот, получив согласие на всех уровнях, вернулся с чувством исполненного долга в Англию. России же пришлось в очередной раз жертвовать тысячами человеческих жизней (против чего Николай Николаевич был «неуживчиво» едва ли не всю войну).

Обязательства надо было выполнять. Уступая настойчивым просьбам англичан, войска Отдельной армии уже 2 февраля 1917 года перешли в наступление на Багдадском и Пенджвинском направлениях. Операция развивалась успешно. 1-й Кавказский корпус вышел к границе Месопотамии, а 7-й Кавказский корпус — к городу Пенджвину, узлу важных транспортных артерий.

Экспедиционный корпус Баратова, сократившийся вследствие эпидемии малярии наполовину, сбил с занимаемых позиций 2-ю турецкую пехотную дивизию и занял иракский город Ханекин. Завязались упорные бои на переправах через реку Дияла. Для развития успеха требовалась пехота, а у русских здесь ее почти не было.

Наступление на Пенджвинском направлении велось в условиях еще не закончившейся суровой горной зимы в разоренном войной иракском Курдистане. Наступавший здесь отряд генерала Назарова, командира 2-й Забайкальской казачьей бригады, сил имел немного: 18 казачьих сотен и кавалерийских эскадронов и 2 добровольческих армянских стрелковых батальона. Для того чтобы продвигаться вперед, приходилось прокладывать в снегах траншеи. Лошадей вели на поводу. Люди ночевали в снежных норах и питались почти исключительно одними сухарями.

После успехов русских войск в горах, турецкая 6-я Иракская армия Халил-паши оказалась под двойным ударом: с юга наступали англичане. Султанскому командующему пришлось отказаться от мысли защищать Багдад, и он поспешно отступил в северном направлении. В конце февраля британцы заняли древний город, к которому пробивались не первый год. Туркам же пришлось отступать по пустынной и горной местности, где племена арабов-бедуинов и курдов выказывали все большую враждебность к ним.

Учитывая то, что кавказским войскам в кампании 1917 года предстояло много действовать на персидской территории, генерал от инфантерии Н.Н. Юденич вышел в Ставку с предложением создать 2-ю Кавказскую армию во главе с Баратовым. По его мысли, ее основу должны были составить 1-й и 7-й кавалерийские корпуса и новый армейский корпус, который намечалось создать для действий в направлении иракского города Сулеймание. Особый корпус предлагалось создать под Тегераном, со штабом в Кередже.

Император в принципе одобрил предложение. Но теперь ему, терявшему политический контроль над державой, было не до Кавказа. Окончательного ответа из Могилева Юденич так и не получил.

Внутренние потрясения государственных устоев пока не ослабили Кавказскую армию, как был разложен Западный фронт, не говоря уже о флоте Балтийского моря и давно вышедшей из подчинения официальным властям морской крепости Кронштадт. Кавказских войск еще не коснулась смертельная болезнь деморализации. Но командующему все чаще стали докладывать об антивоенных настроениях среди нижних чинов и даже офицеров.

Кавказ действительно жил сторонней жизнью от политических потрясений в России. С него приходили удивительные для начала 1917 года сообщения: полки Отдельной армии генерала от инфантерии Н.Н. Юденича продолжали сражаться, ходили в атаки и одерживали над неприятелем все новые победы. А на Западном фронте митинговали, не исполнялись приказы и солдаты, зачитываясь оппозиционными правительству газетами, отказывались наступать.

Кавказцы действительно воевали, помня долг и присягу. Так, 17 февраля 1917 года 19-й Туркестанский стрелковый полк, которым теперь командовал полковник Хромых, по собственному почину овладел турецкими позициями на вершинах хребта Ики-Сиври (высота 3300 метров). Неприятель был согнан с самых благоприятных для обороны мест и даже не попытался их вернуть обратно.

Это был лишь один из боевых эпизодов большой войны в горах. Но в истории Отдельной Кавказской армии примечательный. Командный состав прославленного полка туркестанских стрелков был укомплектован офицерами гвардейской пехоты, добив-

шимися перевода на Кавказ, где русские войска «еще дерутся по-настоящему». Так свой протест против развала армии и флота выразили фронтовики — офицеры гвардии.

Юденича, которого прежде всего заботила война на Кавказе, теперь все больше захватывали внутривойсковые события. Не потому, что он тянулся к пониманию их сути, а оттого, что они влияли на моральное состояние войск. Они переживали уже третью фронтную зиму в условиях высокогорья. Армейские коммуникации растянулись на 500—600 верст. Продовольственные обозы вынуждены были сами съедать большую часть доставляемого провианта. Топлива почти не было. А в могилевской Ставке Николай II всерьез подумывал о крупной десантной операции с целью овладения Стамбулом.

Тяготы фронтной жизни не могли не сказываться на настроении людей. В своих воспоминаниях начальник 66-й пехотной дивизии (которая занимала позиции на Шайтан-даге в районе Огнота с осени 1916 по весну 1917 года) генерал И.В. Савицкий писал:

«Положение частей на позициях, на высоте от 2400 до 3000 метров над уровнем моря, становилось все более и более тяжелым. На топливо были разобраны все брошенные жителями деревни. Доставка продуктов и фуража вследствие глубоких снегов была очень затруднительна.

К весне положение ухудшилось. Начались заболевания возвратным тифом. Из-за начавшегося весной 1917 года таяния снегов доставка продуктов ухудшилась. По долинам с большим трудом, но все же можно было доставлять продукты на подводах.

Далее, на горы, продукты везли на вьюках... а отсюда продукты переносились пешими командами, так как лошади с вьюками проваливались в глубокий снег».

Командующий армией стремился заниматься только фронтными и оперативными вопросами. Из охваченного политическими страстями Петрограда вести приходили самые противоречивые, да еще с большим опозданием. Юденич с трудом разбирался в происходящем. Николай Николаевич стал замечать за работниками армейского штаба, что те ждут с нетерпением известий не с фронтов, а из столицы.

Приближалась Русская смута, как образно назвал события 1917 года в своих мемуарах А.И. Деникин. На Кавказ она пришла с известным запозданием. Был ли готов к ней полководец Юде-

нич? Трудно сказать: об этом он не высказывался даже в кругу доверенных лиц.

Отдельная Кавказская армия продолжала сохранять свою силу и боеспособность. На 1 января 1917 года она имела 247 батальонов пехоты, 236 сотен и эскадронов конницы и 546 орудий. Почти вся конница была казачьей, если не считать 18 драгунских эскадронов Кавказской кавалерийской дивизии. Небезынтересно отметить и то, что из семи корпусных командиров пять были казаками — генералы Калитин, Пржевальский, Баратов, Чернозубов и Абациев.

Весть о февральской революции дошла до русских войск на Кавказе и жителей Закавказья сперва в виде скупых телеграфных сообщений, а потом пришли газеты. И сразу в тылу и на фронте замитинговали. Началось неповиновение властям.

О начавшихся в столице революционных беспорядках штаб Юденича во всех подробностях узнал из пространной телеграммы начальника штаба Ставки генерала от инфантерии М. В. Алексеева. Телеграмма была отправлена на имя всех главнокомандующих фронтами и отдельными армиями. В ней говорилось:

«Сообщаю для ориентировки: 26, в 13 часов 40 минут, получена телеграмма генерала Хабалова о том, что 25 февраля толпы рабочих, собравшиеся в различных частях города, были неоднократно разгоняемы полицией и воинскими частями. Около 17 часов у Гостиного двора демонстранты запели революционные песни и выкинули красные флаги. На предупреждение, что против них будет применено оружие, из толпы раздались несколько пистолетных выстрелов, был ранен один рядовой. Взвод драгун спешился и открыл огонь по толпе, причем убито трое и ранено десять человек. Толпа мгновенно рассеялась. Около 18 часов в отряд конных жандармов была брошена граната, которой ранен один жандарм и лошадь. Вечер прошел относительно спокойно.

25 февраля бастовало 240 тысяч человек рабочих. Хабаловым было объявлено о воспрещении скопления народа на улицах и подтверждено, что всякое проявление беспорядка будет подавляться силой оружия. По донесению генерала Хабалова с утра 26 февраля в городе спокойно. 26 в 22 часа получена телеграмма от председателя Государственной Думы Родзянко, сообщавшего, что волнения, начавшиеся в Петрограде, принимают стихийный характер и угрожающие размеры и что начало беспо-

рядков имело в основании недостаток печеного хлеба и слабый подвоз муки, внушающий панику.

27 военный министр всеподданнейше доносит, что начавшиеся с утра в некоторых войсковых частях волнения твердо и энергично подавляются оставшимися верными своему долгу ротами и батальонами. Бунт еще не подавлен, но военный министр выражает уверенность в скором наступлении спокойствия, для достижения коего принимаются беспощадные меры.

Председатель Государственной Думы 27, около полудня, сообщает, что войска становятся на сторону населения и убивают своих офицеров.

Генерал Хабалов, 27, около полудня, всеподданнейше доносит, что одна рота запасного Павловского полка 26 февраля заявила, что не будет стрелять в народ. Командир батальона этого полка ранен из толпы. 27 февраля учебная команда Волынского полка отказалась выходить против бунтовщиков, и начальник ее застрелился. Затем эта команда, с ротой этого же полка, направилась в расположение двух других батальонов, и к ним начали присоединяться люди этих частей.

Генерал Хабалов просит о присылке надежных частей с фронта. Военный министр к вечеру 27 февраля сообщает, что батарея, вызванная из Петергофа, отказалась грузиться на поезд для следования в Петроград. 27 февраля, между 21 часом и 22, дано указание главнокомандующим Северного и Западного фронтов отправить в Петроград с каждого фронта по два кавалерийских и два пехотных полка с энергичными генералами во главе бригад и по одной пулеметной команде Кольта для Георгиевского батальона, который приказано направить 28 февраля в Петроград из Ставки.

По высочайшему повелению, главнокомандующим Петроградским округом с чрезвычайными полномочиями и подчинением ему всех министров назначен генерал-адъютант Иванов.

28, около 24 часов, мною сообщено главнокомандующим о необходимости подготовить меры к тому, чтобы обеспечить во что бы то ни стало работу железных дорог.

27, после 12 часов, военный министр сообщает, что положение в Петрограде становится весьма серьезным. Военный мятеж немногими верными долгу частями погасить не удастся, и войсковые части постепенно присоединяются к мятежникам. Начались пожары. Петроград объявлен в осадном положении. 27,

в 2 часа, послана телеграмма от меня главнокомандующим Северного и Западного фронтов о направлении в Петроград, сверху уже назначенных войск, еще по одной пешей и конной батарее от каждого фронта.

28, в 3 часа, мною послана телеграмма командующему войсками Московского округа о принятии необходимых мер на случай, если беспорядки перекинутся в Москву, и об обеспечении работы железнодорожного узла и доставки продовольствия.

28 февраля, в час, от генерала Хабалова получена телеграмма на высочайшее имя, что он восстановить порядка в столице не мог. Большинство частей изменило своему долгу, и многие перешли на сторону мятежников. Войска, оставшиеся верными долгу, после борьбы в продолжении всего дня, понесли большие потери.

К вечеру мятежники овладели большей частью столицы, и оставшиеся верными присяге небольшие части разных полков стянуты у Зимнего дворца.

28 февраля, в 2 часа, военный министр сообщает, что мятежники заняли Мариинский дворец и там находятся члены революционного правительства. 28 февраля, в 8 часов 25 минут, генерал Хабалов доносит, что число оставшихся верными долгу уменьшилось до 600 человек пехоты и до 500 всадников при 15 пулеметах и 12 орудиях, имеющих всего 18 патронов (снарядов), и что положение до чрезвычайности трудное.

Головной эшелон пехотного полка, отправляемый с Северного фронта, подойдет к Петрограду примерно к утру 1 марта.

Государь император, в ночь с 27 на 28 февраля, изволил отбыть в Царское Село. По частным сведениям, революционное правительство вступило в управление Петроградом, объявив в своем манифесте о переходе на его сторону 4 гвардейских запасных полков, о занятии арсенала, Петропавловской крепости, главного артиллерийского управления.

Только что получена телеграмма от военного министра, что мятежники во всех частях города овладели важнейшими учреждениями. Войска под влиянием утомления и пропаганды бросают оружие, переходят на сторону мятежников или становятся нейтральными. Все время на улицах идет беспорядочная стрельба; всякое движение прекращено; появляющихся офицеров и нижних чинов на улицах разоряют.

Министры все целы, но работа министров, по-видимому, прекратилась.

По частным сведениям, председатель Государственного совета Щегловитов арестован. В Государственной Думе образован совет лидеров партий для сношения революционного правительства с учреждениями и лицами, назначены дополнительные выборы в Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов от рабочих и мятежных войск.

Только что получена от генерала Хабалова телеграмма, из которой видно, что фактически повлиять на события он больше не может. Сообщая об этом, прибавлю, что на всех нас лег священный долг перед государем и родиной сохранить верность долгу и присяге в войсках действующих армий, обеспечить железнодорожное движение и прилив продовольственных запасов.

28 февраля 1917 г.

Алексеев».

Телеграмма из могилевской Ставки между строк говорила, что власть в столице полностью находится в руках противников режима. Юденич приказал усилить охрану различных тыловых объектов: складов с продовольствием, вокзалов, железнодорожных мостов и государственных учреждений. Впервые были введены офицерские патрули. Приказывалось не допускать в казармы гражданских лиц, которые представлялись уполномоченными различных комитетов и партий.

Чтобы сохранить организованность армии, Юденич секретной депешей командирам тыловых и резервных частей, начальникам гарнизонов приказал принять все меры для недопущения участия военнослужащих в любых митингах и политических собраниях. Но это была во многих случаях запоздалая мера. 2 марта в Тифлис от начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего поступила новая телеграмма:

«Его величество находится в Пскове, где изъявил согласие объявить манифест идти навстречу народному желанию учредить ответственное перед палатами министерство, поручив председателю Государственной Думы образовать кабинет.

По сообщению этого решения главнокомандующим Северного фронта (генерал от инфатерии Н.В. Рузский. — *А.Ш.*) председателю Гос. Думы, последний, в разговоре по аппарату, в 3 с половиной часа 2 сего марта, ответил, что появление манифеста было бы своевременно 27 февраля; в настоящее же время этот

факт является запоздалым, что ныне наступила одна из страшных революций; сдерживать народные страсти трудно; войска деморализованы. Председателю Гос. Думы хотя и верят, но он опасается, что сдержать народные страсти будет невозможно.

Что теперь династический вопрос поставлен ребром и войну можно продолжать до победоносного конца лишь при исполнении предъявленных требований относительно отречения от престола в пользу сына при регентстве Михаила Александровича. Обстановка, по-видимому, не допускает иного решения, и каждая минута дальнейших колебаний повысит только притязания, основанные на том, что существование армии и работа железных дорог находится фактически в руках петроградского временного правительства.

Необходимо спасти действующую армию от развала; продолжать до конца борьбу с внешним врагом; спасти независимость России и судьбу династии. Это можно поставить на первом плане, хотя бы ценой дорогих уступок. Если вы разделяете этот взгляд, то не благоволите ли телеграфировать весьма спешно свою верноподданнейшую просьбу его величеству через сверху.

2 марта 1917 г., 10 ч. 15 м.

№ 1872.

Алексеев».

Юденич был срочно вызван в тифлисский дворец царского наместника. Ему вместе с великим князем Николаем Николаевичем-младшим предстояло дать ответ на имя Алексева для императора Николая II, даже потерявшего власть. Когда они обсуждали этот вопрос, из Могилева пришла новая телеграмма:

«Повторяю, что потеря каждой минуты может стать роковой для существования России и что между высшими начальниками действующей армии нужно установить единство мысли и целей и спасти армию от колебаний и возможных случаев измены долгу. Армия должна всеми силами бороться с внешним врагом, и решение относительно внутренних дел должно избавить ее от искушения принять участие в перевороте, который безболезненно совершится при решении сверху.

2 марта 1917 г., 10 ч. 15 м.

№ 1872.

Алексеев».

По согласованию с Юденичем, кавказский наместник отпра-

вил генералу М.В. Алексееву, лично принимавшему послания со всех фронтов и флотов, телеграмму следующего содержания:

«Ставка Верховного главнокомандующего. Могилев.

Генералу Алексееву.

Для государя императора лично в руки.

Генерал-адъютант Алексеев сообщает мне создавшуюся небывало роковую обстановку и просит меня поддержать его мнение, что победоносный конец войны, столь необходимый для блага и будущности России и спасения династии, вызывает принятие сверхмеры.

Я, как верноподданный, считаю, по долгу присяги и по духу присяги, необходимым коленопреклоненно молить ваше императорское величество спасти Россию и вашего наследника, зная чувство святой любви вашей к России и к нему.

Осенья себя крестным знаменьем, передайте ему — ваше наследие. Другого выхода нет. Как никогда в жизни, с особо горячей молитвой молю Бога подкрепить и направить вас.

Генерал-адъютант Николай».

В Тифлисе тогда еще не знали, что, получив из штаба Ставки телеграммы от главнокомандующих, император послал от своего имени две телеграммы. Одну — в Петроград. Вторую — в Могилев.

«Петроград.

Председателю Государственной Думы Родзянко.

Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родной матушки-России. Посему я готов отречься от престола в пользу моего сына с тем, чтобы он оставался при мне до совершеннолетия, при регентстве брата моего великого князя Михаила Александровича.

Николай».

Вторая телеграмма была адресована одному из главных инициаторов свержения династии (вместе с Рузским) генералу от инфантерии Михаилу Васильевичу Алексееву, который в конце того же 1917 года станет одним из зачинателей Белого движения и Гражданской войны в России:

«Наштаверх. Ставка.

Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России я готов отречься от престола в пользу моего сына.

Прошу всех служить ему верно и нелицемерно.

Николай».

Кавказ был далек от тех событий, которые происходили в Петрограде и Могилеве и в императорском поезде, который находился под Псковом. Там «дела творились» небольшой группой заинтересованных людей. Действующие армии сражались, а их далекие тылы в столице и крупных городах митинговали. Поздно вечером 2 марта в Тифлис пришел высочайший манифест об отречении Николая II от российского престола. Он гласил:

«Ставка.

Начальнику штаба.

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу было угодно ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага.

В эти решительные дни в жизни России почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думой, признали мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с себя верховную власть.

Не желая расставаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на Престол Государства Российского. Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу.

Во имя горячо любимой родины призываю всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ним, повиновению царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.

Николай.

Г. Псков.

2 марта 15 час. 5 мин. 1917 г.

Министр императорского двора

Генерал-адъютант граф Фредерикс».

Юденичу не придется прочитать то, что записал отрекшийся от престола последний всероссийский монарх в своем личном дневнике, изданном гораздо позднее:

«2-го марта. Четверг.

Утром пришел Рузский и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будет бессильно что-либо сделать, так как с ним борется социал-демократическая партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. К 2¹/₂ ч. Пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии, нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого.

Кругом измена и трусость и обман!»

О последних царских указах, последовавших в первые февральские дни, белоэмигрант генерал А.С. Лукомский в своих мемуарах скажет следующее:

«Перед отречением от престола государь написал указ об увольнении в отставку прежнего состава Совета министров и о назначении председателем Совета министров князя Львова.

Приказом по армии и флоту и указом Правительствующему сенату Верховным главнокомандующим государь назначил великого князя Николая Николаевича.

Все это с курьером было послано в Ставку для немедленного опубликования».

Кавказский наместник, теперь уже бывший, покинул Тифлис. Но принять во второй раз Верховное командование великому князю Николаю Николаевичу-младшему Романову не довелось. 11 марта он был отчислен от должности, так и не приступив к исполнению обязанностей. В дальнейшем он жил в Крыму, а в марте 1919 года эмигрировал из России на английском линко-

ре «Мальборо» в Италию, затем переехал во Францию, где и скончался в январе 1929 года.

Николаю II не удалось передать императорскую власть другому Романову. Великий князь Михаил Александрович тоже отрёкся от престола. Власть в России перешла в руки Временного правительства. На фронтах с нетерпением и настороженностью ждали его первых шагов.

3 марта генерал от инфантерии Н.Н. Юденич назначается исполняющим делами главнокомандующего кавказскими войсками.

Вскоре было объявлено о создании нового фронта — Кавказского. Он же фактически уже существовал с начала Великой войны благодаря своей оторванности от Русского (или Западного) фронта. 3 апреля его главнокомандующим назначается полководец Николай Николаевич Юденич.

В его лояльности Временному правительству, русской армии и России в Петрограде особо не сомневались. За это говорило два немаловажных обстоятельства.

Во-первых, за Юденича говорил его полководческий авторитет, одержанные на Кавказе блистательные победы над турецкими армиями Энвер-паши. Его имя пользовалось широкой известностью в стране и в высшем военном и политическом руководстве Антанты.

Во-вторых, боевой генерал во время смутных февральских событий вел себя более чем благоразумно. Он не встал в ряды защитников свергаемой династии и не выражал публично никакого сочувствия отрешившемуся под давлением Алексея, Руцкого и думских политиков Николаю II. То есть командующий Отдельной Кавказской армией занял позицию «позитивного нейтралитета».

Собственно говоря, Николай Николаевич Юденич и до того (при царских наместниках Воронцове-Дашкове и великом князе Николае Николаевиче-младшем) фактически являлся кавказским главнокомандующим. Отдельной армией командовал именно он, а не хозяин тифлисского наместнического дворца. Но как ни парадоксально, именно смута стала временем падения полководца Юденича. На то нашлись веские причины.

Вступление его в должность главнокомандующего Кавказского фронта стало делом чисто формальным: штаб, размещавшийся в Карсе, из армейского превратился во фронтовой. Еще

не иссяк поток поздравительных телеграмм, как Юденичу пришлось решать задачи из разряда трудных. Все началось с положения дел в экспедиционном корпусе Баратова.

Части генерала Н.Н. Баратова, вышедшие в долину реки Ди-яла, заметно оторвались от тыловых баз и сильно удлиненили свои коммуникации. Это стало следствием резкого ухудшения и без того проблемного снабжения провиантом, фуражом и боеприпасами. Командующий союзной английской армией, действовавший в Месопотамии, проигнорировал союзнические обязательства, отказался помочь русским продовольствием.

Юденич, как командующий фронтом, по официальным каналам связи обратился к союзникам о помощи для Экспедиционного корпуса в Персии, но получил вежливый отказ. Начиная сезон жары, которая уже приносила в баратовские войска вспышки эпидемии малярии. В пехотных батальонах из-за заметного ухудшения условий фронтовой жизни началось «брожение».

Лондон, который заботился прежде всего о положении британских войск на Ближнем Востоке, проигнорировал и повторное обращение к нему, которое теперь исходило из Ставки. Тогда Юденич в своих донесениях указал на то, что настроение кавказских войск в силу известных причин определяется как «неустойчивое». Комиссары Временного правительства на это телеграфом ответили, что главнокомандующему Кавказским фронтом следует для достижения новых побед «использовать революционный порыв вверенных ему людей».

Секрета позиции британских союзников сохранить в штабе фронта не удалось. Скорее всего, этого и не делали. Вскоре Юденич получил очередную радиограмму от упорного Баратова. Из Персии в крепость Карс сообщалось о чрезвычайном происшествии:

«Созданный в корпусе солдатский комитет самочинно арестовал представителя английского военного атташе при корпусе капитана Грея».

Солдатский корпусной комитет удалось без труда убедить в том, что английского офицера следует освободить из-под ареста. Капитану Грею принесли официальные извинения. Но этот случай показал, что ситуация в рядах Экспедиционного корпуса весьма осложнилась. Это вынудило главнокомандующего на Кавказе отдать приказ о прекращении наступления к границам

Месопотамии (Ирака) и с 6 марта перейти по всей линии фронта к обороне.

Но это было еще не все. Одновременно 1-й и 7-й Кавказские армейские корпуса отводились в районы с лучшими условиями квартирования. Благодаря такому шагу Юденич «избавлялся» от митинговых страстей в этих корпусах и сохранял боевой дух войск.

Временное правительство, настроенное на ведение войны, до победного конца, естественно, приняло такие меры главнокомандующего Кавказского фронта, что называется, «в штыхы». И было отчего: Антанта, дела которой на Французском и Итальянском фронтах складывались не самым лучшим образом, усилили нажим на новую власть в Петрограде. Речь шла и о Кавказе.

В Карс из Петрограда и Могилева пошел поток телеграмм, тон которых постоянно менялся — от просительного до повелительного. Но их тон говорил о том, что Временное правительство тоже теряет власть в государстве. Русскую армию, которая сражалась на уже пяти фронтах (не считая Салоникского и Французского) поражало много из того, что творилось в далеком от них столичном Петрограде. За один неполный 1917 год в России на политическом небосклоне Временного правительства мелькнули имена шести (!) военных министров.

Для мировой военной истории это был редчайший случай. Сперва генерала от инфантерии А.А. Поливанова сменил генерал от инфантерии Д.С. Шуваев. Того сменил генерал от инфантерии М.А. Беляев, который пробыл во главе Военного ведомства чуть более одного месяца. Его сменил председатель Государственной думы А.И. Гучков, человек гражданский, но имевший опыт англо-бурской войны, в которой он доблестно сражался на стороне врагов британской короны. Гучков занял сразу два поста — военного и морского министров.

Временное правительство все время видоизменялось в своем составе. 5 мая на смену Гучкову пришел амбициозный «министр-председатель и социалист» А.Ф. Керенский. Его сменил генерал-майор А.И. Верховский, последний военный министр старой России. До этого он в звании полковника командовал войсками Московского военного округа, много лично сделав для подавления выступления Верховного Главнокомандующего России, сына простого сибирского казака генерала от инфантерии Лавра Георгиевича Корнилова. После Октября революционно на-

строенного генерала Верховского отправили в двухнедельный отпуск, вернувшись из которого он узнал, что его должность Советом Народных Комиссаров (СНК) упразднена. Началась служба в Красной армии. В 30-х годах последовал арест и смертный приговор Военной коллегии Верховного суда СССР за антисоветскую деятельность, которую, естественно, репрессированный не вел.

Чтобы оправдать свои действия по «сворачиванию» наступательной активности на Кавказском фронте, Юденич написал докладную записку новому Верховному главнокомандующему России генералу от инфантерии М.В. Алексееву. В нем он ратовал за ведение позиционной обороны. Думается, что Алексеев не мог не согласиться с представленными доводами. Но реакция Временного правительства на доклад Юденича была совсем иной и незамедлительной: там усмотрели в нем «брожение умов» и «политическую ненадежность».

7 мая 1917 года Н.Н. Юденич, пробыв в должности главнокомандующего Кавказским фронтом чуть больше месяца, был снят как «сопротивляющийся указаниям Временного правительства». Формулировка причин отставки говорила сама за себя. Той же телеграммой он отзывался в Петроград. Там считали, что его дальнейшее пребывание на Кавказе чревато опасностью для новой, демократической власти.

Последними шагами Николая Николаевича на посту главнокомандующего фронта, еще не сдавшего дела своему приемнику, стало подписание ряда наградных приказов и отправка поздравительных писем по такому случаю. Так, в письме одному из героев русской армии в Первой мировой войне на Кавказе Андранику Сасунскому, будущему командиру армянской дивизии говорилось:

«Милостивый государь, господин Андраник!

С началом войны Вы были привлечены к боевой деятельности на Кавказском фронте. Сформировав 1-ю армянскую дружину, вы с ней принимали участие в ряде боев, в которых проявили личную храбрость, умение разобраться в боевой обстановке и искусное ею управление.

Считаю приятным для себя долгом выразить Вам за Вашу деятельность мою искреннюю признательность.

Примите уверение в совершенном моем уважении и таковой же преданности.

Георгиевский крест второй степени № 25255, которым Вас награждаю, при сем посылаю.

Н. Юденич».

Николаю Николаевичу было больно и обидно расставаться с кавказскими войсками, с которыми он так победно начинал Первую мировую войну, с героями Сарыкамыша и Эрзерума. Именно на Кавказе полководец приобрел собственное «лицо». Одержанные победы принесли Юденичу не только три ордена Святого Георгия, но и широкую известность в России, авторитет у союзников и неприятеля. Неумолимый ход Русской смуты превратил кавказского полководца из национального военного героя в политического изгоя.

Новым главнокомандующим Кавказским фронтом стал генерал от инфантерии Михаил Алексеевич Пржевальский, боевой соратник Юденича. Свое последнее генеральское звание командир 2-го Туркестанского армейского корпуса, обладатель двух орденов Святого Георгия (4-й и 3-й степеней), получил за взятие у турок хорошо укрепленного Байбурта. Так что командование кавказскими войсками Николай Николаевич передавал в надежные руки.

При Пржевальском на Кавказском фронте уже не происходило больших событий: линия соприкосновения сторон почти не менялась. В октябре 1917 года Пржевальского на посту командующего сменил генерал-лейтенант И.З. Одишелидзе. 18 декабря 1917 между Советской Россией и Турцией было заключено перемирие.

В Петроград опальный полководец по железной дороге прибыл во второй половине мая. Столица встретила его длиннющими очередями за хлебом, листовками, в которых требовалась отставка «временных» и конца войне, и видом разложившегося огромного столичного гарнизона. Воинская честь не отдавалась даже генералам, зато какие-то штатские личности свободно проходили мимо часовых, сидевших на стульях, в казармы.

Военный и морской министр А.И. Гучков лично принял Юденича: в Военном ведомстве авторитетного полководца решили не отправлять в полную отставку. Но Гучков принял его более чем холодно. Такой же оказалась встреча и в Генеральном штабе. В Петрограде Николай Николаевич задержался всего на три дня и затем уехал в родную для него Москву, где его уже ждала семья.

В первопрестольной русской столице Юденичу пребывать в положении заслуженного отставного генерала долго не пришлось. Толчком стало посещение парада войск Московского гарнизона и страстное выступление на нем Александра Федоровича Керенского, который ратовал за победное продолжение войны с Германией и ее союзниками. Николай Николаевич решил попытаться вернуться в армейский строй, на фронт.

Свою личную просьбу он решил высказать новому Верховному главнокомандующему генералу от кавалерии А.А. Брусилову, который недавно сменил на этом посту Алексеева. Тот попал в опалу Временному правительству за речь, произнесенную на Первом офицерском съезде, проходившем в Москве. Тогда тот резко осудил политику «временных», которая губительно вела к полному разложению армии и флота.

В Могилев Юденич приехал 17 июня. Поездка в Ставку закончилась полной неудачей. Николай Николаевич надеялся увидеть в Брусилове прежде всего боевого полководца и выпускника Пажеского Его Величества корпуса и генерал-адъютанта Свиты Его Императорского Величества. Но перед ним оказался совсем иной человек — «революционный генерал», протезе самого Керенского. Был известен случай, когда в городе Каменец-Подольский толпа носила его в красном кресле.

В Ставке свою «революционность» Брусилов продемонстрировал в первый же день своего появления. Для торжественной встречи нового Верховного Главнокомандующего России был выстроен караул Георгиевского пехотного батальона. Он был сформирован еще при императоре Николае II из фронтовиков — нижних чинов и офицеров, которые за доблесть в боях стали Георгиевскими кавалерами.

Брусилов, обходя строй почетного караула, пожал руку каждому солдату, но не поздоровался ни с одним из офицеров батальона, тоже заслуженными фронтовиками. Юденич слышал о таком поразительном случае, но поверить в него не захотел.

Служивший у Алексеева и Брусилова начальником штаба Ставки Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант А.И. Деникин о новом своем начальнике в эмигрантских мемуарах «Очерки Русской смуты» писал следующее:

«Назначение генерала Брусилова знаменовало собой окончательное обезличивание Ставки и перемену ее направления: безудержный и ничем не объяснимый оппортунизм Брусилова, его

погоня за революционной репутацией лишили командный состав армии даже той, хотя бы чисто моральной опоры, которую он видел в прежней Ставке».

Юденич не без труда добился приема у равного по званию генерала Брусилова. Встреча прошла в том самом кабинете, в котором Николаю Николаевичу не раз приходилось бывать на высоких совещаниях. Брусилов и комиссары Временного правительства с самого начала дали понять опальному полководцу, что в Ставке он нежеланный гость.

Из Могилева Юденич возвратился в Москву подавленным, в самых расстроенных чувствах. Он на какое-то время «закрылся в себе», став сторонним наблюдателем происходивших событий. Но в таком состоянии деятельный, энергичный человек не мог пребывать долго. Опальный военный вождь словно взял себе время для окончательного выбора и определения жизненных поступков на ближайшее будущее.

Ясно было одно: Русская армия под воздействием революционной пропаганды и агитации разваливалась прямо на глазах. На фронте шло братание с германцами.

Лично для кавказского полководца трагедия заключалась в следующем. Он еще с юнкерских погон смотрел на армию как на инструмент, определяющий мощь государства, чему отечественная история давала много великих примеров. Теперь этот «стальной» инструмент был настолько изъеден «ржавчиной», что перестал отвечать своему многовековому предназначению.

Естественно, что Октябрьский переворот в Петрограде оставивший полный генерал Юденич не принял. Да и не мог принять по одной простой, но все определяющей причине: старая Русская армия, службе в которой он отдал всю свою сознательную жизнь, по воле новой власти перестала существовать. Затем последовал сепаратный Брест-Литовский мир.

Времени на выбор дальнейшего жизненного пути у Юденича, по сути дела, не оставалось. Советская власть выкинула на всю страну лозунг: «Кто не с нами, тот против нас». Семейство Юденичей переезжает на новое местожительство, в город на Неве. Там Николай Николаевич ни в каких политических акциях не участвовал, хотя и не стоял в стороне от нарождавшегося Белого движения.

Ему было известно, что хорошо знакомый бывший начальник штаба и глава Ставки М.В. Алексеев с середины октября

начал формировать первоначально в столице подпольную военную структуру, так называемые офицерские пятерки. На их базе в скором времени была создана «Алексеевская организация», ставшая основой белой Добровольческой армии.

Юденич не числился среди ее членов, но, вне всякого сомнения, знал о ней, ее целях и задачах. Но он уже к тому времени вполне определился в своих жизненных поступках. Николай Николаевич решил вести борьбу за возрождение старой России и Русской армии не на вольном казачьем Юге, как о том возвестил генерал от инфантерии Алексеев в своем воззвании из Новочеркасска:

«Русская государственность будет создаваться здесь.

Обломки старого русского государства, ныне рухнувшего под небывалым шквалом, постепенно будут пробиваться к здоровому государственному ядру юго-востока».

Юденич решил начать свою борьбу против Советов, «могильщиков» старой России на ее Северо-Западе, веря в то, что здесь найдется достаточно сил для формирования той военной силы, которая могла бы очистить от большевиков и их союзников левых эсеров эту часть державы вместе с ее петровской столицей.

Юденич хотел найти себе достойное место в начинающейся Гражданской войне, которая испепелила России, расколов ее на Красных и Белых. В той борьбе кавказскому полководцу суждено было проиграть. Но из Русской смуты он вышел в изгнание, в белую эмиграцию с незапятнанной офицерской и дворянской честью.

ГЛАВА 8

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ. СЕВЕРО-ЗАПАД РОССИИ

Первое, с чего начал новоявленный «классовый» враг Советской власти белогвардейский генерал Н.Н. Юденич, стал переход на нелегальное положение. Он поселился в квартире адмирала Хоменко на Кронверкском проспекте на Петроградской стороне. С Хоменко он был знаком по Трапезундской наступательной операции, в которой тот командовал морскими силами во время высадки десанта.

Собственно говоря, таиться в столичном обществе было сложно. Его жена, Александра Николаевна, вспоминала такой случай. Как-то раз ее супруг зашел в банк, чтобы взять какую-то сумму из своих сбережений. Служащие узнали его и посоветовали взять все деньги с его счета на руки и продать собственный дом в Тифлисе. Генерал послушал добрых советов, обеспечив себя денежными средствами на некоторое время вперед, в том числе и на начало эмигрантской жизни.

В столице у Юденича оказался довольно широкий круг знакомых среди офицерства, по большей части изгнанных из рядов армии и флота за свои политические взгляды. Николай Николаевич исподволь стал готовить антибольшевистское восстание в столице, но достаточно скоро убедился в его невозможности.

Были установлены хорошие связи с Гвардейской офицерской организацией. В ее состав входили кадровые офицеры расформированных Советским правительством полков Русской гвардии — Преображенского, Семеновского, Измайловского, Егер-

ского, Московского, Гренадерского, Павловского, Финляндского, Стрелковых — 1-го, 2-го Царскосельского, 3-го и 4-го, Кавалергардского, Конно-гренадерского, 1-го и 2-го Кирасирских и других, составлявших до 1914 года ядро петроградского гарнизона и войск столичного военного округа.

Войска Гвардии были полностью расформированы к весне 1918 года. Сохранился лишь один лейб-гвардии Семеновский (резервный) полк, но под новым названием: «Полк по охране города Петрограда». С его подпольной офицерской организацией Юденич поддерживал через курьеров связь и тогда, когда оказался в Финляндии. В этой деятельности ему помогли полковник Г.А. Данилевский и верный адъютант поручик Н.А. Покотило, родственник его жены.

Гвардейская офицерская организация за время своего существования отправила на Юг России немало офицеров-фронтовиков. Они тайно пробирались в столицу Донского казачьего войска город Новочеркасск, где два бывших Верховных главнокомандующих России генералы от инфантерии М.В. Алексеев и Л.Г. Корнилов формировали белую Добровольческую армию. В ее рядах оказалось много офицеров (не говоря уже о казаках) Отдельной Кавказской армии.

Юденич внимательно следил не только за событиями внутри России, но и за внешнеполитической ситуацией вокруг нее. Ему становится доподлинно известно, что недавний противник России в мировой войне — кайзеровская Германия готова пойти на консолидацию внутренних антибольшевистских сил. Естественно, что Берлин не собирался свергать Советскую власть кровью своих солдат. Николай Николаевич встретился с ротмистром П. фон Розенбергом, родом из немецких прибалтийских баронов. Этот член Гвардейской офицерской организации в июле 1918 года имел беседу с официальными посланцами Германии в лице петроградской Прибалтийской миссии.

Ротмистру фон Розенбергу было заявлено, что германское командование готово начать в оккупированной части России формирование русских добровольческих частей для наступления на красный Петроград. Для этой цели оно готово вступить в контакт с тайными антибольшевистскими организациями. Сама же Германия наступать на Питер не собиралась: мировая война для нее на Французском, Итальянском и других фронтах еще не закончилась.

Юденича из всей этой конфиденциальной информации заинтересовало одно: Берлин был готов оказать содействие созданию одной из белых армий на северо-западе России — в Прибалтике, оккупированной немецкой армией. Но тогда Николай Николаевич не знал многого в той игре, которую вел Берлин. Он не знал, к примеру, как высокопоставленный кайзеровский чиновник, статс-секретарь фон Кюльман инструктировал германского посла в Москве:

«Используйте, пожалуйста, крупные суммы, поскольку мы чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы большевики выжили.

Мы не заинтересованы в поддержке монархической идеи, которая воссоединит Россию».

Далекий от политических игр и дипломатических интриг, Н.Н. Юденич решил использовать «желание» Берлина подействовать Белому движению. Сойдясь с Н.Е. Марковым, одним из руководителей «Комитета петроградских антибольшевистских организаций» — отделением небезызвестного «Правого центра», они решили дать гвардейскому ротмистру П. фон Розенбергу полномочия на ведение переговоров с немецкой стороной.

В итоге родился проект создания белой добровольческой армии на Северо-Западе. Среди его пунктов обращали на себя внимание следующие:

«Формирование армии должно производиться под прикрытием германских оккупационных войск.

Командующим армией, с диктаторскими полномочиями, должен быть назначен русский генерал с популярным боевым именем, причем желательным было бы назначение генерала Юденича, генерала Гурко или генерала графа Келлера.

В одном из городов оккупированной области, перед началом формирования, должен быть созван Русский монархический съезд, имеющий своей задачей выделить из своего состава Временное правительство России.

Армия по окончании формирования должна быть приведена к присяге законному царю и Русскому государству.

Все установления политического характера должны быть выяснены на монархическом съезде и утверждены избранным Временным правительством».

Юденич согласился с содержанием этого проекта, заявив о себе в Белом движении как сторонник восстановления россий-

ской монархии. Стороны остались довольны ходом переговоров, и германский эмиссар покинул Петроград, убыв в литовский город Ковно (ныне Каунас). Там находилась Главная квартира германского военного командования на Востоке. Ротмистр Розенберг становится связующим между сторонами, часто пробираясь в город Псков, оккупированный тогда немецкими войсками.

Договоренность о совместной борьбе против «Совдепии» дала возможность антибольшевистским организациям Петрограда начать переброску через демаркационную линию белых добровольцев. За неделю их набиралось до двух десятков человек. В Пскове они поступали в распоряжение городского русского комендантского управления, открытого при штабе расквартированной здесь 5-й германской пехотной дивизии. Одним из организаторов такой переброски стал инженер М.Ф. Гарденин, лично знавший Юденича.

Командование оккупационных войск действительно оказывало добровольцам «посильную» помощь. Им разрешили оборудовать общежитие, которое было выделено в бывшем офицерском собрании псковского гарнизона на Сергиевской улице. Однако в то время, когда деникинская Добровольческая армия вела на Юге России ожесточенные бои с Красной армией, белые добровольцы в Пскове находились в полном бездействии, что вызывало у них протест против «томительной» политики своего руководства.

Находясь на нелегальном положении, Юденич был хорошо осведомлен о таких настроениях. Это скорее всего и подтолкнуло его к мысли о необходимости скорее покинуть Петроград и оказаться за пределами Советской России, чтобы возглавить Белое дело на Северо-Западе. К тому же органы ВЧК начали проводить масштабные облавы в поисках подпольных белогвардейских организаций и просто «враждебных классовых элементов».

Подробности переправы Н.Н. Юденича и его супруги за кордон, имена белых подпольщиков, участвовавших в этой операции, стали известны почти через 80 лет после рассекречивания части архивных документов ВЧК 20-х годов по белой военной организации. В одном из таких документов говорилось:

«Сводка иностранного отдела ВЧК о разведывательной деятельности В.Г. Орлова.

Иностраннный отдел ВЧК. Получено 1 февраля 1922 г.

№ 370. Сов. секретно.

От нашего резидента в Эстонии.

Первоисточник — (не указано).

Степень достоверности — (не указано).

Копии разосланы:

1) т. Пиляру.

2) т. Прокофьеву.

3)

4)

Начино ВЧК

Уполномоченный

О РАЗВЕДКЕ ВРАНГЕЛЯ

Ведение разведывательной работой за границей штабом генерала Врангеля поручено Орлинскому (настоящая фамилия Орлов).

В царское время он был командирован в ставку следователем по важнейшим делам. В его компетенцию входили дела о шпионаже, измене и т.д. Орлов одно время был помощником известного в царское время следователя по особо важным делам Александра.

Также он принимал участие во время войны в комиссии Батюшина в расследовании по делу полковника Мясоедова и др.

После октябрьского переворота он получает место председателя Уголовной комиссии, которая помещалась на Фонтанке в быв(шем) доме жандармской полиции (у моста, у Летнего сада). Параллельно Орлов под фамилией Орлинский служит у англичан, все время отправляя и руководя пунктами по отправке офицеров в Архангельск. Связь он поддерживает с ныне расстрелянным Экеспарре Алекс. Алекс. и Жижиным Ник. Ник.

После разгона английского консульства в Петрограде и убийства лейтенанта Крами денежные отпуска на работы прекратились, вследствие чего было решено дальнейшее существование группы поддерживать налетами, для чего воспользовались группой быв(ших) морских офицеров Вас. Вас. Тихомирова, состоящей из 30 человек офицеров, юнкеров и кадет. Ими был произведен ряд налетов, но вскоре (в конце 1918 года) Тихомиров был вынужден бежать из Петрограда.

Орлов входит в контакт с имеющейся в Петрограде белогвардейской организацией и начинает работать у них, которая и продолжается вплоть до января 1919 года. Во главе этой организации был А.А. Алеман, бывший офицер, финский подданный. Организация помещалась на Гончарной улице в доме финского подданного (кажется, 14) и на Литейном проспекте, 35.

В составе организации были А.А. Муранек, Трантман (расстрелян), Ф.Ф. Дигель, Сильфорс и другие. Имелись большие средства как от финнов, так и немцев (Бартелс — консул в Швеции). Организация в январе 1919 года выбыла в Финляндию, сохранив связь с Питером (через пропускной пункт в Белоострове).

Ими были перевезены из Питера: генерал Юденич с женой (Трантман и Шувалов), ген(ерал) Арсеньев и др. Ординский бежал также в Финляндию, оттуда перебросился к Деникину, где получил пост завед(ующего) контрразведкой и разв(едкой). При Врангеле командирован в Берлин, где находится ныне, руководя работой для Врангеля не через Миллера, коему посылает копии. Его адрес: Берлин, Шарлоттенбург, Пивбурштрассе, 71 (...) Псевдонимы: Орест Боровий, Вячеслав Орбанский.

В настоящее время поддерживает связь с Бартелсом, адрес коего: Берлин, Вильгельмштрассе 64 (...) Прилагаю при сем переписку между Орловым и нашим осведомителем.

С подлинным верно.

Копия с копии верно: сотр. д. п. (Подпись неразборчива)».

Вполне возможно, что Юденич еще какое-то время «проработал» в городе на Неве на Белое дело. Но тайные антибольшевистские и особенно офицерские организации в Петрограде оказались под ударом ВЧК. По свидетельству дочери члена Реввоенсовета Республики С.И. Гусева (Драбкина), которая осенью 1919 года участвовала в «массовой облаве в центральных кварталах Москвы», член коллегии ВЧК М.Я. Лацис наставлял участников облавы:

«Он говорил о том, что за последнее время отмечено немало случаев предательства, измены, шпионажа, перехода на сторону врага. За всем этим, несомненно, угадывается широкий контрреволюционный заговор. Недавний случай предательства на Красной Горке, измены на Карельском участке Северного фронта, заговор в Петрограде, о раскрытии которого сообщалось в газетах, — все это звенья одной цепи».

Была и причина, которая могла удерживать Юденича в северной столице России. Там он получил опыт работы по началу формирования небольшой белой армии. Речь идет о так называемой Ингерманландской армии, которая окончательно оформилась в начале 1919 года. Ее отряды состояли из местных крестьян-карелов, которыми командовали русские и финские офицеры. Эта армия, оставившая в истории Гражданской войны мало заметный след, непродолжительное время действовала на Карельском перешейке.

В Финляндии генерал от инфантерии Н.Н. Юденич, уже не скрываясь, остановился в столичном Гельсингфорсе (ныне Хельсинки). Обстановка здесь для политической и организаторской деятельности довольно многочисленной белой эмиграции оказалась самой благоприятной.

В Финляндии, получившей в декабре 1917 года от Советской России признание национальной независимости, только что закончилась собственная Гражданская война. Белая гвардия (белофинны) и германский экспедиционный корпус разгромили Финскую Красную гвардию и вытеснили ее в пределы «России». Последние выстрелы кровавой междоусобицы прогремели в приграничном городе Выборге. За ним начиналась советская территория.

С Советской властью было покончено и в Прибалтике. Главную роль здесь сыграли германские оккупационные войска, которые на местах вводили свою военную администрацию. Так, город Ригу захватили части из 6-го резервного корпуса генерал-майора графа фон дер Гольца, ставшего в 1934 году фюрером Немецкого имперского союза бывших офицеров.

В Гельсингфорсе Юденич познакомился с окончательными условиями формирования русской добровольческой армии Северо-Запада на прибалтийских территориях, которые были оккупированы Германией. Ее на переговорах представляли два майора Генерального штаба: Э. фон Клейст (будущий генерал-фельдмаршал гитлеровской армии) и фон Тресков (начальник штаба группы армий фон Бока в 1941—1942 годах и стоявший у истоков создания РОА генерала Власова, казненный в 1944 году). В состав «белой» делегации на переговорах в Пскове с немецкой стороной входили Линде, ротмистры Розенберг и Гиршельман, капитан Тарновский.

Условия создания военных сил Белого движения на российском Северо-Западе в окончательном варианте гласили:

«1. Русская добровольческая Северная армия, по соглашению с Императорским Германским правительством и при посредстве Главного Германского военного командования на востоке, начинает свое формирование 10 октября 1918 года.

2. Районом формирования указанной армии назначаются оккупированные части Псковской и Витебской губерний — с городами Псков, Остров, Изборск, Режица и Двинск.

3. Формирование армии будет происходить в названном районе под прикрытием немецких оккупационных войск.

4. Армия будет комплектоваться:

а) местными русскими офицерами и добровольцами;

б) таковыми же перебежчиками из Советской России;

в) таковыми же из других оккупированных германцами русских областей;

г) таковыми же военнопленными, находящимися в Германии.

5. Командующим армией, с диктаторскими полномочиями, назначается русский генерал с популярным боевым именем, желательно, при согласии — генерал Юденич, генерал Гурко или генерал граф Келлер.

6. Денежные средства на содержание армии отпускаются германским правительством заимообразно Русскому государству.

7. Вооружение, снаряжение, шанцевый инструмент, обмундирование, продовольствие и технические средства даются германским правительством.

8. Армия по окончанию формирования приводится к присяге Законному Царю и Русскому государству.

9. На формирование армии дается срок не менее двух с половиной месяцев.

10. По сформировании армии германские войска отходят на новую демаркационную линию и сдают старую русским войскам.

11. За месяц перед своим отходом германские военные и гражданские власти сдают все управление армейским районом таковым же русским властям.

12. При армии остаются для связи три германских офицера.

13. Германские войска при наступлении не участвуют в подавлении большевизма, но следуют за армией для поддержания внутреннего порядка и престижа власти.

14. После занятия Петербурга объявляется военная диктатура, причем диктатором будет командующий Северной армией.

15. Задачи армии:

а) защита указанного выше армейского района от большевистского нашествия;

б) движение вперед для взятия Петрограда и свержения большевистского правительства;

в) водворение порядка во всей России и поддержка законного русского правительства».

Из этого документа видно, что добровольческая Северная армия формировалась на совершенно иных принципах, чем создавались белые армии на Юге России во главе с генералами Корниловым, Алексеевым и Деникиным, в Сибири адмирала Колчака и на Русском Севере — генерала Миллера. Отличие заключалось прежде всего в утверждении монархической идеи, сторонником которой был Юденич. Именно в восстановлении династического правления в Отечестве он видел путь для его спасения и возрождения.

Белая добровольческая Северная армия, согласно вышеуказанному документу, должна была присягнуть «Законному Царю». Но к тому времени отрекшийся от престола император Николай II вместе с семьей, наследником цесаревичем Алексеем и близкими людьми был уже расстрелян в городе Екатеринбурге по прямому указанию В.И. Ленина и Я.М. Свердлова. Поэтому новый всероссийский государь должен был быть назван «Русским Монархическим Съездом».

Сам Юденич лично не претендовал на пост командующего добровольческой Северной армией, хотя к тому времени он уже мог считаться неформальным лидером Белого движения на российском Северо-Западе. Показательно в этом отношении его письмо А.И. Деникину, командующему Добровольческой армией:

«Я обращаюсь к Вам с просьбой — помогите мне. Не можете уделить из имеющихся у Вас средств — я знаю, до последнего времени Вы сами во всем нуждались, — убедите наших представителей в Париже, убедите союзников, сообщите — я отойду в сторону, передав дело другому, но не губите самое дело».

В последних словах и заключается жизненная позиция Николая Николаевича Юденича, которому в Гражданской войне, как и в Первой мировой на Кавказе, были чужды карьерные, честолюбивые помыслы. Во всяком случае, он не «рвался» в бе-

лые командующие. На эту должность он лично прочил 61-летнего генерала от кавалерии графа Федора Артуровича Келлера. Среди командования Русской армии племянник героя Русско-японской войны графа Ф.Э. Келлера (чем очень гордился) являлся заметной, популярной фигурой.

С началом Русско-турецкой войны 1877—1878 годов юный граф Келлер оставил стены Тверского кавалерийского училища и записался добровольцем в армию. За личную храбрость был награжден солдатскими Георгиевскими крестами 3-й и 4-й степеней. Во время первой Русской революции 1905—1907 годов исполнял обязанности временного Калишского генерал-губернатора. В этом польском городе был ранен и контужен взрывом бомбы, брошенной в него террористом-социалистом.

Первую мировую войну граф Ф.А. Келлер начал командиром 10-й кавалерийской дивизии. Прославил свое имя в ходе Галицийской битвы, особенно в боях под городом Яворовым. Весной 1915 года у Баламутовки и Ржавенцев провел знаменитую кавалерийскую атаку силой 90 (!) эскадронов и казачьих сотен возглавляемого им 3-го корпуса. Корпус состоял из трех дивизий: 10-й кавалерийской, 1-й Донской казачьей и 1-й Терской казачьей. В том бою в плен попало около 4 тысяч австро-венгров. Генерал от кавалерии среди многих боевых наград имел ордена Святого Георгия 4-й и 3-й степеней.

Граф Келлер среди русского генералитета являлся убежденным монархистом. Узнав об отречении Николая II, он послал ему личную телеграмму, предлагая свои услуги и вверенный ему корпус для подавления мятежа в столице. Однако последний Романов не рискнул пойти на такие крутые меры ради спасения своей династии: он не желал пролития крови своих вчерашних подданных.

Командир 3-го конного корпуса отказался приводить своих подчиненных к присяге Временному правительству, за что был изгнан из армии. Поселившись в Харькове, он не принял предложения ехать на Дон и вступить в ряды Добровольческой армии. Келлер переехал в Киев, где был назначен гетманом П.П. Скоропадским главнокомандующим войсками на территории Украины с подчинением ему местных гражданских властей. Но с этой должности убежденный монархист был переведен на другую.

Генерал от кавалерии Келлер согласился стать во главе добровольческой Северной армии, но выехать из Киева не успел.

Он взял на себя оборону города от войск Симона Петлюры. Но поскольку защита Киева стала невозможной из-за малочисленности сил, приказал своим отрядам разойтись по домам. Герой Первой мировой армии, «рыцарь чести», 21 декабря 1918 года был убит петлюровцами выстрелом в спину на киевской Софийской площади у памятника Богдану Хмельницкому.

По приезде в Гельсингфорс, Юденичи поселились в загородном доме тестя и тещи инженера М.Ф. Гарденина. В этом доме проходили «все самые секретные совещания» белой эмиграции в Финляндии. Затем Н.Н. Юденич переехал в самую столицу, где тогда действовал «Особый комитет по делам русских беженцев». Им руководили бывший премьер-министр России А.Ф. Трепов и князь В.М. Волконский, бывший товарищ председателя Государственной Думы двух созывов.

В Гельсингфорсе Н.Н. Юденич близко сошелся с генерал-лейтенантом, командиром 12-й кавалерийской дивизии (он принял ее от раненого генерала Каледина) бывшей российской Императорской армии Карлом Густавом Эмилом Маннергеймом. Шведский барон во время Гражданской войны в Финляндии командовал Белой гвардией, основу которой составил 27-й егерский батальон германской армии, сформированный в ходе Мировой войны из финнов. Юденича и Маннергейма связывало близкое знакомство по годам учебы в Николаевской академии Генерального штаба.

Бывший царский генерал с 12 декабря 1918 года являлся главой государства, регентом и главнокомандующим Финляндии. До этого финский парламент избрал королем своей страны гессенского принца Фридриха-Карла, ближайшего родственника германского императора Вильгельма II. Но поражение Германии и ее союзников в Первой мировой войне спутало все карты парламентариев и Финляндия так и не стала еще одним скандинавским королевством.

Маннергейм и начальник штаба финской армии полковник российского Генерального штаба А.А. Тунцельман фон Адлерфлуг (в 1917 году начальник штаба 135-й пехотной дивизии) лично были не против того, чтобы на территории Финляндии начали формироваться русские добровольческие войска для похода на красный Питер. Но среди парламентариев и министров преваляла идея присоединения к Финляндии Карелии (Восточной). Большой же войны с Советской Россией они не хотели,

ограничиваясь в происходящих по ту сторону государственной границы событиях только собственными интересами.

Из встреч с дружески настроенным Маннергеймом бывший главнокомандующий Кавказского фронта понял одно: он не получит в Финляндии согласия ее властей на формирование здесь белой добровольческой армии ни под своим, ни под иным командованием. Такая возможность, теперь уже единственная, оставалась в Прибалтике и на Псковщине, но под «присмотром» германской стороны.

Маннергейм в принципе не отказывался от участия финской армии в походе на Петроград. Но в обмен на такую помощь он самым категорическим образом потребовал уступки Финляндии Восточной Карелии и территорий на Кольском полуострове. Юденич, как монархист, сторонник идеи «единой и неделимой России», разумеется, на такое пойти не мог.

И Юденич, и Маннергейм тогда вряд ли осознавали то, что в Москве более, чем серьезно воспринимали опасность, которая исходила Советской власти от белофиннов и белоэстонцев, которые нацелились на красный Питер. Так, в самом начале 1919 года председатель Реввоенсовета Л.Д. Троцкий писал:

«Нет спора, Петроград является заветной целью военных операций для белогвардейских бандитов Финляндии и Эстонии. Во-первых, можно было бы утопить в крови десяток-другой тысяч рабочих этого ненавистного города, родоначальника социальной революции в России и во всей Европе.

Во-вторых, можно было бы учинить гигантский грабеж, который, независимо от политических результатов похода, наполнил бы карманы и мешки вождей белогвардейского похода ценной добычей.

Разумеется, ни один здравомыслящий человек не станет думать, чтобы Петроград мог стать надолго предметом оккупации маленькой Финляндии, правительство которой едва держится путем зверского террора против собственных рабочих. Но даже временный захват Петрограда — если бы он был осуществим — имел бы крупнейшее моральное значение, и революционный пролетариат всего мира почувствовал падение Петрограда как тяжкий удар.

Этого не будет. Разрешат или не разрешат акулы англо-французского империализма Маннергейму его поход — Петроград не падет, — не только потому, что этого не хочет пролетариат и

гарнизон самого Петрограда, но прежде всего потому, что этого не допустит вся Советская Россия».

Пока решались все эти вопросы, пока граф Келлер собирался покинуть Киев и гетмана Скоропадского, формирование белой Северной армии уже началось. Она создавалась первоначально без единого командования. За первую неделю в вербовочных пунктах записалось полторы тысячи человек, из которых 600 были офицерами. Очень много добровольцев оказалось из числа унтер-офицеров старой Русской армии. Немецкое командование «самоустранилось» от этого процесса по одной важной причине: и в германской армии, и в самой Германии началось «революционное брожение». В войсках возникли солдатские комитеты, восстали моряки в городе Киле, в Берлине проходили баррикадные бои.

Добровольческая Северная армия создавалась по образу Российской Императорской армии. В ней действовали старые уставы. Только теперь не требовалось произносить слова «ваше благородие» и «ваше превосходительство». Они заменялись на «господин поручик» и так далее. Командиры обращались к нижним чинам только на «вы». Снабжение армии обмундированием значительно облегчалось тем, что почти все мужчины Псковской губернии ходили в одежде фронтовиков. К ней добавили лишь отличительный знак: на левом рукаве треугольник из российского триколора острием кверху, а в его середине — белый крест.

Командующий 7-й красной армией Д.Н. Надежный в своей книге «На подступах к Петрограду летом 1919 года» так оценивал помощь германского оккупационного командования белым добровольцам:

«Средства и вооружение, обещанные немцами русскому добровольческому корпусу, были даны в весьма ограниченном количестве.

Так, вместо обещанных 150 млн марок было отпущено немногим более 3 млн марок, взамен 50 000 винтовок — всего 8000, а вместо 26 легких и 26 тяжелых орудий — всего 6 легких и 24 тяжелых орудия, оказавшиеся, как и большая часть (до 75%) винтовок, вследствие своей изношенности, негодными».

Пребывавший в Гельсингфорсе Н.Н. Юденич был хорошо проинформирован о ходе формирования белых вооруженных сил на Северо-Западе. Их основу составила Псковская армия. К концу октября 1918 года она состояла из 1-й стрелковой дивизии

генерал-майора П.Н. Симанского трехполкового состава. Каждый полк насчитывал 500 человек, составлявших два батальона. Имелись также отдельные полки: 1-й стрелковый добровольческий Псковский полковника Лебедева, 20-й стрелковый Островский полковника Джержошинского и 3-й Режицкий полковника фон Нефа.

Если с пехотой дело обстояло относительно неплохо, то кавалерии у белых набиралось мало. В городе Острове стояло 150 конных партизан полковника Лейб-Гвардии Уланского полка Бибикова. В Режице — такой же численности конный отряд белых партизан полковника Афанасьева.

Уже перед самым началом боевых действий Северная армия получила неожиданное усиление. На сторону белых перешел красный эскадрон 3-го Петроградского кавалерийского полка в 400 сабель при 2 орудиях и 8 пулеметах под командованием поручика Б.С. Пермикина. В ходе Гражданской войны он — доброволец Мировой войны из числа студентов столичного университета, награжденный тремя солдатскими Георгиевскими крестами и шестью боевыми орденами, дослужился до звания генерал-лейтенанта.

Пермикин с самого начала пребывания в стане белых прославил себя одной рискованной операцией. Когда в ноябре 1918 года в Псков прибыла делегация рыбаков с Талабских островов с просьбой освободить их от мародерствующего отряда красноармейцев, занявшего эти острова. Пермикин предложил высадить там десант, но командир Псковского отдельного корпуса генерал А.Е. Вандам не дал на то согласие. Тогда поручик собрал группу офицеров из 17 человек и на небольшом пароходе отплыл в Псковское озеро. Ночью на лодках его люди внезапно высадились на главном острове и взяли в плен около полсотни красноармейцев с двумя комиссарами.

После этого Пермикин собрал на митинг местное население — рыбаков и призвал всех мужчин старше 18 лет вступить в добровольческую Северную армию. Так возник Талабский батальон, вскоре развернутый в одноименный полк, который по своим боевым качествам стал одним из лучших в армии Юденича. Командиром его был назначен произведенный в ротмистры 28-летний псковский дворянин Борис Сергеевич Пермикин.

После ухода из стана красных эскадрона поручика Пермикина, ночью через советско-германскую демаркационную линию

в районе железнодорожной станции Карамышево прорвался 1-й Лужский конный партизанский полк штабс-ротмистра С.М. Булак-Балаховича, выходца из крестьян Ковенской губернии. Ему, «пролесскому атаману», суждено было стать заметной фигурой в Гражданской войне. Полк насчитывал 1120 кавалеристов при 2 орудиях и 4 пулеметах. Ядро полка Булак-Балаховича, сформированного весной 1918 года, составлял партизанский отряд офицера Пунина, действовавшего во время Первой мировой войны в окрестностях города Риги.

События на Северо-Западе развивались в конце 1918 года следующим образом. 13 ноября ВЦИК Советской республики аннулировал Брест-Литовский сепаратный договор. Германцам было предложено оставить Псков. Стоявшая там 5-я пехотная дивизия 8-й армии, которой фактически управлял Совет солдатских депутатов, оставила город. Перед убытием немцы не торопясь распродали большую часть дивизионного имущества, и домой отправились налегке.

Перед уходом бережливые немцы сняли все проволочные и иные заграждения. В тот же день, 25 ноября, они пропустили двинувшиеся от Елизаровского монастыря войска 12-тысячной южной группы 7-й Красной армии в опустевший город. В нем находилось всего три сотни белых добровольцев. Белый отдельный Псковский корпус оказался в критическом положении: он был слабо вооружен, лишен достаточного количества боеприпасов и не имел организованной штабной службы. О том, как отступали белые к эстонской границе, рассказал в своих воспоминаниях один из офицеров-добровольцев:

«Весь путь отступления был сплошным боем. Крестьяне, распропагандированные и снабженные оружием чрезвычайкой из Торошино, всюду устраивали засады, и артиллерии 15 верст пришлось идти под обстрелом цепи крестьян, преследовавших отступавших. В одной из деревень были избиты и арестованы 12 офицеров. Отряд Балаховича освободил их и воздал должное крестьянам».

Добровольцы сражались с превосходящими силами красной 7-й армии стойко. Примером может служить бой сводного отряда полковника Д.Р. Ветренко. С началом наступления красных он выдвинулся к станции Кресты, что в нескольких километрах от Пскова, и отбил несколько атак противника, поддержанных бронепоездами. Поскольку мост через реку Великую был уже в

чужих руках, бойцы Ветренко перешли ее вброд, причем всю дорогу пушки единственной батареи добровольцы всю дорогу до неблизкого Изборска тащили на руках.

Белые добровольческие части благодаря инициативности полковника Г.Г. фон Нефа, исполнявшего обязанности корпусного начальника, смогли почти без потерь выйти к Изборску. Оттуда они перешли на эстонскую территорию в район Верро — Тарту. 6 декабря в Ревеле (нынешнем Таллине) было подписано соглашение с эстонскими властями о совместных действиях против «надвигавшихся масс советских войск на Эстонию».

Будущий генерал-майор Г.Г. фон Неф был уроженцем Эстляндии из числа давно обрусевших немецких баронов. Гвардейским поручиком ушел добровольцем на Русско-японскую войну, заслужив в боях пять орденов. Мировую войну командир роты 4-го стрелкового Императорской фамилии полка капитан фон Неф начал с того, что получил Георгиевское оружие за бой с германцами у Опатова, когда его стрелки штыковым ударом прорвали кольцо окружения и вышли к своим. Орден Святого Георгия 4-й степени командир батальона получил за захват в бою 12 немецких орудий. Командир пехотного Краснохолмского пехотного полка стал одним из первых белых добровольцев Северо-Запада, став вскоре во главе Отдельного добровольческого корпуса.

Теперь уже бывший Псковский корпус стал именоваться Северным. Он был подчинен командующему эстонской армией генералу И.Я. Лайдонеру. Вскоре корпус возглавил генерал-майор А.П. Родзянко, один из самых популярных среди белых добровольцев Северо-Запада военачальников.

Исследователи считают, что в тех событиях добровольческая Северная армия была «торпедирована» сперва отсутствием своего командующего графа Келлера, а потом и его расстрелом петлюровцами в Киеве. Отсутствие твердого и единого командования стало одной из причин поражения белых войск под Псковом.

В итоге после отступления у белых «северян» осталась только узенькая полоска псковской земли с уездным городом Гдовом. Красные войска 7-й армии не решились пробиваться через Гдовский уезд к границам «белой и буржуазной» Эстонии. Вскоре бои на Северо-Западе затихли. Оправдывая такую неудачу, председатель Реввоенсовета Л.Д. Троцкий писал:

«7-я армия была самой слабой, самой бессильной в ряду многочисленных армий Советской республики».

Троцкий замалчивал причины слабости красной 7-й армии. Они заключались в разбросанности ее немалых сил для защиты Петрограда. И в том, что по воле председателя Реввоенсовета за первые два года существования 7-й армии в ней сменилось 10 (!) командующих: Искрицкий, Голубинцев, Хенриксон, Ремезов, Матиясевич, Харламов, Надежный, Одинцов, Лашневич, Зарубаев.

Городу на Неве в те дни стала угрожать 2-тысячная Олонецкая добровольческая армия, которая начала наступать из Финляндии на Восточную Карелию. Белофинны, которыми командовал генерал-лейтенант Владимир Степанович Скобельцын, захватили Видлицу и Олонец и в апреле 1919 года подошли к Петрозаводску.

Задача по ликвидации этой «игрушечной» белой армии была возложена на красную 6-ю армию, которой командовал бывший генерал-майор старой Русской армии, генштабист Александр Александрович Самойло. Он умело организовал наступательные операции, Онежская флотилия дважды высадила десанты — в Видлицу и Тулоксу, и в октябре Южная Карелия была очищена от белофиннов. Остатки Олонецкой добровольческой армии слились с Мурманской добровольческой армией и вошли в состав белой Северной армии генерала от кавалерии Е.К. Миллера.

Но, как считали в Москве, и после разгрома белой Олонецкой армии, угроза Петрограду исходила от Финляндии и Эстонской Республики. То есть от белофиннов и белозстонцев. Начальник Полевого штаба Ф.В. Костяев докладывал Троцкому:

«Нет сомнения, что правительства Эстонии и Финляндии, опираясь на требование Антанты и заручившись ее активным содействием, не замедлят в ближайшее время предпринять наступательную операцию, имея главным объектом своих действий Петроград».

Председатель Реввоенсовета встревожен: Советская Россия находилась во враждебном окружении, а на ее Северо-Западе вызрела новая угроза в лице белофиннов и белогвардейцев, которые «засели» в соседней Финляндии. Троцкий пишет воззвание «На Петроградский фронт!». Среди иного, в нем говорилось:

«Мы не хотим новой войны и нового фронта. У нас и без того

достаточно врагов, и нам незачем умножать без крайней необходимости их число. Мы никогда и никого не вводили в заблуждение насчет тех чувств, какие Советская Россия питает к нынешнему правительству Финляндии, к правительству запятанных палачей финского рабочего класса. Но политика определяется не чувством, а трезвым и холодным расчетом. Сами финские рабочие, временно раздавленные своей буржуазией при содействии штыков германского империализма, не требовали и не требуют от нас военного вмешательства, ибо слишком хорошо осознают и внутренние, и международные затруднения, какие нам приходится преодолевать.

С другой стороны, мы слишком уверены в грядущей победе финского рабочего класса, чтобы брать на себя инициативу военного столкновения с белогвардейским правительством Гельсингфорса. Мы соглашались и соглашаемся поддерживать мирные отношения с правящей Финляндией».

Уход германских войск из Прибалтики резко изменил здесь военную и политическую ситуацию. 3 января 1919 года армия Советской Латвии заняла Ригу. Город был занят ее противниками 24 мая; в боях участвовал русский белогвардейский отряд князя А. П. Ливена. В Эстонии Красная армия к концу декабря 1918 года заняла город Раквере и железнодорожный узел Тапу, оказавшись от Ревеля всего в 30—35 километрах. После взятия города Нарвы там было создано правительство Эстляндской трудовой коммуны.

Однако контрнаступление эстонской армии и добровольческого Северного корпуса под общим командованием главнокомандующего армией Эстонии генерала Йохана Лайдонера изменило ситуацию. Белоэстонцы и русские белогвардейцы, наступая на псковском и нарвском направлениях, восстановили прежнее положение.

Лайдонер изъявил благодарность «добровольцам» за верное союзничество. Этот подполковник старой Русской армии, выпускник Николаевской академии Генерального штаба, бывший в Мировую войну начальником штаба дивизии, оказался одним из немногих руководителей Эстонии, который с симпатией относился к Белому движению, не игнорировал его. Он дважды был главнокомандующим эстонской армией: в 1918—1925 и 1934—1940 годах. После присоединения Эстонии к СССР был вывезен из нее и умер в ссылке.

Поскольку белоэстонцы пока не претендовали на древнюю русскую Псковщину, хозяином города неожиданно для всех оказался «батько» Булак-Балахович, теперь подполковник белой армии. Его образ, по выражению А.И. Деникина, относился к самым «черным страницам» Добровольческих армий. Через сутки в городе стала выходить газета под названием «Новая Россия освобождаемая». В первом ее номере на первой полосе был напечатан приказ № 1 белого командования:

«Разбив главные силы противника, пытавшиеся прорваться к Пскову, 29 мая я прибыл в город и, согласно приказу главнокомандующего эстонскими войсками и командующего войсками отдельного корпуса Северной армии, принял командование военными силами Псковского района.

Комендантом Псковско-Гдовского района назначается подполковник Куражев. Комендантом гор. Пскова назначается капитан Макаров.

Ввиду невозможности для военной власти принять на себя заботы по устройению местной жизни и невозможности задерживать местное устройство, — право и обязанности местной гражданской власти временно вручаю образуемому из пользующихся общественным доверием лиц Общественному Гражданскому Управлению города Пскова и уезда, постановления и решения которого, контролируемые военным комендантом, обязательны для всех граждан.

Вручением гражданских функций местным общественным силам Народные Белые Войска доказывают искренность провозглашаемых ими демократических лозунгов.

Пусть все знают, что мы несем мир, устройство и общественность.

Населению предлагаю соблюдать спокойствие. Мои войска победоносно продолжают свое наступление. Все попытки противника оказать сопротивление быстро ликвидируются.

Атаман крестьянских и партизанских отрядов
и командующий войсками
Псковского и Гдовского районов,
Подполковник Булак-Балахович.

30 мая 1919 г.».

В Пскове и его окрестностях началось преследование сторонников Советской власти, публичные казни. Поскольку в разоренном войной Псковском уезде реквизируют из продовольствия

было уже нечего, Булак-Балахович обратился за помощью к американской миссии, обосновавшейся в столице Эстонии. Посредником в этом деле стал министр экономики белоэстонского правительства А. Яксон. С его легкой рули в занятых белыми районах Псковщины стали производить натуральный обмен американской пшеничной муки на местный лен. На два веса льна давался один вес муки. Из Ревеля русский лен «уплывал» в Англию. Такие коммерческие операции утверждались специальным приказом Булак-Балаховича: теперь его люди были обеспечены провиантом.

Юденич из Гельсингфорса внимательно следил за событиями Гражданской войны на российском Северо-Западе. Ему, опытному военному, не стоило больших трудов разобраться в причинах поражений белых добровольцев: сильные духом они имели слабое руководство. Поэтому Николай Николаевич полностью согласился с мнением генерала Симанского на этот счет:

«Полковник Неф обладал узким кругозором и полным отсутствием опыта в руководстве не простым боем, а все же целую операцию. Начальник штаба неопытен, штаб громоздок, неприспособлен к численности отряда, скопирован со штабов Первой мировой войны.

Связь между штабами и отрядами не налажена».

К тому времени в Гельсингфорсе, в январе 1919 года, был создан Русский политический комитет (РПК) под председательством кадета А.В. Карташева. Комитет стал центром антибольшевистских сил на Северо-Западе. Его финансовое обеспечение взял на себя «российский Нобель», нефтепромышленник С.Г. Лианозов, который сумел получить в финских банках кредит в два миллиона марок. Нашлись и другие источники финансовых субсидий на Белое дело.

Русский политический комитет поддержал желание военной части белой эмиграции в Финляндии и Эстонии организовать поход на Петроград, чтобы тем самым оказать помощь колчакской и деникинским армиям. РПК предложил боевому генералу, Георгиевскому кавалеру, вчерашнему главнокомандующему Кавказским фронтом стать и военным, и политическим лидером Белого дела на Северо-Западе России.

Юденич с благодарностью дал на такое предложение согласие. То есть он становился одним из военных вождей лагеря противников «Советов». Собственно говоря, другой кандидатуры у белой эмиграции в лице РПК в Финляндии не было.

На начало 1919 года в Финляндии насчитывалось более 20 тысяч белоэмигрантов, в том числе пять с половиной тысяч — военнообязанных. Среди них — около двух с половиной тысяч офицеров, в своем большинстве фронтовиков. Это была та реальная сила, на которую мог опереться Н.Н. Юденич в начале своей борьбы с большевиками на Северо-Западе. Вскоре он открыто заявил о себе в интервью, данном газете «Северная жизнь»:

«У русской Белой гвардии есть одна цель — изгнать большевиков из России. Политической программы у гвардии нет. Она не монархическая и не республиканская. Как военная организация, она не интересуется вопросами политической партийности. Ее единственная программа — долой большевиков. Поэтому мы принимаем в нашу организацию людей независимо от их политических взглядов, лишь бы они не были большевиками или коммунистами. Белая гвардия займется восстановлением порядка».

В Гельсингфорсе при генерале Юдениче создается так называемое Политическое совещание. Один из его членов в письме товарищу (заместителю) министра внутренних дел Омского колчаковского правительства В.Н. Пепеляеву дал такую характеристику этой белоэмигрантской организации:

«Первейшая задача “Политического совещания” — быть представительным органом, берущим на себя государственную ответственность в необходимых переговорах с Финляндией, Эстонией и проч. вновь объявленными малыми державами. Без таких ответственных переговоров невозможна никакая кооперация наша с ними против большевиков.

Второй задачей Совещания является роль зачаточного и временного правительства для Северо-Западной области. Эта роль требует большого количества людей. Но первая задача превалирует, и потому пришлось ограничиться подбором минимального количества лиц, не могущих вызвать против себя возражений ни в русской среде, ни в Париже, ни у Антанты.

Таким путем в Совещании оказались: Юденич как председатель; Карташев — заместитель председателя (иностранные дела); Кузьмин-Караваев (юстиция, агитация); генерал Кондзеровский — начальник штаба Юденича; генерал Суворов (работавший в Петербурге с Национальным центром, и стоящий на его платформе) — военные дела, внутренние дела и пути сообщения; Лианозов (промышленник-нефтяник, юрист по образованию, человек прогрессивный) — торговля, промышленность, труд и финансы.

В дополнение и помощь к этим лицам идет второй, политически не ответственный ряд специалистов, ведающих в качестве товарищей министров: пути сообщения, финансы агитацию и проч. Так готовимся к событиям».

«Политическое совещание» не только объединило в своем составе разрозненные антибольшевистские политические силы в среде эмигрантов, осевших в Финляндии, странах Балтии и Скандинавии. Оно стало своеобразным временным правительством в изгнании для региона. В него входили политические деятели А.В. Карташев, П.Б. Струве, Е.И. Кедрин, И.В. Гессен, генерал-лейтенант Генерального штаба П.К. Кондзеровский — бывший дежурный генерал при Верховном главнокомандующем России, генерал-майор М.Н. Суворов, командир 121-го пехотного Пензенского полка, свой последний чин получивший в штабе Петроградского военного округа, промышленники и финансисты С.Г. Лианозов, П.П. Форостовский, В.Н. Троцкий-Сенютович, В.П. Шуберский. Каждый из них в своем кругу являлся человеком авторитетным.

После оформления «Политического совещания», как новой антибольшевистской организации, Юденич не стал заявлять о каком-то своем подчинении Колчаку и Омскому правительству. Но Верховный правитель России не видел в кавказском полководце соперника в борьбе за власть в «будущей» державе: Николай Николаевич амбициозностью никогда не страдал, будучи человеком дела. Колчак, ознакомившись с ситуацией на Северо-Западе, выслал «Политическому совещанию» на первое время один миллион рублей.

Кадет Карташев оказался для генерала от инфантерии Юденича бесценным помощником в деле консолидации военных сил белых в регионе. Один из лидеров конституционно-демократической партии взял на себя всю «черновую» политическую работу. Он не раз списывался с Верховным правителем России адмиралом А.В. Колчаком, прося его поддержать Юденича как представителя общероссийской власти на Северо-Западе страны. Более того, Карташов просил оказать помощь РПК из государственного золотого запаса, который тогда находился в руках «омского правителя».

Писал письма адмиралу Колчаку и сам Юденич. В них он старался убедить Верховного правителя России в необходимости

создания белого Северо-Западного фронта с целью наступления на Петроград. В одном из писем говорилось:

«С падением Германии открылась возможность образования нового фронта для действия против большевиков, базируясь на Финляндию и Прибалтийские губернии.

Около меня объединились все партии от кадет и правее. Программа тождественна с Вашей. Представители торгового класса, находящиеся в Финляндии, обещали финансовую поддержку. Реальная сила, которою я располагаю в настоящее время — Северный корпус (3 тысячи) и 3—4 тысячи офицеров, находящихся в Финляндии и Скандинавии.

Я рассчитываю также на некоторое число — до 30 тысяч — военнопленных офицеров и солдат.

Без помощи Антанты обойтись нельзя, и в этом смысле я вел переговоры с союзниками, но положительного ответа еще не имеется. Необходимо воздействие союзников на Финляндию, дабы она не препятствовала нашим начинаниям и вновь открыла границу для русских беженцев, главным образом офицеров. То же в отношении Латвии и Эстонии. Необходима помощь вооружением, снаряжением, техническими средствами, финансами и продовольствием не только на армию, но и на Петроград. Вооруженная сила не требуется — достаточно флота для обеспечения портов. Но если таковая будет, то это упростит и ускорит решение. Благоволите поддержать мое ходатайство перед Антантой».

Юденич посетил шведскую столицу Стокгольм, где имел встречу с представителями Антанты — британскими и французскими дипломатами. Начать военную интервенцию против страны Советов на Балтике они не обещали, но оказать материальную помощь военным силам Белого движения здесь обещали. Правда, при этом каких-то письменных обязательств союзники России по Мировой войне на себя не брали. Англичане не давали прямого согласия и на действия своего флота против Кронштадта.

В Стокгольме у Юденича состоялась новая беседа с регентом Финляндии бароном Маннергеймом. Они закончились безрезультатно: тот не хотел предоставлять территорию своей страны для формирования белой Добровольческой армии, поскольку и Колчак, и Деникин прямо высказались против уступок кому-либо российских территорий.

В то время в шведской столице проживало много промышленников и финансистов, эмигрировавших из России. Юденич имел с ними ряд бесед в салоне графини Орловой-Денисовой. Однако переговоры с состоятельными соотечественниками результатов не дали. Финансовые тузы не собирались раскошеляться на Гражданскую войну в собственном, но покинутом ими навсегда, отечестве.

Не дали желаемых результатов и переговоры с официальными представителями буржуазной Латвии. Они опасались активизировать Гражданскую войну в России прежде всего по той причине, что в Красной армии служило много латышей.

Со своей стороны, официальные лица иностранных государств, с которыми вел разговоры Н.Н. Юденич, очень интересовались вопросом о будущем государственном устройстве России. Монархист Юденич был теперь полностью солидарен с Верховным правителем адмиралом Колчаком и главнокомандующим вооруженными силами Юга России генерал-лейтенантом Деникиным, которые ратовали за военную диктатуру.

Стремясь найти в Финляндии, в военных силах барона Маннергейма союзника в походе на красный Питер, Юденич провел с ним новые переговоры. Их результаты он сообщил в Париж члену Русского Политического Совещания дипломату С.Д. Сазонову. Белофинны были готовы принять участие в вооруженной борьбе с большевиками на условии, если Восточная Карелия отойдет к их государству, если Финляндия получит выход в Северный Ледовитый океан через порт Печенгу (Петсамо). Этот географический пункт обещал отдать Финляндии император Александр II в 1864 году в обмен на город Сестрорецк.

Казалось, что переговоры с регентом Финляндии прошли достаточно успешно. Но из Парижа Николая Николаевича одернули: все переговоры, касающиеся будущего возрожденной России, должны вестись не в частных беседах, а за столом переговоров в Париже с полномочными руководителями Русского Политического Совещания.

Верховный правитель России адмирал Колчак все больше проникался доверием к планам Юденича относительно консолидации белых сил на Север-Западе с последующим походом на Петроград. Он передал ему свое личное послание:

«Горячо приветствую Ваше дело, видя в нем новый решительный шаг к освобождению нашей родины. Крайне желательно ус-

тановить тесную связь и общность действий. С радостью усматриваю, что все национальные усилия в разных частях России идут к быстрому объединению. Шлю Вам пожелания успеха».

Вскоре, 24 мая 1919 года, последовала телеграмма Верховного правителя о назначении генерала от инфантерии Н.Н. Юденича главнокомандующим всеми вооруженными силами Белого движения на российском Северо-Западе. В телеграмме говорилось:

«Создание Северо-Западного фронта на началах Вами проектируемых признаю вполне целесообразным и подлежащим осуществлению, для чего надлежит напрячь все усилия

Занятие столицы нанесло бы большевикам тяжелый моральный урон. Считаю необходимым, чтобы выполнение намеченной задачи происходило в полной уверенности, что оно осуществляется по поручению и согласно указаниям Российского Правительства.

Уполномочиваю Вас принять Главнокомандование всеми русскими силами Северо-западного фронта».

Вскоре адмирал А.В. Колчак подтвердил назначение Н.Н. Юденича еще одной секретной телеграммой, посланной в Стокгольм российскому посланнику:

«Указом Верховного Правителя, 10-го июня Вы назначены Главнокомандующим всеми Российскими сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против большевиков на Северо-Западном фронте».

Этой подтверждающей телеграммой снимались все вопросы относительно единоначалия в военном стане Белого движения на берегах Балтики. Соперники на главенство у Юденича здесь были достаточно влиятельные. Таким был генерал И.Я. Лайдонер, эстонский главнокомандующий. Когда части полковника Г.Г. фон Нефа отступили в пределы соседней страны и расквартировались у города Валга, по заключенному договору с правительством Эстонской Республики белые добровольцы были слиты с местными ополченцами, воевавшими против красных войск Эстляндской трудовой коммуны. Лайдонер до дня своего снятия с занимаемого поста никак не хотел признать главенство генерала от инфантерии Н.Н. Юденича, проживавшего к тому же в Финляндии.

Оспаривал главенство у Юденича и генерал-майор Александр Павлович Родзянко, одна из самых заметных фигур на белом

Северо-Западе. Племянник председателя Государственной Думы двух созывов М.В. Родзянко, офицер Кавалергардского полка, прошел всю Первую мировую войну и генеральское звание получил от Временного правительства (был представлен к нему, но приказ об этом по армии и флоту не состоялся, так как правительство Керенского пало). За личную доблесть был награжден несколькими боевыми орденами. Командовал полком Офицерской кавалерийской школы. Командовал бригадой 17-й кавалерийской дивизии, а затем временно этой же дивизией. Побывал на посту коменданта города Риги.

С началом Гражданской войны оказался в Ревеле. Командующий Северным корпусом полковник К.К. Дзержинский (сменивший фон Нефа) назначил Родзянко начальником южной группы корпуса в районе города Юрьева (Тарту), поручив ему сформировать полноценную бригаду. Тот, взяв начальником штаба энергичного поручика Видякина, сформировал из Талабского батальона ротмистра Пермикина Талабский полк, из отряда полковника Ветренко (пришедшего из Украины с отрядом в составе немногим более ста человек, не желая там сдаваться петлюровцам) — Вольнский полк, а из отряда Булак-Балаховича — Конный полк. С этой бригадой ему удалось в самом конце февраля 1919 года ударом во фланг наступающих от Пскова красных войск заставить их отступить назад к городу.

После этого обладавший неумемной энергией Родзянко, популярность которого все возрастала, добился у эстонского главнокомандующего Лайдонера переброски основных сил бригады под Нарву. Он стал выразителем мнения тех, кто желал наступать на красный Питер. И более того — фактическим командующим Северным корпусом, поскольку полковник Дзержинский, не сдав командования, принужден был передать подготовку и проведение наступательной операции Родзянко, который теперь все документы подписывал как генерал-майор.

Не у дел оказался и начальник корпусного штаба полковник О.А. фон Крузенштерн, бывший командир эскадрона Лейб-Гвардии Конногренадерского полка и начальник штаба Свеаборгской крепости. Он был однокашником Родзянко по Пажескому корпусу.

Родзянко получил известность в Белом движении благодаря своим личным качествам «полевого бойца». Гражданская война в России была «обильна» такими военачальниками как в стане

белых, так и в стане красных, когда энергичные, честолюбивые люди добивались высоких постов на военном поприще. Один из сподвижников А.П. Родзянко оставил о нем следующую характеристику:

«Ген. Родзянко — храбрый и спокойный в обстановке боя для увлечения войск вперед — и только, в остальном человек больших минусов, особенно в области организации и политики и не только в сфере политического, но и обычного житейского такта. Он был уместен на посту командиров русских отрядов только при подчинении серьезному и талантливому главнокомандующему».

Эстонский главнокомандующий Лайдонер долго противился появлению Юденича в войсках. Так, в мае 1919 года он добился того, что правительство Эстонии не дало разрешения на въезд белого генерала на территорию республики. Юденич все же смог повлиять на решение властей Ревеля окольными путями. В письме генералу Д.Г. Щербачеву, представлявшему Белое движение во французской столице, он писал:

«Я не вижу препятствиям державам Согласия нажать на эту более чем ничтожную величину, стоящую поперек нашей дороги, если союзники искренне хотят помочь нам. Порты и пути сообщения Эстонии должны быть переданы в наше ведение на все время военных действий, а еще лучше — приняты в свое ведение союзниками».

Монархист Юденич пишет письмо по поводу суверенитета стран Балтии Верховному правителю адмиралу А.В. Колчаку, поборнику, как и А.И. Деникин, идеи «единой и неделимой России»:

«Убежден, что никогда нельзя будет согласиться на независимость Эстонии и Латвии, но нужно будет дать этим областям широкую местную автономию под условием обеспечения всех национальных меньшинств, в первую очередь русского».

Северный корпус, состоявший из добровольцев, к середине февраля 1919 года насчитывал в своих рядах 758 офицеров (в своей массе фронтовиков), 2624 рядовых, 74 пулемета и 18 орудий. То есть он не превышал численности полнокровного пехотного полка Русской армии начала Первой мировой войны. Обеспеченность боеприпасами, провиантом и военным снаряжением желала много лучшего.

Из подчинения командования эстонской армии Северный корпус был выведен 19 июня 1919 года. В тот же день он был

развернут в Северную армию. Ровно через месяц она была преобразована в добровольческую Северо-Западную армию, командование которой принял (на два с половиной месяца) генерал-майор А.П. Родзянко.

Белая Северо-Западная армия, после штатного реформирования, организационно состояла из:

1-й армейский корпус генерал-майора графа фон дер А.П. Палена (в 1917 году одного из ближайших сподвижников несостоявшегося диктатора Л.Г. Корнилова), в который входили:

2-я дивизия полковника М.В. Ярославцева. Полки: 5-й Островский, 6-й Талабский полковника Б.С. Пермикина, 7-й Уральский (из уроженцев Урала) и 8-й (бывший Лейб-Гвардии) Семеновский. Последний, в котором действовала подпольная офицерская организация, перешел на сторону белых в полном составе, будучи направлен командованием Красной армии в район Ямбург — Нарва.

3-я дивизия полковника Д.Р. Ветренко. Полки: 3-й Волынский, 10-Темницкий и 12-й Красногорский.

5-я Ливенская дивизия, которой последовательно командовали подполковники К.И. Дыдоров, Б.С. Пермикин и Л.А. Бобошко. Полки: 17-й Ливенский, 18-й Рижский и 19-й Полтавский.

2-й армейский корпус генерал-лейтенанта Е.К. Арсеньева, флигель-адъютанта императора Николая II, Георгиевского кавалера, обладателя восьми боевых орденов, закончившего Мировую войну командиром гвардейского кавалерийского корпуса. Арсеньев был одним из руководителей офицерского подполья в Петрограде, подвергался аресту ЧК, но его жене удалось добиться его освобождения и организовать побег в Финляндию. Во 2-й корпус входили:

1-я Отдельная дивизия генерал-майора Дзержинского. Полки: Ревельский, Гдовский и Георгиевский.

4-я дивизия генерал-лейтенанта князя А.Н. Долгорукова, в Первую мировую войну командовавшего Кавалергардским полком и 3-й Донской казачьей дивизией, ставшего кавалером ордена Святого Георгия 4-й степени за Краупишкенский бой с немцами. Дивизия состояла из стрелковых полков: 13-го Нарвского, 14-го Вознесенского, 15-го Велико-Островского и 16-го Литовского.

Бригада генерал-майора К.-С. А. Ежевского, командовавшего в годы Первой мировой войны 91-м пехотным Двинским пол-

ком. В бригаду входили полки: 21-й Псковский, 22-й Деникин-ский, 23-й Печерский и Качановский батальоны.

Кавалерий и артиллерий добровольческая Северо-Западная армия имела совсем мало. Основу конницы составлял бывший красный 1-й Лужский конный партизанский полк Булак-Балаховича.

Белую армию поддерживали в ходе боев с Красной армией 1-я и 2-я дивизии Эстонской Республики. Но помощь белоэстонцы оказывали русским добровольцам только в приграничье: в походе на Петроград участия они не принимали.

Особенностью этой Северо-Западной армии было то, что немалая часть добровольцев, как эмигрантов, так и из числа местного населения, не служила в Российской Императорской армии. В добровольцы пришло много вчерашних гимназистов и студентов, просто русской молодежи, «увлеченной лозунгами Корнилова и Деникина и возмущенной формами, в которые вылилась революция при большевиках».

Юденич продолжал оставаться в Финляндии, налаживая деловые контакты с представителями Антанты и добиваясь согласия Маннергейма на формирование здесь белой добровольческой армии. Она могла вместе с белофиннами повести наступление на Петроград через Карельский перешеек. Такой путь к городу на Неве виделся Юденичу более удобным, чем наступление от границ Эстонии.

Однако надежды на поддержку Белого движения на Северо-Западе со стороны Финляндии вскоре рухнули окончательно. «Виновником» тому стал Маннергейм. 17 июля он утвердил новую Конституцию страны, согласно которой президент избирался не всеобщим голосованием (в таком случае он мог реально рассчитывать на полный успех), а выборщиками в парламенте.

На состоявшихся вскоре парламентских выборах швед Маннергейм получил поддержку только шведской народной коалиционной партии. Влиятельные аграрная и прогрессивная партии в числе его сторонников не оказались. 25 июля президентом Финляндии стал профессор Стольберг, сторонник политики нейтралитета. Маннергейм надолго покинул страну: он надеялся начать войну с большевиками с развязанными руками, став полномочным президентом части бывшей Российской империи.

С итогами выборов в Финляндии исчез реальный шанс в тех условиях бесприкрышной (по оценке военных специалистов)

наступательной операции по занятию Петрограда. Первый стратегический замысел Н.Н. Юденича на Северо-Западе рухнул. Русская белая эмиграция в Гельсингфорсе стала быстро уменьшаться: новые власти откровенно не хотели видеть у себя опасных гостей.

Новый глава Финляндии профессор Стрельберг запретил формировать русские воинские части на финляндской территории. Одновременно он в одностороннем порядке прервал переговоры с Юденичем, как с главой Белого движения на российском Северо-Западе.

Теперь единственным плацдармом наступления на красный Питер оставалась Эстония и приграничные с ней уезды России. На этом «основании» стал строиться второй стратегический замысел Юденича, которому в данной ситуации подчинялись гораздо меньшие воинские силы.

26 июля 1919 года главнокомандующий всеми российскими армейскими и морскими силами на Северо-Западном фронте генерал от инфантерии Н.Н. Юденич отбыл на пароходе в Ревель. Он навсегда покидал Финляндию, которая еще совсем недавно была на стороне Белого движения, а теперь, при президенте Стольберге, стала такой негостеприимной.

Вместе с ним на пароходе, следовавшем через Финский залив из Гельсингфорса в эстонскую столицу, отбыл контр-адмирал Владимир Константинович Пилкин, ставший его близким другом на все время белой эмиграции. Во время обороны Порт-Артура старший минный офицер эскадренного броненосца «Цесаревич» был награжден за бой в Желтом море орденом Святого Георгия 4-й степени. В Первую мировую войну Пилкин командовал линкором «Петропавловск» и 1-й бригадой крейсеров флота Балтийского моря. В конце 1917 года он сдал командование бригадой и остался в Гельсингфорсе, став старшим из оказавшихся здесь русских морских офицеров.

С января 1919 года контр-адмирал В.К. Пилкин стал одним из ближайших помощников Юденича. Он оказался одним из тех людей, которые «ходатайствовали» за Николая Николаевича перед адмиралом Колчаком. Когда тот назначил Юденича главой всех белых вооруженных сил на Северо-Западе, при штабе главнокомандующего был создан Морской походный штаб во главе с Пилкиным.

Исследователи порой задаются вопросом, почему год 1919-й так крепко сдружил ранее не знавших друг друга этих двух лю-

дей. Думается, что Юденича прежде всего привлекли к себе человеческие качества Пилкина. Один из сослуживцев контр-адмирала, командир крейсера «Баян» капитан 1-го ранга С.Н. Тимирев оставил о нем в своих записках такую характеристику:

«Влад(имир) Конст(антинович) Пилкин был самый старший из первых командиров дредноутов, но получил повышение по службе последним.

Пилкин был человеком очень твердых правил, без тени заискивания и подлаживания к начальству, никогда не задумывавшийся высказывать всю правду, как бы резка она не была. Обладая острым умом и серьезным образованием, он был всегда склонен к критике и сарказмам, что тоже не очень нравилось начальству. Кроме того, Пилкин был большой либерал.

По складу своей натуры он, пожалуй, был скорее кабинетный человек, из которого, однако, мог выработаться прекрасный общественный и политический деятель, военная же служба к нему как-то не подходила. Тем не менее это не помешало ему быть прекрасным командиром и выдающимся адмиралом. Характерной особенностью его натуры была внутренняя порядочность».

Н.Н. Юденич покинул Финляндию для того, чтобы на южных берегах Финского залива, через древние псковские земли повести белую добровольческую рать на штурм красного Петрограда. Но он опоздал к началу похода, устраивая дела Северо-Западной армии с союзниками по Антанте и ведя переговоры с британской миссией.

Поход на большевистский Питер начался не по воле главнокомандующего Юденича. Генерал-майор Родзянко, в руках которого сосредоточилась фактическая власть над армией белых «северян», отдал приказ по армии: «Наступить на Петроград».

ГЛАВА 9

ПОХОД НА ПЕТРОГРАД. ПОРАЖЕНИЕ. БЕЛАЯ ЭМИГРАЦИЯ

Еще до прибытия главнокомандующего Юденича к своей армии в Нарве и знакомства с обстановкой на месте генерал Родзянко представил ему письменный доклад по вопросу сосредоточения главных армейских сил для наступления на Петроград, который считался делом решенным. Собственно говоря, это было и желанием и целью борьбы добровольцев-«северян». Они сплотились в Гражданской войне прежде всего для того, чтобы освободить Северную столицу от большевиков.

Выражая общие взгляды белой Северо-Западной армии, Родзянко настаивал на сосредоточении войск не в районе города Ямбурга на Гатчинском направлении, а в Пскове. В основе этой идеи лежал план интересной в тактическом отношении наступательной операции: предлагалось первоначально отрезать Петроград от Москвы, в которой находилось Советское правительство и высший военный орган — Реввоенсовет во главе с Троцким. Родзянко писал в докладе:

«Наступая через Порхов, Шимск и Новгород, нанести удар на Чудово, который с правой стороны будет прикрыт болотами, озером Ильмень и рекой Волхов и даст возможность (получить) почти верные успехи.

С занятием Новгорода и имея возможность отрядами действовать в тыл неприятелю, заставить Петроград эвакуировать

большевистские элементы, что значительно облегчит и само занятие Петрограда

Нужно подумать о возможности его удержать, на что я могу смело ответить, что при наличии наших сил это почти невозможно. Эту мысль нужно принять как основу».

Уже после Гражданской войны А. П. Родзянко в своих «Воспоминаниях о Северо-Западной армии» доказывал правоту своего плана. По поводу направления Псков — Новгород — Чудово он отмечал следующее обстоятельство «выгоды» Белого дела:

«Псков и Новгород для каждого русского имеет большое историческое значение, наши стратегические преимущества были огромны, а население Псковской и Новгородской губерний, по имеющимся сведениям, питало к нам большие симпатии и, наверное, принесло бы армии больше пользы, чем рабочие и потерявшие человеческий облик интеллигенты Петрограда».

Опытный в стратегическом планировании успешных наступательных операций на Кавказе, Юденич не мог согласиться с таким откровенно рискованным планом. Николай Николаевич вполне резонно считал, что растягивать операционную линию малочисленной Северо-Западной армии на 250 километров от Пскова до Чудова однозначно опасно. В таком случае белые получали незащищенные фланги со стороны Старой Руссы и Малой Вишеры, чем могло воспользоваться командование Красной армии. В ее штабах служило немало опытных генштабистов старой Русской армии, и азы тактики они знали хорошо.

В своем ответе Родзянко Юденич отметил важность сохранения плацдарма у Ямбурга для последующих наступательных действий. Он лишний раз подчеркнул, что главной задачей Северо-Западной армии было и остается освобождение Петрограда. И что поэтому белым обещана помощь Антанты. Уход же добровольческой армии к югу, к Чудову, может быть истолкован союзниками как отказ от решения выполнения главной задачи на Северо-Западе.

Доводы старшего по званию и военному опыту в должной мере не убедили генерал-майора Родзянко. Он, хотя и не стал с прежней энергией и упорством отстаивать «псковское направление», решил прорываться к Петрограду на нарвском направлении, найдя себе поддержку у большей части старших офицеров «северян». Было заключено соглашение с командованием белоэстонцев об их участии в предстоящих боевых действиях.

Помощь от Антанты, если не считать поставок американской муки, приходила «крохами». Немецкие военные оккупационные власти давали ранее значительно больше. Тот же генерал Родзянко в своих мемуарах так описывал внешний вид бойцов добровольческой Северо-Западной армии:

«Вид бригады (второй. — *А.Ш.*) был ужасный, несмотря на то, что Талабский полк за последнее время в набегах немного приоделся. Всего приличнее выглядел конный полк Булак-Балаховича. Волынский же полк в смысле обмундирования представлял собой кошмарную картину».

Командовавший 7-й армией Д.Н. Надежный (бывший царский генерал-лейтенант), автор книги «На подступах к Петрограду летом 1919 года», довольно подробно и достоверно описал план наступления «северян» (то есть приказ генерала Родзянко на начало задуманной им операции):

«Отряду Балаховича, в составе Балтийского полка с бывшими при нем конным эскадроном и двумя орудиями, конного полка имени Балаховича с конной двухорудийной батареей и партизанского отряда Балаховича, выслав конный полк в тыл неприятеля для подрыва полотна железной дороги в районе сс. Пелеш и Подобручье, остальными частями очистить берег Чудского озера и обрушиться на Гдов. В случае удачи конному полку, действуя на с. Чернево, двигаться вдоль по р. Плюсса, главным же силам, действуя от Гдова на юг, занять р. Желча и завладеть морской базой Раскопель на Псковском озере.

Отряду полк. Ветренко, в составе Волынского и Талабского полков при двух орудиях, — занять участок железной дороги Гостицы — Пелеш, подорвав ее в нескольких местах, захватить бронированный поезд и в случае удачи двигаться дальше на сс. Большая и Малая Руя и Кураплешева, выставить заслон по направлению от озера Долгое до р. Плюсса.

Отряду полк. Палена, в составе Островского полка и конного отряда Бибикова при двух орудиях, — занять участок железной дороги Поля — Гостицы и двигаться на сс. Попкова Гора и Кураплешева.

Отряду полк. Георг, в составе Ревельского полка и офицерской роты, занять сс. Низы и Поля и, в случае удачи, очистить от красных сс. Монастырек и Тихвинка, после чего Ревельскому полку вместе с артиллерией форсированным маршем присоединиться к отряду полк. Палена.

Офицерская рота должна была оставаться в районе сс. Гостицы и Низы, куда предполагалось направить формирующийся в г. Ревеле Георгиевский батальон.

Выполнению этого плана обстановка чрезвычайно благоприятствовала».

7-я армия красная, на которую была возложена защита Петрограда со стороны Финляндии и Эстонии на трех участках: Карельском, Междуозерным (между Ладогой и Онежским озером) и Нарвском (от Финского залива до города Гдов). На севере она граничила с 6-й армией, южнее Гдова — с Эстонской красной армией.

По разведывательным данным штаба 7-й армии, на Нарвском фронте ей противостояли следующие силы белых:

1-я белоэстонская дивизия: 5800 штыков при 16 легких и 14 тяжелых орудиях, 2 бронепоездах и 2 английских танках. Дивизия занимала позиции на левом и правом берегах реки Наровы. В тылу она имела около 6000 штыков эстонских войск и 4 вооруженных трехдюймовыми пушками парохода на Чудском озере.

Северный белый корпус: до 4700 штыков, 1100 сабель и 11 легких орудий.

По «Воспоминаниям» же А.П. Родзянко, общая численность добровольческих войск на ямбургском направлении составляла около 2500 штыков при 6 орудиях и 30 пулеметах. Имевший по сути дела отдельную боевую задачу отряд Булак-Балаховича насчитывал около 1500 штыков и сабель при 4 орудиях. Все силы белых, переходивших в наступление, в действительности не превышали 4 тысяч штыков и сабель при 10 орудиях.

Обороняла Нарвский участок 6-я стрелковая дивизия 7-й армии (три полка). К началу наступления белых она насчитывала 2700 штыков при 12 легких и 6 тяжелых орудиях. В состав дивизии входили один дивизион и два эскадрона кавалерии. Помимо этого здесь располагались, как усиление, четыре полка 19-й стрелковой дивизии, один полк 1-й красной Эстонской дивизии, Гатчинский железнодорожный полк, Ямбургский запасной полк, запасной кавалерийский эскадрон 7-й армии и партизанский отряд Евсева. Эти данные приводит в своей книге Надежный, командующий 7-й армией.

Родзянко, составляя план наступательной операции, оценивал противостоящие ему силы красных от берега Балтики до Чудского озера в 15 тысяч штыков при 60 орудиях и 500 пулеметах.

По подсчетам более позднего времени, белые имели на нарвском приморском направлении противника в следующих си-

лах: 4432 штыка, 240 сабель, 147 пулеметов, 25 орудий. Красные, то есть обороняющаяся сторона, имели небольшое превосходство в численности бойцов и подавляющее в силе орудийного и пулеметного огня. Но как показали первые бои, преимущество в боевом духе оказалось на стороне «северян».

Пехотный полк белых добровольцев не превышал 700 человек. Немногим больше была численность стрелковых полков у их противника. К примеру, в 51-м стрелковом полку 6-й дивизии числилось: 44 командира, 258 штыков, 150 бойцов в полковых командах и 254 нестроевых.

Родзянко знал, что в наступлении белых заинтересована Эстония: от Нарвы в случае успеха отбрасывались красные эстонцы. Поэтому ее правительство и лично генерал Лайдонер пообещали ему выделить в помощь корабли и высадить Ингерманландский батальон (400 добровольцев) у пристани Пейпия в Копорском заливе.

Скорее всего, командование 7-й армии не ожидало удара. Его не встревожила даже разведка боем добровольцев, проведенная 6 мая несколькими ротами Талабского полка. Они застали врасплох батальон красных стрелков, занимавший позиции у села Фитинка и разгромили его. Талабцы отступили только тогда, когда к месту боя подоспел соседний стрелковый полк красной 19-й дивизии.

Родзянко начал наступление на Петроград в ночь на 13 мая. Оно началось с впечатляюще удачной диверсии в красный тыл немногочисленного партизанского отряда поручика Данилова, в служебной аттестации которого было записано следующее:

«Храбрый из храбрых. Любим солдатами и офицерами. Спартанец в боевой обстановке и личной жизни».

Бойцам даниловского отряда (с шестью подрывниками) не требовалось переодеваться в красноармейскую форму: они просто сняли отличительные знаки добровольцев. Отряд незаметно пробрался лесом к селу Попкова Гора и разгромили штаб 2-й бригады 19-й стрелковой дивизии. В плен попали командир бригады бывший генерал А.П. Николаев и его штабисты. Бежать удалось только начальнику штаба Силкину.

Подрывники поручика Данилова взорвали полотно железной дороги, и двум бронепоездам противника, курсировавшим на линии Нарва — Гдов, был отрезан путь к отступлению, то есть к Петрограду.

В ту ночь полный успех сопутствовал и другой команде охотников-добровольцев. Внезапным набегом были захвачены артиллерийская батарея красных и железнодорожный мост через реку Плюсса. Там тоже было повреждено полотно железной дороги.

Дальше события развивались так, как они описаны Д.Н. Надежным о событиях лета 1919 года под Петроградом:

«Колонна полк. Георг около 22 часов 12 мая атаковала 2-й батальон 167-го стр. полка в районе с. Низы и, овладев переправой через р. Плюсса, легко сбила его разбросанные на значительном протяжении части, причем были подорваны два бронепоезда, курсировавших по линии Нарва — Гдов.

Одновременно с этим колонны полк. Палена и Ветренко обрушились на 53-й стр. полк, который был так же приведен в полное расстройство, как и 167-й стр. полк.

Командир 53-го стр. полка, присоединив остатки 2-го батальона 167-го стр. полка, отступил в направлении с. Ариновка, куда и прибыл около 13 часов 14 мая всего с 50 человеками своего полка. В с. Ариновка он приказал командиру 2-го батальона 167-го стр. полка, имевшему в своем распоряжении из состава батальона отошедших с ним 39 человек, выставить сторожевое охранение к югу от мз. Долгая Мельница, но по дороге туда люди этого батальона разбежались, а его командир с 6 человеками отправился в Ямбург.

Вследствие этого обстоятельства, около 4 часов 15 мая передовые части колонны полк. Палена неожиданно ворвались с востока в с. Ариновка, где едва не захватили в плен командира 53-го полка, которому удалось с небольшой кучкой людей в 13 человек обойти по заболоченному лесу на г. Ямбург.

Первые сведения о катастрофе на левом участке сообщил в штаб дивизии начальник штаба бригады Силкин из с. Валово, где ему удалось собрать 14 мая 76 человек, отходивших с участков обоих полков бригады, причем только у 25 из них оказались винтовки. Начальник дивизии приказал ему, оставаясь в этом селении, собирать отходивших людей и организовать оборону.

Затем в штабе дивизии было получено донесение от заведующего хозяйством 53-го стр. полка из мз.* Долгая Мельница, в котором сообщалось о том, что им собрано около 60 человек 53-го стр. полка.

---

* Мз. — мыза. (Прим. ред.).

Получив эти сведения, начальник дивизии Фейдман полагал, что события, разыгравшиеся на левом боевом участке, произошли в результате одного из обычных налетов белых, вследствие чего положение там может быть восстановлено в ближайшее время».

Окрыленные таким первоначальным успехом, «северяне» продолжили наступление на гатчинском направлении. Чтобы отрезать противнику пути отступления, они мобилизовали у местного населения подводы с возчиками, и теперь пехота добровольцев стала обгонять разрозненные группы отступавших красноармейцев.

У командования 7-й красной армии возникли опасения, что в события может вмешаться английская эскадра адмирала В. Коуэна, которая находилась в восточной части Балтийского моря и в Финском заливе. Над Петроградом и Кронштадтом нависла угроза иностранной интервенции. Эскадра британцев была достаточно сильной: 12 крейсеров и 20 эскадренных миноносцев, не считая малых кораблей и вспомогательных судов. Но опасения пока были напрасны: адмирал Коуэн ограничился демонстрацией могущества Великобритании у морских границ Советской России.

В наступление перешла 1-я эстонская дивизия, которая, получив поддержку Островского полка полковника Ярославцева, тесня красных, начала успешно продвигаться вдоль берегов Финского залива и Лужской губы. Белоэстонцы захватывают Пейпию на берегу Копорского залива. Белые добровольцы взяли Котлы и подошли к Копорью — древней новгородской крепости, выстроенной еще против ливонских рыцарей. Был высажен десант в устье реки Луга.

Генерал-майор А.П. Родзянко решил оказать на противника и психологическое давление. Связисты Кронштадтской крепости приняли вражескую радиограмму следующего содержания:

«За нами идет эскадра с десантом и продовольствием. На фронтах сдаются без боя. Не губите жизни и народного дела и приготовьтесь к сдаче, друзья России. Родзянко».

6-я красная стрелковая дивизия, оказавшись в полном расстройстве, начала отход окружным путем к селению Копорье. Была брошена тяжелая артиллерия, завязшая в болоте. Орудия сбрасывались в придорожный ручей, замки их вынимались и топились. Впоследствии Родзянко писал, что в том боевом эпизо-

де «северянами» было подобрано более 15 орудий, треть из которых оказалась крупных калибров.

Белые наступали главными силами вдоль Балтийской железной дороги. Был занят город Ямбург, в котором противник бросил значительные запасы продовольствия и снаряжения и около 500 железнодорожных вагонов. Но боеприпасов среди трофеев почти не нашлось.

Главнокомандующего Юденича, который получал от генерал-майора А.П. Родзянко сводки боевых действий, поразило, насколько легко и удачно был взломан неприятельский фронт. Малочисленные белые войска, не встречая пока упорного сопротивления со стороны 7-й армии, успешно развивали наступательную операцию в сторону Петрограда.

Это был один из тех эпизодов Гражданской войны, когда могла быть достигнута важная победа. Из-за неразберихи в ходе натиска «северян», командование 7-й армии в майские дни не смогло оперативно быстро и достаточно ясно нарисовать перед Москвой всю картину своего катастрофического положения на Нарвском фронте. Пожалуй, лучше всего она была обрисована в работе Надежного, в основу которой легли архивные документы его армии:

«К вечеру 17 мая белые, потеснив 2-й Петроградский полк, заняли сс. Беседы и Кряково.

2-й Петроградский полк отошел к ст. Вруда и занял позицию на линии сс. Конохоницы и Овинцево, а к югу от него расположился на линии сс. Ямки, Горицы и Ухора прибывший из Петрограда 4-й стр. полк; сформированная из остатков 167-го и 171-го стр. полков и дивизионной школы сводная рота составляла резерв участка.

Около 12 час. 30 мин. 18 мая белые, совершив глубокий обход, атаковали ст. Вруда с востока, и 2-му стр. полку с большим трудом удалось отойти к с. Терпелицы. На станции были оставлены бронепоезд и продовольственная база. Командир 1-й бригады Ярчевский едва избежал плена и к утру 19 мая с 80 людьми прибыл на ст. Войсковицы, оказавшись, таким образом, в 30 с лишним километрах в тылу своих частей и позади штаба дивизии, отошедшего на ст. Елизаветино.

Необходимо отметить, что в этот период местное население района, где происходили боевые действия, выказывало большое тяготение в сторону белых, в результате чего их ряды стали пополняться добровольцами и добровольческими партизанскими

отрядами. Одновременно с этим были зарегистрировано несколько случаев нападения на отходившие мелкие части советских войск».

Штабу отступавшей 6-й красной стрелковой дивизии все никак не удавалось наладить ни связь с частями, ни тем более оперативного управления ими. Из штатной артиллерии оставалось всего шесть орудий, были утрачены телефонное имущество и мотоциклы, большая часть дивизионной кавалерии. При отступлении были брошены полковые обозы и полевые кухни.

Положение не спасало прибытие Петроградских полков, Кронштадтского крепостного полка, отряда новгородских курсантов и «отлов» в тылу дезертиров, которых возвращали на передовую. У командования 7-й армии имелись серьезные резервы в самом Петрограде и можно было снять немало сил с позиций на Карельском перешейке, но на это требовалось время.

Из штаба 7-й дивизии потребовали от начальника 6-й стрелковой дивизии Фреймана закрепиться на занимаемой позиции и не допустить выхода неприятеля к Варшавской железной дороге. Однако это приказание оказалось запоздалым и «потому выполнено быть не могло не только в целом, но и в частности». За неумение ориентироваться в обстановке и нераспорядительность Фрейман был смещен со своего поста.

Вступивший в командование Нарвским участком Иванов в разговоре с командующим 7-й армией 22 мая обрисовал положение на фронте в «более благожелательных тонах», чем это было на самом деле:

«Поперек железной дороги стоит превосходный 154-й полк и бронепоезда №№ 49 и 12. В районе Копорье стоят 168-й и 166-й полки в тесной связи с красногорской группой, стоящей от с. Перново до с. Копорье. Положение там устойчивое. Центр наполнен беглецами до трех тысяч, которые устраиваются на линии Ропша — Кипень, — положение слабое. Поэтому туда вечером двинутся из Красного Села 1000 человек учебной школы запасных войск (бывших учебных команд) и три бронемшины.

Южнее верст 10 работают две бронемшины и с ними партизанский отряд».

В те дни ни в штабе Нарвского участка, ни в штабе 7-й армии не смогли определить направление главного удара Родзянко — на железнодорожную станцию Веймарн. В противном случае советские войска смогли своевременно отойти на новые позиции в сторону Петрограда. Им же пришлось покидать

занимаемые позиции по реке Луга с потерями и в большом расстройстве.

Москва в лице Реввоенсовета, обеспокоенная начавшимся наступлением белогвардейцев на Петроград, направляла в первые дни боев только резервные войска, которые снимались с разных мест. Численно это были значительные силы: из Симбирска — стрелковая бригада, из Самары — стрелковая бригада без одного полка (около 2 тысяч штыков) с дивизионом артиллерии, из Котельнича — стрелковая бригада. Это были обученные армейские войска.

На Петроградский фронт отправлялись и более малочисленные воинские части. Среди них: сводный курсантский отряд из Костромских, Рыбинских, Ивано-Вознесенских и Тверских курсов, одна артиллерийская батарея и две караульные роты из Москвы, кавалерийская бригада из Казани (одна тысяча человек при 330 лошадях), отряд особого назначения из Орла в составе 200 человек, двух легких орудий и одного пулемета, тысяча человек пополнения из Запасного военного округа.

17 мая стало известно, что британская эскадра заявила о том, что она, возможно, будет оказывать содействие приморскому флангу «северян». В 13 часов дня четыре английских миноносца к западу от Шепелевского маяка встретились с шедшим из Кронштадта эскадренным миноносцем «Гавриил», сопровождавшим четыре тральщика и два сторожевых судна. После короткого боя «Гавриил» отошел вместе с эскортируемыми им кораблями к Кронштадту.

Не менее успешно развивались события на южном крыле наступающих белых добровольцев, где командовал Булак-Балахович. При поддержке огня с эстонской военной флотилии на Чудском озере, его отряд 15 мая занял город Гдов. Здесь на сторону «северян» перешел красный партизанский отряд Евсеева и экипаж бронелетучки.

Командующий Эстонской красной армией приказал Чудской военной флотилии покинуть роскопельскую базу и прорываться в Псковское озеро, к городу Пскову. 20 мая военные суда «Ермак» и «Ольга», катер, который буксировал баржу с военным имуществом вышли в поход. Но, отойдя от берега, корабли подняли Андреевские флаги и обстреляли позиции красных у прибрежного села Подборовье.

После этого флотилия направилась к устью реки Кунеть, где встретила отряд Булак-Балаховича, который передал команду-

ющему эстонской озерной флотилией бывшие военные суда красных, которые были уведены к городу Юрьеву.

Трудно сказать, могли ли в той операции «северяне» овладеть Псковом, который обороняли значительные силы в лице 10-й стрелковой дивизии красных. Все решил следующий эпизод. Командир 1-й стрелковой дивизии Эстонской красной армии Ритт и командир одной из дивизионных бригад Айпис перешли на сторону белоэстонцев вместе с 1-м эстонским стрелковым полком. Полк занимал позиции у города Изборска.

Печерская группа красных войск сразу же пришла в расстройство и откатилась к самому Пскову: белоэстонцы сразу же перешли в наступление на обнажившемся участке фронта и заняли Изборск. Затем части 10-й стрелковой дивизии под напором белоэстонцев в беспорядке оставили Псков, взорвав мосты через реку Великую. Вслед за этой дивизией отступили и другие части Чудского участка фронта.

Белоэстонцы, вступив в Псков, занялись его разграблением. Ситуация в городе не изменилась к лучшему и после вступления в него отряда знакомого псковичам Булак-Балаховича, который старался не портить отношений с союзным командованием. Надежный писал о нем:

«Пребывание Балаховича в г. Пскове было ознаменовано целым рядом разного рода насилий, вымогательств и зверских убийств. Лиц, заподозренных в приверженности к советской власти, вешали на улицах города прямо на фонарях. Имя Балаховича, первое время пользовавшееся большой популярностью, привлекало значительное количество перебежчиков не только из среды так называемых зеленых, дезертировавших из Красной армии, но и из рядов ее войск».

Командовавший «северянами» генерал-майор А. П. Родзянко, получив достоверные сведения о том, что белоэстонцы грабят Псков, выразил протест главнокомандующему армией Эстонии генералу Лайдонеру. Тот уклонился от прямого ответа, заявив, что он слагает с себя командование русскими белыми войсками. Так добровольческая Северо-Западная армия в ходе начавшегося наступления на Петроград лишилась своего союзника.

Председатель Реввоенсовета Л. Д. Троцкий «метал гром и молнии» по поводу удручающих событий на Петроградском фронте. Он издал приказ по 7-й армии, в котором красноармейцы призывались героически отстоять подступы к Петрограду. Среди прочего, в приказе говорилось:

«Лучшие солдаты обязаны поддерживать командный состав и помогать ему железной рукой справляться с трусами и шкурниками. Ни одно преступление не должно оставаться безнаказанным. В то же время ни один подвиг не должен оставаться без награды.

Революционный военно-полевой трибунал должен беспощадно карать всех тех солдат, которые продают своих братьев в бою».

Приказ «Солдатам Северной Армии, охраняющим подступы к Петрограду» своего действия не возымел. В городе на Неве царила пораженческая обстановка. Решением исполкома Петроградского совета был создан Комитет Обороны во главе с Г.Е. Зиновьевым (Радомысльским). Тот, поддавшись панике, стал подумывать об эвакуации Петрограда, а также Гатчины и Детского Села. Такой приказ уже был отдан новым командующим Западным фронтом Д.Н. Надежным. Получив такие сообщения, Троцкий отправил Реввоенсовету фронта срочную телеграмму:

«По прямому проводу: Старая Русса, Реввоенсоветзап.

Отдано ли вами распоряжение об эвакуации Петрограда. Если (таковое) было, то почему не было доведено до сведения Реввоенсовета Республики, который обращает внимание Реввоенсовета Западного фронта на полную нецелесообразность и фактическую неосуществимость широкой эвакуации Петрограда.

Речь может только идти о разгрузке Петрограда от такого имущества, которое в настоящее время и в ближайшем будущем может быть с пользой для дела использовано в других местах Республики и которое, попав в руки врага, послужило бы орудием против нас. Что же касается средств производства и сырья материалов, необходимых для продолжения промышленной деятельности, то представляется безусловно необходимым подрывать и вовсе приостанавливать сейчас промышленность в предвидении возможной опасности.

Единственно правильным путем является разработка системы таких мер, (как) увоз отдельных необходимых частей механизмов, запасных частей, подготовительные меры для взрыва и пр., при помощи которых в минуту фактически наступившей опасности представится возможным привести все наиболее ценные для неприятеля технические средства города в состояние непригодности.

Председатель Реввоенсовета Республики Троцкий».

Под «минутой фактически наступившей опасности» подразумевался захват города белогвардейцами. Эта телеграмма Троцкого

го фактически стала основанием для широкого минирования Петрограда. Минировались мосты, готовились к взрыву все хранилища запасов Военного и Морского ведомств, заводов и мастерских, чисто оборонных или приспособленных к выполнению военных заказов, различные железнодорожные и портовые сооружения.

20 мая Зиновьев доложил председателю Совета Народных Комиссаров В.И. Ленину о принятом решении отправить из Кронштадта в рамках эвакуации этой морской крепости 20—25 тысяч человек. Тот посоветовал главе петроградского Комитета Обороны следующее:

«Совершенно благонадежных отправляйте на Дон, неблагонадежных в концентрационные лагеря, неопределенных в Орловскую и подобные неприфронтовые, но и не голодные губернии».

Пока события на Петроградском фронте с «легкой руки» генерал-майора А.П. Родзянко развивались таким образом, а Петроград минировался и готовился к подрыву, Юденич продолжал оставаться не у дел. И в этом не было вины самого главнокомандующего добровольческой Северо-Западной армией. Николай Николаевичу вместо руководства вооруженной борьбой фактически приходилось тратить все силы и энергию на политику. Историк-белоэмигрант Геруа писал о Юдениче в весну 1919 года:

«Изобильно облепленный иностранными воздействиями, русской, так называемой, революционной общественностью», которую лучше было бы переименовать “полуреволюционной”, представителями сбежавшего за границу русского капитала, также не чуждого полуреволюции, и здесь ставшего “спекулятивным капиталом, плутократией”, генерал Юденич был, конечно, не в своей тарелке.

Неудивительно, что, по выражению окружавших его “демократов”, “умный, крайне молчаливый генерал”, впал в крайнее безмолвие. Вообще, ген. Юденич явно избегал политических разговоров».

Николай Николаевич, вне всякого сомнения, понимал, что тот «душевный порыв» добровольцев-«северян» почти ничем не подкреплен материально. Войска были вооружены в основном тем оружием, что было передано немецкими оккупационными властями и военными трофеями. Единообразным в обмундировании являлся только нарукавный знак добровольцев. Их фронто-

вой паек базировался только на заграничных пожертвованиях в виде американской муки.

Балтика оказалась для Антанты тем регионом, в котором преобладали интересы Лондона. Причем не самые бескорыстные. Из контактов (точнее — прошений о материальной помощи) с англичанами Юденич знал, что британский премьер-министр Д. Ллойд-Джордж скептически относится к перспективам Белого движения в Гражданской войне. По этому поводу у него были серьезные разногласия с военным министром У. Черчиллем.

Ллойд-Джордж открыто выступал против втягивания Великобритании «в какую-либо новую военную акцию в России». Черчилль же считал необходимым наращивать военную помощь генералу Юденичу. Премьер-министр же не видел в этом военном вожде Белого дела человека, способного взять Петроград, считая, что тот на победный исход своей борьбы с Советами не имеет никаких шансов.

Все эти отзывы о себе из Лондона, лестные и не самые лестные, Николай Николаевич знал от русских белоэмигрантов, оказавшихся в Британии. Он понимал, что англичане при их имперском самолюбии не могут простить ему отказ содействовать их войскам в Месопотамии в 1914 году в их тяжелой борьбе с турецкой армией. Кавказский полководец России приходился им явно не по нутру. И все же Юденич, ведя переписку с Черчиллем, продолжал верить в помощь Англии.

Наступление добровольцев на Петроград продолжалось. Но уже чувствовалось по силе все возрастающего им сопротивления 7-й красной армии, что силы ее заметно увеличиваются. Сил же у белых для развития дальнейшего успеха уже не оставалось. Одной из последних побед генерал-майора А.П. Родзянко стало занятие Талабским полком важного по расположению села Межно и переход на сторону штаба 3-го Петроградского стрелкового полка с одним батальоном (около 600 штыков) с артиллерией в селе Выра.

Вероятнее всего, что наступающие белые войска, воодушевленные своими едва ли не каждодневными боевыми победами деникинской армии под Тулой, а колчаковской — на реке Тобол, дошли бы до Гатчины. А за ней, в ближайшем приближении — находился уже и сам желанный Петроград — всего в 45 километрах. Но в планы наступательной операции «вмешался его величество случай».

Причиной всему стало восстание на форте «Красная Горка», поднятое подпольной офицерской организацией во главе с комендантом форта поручиком Н.Н. Неклюдовым, его ближайшими помощниками командиром артиллерийского дивизиона капитаном Лощининым и командиром крепостной бригады полковником Р.Ф. Деллем. Восстание на «Красной Горке» с гарнизоном свыше 6 тысяч человек начался в ночь на 13 июня.

Гарнизон форта (Красногорского боевого участка) состоял из 1-го и 2-го Кронштадтских крепостных полков, 2-го Петроградского стрелкового полка, 1-го легкого артиллерийского дивизиона, 20-го воздухоплавательного отряда, артиллерии форта и различных команд технической службы. Надежный писал:

«От участия в мятеже в первый же момент уклонились только одна рота 2-го Кронштадтского крепостного полка, команда из 36 подрывников и 11 человек из состава коммунистической роты».

К «Красной Горке» присоединились гарнизоны соседних фортов «Серая Лошадь» и «Обручев». Считается, что красногорское восстание было подготовлено подпольным «Национальным центром» при активном участии контрразведки добровольческого Северного корпуса.

«Красная Горка» и «Серая Лошадь» были фортами на южном побережье Финского залива и составляли единый комплекс с фортами морской крепости Кронштадт, оборонявшей морские подступы к Петрограду. Артиллерия «Красной Горки» имела орудий: 8 — 305-мм, 4 — 280-мм, 4 — 254-мм, 7 — 152-мм, 2 — 76-мм. Вооружение форта «Серая Лошадь» состояло из 3—152-мм и 5 — 120-мм орудий. Форты представляли собой мощные долговременные фортификационные сооружения и были обеспечены всем необходимым для боев в условиях блокады в первую очередь со стороны моря.

Толчком к восстанию стал отказ 1-го и 2-го Кронштадтских крепостных полков с приданными им подразделениями выполнить приказ командования — перейти в наступление на белых. Поручик Н.Н. Неклюдов оставил после себя воспоминания «Трагедия Красной Горки», из которых до нас дошла только небольшая их часть. Комендант форта писал:

«Солдаты при этом не только отказывались привести приказ в исполнение, но еще и угрожали применить силу оружия против тех, кто будет принуждать их к этому наступлению. От них при этом поступали довольно иронические предложения ком-

мунистам и комиссарам самим перейти в наступление, если им это нравится».

Тогда главный комиссар Кронштадта Ильин затребовал воинские части, которые смогли бы арестовать зачинщиков мятежа и принудить страхом «революционной кары» 1-й и 2-й крепостные полки к подчинению приказа командования. То есть речь шла о карательной операции. Действительно, в 3 часа ночи 13 июня отряд коммунистов из Кронштадта прибыл поездом в форт. Комендант «Красной Горки» лично обезоружил командира этого отряда. Пулеметная команда разоружила прибывший отряд. Всего в форту было арестовано около 350 человек коммунистов и сочувствующих им. С этого, собственно говоря, и началось вооруженное восстание красногорцев, которые были настроены наступать на Петроград. Неклюдов писал в воспоминаниях:

«Я послал два радио, одно русскому флоту, другое английским судам, поздравляя с переворотом. В радио англичанам я добавил, кроме того, что прошу поддержки.

Она не пришла никогда.

Утро прошло в переброске перешедших в восставших частей на новые позиции.

Казалось, что дело выиграно и что достаточно отправляемой минной дивизии в составе нескольких миноносцев в русло Невы, чтобы поднять восстание в Петрограде».

Поручик Неклюдов надеялся, что на помощь восставшим придет курсировавшая в Финском заливе английская эскадра адмирала В. Коуэна с «десантом и продовольствием». Но днем 13 июня она не появилась даже на горизонте, продолжая стоять в Биорке. Восставшие предъявили к Кронштадтской крепости и Балтийскому флоту требование присоединиться к ним. На размышление давалось пятнадцать минут, в противном случае угрожая открытием огня из тяжелых орудий форта «Красная Горка». Восставшие заняли железнодорожную станцию Большая Ижора, селения Борки, Таменгонт и оказались все в километрах шести от Ораниенбаума. Были произведены аресты всех чрезвычайных комиссий. К восставшим присоединился экипаж тральщика «Китобой».

Красное командование оперативно создало сводную бригаду — «Береговую группу» — под командой Санникова, в которую первоначально вошли матросские экспедиционные отряды с артиллерией, броневиками. 15-го июня подошли значитель-

ные подкрепления. Затем в бригаду влили другие воинские части, переброшенные к месту событий из Кронштадта и Петрограда.

Неклюдову срочно требовалось установить связь с наступавшими добровольцами. Посланцы с «Красной Горки» удачно добрались до расположения белых сил, но вышли на позиции Ингерманландского отряда (полка), которым командовал финский капитан Тополайнен. Тот не доложил генералу Родзянко об антисоветском восстании на «Красной Горке» и соседних фортах, оповестив только командира английской эскадры. После этого ингерманландцы прибыли в форт и забрали всех арестованных в форту в первый день восстания «в обмен на продовольствие». Судьбу их капитан Тополайнен решил на свое усмотрение: они частью были расстреляны.

Ингерманландский отряд был создан этническими финнами-ингерманландцами в районе Копорского залива, в селении Корнево. Командование приняли на себя финские офицеры, которые полностью игнорировали приказ главнокомандующего армией Эстонии подчиняться в оперативном отношении генерал-майору Родзянко. Капитан Тополайнен сыграл, по сути дела, предательскую роль по отношению к восставшим гарнизонам фортов «Красная Горка» и «Серая Лошадь».

Четыре дня в районе форта шли ожесточенные бои. Атаки с суши «береговой группы» Санникова восставшие успешно отбили. Два дня шла артиллерийская дуэль артиллерии форта с линейными кораблями «Петропавловск» (12 двенадцатидюймовых) и «Андрей Первозванный» (4 двенадцатидюймовых) и крейсером «Олег». (Перед этим с форта были обстреляны Кронштадт и Ораниенбаум.)

Утром 15 июня красные войска (4,5 тысяч человек) при поддержке 8 кораблей Балтийского флота и Кронштадтской крепости (всего 118 орудий, в том числе 36 калибром 203—305-мм) и 10 гидросамолетов (проводивших бомбометание с воздуха) перешли в наступление. Восставшие отступили с рубежа обороны Борки, Таменгонт, Каменка к форту «Красная Горка» и приняли бой на его укреплениях.

Первым сложил оружие гарнизон форта «Обручев». 16 июня красные войска заняли два других форта, которые были оставлены своими гарнизонами. «Гарнизон батареи Серая лошадь принес повинную», — писал Надежный. Восставшие (по воспоминаниям Неклюдова — около 6 тысяч человек с оружием и техническим

имуществом, по данным советских изданий — около 500 человек), так и не получив поддержки ни от англичан, ни от «северян», во главе с поручиком Неклюдовым отступили на левый берег реки Коваши. Часть укреплений при уходе была взорвана.

Разгром белого восстания на фортах значительно улучшил всю оперативную обстановку под Петроградом. Мятежные форт «Красная Горка» был переименован в «Краснофлотский», форт «Серая Лошадь» — в «Передовой». Восстание их гарнизонов получило название контрреволюционных мятежей.

Поручик Н.Н. Неклюдов сумел вывести колонну красногорцев на соединение с белыми войсками. Из бойцов 1-го и 2-го Кронштадских крепостных полков был образован добровольческий Красногорский полк. Артиллеристы фортов пошли на доукомплектование батарей «северян» и формирование трех новых.

Из матросов был создан Андреевский (морской) полк добровольческой Северо-Западной армии, названный так в честь Андреевского флага. Неклюдов писал в мемуарах «Трагедия Красной Горки»:

«Матросы были необыкновенно мужественными людьми, дравшимися героически, безразлично, на каком фронте бы они не находились. Впоследствии весь Андреевский полк погиб на подступах к Ямбургу».

Как бы отзвуком на восстания в фортах «Красная Горка» и «Серая Лошадь» стал серьезный удар по боевой мощи Балтийского флота: крейсер «Олег», находившийся в дозоре у Толбухина маяка, был потоплен английским торпедным катером. Фронт на российском Северо-Западе на самое короткое время стабилизировался.

На фоне всех этих событий и произошло назначение Верховным правителем России адмиралом А.В. Колчаком генерала от инфантерии Н.Н. Юденича Главнокомандующим всеми российскими сухопутными и морскими силами на Северо-Западе. Однако сразу же возглавить действующие войска он не мог, поскольку вел одни за другим переговоры об оказании помощи Белому движению на берегах Балтики. После безрезультатных переговоров с бароном Маннергеймом он совершил инспекторскую поездку в Эстонию. Там, на месте, он познакомился с состоянием добровольческого Северного корпуса, который стал называться Северо-Западной армией.

Тем временем передовые части «северян» подошли к Луге, Ропше и Гатчине. Этот успех привел к тому, что ряды добро-

вольцев значительно пополнились: в июле их уже насчитывалось около 20 тысяч штыков и одна тысяча сабель. Если 7-я красная армия не испытывала недостатка в резервах, то источники пополнения для белых на Псковщине стали иссякать. Теперь их ряды пополнялись в основном пленными красноармейцами.

Началось позиционное «топтание» в районе Копорского залива. Численность 7-й армии была доведена почти до 58 тысяч штыков и сабель. Она имела значительное превосходство над противником в числе пулеметов, полевых орудий, бронемашин, и была лучше обеспечена боеприпасами.

К тому времени у добровольцев окончательно разладились взаимоотношения с союзниками-белоэстонцами. Причиной стало то, что белые разоружили Ингерманландский полк, а генерал-майор А.П. Родзянко издал приказ о своем выходе из подчинения эстонскому главнокомандующему Лайдонеру. Главнокомандующему белыми силами на Северо-Западе с немалыми усилиями удалось не поссориться с Ревелем окончательно: здесь свое веское слово сказали представители держав Антанты.

Юденич делает все для того, чтобы усилить Северо-Западную армию, используя данные ему адмиралом Колчаком полномочия главнокомандующего. Своим приказом он перебросил под Нарву из Латвии белые части полковника князя Ливена. (Это была одна из самых заметных фигур Белого движения в Прибалтике.)

Прослужив два года в кавалергардах после окончания Николаевского кавалерийского училища, корнет князь Ливен вышел в отставку и стал успешно вести хозяйство в своем имении под Митавой. С началом Первой мировой войны вернулся по собственному желанию в Кавалергардский полк. Отличился в Виленском сражении, удостоившись Военного ордена Святого Георгия 4-й степени. Войну закончил в чине ротмистра. В феврале 1918 года был вместе с семьей арестован и в числе прибалтийских заложников (161 человек) был отправлен в Екатеринбург, где его заключили в тюрьму.

Согласно условиям Брест-Литовского мира (параграф 6-й) советская сторона передавала германской заложников из Прибалтийского края. Передача семьи князя Ливена состоялась в марте 1918 года в городе Орше. Ротмистр вскоре установил связь с генералом Родзянко, но в Эстонию не поехал, оставшись в Либаве. Там он сформировал русский Либавский добровольческий стрелковый отряд (65 штыков, 2 пулемета), который принял участие в боях на стороне германцев с красными войсками.

Вскоре Ливенский отряд пополнился добровольцами: эскадронном штабс-ротмистра барона Гана, пехотной рота капитана Дыдорова и пулеметной ротой штабс-капитана Эшольца.

Получив пополнения военнопленными из лагерей в Германии, Ливенский отряд был развернут при помощи немецкого оккупационного командования в Добровольческий корпус светлейшего князя Ливена (или Западный корпус Северо-Западной добровольческой армии). В него влились отряды бывших русских военнопленных в Германии под командованием полковников Бермондта-Авалова и Вырголича.

«Ливенцы» приняли участие в боях против красных латышей и участвовали с немецким Балтийским ландесвером и белолатышским отрядом полковника Баллада во взятии Риги. В бою неподалеку от станции Роденпойс князь Ливен получил тяжелое ранение: пуля разбила ему бедро и ушла в живот. После излечения он долгое время не расставался с костылями.

Приказ генерала от инфантерии Н.Н. Юденича о переброске корпуса на Нарвский фронт выполнил только полковник князь Ливен. Туда были переброшены два батальона, стоявшие в Либаве, и батальон генерал-майора Верховского, который нес караульную службу в Риге. Из «ливенцев» в добровольческой армии была сформирована Ливенская дивизия.

Полковники Бермондт-Авалов и Вырголич приказ Юденича не выполнили. Их отряды, пополненные добровольцами — немецкими солдатами и унтер-офицерами, не пожелавшими вернуться в Германию, образовали так называемый Западный добровольческий корпус генерала от кавалерии графа Келлера. Его командиром стал П.Р. Бермондт-Авалов (уссурийский казак, усыновленный грузинским князем Аваловым), участник двух войн — Русско-японской и Первой мировой, германofil и ярый монархист.

Добровольцы полковника Бермондт-Авалова участвовали в борьбе против Советов в Латвии в составе германских войск генерала фон дер Гольца — Балтийского ландсвера, Железной дивизии и Гвардейской Резервной дивизии. Только после этого Западный корпус оказался в составе белой добровольческой армии Северо-Запада.

По многим свидетельствам, впервые прибывший в добровольческие войска на Псковщине Юденич встретил на месте довольно холодный прием. И дело было не только в соперничестве с генералом Родзянко. Белые в разоренной Гражданской войной

Псковской губернии откровенно бедствовали. Жалованья не выдавалось, экспроприации продовольствия не выручали, спасала только американская миссия. Через нее добровольцы получали на день по 800 граммов «беженского» хлеба и 200 граммов сала.

Юденич, даже при всех своих боевых регалиях, явно проигрывал в противостоянии с Родзянко. Тот был для «северян» своим, а Юденич — посланцем омского правителя адмирала Колчака. Один из белоэмигрантов в своих мемуарах высказался следующим образом:

«Восторга в рядах армии Юденич не вызвал, на интересующие нас вопросы он ничего не ответил, солдатам ничего не говорил, а в Ямбурге, производя смотр перешедшим к нам красным, поблагодарил их за службу».

Больше всего осложнил положение белых на российском Северо-Западе официальный Лондон. У того желания утвердиться на берегах Балтики оказалось не меньше, чем у Германии, потерпевшей разгром в Первой мировой войне.

В то время в Прибалтике действовала от лица Антанты межсоюзническая военная миссия. Она осуществляла контроль за эвакуацией из стран Балтии германских оккупационных войск. Главой миссии являлся британский генерал-лейтенант де Гофф. Он, одновременно, руководил снабжением и вооружением прибалтийских армий и белых войск. Гофф всячески поддерживал создание добровольческой Северо-Западной армии под командованием Юденича (от которого англичане так и не сумели добиться признания независимости Эстонии).

Глава межсоюзнической военной миссии вмешивался в дела Белого движения на Северо-Западе довольно решительно. Не без его давления и настойчивых советов Н.Н. Юденичу пришлось начинать свою деятельность Главнокомандующего с формирования регионального правительства. Процесс его создания больше напоминал политический фарс с переодеванием. Да в той ситуации вряд ли могло быть иначе.

Все для Николая Николаевича началось с того, что другой английский генерал в составе межсоюзнической миссии — Ф.Дж. Марш, как лицо официальное (он был заместителем де Гоффа) провел в городе Пскове закрытое совещание. На него он пригласил командование всех антисоветских сил — русских, эстонских, латышских. В таком кругу людей военных британец и поднял вопрос о формировании Северо-Западного правитель-

ства для России. Генерал Марш при этом заявил, что признание государственного суверенитета Латвии и Эстонии Европой прямо зависит от их участия в освободительном походе на красный Петроград. Собственно говоря, Ревель и Рига против этого ничего не имели.

Через три дня генерал Ф.Дж. Марш провел новое совещание, но уже в эстонской столице. На него он пригласил из Гельсингфорса членов «Политического совещания», ряд других руководителей белой эмиграции — К.А. Крузенштерна, К.А. Александрова, М.М. Филиппею, М.С. Моргулиса, В.А. Горна и Н.Н. Иванова. Особое место среди приглашенных на совещание занимал английский газетный репортер Поллак. Именно от него во многом зависела оценка в Лондоне результативности работы британской части межсоюзнической миссии в странах Балтии.

То ревельское совещание было примечательно тем, что англичане не пригласили на него генерала Юденича. Поводом послужило то, что тот в эти дни инспектировал добровольческие части, стоявшие не в столь уж далекой от эстонской столице Нарве.

На совещании в Ревеле присутствовали, помимо англичан, представители французской и американской миссий. Париж и Вашингтон тоже были заинтересованы в консолидации сил Белого движения на Северо-Западе канувшей в историю Российской империи. Совещание вел бригадный генерал Марш.

Перед этим Марш встречался в Нарве с русским главнокомандующим Юденичем и предложил ему собственный список министров еще не созданного Северо-Западного правительства. Но Николай Николаевич довольно сдержанно отнесся к предложению настойчивого союзника: как официальное, полномочное лицо Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака он не хотел принимать открытого диктата со стороны англичанина, да еще в ранге рядового генерала.

На совещании в Ревеле Ф.Дж. Марш безапелляционно потребовал от собравшихся лидеров белой эмиграции немедленно образовать «Северо-Западное русское правительство». Британский военный сразу же очертил круг задач этого правительства, обязательных к исполнению по желанию межсоюзнической миссии. Первым актом должно было стать признание независимости Эстонии. И последующая договоренность с ней о совместной борьбе против большевистской России. Бригадный гене-

рал заявил, что в противном случае Антанта отказывает Белому движению в регионе во всякой поддержке.

Ультиматум высказанный в самом категорическом тоне, Марша подействовал в тот же день. Так было образовано Временное русское Северо-Западное правительство, которое в истории Гражданской войны получило название еще и как «маршевское». В его состав вошли в основном представители трех партий: кадетов (конституционно-демократической), правых эсеров (социалистов-революционеров), меньшевиков (социал-демократов) и ряд беспартийных.

В этом правительстве, созданном без участия Юденича, монархизмом «не пахло». Премьер-министром и министром финансов стал известный российский нефтепромышленник Лианозов, министром иностранных дел — кадет Александров, военным министром — главнокомандующий Юденич, морским министром — вице-адмирал Пилкин, известный в будущем мемуарист белой эмиграции, министром юстиции — кадет Кедров, министром торговли, снабжения и народного здравия — Маргулиес, министром продовольствия — социалист Эйшинский, министром народного просвещения — кадет Эрн, министром земледелия — правый эсер Богданов, министром общественного призрения — его соратник по партии Пешков, министром почт и телеграфов — Филиппео, министром исповеданий — Евсеев. Государственным контролером — меньшевик Горн. И, наконец, министром общественных работ был назначен Иванов.

Естественно, что первым правительственным документом стал тот, на котором настаивал бригадный генерал Ф.Дж. Марш: заявление о признании государственной независимости Эстонии. То есть случилось то, против чего выступал Н.Н. Юденич. Звучало оно так:

«Заявление (Предварительное).

Эстонскому правительству и Представителям Соединенных Штатов, Франции и Великобритании в Ревеле.

Ввиду настоятельной необходимости образовать демократическое Правительство для Северо-Западной Области России, единственно с которым эстонское правительство согласно вести переговоры с целью способствовать русской действующей армии освободить Петроградскую, Псковскую, Новгородскую губернии от большевистской тирании и учредить в Петрограде Учредитель-

ное Собрание, которое либо подтвердит, либо изменит, как можно выразиться на юридическом языке, наши соответствующие назначения, как министров, каковые мы принуждены обстоятельствами, независящими от нашей воли, принять на себя, мы, нижеподписавшиеся, сим заявляем, что Правительство Северо-Западной Области сформировано, как указано ниже.

Как первый акт, в интересах нашей страны, мы сим признаем абсолютную независимость Эстонии и просим представителей Соединенных Штатов Америки, Франции и Великобритании добиться от своих правительств признания абсолютной независимости Эстонии.

Премьер-министр Лианозов.
Министры: Маргулиес, Иванов, Александров,
Филиппео, Горн».

После признания белой властью независимости Эстонии, бригадный генерал Ф.Дж. Марш «приложил руку» к появлению на свет еще одного многозначительного документа:

«Эстонскому правительству (Министру Иностранных Дел).
Копия Русскому Министру Иностранных дел.
(Перевод с английского)

Генерал-лейтенант сэр Губерт Гаф получил Ваше заявление от 11 августа 1919 года, адресованное бригадному генералу Дж. Маршу.

1. Он приветствует ваше уверение, что Эстонское правительство готово оказать всевозможную поддержку вновь сформированному Русскому С.-З. правительству.

2. Полковник Пири Гордон, представитель Британского Министерства иностранных дел, поддерживает Ваши требования о признании абсолютной независимости. Я уже уверял Вас в моей самой искренней симпатии и опять уверяю вас в том же, если Вы поддержите политические и военные цели новой демократической Северо-Западной России.

3. ...Я прошу Вас обратить внимание на то, что я ожидаю, что Вы придете в наикротчайший срок к благоприятному соглашению с Русским правительством.

Ф.Дж. Марш, бригадный генерал.
Генерал-лейтенант сэр Губерт Гоф.
Начальник Союзной Военной Миссии в Финляндии и
Балтийских Штатах Сев-Зап. России.
Ревель, 13 августа 1919 г.».

Генерал-майор А. П. Родзянко оказался «первым, кто не признал полномочия» Северо-Западного правительства, заявив министрам, что не позволит им вмешиваться во внутренние дела сражающейся на фронте добровольческой армии. Юденич дал понять, что английский бригадный генерал явно превысил свои полномочия при создании Временного правительства Северо-Запада. Николаю Николаевичу пришлось затратить немало сил и времени, отрываясь от дел сугубо военных, чтобы сформировать новое региональное правительство из людей, способных при занятии Петрограда сразу же приступить к управленческой деятельности.

Такое правительство Северо-Западной области было создано только осенью 1919 года. Его состав довольно долго утрясался при помощи заинтересованных представителей Антанты. В окончательном варианте юденичское правительство выглядело так:

Глава кабинета — профессор петроградского Технологического института кадет А. Н. Быков. Министр финансов — бывший товарищ (заместитель) министра финансов в царском правительстве С. Ф. Вебер. Министр путей сообщения — известный инженер М. Д. Альбрехт. Морской министр — адмирал А. В. Развозов. Министр религиозных культов — в прошлом член Временного правительства кадет А. В. Карташев. Из «ревельских» министров в окончательный состав кабинета никто не попал.

Петроградским градоначальником намечалось назначить полковника Генерального штаба В. Я. Люндеквиста, начальника штаба 7-й красной армии, переназначенного на такую же должность в 11-ю армию, в Астрахань, но Петроград не покинувшего. Люндеквист был одним из руководителей подпольного Национального центра. (За подготовку антибольшевистского восстания в городе на Неве расстрелян в январе 1920 года.)

Едва ли не самым заметным деянием правительства Северо-Запада был выпуск собственных денежных знаков. Юденич с первого до последнего дня своей руководящей деятельности в Белом движении сталкивался с финансовыми трудностями. Союзники по Антанте выделяли денежных сумм на ведение Гражданской войны в России все меньше и меньше. Соотечественники из финансовых тузов, осевшие за границей, прохладно относились к российским событиям и, за редким исключени-

ем, не собирались больше раскошелиться на содержание белых добровольческих армий.

Областное Северо-Западное правительство получило право у Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака отпечатать собственные денежные знаки. Они были изготовлены в благополучной нейтральной Швеции. В правительственном постановлении говорилось:

«Денежные знаки Северо-Западной области обязательны к приему на русской территории, как казенными и общественными учреждениями, так и частными лицами на всех рынках и базарах по обозначенной на денежных знаках стоимости».

Правительство официально объявило, что через три месяца после занятия Петрограда они будут обменены на государственные кредитные билеты, из расчета рубль на рубль. Или, по желанию владельца, — на английскую валюту из расчета сорок рублей за один фунт стерлингов.

На «шведских банкнотах» стояли две подписи — министра финансов областного правительства и главнокомандующего генерала от инфантерии Н. Н. Юденича. Денежные знаки обладали минимальной покупательной способностью по одной веской причине: их мало кто признавал за деньги.

Когда в белой армии стали выплачивать в «новых» денежных знаках задержанное за многие месяцы жалование нижним чинам и офицерам, в войсках «создался нездоровый шум». Но иных денег у правительства Северо-Запада для собственной армии не имелось.

Пока главнокомандующий занимался вопросами, достаточно далекими от боевой деятельности, усилившаяся 7-я красная армия перешла в контрнаступление на войска генерала Родзянко, терпевшие лишения буквально во всем. За июль и август «северяне» откатились к границам Эстонии, удерживая за собой лишь узкую полоску земли в приграничье, в районе Гдова и Пскова. Юденич приказал Родзянко удержать за собой город Ямбург и позиции по реке Луге. Но тот решил действовать на собственное усмотрение. Так возник новый конфликт главнокомандующего с этим «бесстрашно-храбрым» кавалергардом, пользовавшимся среди добровольцев огромной популярностью.

Родзянко лично распорядился оставить Ямбург и взорвать железнодорожный мост через реку Лугу. 4 августа в город вступили красные войска. 26 августа они взяли Псков. Сдача Ямбура ломала все планы главнокомандующего на ведение операции

против Петрограда. Теперь ему, по сути дела, операцию предстояло начинать заново.

Прибывший в Петроград Л.Д. Троцкий поздравил бойцов Красной армии с важной победой над белогвардейцами, которые были отброшены мощным контрударом от красного Питера. Председатель Реввоенсовета Республики «видел» в состоявшихся событиях хороший предлог начать поход против белой Финляндии, считая, что разгром добровольческой Северо-Западной армии полный и окончательный. Троцкий писал:

«Необходимо поднять среди них (прибывающей в Петроград дивизии из мобилизованных башкир. — *А.Ш.*) большую агитацию, в особенности против финляндской буржуазии, которая является помощницей Колчака и содействует восстановлению его самодержавной власти над башкирами. В случае выступления Финляндии против нас предлагается пустить в первую голову башкир на Выборг и Гельсингфорс с задачей прямого истребления финской буржуазии, чтобы раз навсегда отвадить буржуазию малых народностей покушаться на русскую революцию.

При решающем переломе на юге резервы петроградского фронта станут почти не ограниченными. В этом смысле я оцениваю положение петроградского фронта как безусловно надежное. Полагаю, что и сами финны отдадут себе отчет в действительном соотношении сил, но если бы оказалось не так и они попытались бы наступать на Петроград, в конце концов от этого выиграла бы только ясность положения. Нам, безусловно, необходимо после сокрушения Колчака сокрушить буржуазию одного из малых народцев, состоящих на содержании Антанты. Очевидно, очередь за финской буржуазией».

Троцкий опасно ошибался, считая положение на Петроградском фронте «как безусловно надежное». Белая Северо-Западная армия отступила на исходные позиции, но с прибытием в войска (наконец-то) своего главнокомандующего, она начала готовиться в сжатые сроки к новому походу на Петроград. Теперь добровольцы имели в лице Юденича блестящего мастера тактических ходов.

Ради исторической правды следует заметить, что заслуженный прошлыми делами Н.Н. Юденич проигрывал в роли военного вождя «северян» А.В. Родзянко: первый имел власть правительственную, а второй реальную. Примечательны в этом отношении мемуары белоэмигранта В.Л. Горна, который так описывал

противоборство формального главы белой армии Северо-Запада со своим корпусным командиром:

«Постепенно, шаг за шагом, определенно выяснилось, что Юденич слабохарактерен, нерешителен, вял и совершенно не в состоянии произвести необходимых реформ в армии, — наоборот, Родзянко настойчив, упрям и явно стоит поперек дороги всем начинаниям правительства.

Это не было открытием для всех нас: еще до образования правительства широкие общественные круги определенно требовали удаления в первую очередь ген. Родзянко, а когда правительство медлило с этим, левой его части приходилось выдерживать яростные нападки со всех сторон, и тем не менее вопрос об удалении ген. Родзянко становился все сложнее и сложнее, по мере того как выяснялась физиономия той военной среды, с которой нам ближе теперь пришлось столкнуться.

Ген. Юденич, что называется, не тянул».

Но это было мнение одного из первых министров правительства Северо-Западной области, который до конца своего портфеля не удержал. И потому объяснимо ревниво относился к личности Юденича. Сам же Николай Николаевич с первых дней прямого командования добровольческой Северо-Западного фронта был настроен решительно, как во времена Сарыкамыш, Эрзерума и Трапезунта. Для начала он навел должный порядок в высшем эшелоне военной власти.

«Приказ

Войскам Сев.-Зап. Фронта

№ 77

2-го сентября г. Нарва

С сегодняшнего дня я вступаю в непосредственное командование Армией.

Назначаю:

Командующего Армией, Генерал-Лейтенанта Родзянко, моим помощником по званию Главнокомандующего.

Начальником Штаба Фронта, Генерал-лейтенанта Кондырева, моим помощником по должности Военного Министра. Штаб Северо-Западной Армии переименовать в Штаб Главнокомандующего Северо-Западной Армией.

Главнокомандующий войсками С.-З. фронта
Генерал от Инфантерии Юденич».

Это заметное событие в истории Гражданской войны русская белая эмиграция приветствовала восторженно. Так, газета «Свободная Россия» писала на своих страницах:

«Герой Кавказа — единственного фронта, где русская армия за эту войну (Первую мировую. — *А.Ш.*) не имела поражений. Не при дворе, не в канцеляриях добывал он себе чины и ордена, с мечами и бантами. Заслужил он их в боях с врагами земли русской. Завоеватель Эрзерума — безумно смелой атакой в 3 дня взявший эту неприступную твердыню в лютый январский двадцатиградусный мороз — он решил в первый раз в жизни начать борьбу с врагом, лютейшим из лютых».

Кавказский полководец принял командование над добровольческой армией, которая к октябрю имела следующий боевой состав: 26 пехотных полков, 2 кавалерийских полка, 2 отдельных батальона и небольшой резервный отряд. Всего — около 18 500 бойцов (17 800 штыков и 700 сабель).

Это был боевой состав. Сам Юденич на заседании Совета министров в сентябре 1919 года заявил, что в рядах белой армии насчитывается 27 тысяч человек. По данным же Военного министерства Северо-Запада численность армии через месяц уже составляла 59 100 человек.

Из этого числа в штабе армии и приданных ему частях и учреждениях значилось 500 офицеров и военных чиновников, а в армейских частях — 5500 офицеров и чиновников, подпрапорщиков, сестер милосердия, фельдшеров и военных священников, 200 вольнонаемных специалистов — оружейных и прочих мастеров, машинистов паровозов и прочих, 353 фельдфебеля, 1412 старших унтер-офицеров, 5546 младших унтер-офицеров, 22 тысячи ефрейторов и 22 289 рядовых солдат.

Такая разница между действительным составом добровольческой армии и тем, что значился «на бумаге», объяснялась весьма просто. Армейское командование таким образом рассчитывало получить от правительства «дополнительные» ассигнования, получаемые им от Антанты. «Излишние» средства должны были пойти на содержание терпящих немалые материальные и продовольственные лишения войск, особенно тех, кто находился на фронте.

По данным Главного начальника снабжения Северо-Западной армии генерал-майора Генерального штаба Г.Д. Янова, ее численность «достигала 56 600 человек, из них бойцов — 20 700».

Через несколько дней он указал на возросшую численность белых войск: 1-й армейский корпус — 58 742 человека, 2-й армейский корпус — 16 749 и 1-я пехотная дивизия — 15 тысяч человек. А всего — 75 491 едоков. Затем эта цифра поднялась до 101 648 человек.

Жалованье выдавалось по числу едоков. Сколько их было на бумаге и в действительности — никому достоверно не было известно, в том числе и самому главнокомандующему. Жалованье рядового составляло в месяц 150 рублей, ефрейтора — 175, младшего унтер-офицера — 200, старшего унтер-офицера — 250, фельдфебеля — 300, подпрапорщика — 500, офицера — 600 и выше (смотря по званию) и командиру корпуса — 900 рублей.

Для участников боевых действий и убывших в командировки выдавались дополнительные пособия: офицеру полагалось в сутки по 16 рублей, нижнему чину — 6 рублей.

Бойцы добровольческой Северо-Западной армии имели в материальном плане и «социальную защищенность». Так, офицеры и военные чиновники получали по 200 рублей в месяц на жену и по 100 — на каждого ребенка до 16 лет.

Думается, что такая «военная хитрость» Юденича и его министров была вполне объяснима и понятна союзникам. Но «выбить» минимально необходимые средства на существование армии и обеспечить ее боевую деятельность удавалось далеко не всегда.

Региональному правительству не удалось организовать на местах сколько-нибудь представительную исполнительную власть. И дело было даже не в кратковременности ее существования. Гражданская война вносила «свои изменения» в действия властных структур. Одной из первых правительственных мер стала мобилизация военнообязанных на территории бывшей Псковской губернии. Среди мобилизованных, то есть тех, кто согласился служить в белой армии, оказалось большое число фронтовиков — унтер-офицеров и фельдфебелей бывшей царской армии, представителей «солдатской аристократии». Но много призывников уклонялось от военной службы. Людей, не желавших воевать ни на той, ни на другой стороне было много. Часть из них пополнила ряды так называемых «зеленых».

Указов и постановлений правительство Н. Н. Юденича издавало много. Но на местах они, как и следовало ожидать, не исполнялись. Одной из причин такой ситуации являлось то, что правительственные решения часто носили взаимоисключающий

характер. К тому же кабинет министров Северо-Запада так и не выработал достаточно четкой линии за время своей деятельности.

Обращает на себя внимание тот факт, что правительство Юденича многими своими решениями стремилось внести некое «успокоение» в деревню, пытаясь найти там среди разоренного продразверстками и экспроприацией продовольствия крестьянства опору Белой власти. Так, в одном из правительственных аграрных постановлений стоял такой удивительный для современных исследователей событий Гражданской войны пункт:

«Охранить от хищения и захвата совхозы, коммуны, коллективы и др. советские имения, питомники и хозяйства, которые могли бы впоследствии послужить общеагркультурным целям».

Гражданская война велась не только на фронте, но и за умонастроения воюющих людей. Поэтому правительство Северо-Западной области решило начать против «Советов» ответную пропагандистско-агитационную борьбу. Как это делалось, лучше всего свидетельствует одна из прокламаций, выпущенная летом 1919 года только что открывшимся отделом пропаганды при министерстве внутренних дел правительства Юденича и утвержденная начальником военно-цензурного отдела Северо-Западной армии.

Данная прокламация белых, равно как и схожие прокламации их противников, обращались прежде всего к людям военным, сражавшимся на фронте и обеспечивавшим порядок в прифронтной полосе. Вот ее содержание:

«Красные офицеры и солдаты!

За что вы боретесь и за что мы подняли оружие?

Вы боритесь за комиссародержавие, за лживую власть Анфельбаумов (Зиновьев), Бронштейнов (Троцкий), Назамкесов (Стеклов), Розенфельдов (Каменев), Калининых, Петерсов, которым не дорога наша Родина и нужен один лишь позор ее.

Мы боремся за Учредительное собрание, за всенародный и свободный выбор любящих родину людей, у которых одна мысль и одно сердце с народом.

Вы боритесь за интернационал, за то, чтобы Русскими природными богатствами могли распоряжаться не русские, а всякие проходимцы — Бронштейны, Назамкесы и Рабиновичи, называющие себя Троцкими, Петровыми, Стекловыми и Сидоровыми.

Мы восстанавливаем национальное единство и национальное хозяйство, чтобы хозяином земли Русской и ее неисчерпаемых богатств стал сам народ Русский и чтобы никто другой, а сам он пользовался тем, что дает ему его Родная Земля.

Вы насаждаете коммуны, которые дают возможность лентяям и тунеядцам пользоваться плодами трудящихся рук.

Мы отстаиваем право собственности. Всякий имеет право на то, что ему законно принадлежит; всякий имеет право приобретать честным трудом то, что ему недостает. Всякий должен иметь право свободно распоряжаться тем, что он добыл трудами своими.

Вы разрушаете церкви и уничтожаете православную религию. Отнятие святых икон у школьников, превращение христианских церквей в театры, клубы и кинематографы, расстрелы священников, насильственная мобилизация духовных лиц в красную армию, запрещение общественных молебствий и крестных ходов, осквернение священных мощей — не издевательство ли это над тем, что столь дорого верующему сердцу русского народа.

Мы восстанавливаем поруганную религию и полуразрушенные храмы. Пусть с прежней силой засияет в душе русского народа вера в Христа и его святую церковь. И пусть каждый верующий свободно осенит себя крестным знамением и помолится за спасение погибающей Родины, ибо велик Бог земли Русской.

Вы отстаиваете наглый произвол и гнусное насилие большевиков, комиссаров и их наемников — китайцев, латышей и коммунистов. Защищая их, вы даете им возможность расстреливать, грабить и истязать наших же братьев, сынов, отцов, жен, без всякого суда и следствия.

Нам сопутствует полное покровительство закона. Закон — равный для всех и все равны перед законом. За преступление — всем одинаковое наказание. Мы восстанавливаем уничтоженную свободу мысли и печати. Свободная печать должна открыть глаза народу на все злоупотребления теперешних советских властителей.

Мы втянуты в бесконечную войну со всем миром. Троцкие и Зиновьевы хотят затопить всю землю в братской крови. Они травливают рабочих на крестьян, крестьян — на рабочих, сынов на отцов, отцов на сынов.

Мы несем мир земле Русской. Немедленно после свержения пропитанной кровью русских людей большевистской власти должна быть восстановлена свобода мирного труда. Довольно уже

наши поля обгадрились русской кровью по вине проходимцев, у которых нет своего отечества. Пусть же вся пролитая ими русская кровь падет на их головы. Пора тебе, русский человек, последний раз взяться за оружие и, свергнув иго красных палачей, окончательно вернуться к домашнему очагу и мирному труду. С нами хлеб, с нами мир, и хозяин земли Русской — Учредительное собрание.

Штаб белой армии».

Подобные прокламации распространялись по ту сторону фронта с риском для жизни. Белых агитаторов в случае их поимки просто расстреливали на месте. Впрочем, и с красными агитаторами поступали так же, но чаще по приговору военно-полевого суда.

28 сентября 1919 года генерал от инфантерии Н.Н. Юденич отдал приказ по добровольческой Северо-Западной армии наступать на Петроград. Хотя белые войска еще не совсем были готовы к такой крупномасштабной операции, Николай Николаевич все же решился на такой рискованный шаг: торопило время. Советское правительство было готово пойти на переговоры с буржуазной Эстонией и на них «разменной картой» являлась белая армия Северо-Запада. Официальный Ревель предупредил белое командование, что если добровольцы не возьмут Петроград к осени, то той же осенью начнутся мирные переговоры Эстонии с Москвой.

Была и еще одна, не менее веская причина начала преждевременной атаки красного Питера. В условиях Гражданской войны Петроград грезился не только одному Юденичу, но, пожалуй, едва ли не всем добровольцам-«северянам». Он стал как бы символом их борьбы за старую Россию.

Перед началом петроградского похода от адмирала А.В. Колчака, 25 сентября, на имя генерала Н.Н. Юденича поступила телеграмма следующего содержания:

«Наступление на Петроград в сложившейся стратегической обстановке, хотя бы с целью отвлечь красных от фронта Деникина и Сибири, получило первостепенное значение».

Почему город на Неве грезился лично Юденичу? Объяснение тому просто: как человек сугубо военный, он находился под впечатлением «вихря» недавнего наступления на нарвском направлении Северного корпуса генерала А.П. Родзянко. А как известно по истории еще древнего мира, полководческая слава во

все времена была заманчивой. И ради нее в российской Гражданской войне рисковали многие, ставя на карту все, что имели: положение, авторитет, прежние боевые заслуги и, нередко, собственную жизнь.

С точки зрения военного искусства план наступательной операции на операционном направлении Ямбург — Красное Село был составлен на уровне полководческого дарования Юденича. На штабных учениях по карте замысел наступления можно было бы назвать классикой не только отечественной военной науки. Но то, что кавказскому полководцу блестяще удавалось в горной войне, не удалось, забегаая вперед, под Петроградом.

Начало наступательной операции разыгрывалось как по нотам. 4-я дивизия генерал-лейтенанта князя А.Н. Долгорукова при поддержке 3 танков нанесла демонстративный удар на участке Варшавской железной дороги Псков — Луга. 4 августа войска добровольческого 2-го корпуса генерала Е.К. Арсеньева, после ожесточенного боя у села Желтые Ворота, взяли станцию Струги Белые, перерезав тем самым железнодорожное сообщение между Псковом и Петроградом. 19-я и 10-я дивизии 7-й армии оказываются отрезанными от главных сил, действовавших на нарвском направлении.

Демонстративный удар удался, что говорится, на славу. Командование красных 7-й и 15-й красных армий решило, что белые развивают наступление на Псков. Скоро в этом сомнении не осталось: 16 августа добровольцы заняли город Лугу. В эти августовские дни разрешился конфликт Юденича с Родзянко, который допустил самоуправство в командовании войсками. Николай Николаевич сам стал во главе наступающей армии, а Родзянко сделал своим заместителем.

Последовал приказ по добровольческой Северо-Западной армии: развивать наступление по операционной линии Ямбург — Красное Село. Родзянко продолжал отстаивать свою идею выхода на железную дорогу Петроград — Москва. Недовольный решением главнокомандующего, генерал-майор А.П. Родзянко, после бурного объяснения с Юденичем, покинул армейский штаб и уехал в 1-й корпус графа Палена.

Юденичу к началу нового, второго, наступления на Петроград не удалось заметно увеличить боевой состав армии «северян». Данные о ее численности в те дни разнятся. Официально называлась цифра в 20 тысяч человек. В своих мемуарах генерал А.П. Родзянко писал о том, что белая армия перешла в наступ-

ление, имея в своем составе 17 800 штыков, 700 сабель, 57 орудий, 4 бронепоезда, 6 танков (отдельный танковый батальон) и 2 броневика. (Другой генерал П.А. Томилов писал о 978 офицерах и 14 048 солдатах. Последние две цифры вероятнее всего.)

Отсутствие организованного армейского тыла, трудности со снабжением и вооружением стали одними из тех главных причин, которые не позволили Юденичу существенно увеличить численность своих войск. То есть он столкнулся с теми же трудностями при создании армии, которые испытывали Деникин и Колчак: использовать все имеемые мобилизационные возможности они не могли.

Добровольческой Северо-Западной армии на петроградском направлении противостояла 7-я красная армия в составе 2-й, 6-й, 10-й и 19-й дивизий. Общая численность этих четырех дивизий составляла 24 850 штыков, 800 сабель, 148 орудий, 2 бронепоезда и 8 бронемашин. Кроме того, армия располагала сильными резервами в Кронштадте и самом Петрограде, которых белые фактически почти не имели. Если не считать, разумеется, малочисленных 1-го и 2-го запасных полков полковника фон Нефа.

Юденич при наступлении на Петроград мог рассчитывать на восстание в нем. Все подпольные организации города могли выставить (по разным оценкам) от 600 до 800 человек. В это число не входили Воздушный дивизион особого назначения в Ораниенбауме, 3-й и особенно 4-й (командир — капитан В.И. Карпов) минно-подрывные дивизионы, ряд армейских, преимущественно артиллерийских, частей и подразделений. Связь антибольшевистского подполья с «северянами» была достаточно устойчивой и постоянной. То есть белые добровольцы, завязав на ближних подступах к Петрограду бои, могли вполне реально рассчитывать на поддержку восставшим.

Это были различные организации, среди которых выделялись Национальный центр во главе с инженером В.И. Штейнингером (подпольная кличка «Вик»), профессором В.Н. Таганцевым (возглавившим в 1920 году «Петроградскую боевую организацию»), подполковником Г.И. Лебедевым и полковником Генерального штаба В.Я. Люндеквистом. Юденич поддерживал с Национальным центром связь через своего посланца полковника Ю.П. Германа, который несколько раз переходил линию фронта.

Артиллерист Лебедев за Японскую войну был награжден тремя боевыми орденами. Первую мировую войну офицер закончил командиром батареи 1-й Финляндской стрелковой артиллерийской бригады. В книге «Чекисты Петрограда на страже революции» о нем говорится как об одном из главных «заговорщиков» из «Петроградской боевой организации»:

«Они сумели сколотить хорошо вооруженные и дисциплинированные отряды из кулацких элементов рабочих Путиловского, Обуховского заводов и некоторых других предприятий численностью от 30 до 150 человек».

Среди других подпольных организаций наиболее боевой являлась «Великая единая Россия», преимущественно офицерская, действовавшая в Петрограде и Кронштадте. В числе ее руководителей значились И.Р. Кюрц, корнет А.Н. Елизаров, старший лейтенант В.В. Дитерихс, старший штурман линкора «Петропавловск», вице-адмирал В.М. Бахирев. Последний, будучи арестован, во время допросов заявил следователям:

«С телом моим вы можете делать что угодно, а душу мою я вам не продам».

Бои на Северо-Западе развернулись не только на петроградском направлении. 8 октября перешла в наступление и Западная русско-немецкая (вернее, немецко-русская) армия «своевольника» полковника П.Р. Бермондт-Авалова. Его войска нанесли удар по столице Латвии городу Риге, в которой сидело правительство Карла Ульманиса. Не встречая сильного сопротивления, «бермондтовцы» (в своем большинстве германцы) заняли рижское предместье Больдераа и пригороды Торенсберг, Гагенсберг. Латышское правительство в панике бежало в город Венден.

Для правительства Северо-Западной области действия полковника Бермондт-Авалова грозили нешуточным международным скандалом, поскольку Латвия находилась в недалеком тылу наступающей на красный Петроград добровольческой армии. Нужно было как-то выпутываться из конфликтной ситуации и принимать неординарные меры: полковник Бермондт-Авалов числился в списках белой армии Юденича.

9 октября генерал Юденич издал приказ по Северо-Западному фронту. В нем он публично объявил полковника Бермондта изменником. И не просто изменником, а с исключением его из списков добровольческих войск. Тогда это были крайне суровое наказание.

Сам главнокомандующий оказался перед серьезной проблемой. Когда Северо-Западная армия успешно продвигалась к

Петрограду, ссориться с Антантой, опекавшей Латвию, было никак нельзя. Правительство Юденича вышло из положения тем, что публично передало в дар белолатышской армии четыре пушки, которых так недоставало на фронте.

Авантюра Бермондта по захвату латвийской столицы успеха не имела. Полностью взять Ригу «белые немцы» и русские добровольцы не смогли. 15 октября к берегу подошла союзная англо-французская эскадра, которая из орудий крупного калибра обстреляла позиции Западной армии. Вскоре армия Латвии, ободренная поддержкой Антанты, перешла в контрнаступление. Хотя сильных боев и не было, ее противники оставили город.

Тогда П.Р. Бермондт-Авалов, присвоив сам себе звание генерал-майора, передал командование Западной добровольческой армией генералу Эбергарду и уехал в Германию. Через несколько дней немецко-русская армия в Латвии перестала существовать как таковая, будучи упразднена приказом командующего.

Действия полковника Бермондт-Авалова имели для Белого дела на российском Северо-Западе весьма неблагоприятные последствия. Уже находясь в эмиграции, полковник князь А.П. Ливен, комментируя причины провала наступления добровольческой армии на Петроград, скажет:

«Бермондт является одним из главных виновников наших неудач под Петроградом».

С таким авторитетным суждением трудно не согласиться. Юденич, как военный вождь Белого движения на Северо-Западе, до последнего надеялся, что многочисленный флот Антанты на Балтийском море придет к нему на помощь в решающие дни. Тем более что официального отказа в том он ни от Лондона, ни от Парижа не получал. А на деле наступающая белая армия оказалась совершенно неприкрытой со стороны Финского залива. (В те дни английская и французская крейсерские эскадры расстреливали из своих орудий войска Западной немецко-русской армии, пытавшейся взять Ригу.)

В отношении лично Бермондта-Авалова Н.Н. Юденич был совершенно прав в одном. Действия самозванного генерал-майора стали настоящим предательством по отношению к Белому движению на Северо-Западе. Тем более что такого «удара с тыла» ни Юденич, ни его сподвижники просто не ожидали.

Юденич, введя неприятельское командование в заблуждение умело организованным отвлекающим наступлением, ввел в действие главные силы добровольческой армии — ее 1-й корпус

графа фон дер А.П. Палена в составе 2-й дивизии Ярославцева, 3-й дивизии Ветренко и 5-й Ливенской дивизии Дыдорова. Последняя была усилена 20-м Чудским и Конно-егерским полками.

Удар 1-го корпуса на нарвском направлении оказался для красных внезапным и стремительным. По замыслу Юденича корпусные войска, выдерживая высокий темп наступления, должны были на 5-й или 6-й его день выйти в окрестности Петрограда. Согласно плану операции, максимальный темп продвижения вперед лишал командование противной стороны вовремя перебросить резервы из Москвы и центральных губерний Советской России. Планировалось «прочно» занять станции Тосно, а затем и Колпино, прервав тем самым сообщение по Николаевской (Октябрьской) железной дороге.

Юденич самолично прибыл на фронт. Ему удалось в боевой обстановке уладить отношения с самолюбивым генералом Родзянко, и их конфронтация до поры до времени прекратилась. К тому же Родзянко стал «правой рукой» главнокомандующего, показав себя, как военачальник, в самые трудные дни не с самой плохой стороны.

События развивались следующим образом. В ночь на 10 октября 5-я Ливенская дивизия переправилась у Муравейно через реку Лугу и сбила с позиции обороняющуюся здесь 3-ю бригаду 2-й дивизии красных. В наступательном порыве войска 1-го Корпуса прорвали линию неприятельского фронта сразу в трех местах. Командир «ливенцев» подполковник К.И. Дыдоров показал себя с самой лучшей стороны: не ожидая подхода соседей справа и слева, он повел свою дивизию через Ропшу и Кипень на Красное Село. Ротмистр Д.Д. Кузьмин-Караваев писал в мемуарах:

«16 октября в 17 часов 30 минут Рижский полк с веселыми песнями под радостные крики местных жителей вошел в Красное».

Не менее успешно развивалось наступление и других дивизий 1-го армейского корпуса. В ночь на 17 октября генерал Ярославцев лично повел Талабский и Семеновский полки на штурм вокзала Варшавской железной дороги в Гатчине. Трофеями того ночного боя стали многочисленные вагоны с военным имуществом и большое количество пленных.

Затем 2-й дивизии пришлось выдержать тяжелый бой с красными курсантами у деревни Новый Бугор. Когда добровольцы подошли к поселку Онтолово, то попали под огонь красных бронепоездов. Шесть английских танков не могли переправить-

ся через реку Лугу, поскольку генерал Родзянко летом приказал взорвать мост через Лугу вопреки прямому указу Юденича.

Все же трем машинам удалось перейти реку: саперы проделали в ее берегах специальные спуски. Прибывшие под Онтолово три тяжелых танка — «Бурый медведь», «Скорая помощь» и «Капитан Кроми» решили бой в пользу добровольцев. Но это двухдневное «топтание» белых позволило их противнику начать формирование в районе Пулковских высот усиленной группировки войск под командованием бывшего генерал-майора Генерального штаба С.И. Одинцова. 2-я дивизия смогла начать наступление на Пулково только 21 октября. Перед этим ее полки захватили Павловск и Царское (теперь Детское) Село.

Правофланговая 3-я дивизия генерала Ветренко прорвала позицию противника благодаря доблести Темницкого полка полковника Данилова. Но из-за непрерывных дождей дороги к станции Преображенское (ныне Толмачево) Варшавской железной дороги была занята только 13 октября. Затем без боя была занята станция Сиверская.

Добровольческая Северо-Западная армия наступала. Части 7-й красной армии в беспорядке отступали к Петрограду, начались массовые сдачи в плен. Пленных красноармейцев «записывали» в белые полки. «Северяне» видели перед собой Северную столицу России: их девизом в те октябрьские дни было «только вперед», с максимальной скоростью продвижения к Петрограду. Так требовал от белых в своих приказах их главнокомандующий Н.Н. Юденич.

Но армия по своей воле отказалась от обременительных обозов. Составы с провиантом (американской мукой и салом) остались в Эстонии. За Лугой, мосты через которую были взорваны, остались бронепоезда, половина танков. Но, несмотря ни на что, добровольцы рвались к Петрограду. Но белые вышли к предместьям бывшей столицы не 16—17 октября, а лишь к 22 октября.

Добровольческая белая армия Юденича после упорных боев заняла Ямбург, Волосово, Красное Село, Гатчину, Детское Село, Павловск. Это были подступы к городу на Неве. Красноармейские части отступили к Пулковским высотам, главному рубежу обороны Петрограда. На поле боя под Павловском белые собрали около 16 тысяч брошенных при отступлении винтовок и изрядное количество боеприпасов.

До Петрограда — столицы Российской империи — оставалось всего 20 километров!

Казалось, что наступательная операция белых завершается более чем успешно. Кавалерийские разведки добровольцев видели со стороны Лигова золоченый купол величественного Исаакиевского собора. Многие белогвардейские газеты поторопились известить своих читателей о том, что бои идут в самом городе и что де красный Питер пал. Белая эмиграция рукоплескала при одном упоминании имени Юденича. Пресса всей Европы много писала об упорных боях за большевистский Петроград.

Участником тех поистине исторических событий Гражданской войны оказался талантливейший русский писатель Александр Куприн. В октябре 1919 года он вместе с бывшим атаманом Донского казачьего войска генерал-лейтенантом П.Н. Красновым, способным и самым плодовитым литератором белой эмиграции, начальником пропагандистско-политического отдела (был и такой у белых) штаба Северо-Западной армии прибыл в освобожденную от красных Гатчину. Там они стали выпускать «военно-осведомительную, литературную и политическую газету» под названием «Приневский край». Это явилось заметным событием.

Первый номер «Приневского края» вышел 19 октября 1919 года. Последний — 7 января 1920 года. Газета двух больших писателей России начала XX столетия — Куприна и Краснова стала своеобразной летописью похода добровольческой Северо-Западной армии под знаменами Юденича на Петроград.

Купринская автобиографическая повесть «Купол Святого Исаакия Далматского» широко известна российскому читателю. Автор на обширном документальном материале и больше на своих личных впечатлениях рассказал в ней о причинах успехов и неудач октябрьского наступления белой добровольческой армии. Куприн писал:

«Я пламенный бард Северо-Западной армии. Я никогда не устану удивляться ее героизму и воспевать его».

Писатель, сам бывший пехотный офицер Российской Императорской армии, так описывает поход армии «северцев» на красный Петроград:

«Страшная стремительность, с которой С.-З. армия ринулась на Петербург, действительно вряд ли имела примеры в мировой истории, исключая разве легендарные суворовские марши.

В офицерском составе уживались лишь люди чрезмерно высоких боевых качеств. В этой армии нельзя было услышать про

офицера таких определений, как храбрый, смелый, отважный, геройский и т.д. Было два определения: «Хороший офицер» или изредка: «Да, если в руках». Там генералы Родзянко и Пален, оба высоченные гиганты, в светлых шинелях офицерского сукна, с оружием, которое в их руках казалось игрушечным, ходили в атаку впереди цепей, посылая большевикам оглушительные угрозы.

Пермикин ездил впереди танка, показывая ему путь под огнем из бронепоездов, под перекрестной стрельбой, сидя на светлой, серой лошади.

Добровольцы — 20 тысяч в «сверхчеловеческой» обстановке непрерывных на все стороны боев, дневных и предпочтительно ночных, с необеспеченным флангом, с единственной задачей быстроты и дерзости, со стремительным движением вперед, во время которого люди не успевали есть и выспаться. Армия не разлагалась, не бежала, не грабила, не дезертировала. Сами большевики писали в газетах, что она дерется отчаянно.

Мне лишний раз хочется подтвердить о полном доброты, нелицеприятном, справедливом отношении Северо-Западной армии ко всем мирным гражданам, без различия племен и вероисповеданий. Доблестные офицеры и солдаты похода легендарны.

Расстреливали только коммунистов»

15 октября Советская власть объявила Петроград на военном положении. Совет Народных Комиссаров из Москвы делал все, чтобы удержать его. Спасать красный Питер прибыл народный комиссар по военным и морским делам Троцкий. Ознакомившись с делами на месте, он приказ опубликовать написанную им в пути статью-агитку:

«Петроград обороняется и внутри.

Задача не в том, чтобы отстоять Петроград, но в том, чтобы раз навсегда покончить с Северо-Западной армией.

С этой точки зрения для нас чисто в военном отношении наиболее выгодным было бы дать юденичской банде прорваться в самые стены города, ибо Петроград нетрудно превратить в великую западню для белогвардейских войск.

Петроград — не Ямбург и не Луга. Северная столица рабочей революции занимает площадь в 91 кв. версту. В Петрограде почти два десятка тысяч коммунистов, значительный гарнизон,

огромные, почти неисчерпаемые средства инженерной и артиллерийской обороны.

Прорвавшись в этот гигантский город, белогвардейцы попадут в каменный лабиринт, где каждый дом будет для них либо загадкой, либо грозой, либо смертельной опасностью. Откуда им ждать удара? Из окна? С чердака? Из подвала? Из-за угла? Отовсюду. В нашем распоряжении пулеметы, винтовки, наганы, ручные гранаты. Мы можем оплести одни улицы колючей проволокой, оставить открытыми другие и превратить их в капканы. До этого нужно только, чтобы несколько тысяч человек твердо решили не сдавать Петрограда.

Каковы силы врага? Предположим, что 5 тысяч, допустим даже, что 10. На улицах они не смогут маневрировать ни компактными массами, ни развернутыми цепями. Им придется разбиться небольшими группами и отрядами, которые затеряются в улицах и переулках Петрограда без правильной связи друг с другом, окруженные опасностью за каждым углом.

Весь аппарат внутренней городской связи оставался бы целиком в наших руках. Занимая центральное положение, мы действовали бы по радиусам: от центра к периферии, направляя каждый раз удар по наиболее важному для нас направлению. Возможность непрерывных перебросок и обилие транспортных средств удесятерили бы наши силы. Каждый боец чувствовал бы за своей спиной хорошо организованную базу и обильные подвижные резервы.

Если бы белогвардейцам удалось даже подвести на достаточно близкое расстояние артиллерию до подхода наших подкреплений, и в этом случае они не достигли бы ничего. Артиллерийский обстрел Петрограда мог бы причинить ущерб отдельным случайным зданиям, уничтожить некоторое количество жителей, женщин, детей. Но несколько тысяч красных бойцов, расположенных за проволочными заграждениями, баррикадами, в подвалах или на чердаках, подвергались бы в высшей степени ничтожному риску в отношении к общему числу жителей и выпущенных снарядов.

Наоборот, каждый белогвардеец, вступивший в город, подвергался бы личной, прямой и непосредственной опасности, ибо защитники Петрограда направляли бы по нападающему удары из-за баррикад, из окон, из-за углов.

Труднее всего придется при этом белогвардейским всадникам, так как лошадь скоро станет для каждого из них тяжелой обузой.

Достаточно двух-трех дней, чтобы прорвавшиеся банды превратились в запуганное, затравленное стадо трусов, которые группами или поодиночке будут сдаваться безоружным прохожим или женщинам.

Вся суть в том, чтобы не спасовать в первый момент. Давно сказано, что в большом городе есть большая паника. И, несомненно, в Петрограде немало мещански-лакейских остатков старого режима, без воли, без энергии, без идеи, без мужества. Эта людская мягкость сама по себе не способна ни на что. Но в критический момент она нередко разбухает, впитывая в себя все испарения шкурного страха и стадной паники.

К счастью для революции, в Петрограде есть люди другого духа, иного закала: это передовые пролетарии, и в первую голову сознательная молодежь рабочего класса. На эти элементы возложена внутренняя оборона Петрограда, или, точнее: истребление белогвардейских банд, если бы они с размаху влетели в стены пролетарской столицы.

Конечно, уличные бои сопряжены со случайными жертвами, с разрушением культурных ценностей. Это одна из причин, почему полевое командование обязано принять все меры к тому, чтобы не допустить врага к Петрограду. Но если бы полевые части не оказались на высоте и открыли бы зарвавшемуся врагу дорогу в самый Петроград, это вовсе не означало бы конца борьбы на Петроградском фронте. Наоборот, борьба приняла бы сосредоточенный, более ожесточенный и более решающий характер. Невинные жертвы и бессмысленные разрушения легли бы целиком на ответственность белых бандитов. А мы ценой решительной, смелой, ожесточенной борьбы на улицах Петрограда достигли бы полного истребления северо-западных банд.

Готовься, Петроград!

Дни октября не раз бывали в истории для тебя великими днями. Тебя судьба призывает в этом октябре вписать новую, может быть, славнейшую страницу в истории пролетарской борьбы.

Бологое — Петроград.

16 октября 1919 года.

Л.Троцкий».

Добровольческая Северо-Западная армия пошла на штурм Петрограда. 21 октября завязались бои на Пулковских высотах. Троцкий посылал на фронт всех, кого только можно было поставить под ружье в Петрограде и Кронштадте. Комитет оборо-

ны Петрограда получил исключительные права для борьбы с «внутренней контрреволюцией». Мосты в городе готовились к взрыву. Проводились частые облавы и аресты подозреваемых в контрреволюционной деятельности. Чекистам удалось разгромить подпольные организации, основная масса участников в которых была расстреляна.

Из Петрограда выводились все запасные части, из которых создавалась вторая оборонительная линия 7-й армии. Ее возглавил новый командующий — бывший генерал-лейтенант Генерального штаба Д.Н. Надежный, автор будущей книги «На подступах к Петрограду летом 1919 года». В ней он, в частности, описывал крутые меры для поднятия организованности и дисциплинированности войск армии:

«Для характеристики их достаточно указать, что начальник одной из стрелковых дивизий, за то, что, как гласит приказ (по) армии, будучи вызван в штаб армии, в течение трех дней туда не явился, проводя время в пьянстве с ближайшими сотрудниками, был отрешен от должности и назначен красноармейцем в полк.

Не менее суровые меры за небрежное отношение к службе применялись в самих дивизиях. Так, например, за то, что одним из батальонов из состава 2-й стр. дивизии не было выставлено охранения, вследствие чего два взвода одной из его рот были захвачены белыми в плен, командир батальона и военный комиссар были преданы суду, а остальной командный состав батальона смещен на низшие должности».

Юденич, находившийся в состоянии эйфории от успехов на поле брани, неожиданно для многих стал заниматься реформаторской и административной деятельностью. Он объявил территорию, занятую белой армией, театром военных действий. Командующим войсками театра военной деятельности и военным губернатором был назначен бывший деникинский губернатор Ставропольской губернии генерал П.В. Глазенап. А генерал А.А. Гулевич, в годы Первой мировой войны командовавший армейским корпусом, стал официальным представителем Юденича в Финляндии.

Но уже с началом боев на Пулковских высотах Николая Николаевича стала охватывать тревога. Неудачей закончилась очередная попытка привлечь Финляндию к походу на Петроград. Маннергейм направил финскому президенту Стольбергу телеграмму, в которой писал:

«Надо принять участие в возрождении России. Очень малыми силами мы сможем обеспечить нашей молодой республике спокойствие и счастливое будущее».

Из финской столицы передали условия для военного сотрудничества с Белым движением на Северо-Западе: признание государственной независимости Финляндии. На этот раз С.Д. Сазонов в Париже согласился с таким требованием, но с одной оговоркой: независимость будет признана в день взятия Петрограда.

Однако, получив такой ответ, финское правительство заняло выжидательную позицию. Его интересовал результат боев на Пулковских высотах. И 5 ноября он прислал официальное сообщение о своем отказе от военного выступления. К слову сказать, армия Финляндии на Карельском перешейке имела заметное преимущество над красными войсками, прикрывавшими здесь Петроград.

За время с 17 по 22 октября 7-я красная армия получила поток воинских эшелонов с подкреплениями. Они присылались согласно директивы Главного командования Советской Республики, подписанной С.С. Каменевым и его начальником штаба, бывшим генерал-майором Генерального штаба П.П. Лебедевым. К слову сказать, в этой директиве было сказано, что поход на Петроград белых не поддерживается ни Эстонией, ни Латвией.

Троцкий и Каменев стянули под Петроград не просто много сил, а сил действительно лучших по своему боевому настрою. Из Москвы прибывают бригада красных курсантов и два батальона войск ЧК, из Тулы — стрелковая бригада, резервы из Твери. Из Петрограда под Пулково прибывают финские и петроградские курсанты. Были сняты войска с Карельского перешейка. Из Кронштадта прибыли матросские отряды. В самом Петрограде под ружье были поставлены все, кого только можно было отправить на фронт: партийцы, члены профсоюзов и союза коммунистической молодежи, рабочие.

В районе Колпино из трех стрелковых полков, переброшенных с Северного и Восточного фронтов, составляется еще одна ударная группа под командованием бывшего полковника Генерального штаба С.Д. Харламова, нацеленная во фланг белым. Ее сила составила более 8000 тысяч штыков: по их числу и артиллерии она одна превосходила все три слабые дивизии 1-го корпуса генерала графа Палена, подошедших к предместьям Петрограда.

К 21 октября войска 15-й красной армии (10-я, 11-я и 19-я дивизии) отбили у белых город Псков, станцию Белые Струги и подступили к Луге. Этот важный железнодорожный узел прикрывался слабыми силами белых — бригадой полковника Григорьева. Луга оказалась под ударом двух дивизий 15-й красной армии.

Теперь Юденич ясно понимал, что сил для прорыва через Пулковские высоты и взятия Петрограда, то есть для завершения наступательной операции, у него не хватает. Одно дело подступиться к городу с миллионным населением, другое вести в нем уличные бои. Обещанной и ожидаемой помощи от Финляндии и Эстонии, от эскадр Англии и Франции он так и не получил. В довершение всего эстонские власти стали перехватывать телеграммы Юденича, не пропускать их к адресатам и задерживать.

Петроградское ЧК основательно почистило город от «контрреволюционных элементов»: массовые облавы в «буржуазных кварталах» дали желаемый результат: подпольные организации были или разгромлены, или лишены руководства, или разобщены. Поэтому белые добровольцы так и не дождались вооруженного восстания в Петрограде. Не прошли там и антибольшевистские рабочие забастовки.

Зато случилось другое. В тылу добровольческой армии, в ряде ее воинских частей среди мобилизованных стали успешно работать большевистские агитаторы. В «ходу» было обращение Троцкого к рядовым солдатам белой добровольческой армии:

«Солдатам армии генерала Юденича.

Читайте! Слушайте! Обдумывайте!

Советская власть побеждает помещиков, капиталистов и царских генералов на всех фронтах.

В Сибири мы бьем и гоним Колчака. Наши войска приближаются к Омску. Колчак бежит из Омска в Иркутск.

На юге наши войска взяли Воронеж и Орел. Царский генерал Деникин отступает под натиском рабоче-крестьянской армии.

Юденичу не устоять. Мы вернули Детское (бывшее Царское) Село, Павловск и Красное Село. Мы вернули Лугу, красные войска подходят к Гдову. Палачу рабочих и крестьян, Юденичу, несдобровать.

Слушайте, подневольные солдаты, рабы царского генерала

Юденича: красные войска все плотнее окружают Вас. Против Вас сосредоточена могущественная артиллерия, бронепоезда, бронемашины и танки петроградского производства.

Вам спасение одно: сдавайтесь!

Красная армия не воюет против рабочих и крестьян. Она борется только против помещиков и капиталистов.

Подневольные солдаты царского генерала Юденича, сдавайтесь!

Переходите на нашу сторону. Истребляйте командиров, которые этому мешают. Идите к нам! Вы будете приняты, как братья. В стране наступят мир и братский труд. Без помещиков, без капиталистов и ростовщиков, без царских генералов и сановников страна заживет спокойной и счастливой жизнью.

Смерть царскому генералу Юденичу!

Да здравствует единая рабоче-крестьянская Россия!

Председатель Революционного военного совета Республики,

Народный комиссар по военным и морским делам
Л. Троцкий».

Как это ни парадоксально, но первыми «бежавшими с корабля» стали не мобилизованные в белую армию псковские крестьяне, а близкие к Юденичу люди. Одним из них оказался Н.Н. Иванов — министр общественных работ правительства Северо-Западной области.

Спустя немногие годы в берлинском эмигрантском издательстве «Русское творчество» были опубликованы его мемуары «О событиях под Петроградом в 1919 году». Самым красноречивым в них оказалась концовка записок бывшего министра:

«В моих глазах осенний Петроградский поход после неудачной попытки отстранения Юденича от главнокомандования был уже провален — я ни на минуту не изменил этой точки зрения. Когда армия вышла за Гатчино и были сведения, что разъезды достигли Нарвских ворот, когда дихлоадка наступления охватила весь тыл и один из трубачей Юденича — Кирдецов в газете «Свобода России» описывал, как мечутся в Кремле тени Ленина и Троцкого, когда союзники заверяли, что Петроград можно считать взятым, я в конце октября купил кожаную куртку, большие сапоги, дорожную сумку и направился нелегально не только для большевиков, но и для штаба Юденича, с помощью

эстонцев, через Псковско-Островский фронт на Порхов и Дно, в Петроград.

— Вы, вы странный человек, — заявил мне перед отъездом из Ревеля один из видных союзников. — Зачем вам идти в сторону, тратить на дорогу недели две, если на днях вы можете по железной дороге выехать в Петроград? Да еще захватит чека. Вы же бывший министр. Я вас не понимаю.

— Вы скоро увидите, что я выбрал самый короткий путь. Вы здесь без году неделя, а я старожил в Северо-Западной армии. Я знаю, как нельзя воевать на этом фронте. Не волнуйтесь — Петрограда Юденичу не взять. А насчет чека — все под Богом ходим. За эти два года я стал фаталистом.

— Ах, русские. Но уже, уже.

— Уже все пропало, сэр.

— Идите вы к Богу.

— Кампания проиграна, сэр. Русская армия между двух огней. Массовых переходов красных нет, и нет резервов. Приготовьтесь считать жертвы. Я почти год создавал, боролся, предупреждал — вся моя работа пошла прахом. Юденичи, Красновы и прочие, быть может, сделают лучше.

— Зачем же вы, в таком случае, идете в Россию?

— За семьей. Довольно я рисковал головами моих близких открытой работой. Теперь я хочу заняться личным делом и спасти своих, если еще удастся. Попутно крестьяне мне скажут, кто был прав — Юденич или я.

Успешное начало октябрьского наступления затуманило головы даже моим друзьям.

Они не соглашались со мною. Они утверждали, что Петроград возьмут.

— Нельзя не взять.

— Нельзя, но не возьмут, — обливал я холодной водой.

— Подождите еще несколько дней. Не уезжайте. Увидите.

— Все ясно.

Я перешел фронт между 2 и 8 ноября недалеко от Острова, во время боя прорвавшихся (через) большевистские проволочные заграждения эстонских войск с ликвидировавшими прорыв красными».

В командовании 7-й армией оказалось достаточно много выпускников Николаевской академии Генерального штаба с опытом Первой мировой войны, достаточно хорошо владевших оперативным искусством, сумевших понять тактику противника. Та-

кие военачальники нашли уязвимое место в растянутом донельзя фронте белых — на стыке их 2-й и 3-й дивизий. Там, на опушке Павловского леса. Оборону держал сильно ослабленный в последних боях 11-й Вятский полк численностью всего в 200 штыков. То есть силой в одну пехотную роту старой русской армии.

7-я красная армия начала свое контрнаступление 21 октября. Ударная группа Харламова выбила добровольцев из Ям-Ижор, но все ее атаки на Павловск были отбиты упорно сражавшимися Темницким и Красногорским полками. Когда же по Вятскому полку был нанесен удар силами одного полнокровного стрелкового полка, красными курсантами и латышами, он не выдержал и отступил с занимаемых позиций. Полковник Ветренко не сумел быстро организовать контратаку, чтобы восстановить положение. После этого «северяне», чей фронт оказался разорван, оставили Детское (Царское) Село, Красное Село и Павловск. Дольше всего в белой армии здесь держалась 5-я Ливенская дивизия.

Юденич, чтобы перехватить инициативу, решил отбить Красносельские лагеря. Была создана ударная группировка Б.С. Пермикина, произведенного в генерал-майоры. В нее вошли его Талабский, Семеновский, Конноегерский и Конный имени Булак-Балаховича полки.

27 октября под Красным Селом вновь завязались ожесточенные бои. Добровольцы отбили Ропшу, Кипень, Высоцкое, взяли более двух тысяч пленных. «Северяне» стали готовиться к штурму Красного Села. Но контрудар группировки Пермикина, поддержанной отрядом генерала Родзянко (три танка, воздухоплавательный отряд и сильно поредевшая личная сотня), оказался лебединой песней Северо-Западной армии.

Те бои на Пулковский высотах Троцкий назвал «переломными в сражении за Петроград». Он имел превосходство над Юденичем и в числе войск, и в резервах, и в артиллерии, и в пулеметах, и в огневых припасах и провианте. И полное господство в водах Финского залива. Москва была крайне озабочена исходом боев под Петроградом. Из Кремля председатель Совнаркома В.И. Ленин телеграфировал на имя Троцкого:

«Если наступление начато, нельзя ли мобилизовать еще тысяч 20 питерских рабочих плюс тысяч 10 буржуев, поставить позади их пулеметы, расстрелять несколько сот и добиться настоящего массового напора на Юденича?»

Впрочем, такой подсказки Троцкому и не надо было делать. Почти не обученных военному делу питерцев посылали в бой

на Пулковских высотах как на верную смерть. Только здесь красные войска потеряли около 10 тысяч человек, то есть столько же, сколько составляла боеспособная часть добровольческой Северо-Западной армии.

Главнокомандующий белых приказал отложить штурм Красного Села и отступить. Причин такого неожиданного для добровольцев решения Юденича оказалось несколько. Первая и главная причина для него, блестящего тактика, состояла в том, что 15-я армия красных вышла в тыл неприятельской армии, заняв город Лугу. После этого она начала наступление на Гдов, имея против себя лишь малочисленные заслоны. 3 ноября «северяне» были вынуждены отставить Гатчину, ибо в противном случае они могли оказаться в полуокружении. Их тыл оказался совершенно неприкрытым от красных.

Были и другие причины приказа об отступлении. В белой армии начала падать воинская дисциплина, усилилось дезертирство мобилизованных псковских крестьян. Отдельные полки по двое суток оставались без хлеба (другого провианта не имелось). Не хватало боеприпасов, которых у защитников Петрограда имелось в избытке. Отсутствовали автомобили, средства связи и многое другое из технических средств вооруженной борьбы.

И, наконец, у командования белой армии исчезли последние надежды на восстание в самом Петрограде. Там продолжали идти массовые облавы с последующей «фильтрацией» задержанных, аресты бывших офицеров, расстрелы «контрреволюционеров и подозрительных лиц», то есть потенциальных врагов Советской власти.

Красная армия могла праздновать победу над очередной белогвардейской армией. Это была заслуга прежде всего бойцов 7-й и 15-й армий. Немалая заслуга в деле защиты «колыбели двух революций» Петрограда выпала на долю председателя Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкого. Его ждала боевая награда:

«Из протокола заседания Президиума ВЦИК

№ 67. 20 ноября 1919 г.

Присутствовали: тт. М.И. Калинин, А.С. Енукидзе, Л.Б. Камнев, В.И. Невский, П.Г. Смидович.

Слушали: 20. О награждении Предреввоенсовета Республики т. Троцкого орденом Красного Знамени.

Постановили: Тов. Лев Давидович Троцкий, взяв на себя по

поручению ВЦИК задачу организации Красной Армии, проявил в порученной ему работе неутомимость и несокрушимую энергию. Блестящие результаты увенчали его громадный труд.

Тов. Троцкий руководил Красной Армией рабочих и крестьян не только из центра, но неизменно переносил свою работу на те участки фронта, где задача была всего труднее, с неизменным хладнокровием и истинным мужеством идя наряду с героями-красноармейцами навстречу смертельной опасности.

В дни непосредственной угрозы красному Петрограду т. Троцкий, отправившись на Петроградский фронт, принял ближайшее участие в организации блестяще проведенной обороны Петрограда, личным мужеством вдохновляя красноармейские части на фронте под боевым огнем.

В ознаменование заслуг т. Л.Д. Троцкого перед мировой пролетарской революцией и Рабочее-Крестьянской Армией РСФСР Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановил наградить т. Троцкого орденом Красного Знамени.

Председатель ВЦИК М.И. Калинин.

Секретарь ВЦИК Енукидзе».

Ордена Красного Знамени удостоился и А.И. Корк, командующий 15-й красной армии, которая успешно провела Гдовскую операцию. Выходец из крестьян закончил в старой России Николаевскую академию Генерального штаба, в годы Первой мировой войны дослужился до звания подполковника и председателя солдатского комитета Западного фронта. (В 1937 году командарм 2-го ранга был репрессирован.) Троцкий писал Корку в приветственной телеграмме:

«Поздравляю вас с высоким отличием — орденом Красного Знамени от имени РВС Республики и Совета Народных Комиссаров. Выражаю твердую уверенность, что операции против Юденича будут без остановки доведены до конца путем самых решительных мер под вашим талантливым руководством».

Добровольцы под сильным натиском противника с его бронепоездами и аэропланами отступали к эстонской границе, к Нарве, с арьергардными боями. Белоэмигрант В.Л. Горн в своих мемуарах так описывает отступление добровольческой Северо-Западной армии к границе Эстонии, ставшей для нее уже враждебной:

«Отступление армии от Гатчины до эстонской границы произошло в две недели. Армия пятилась назад, недоумевая, не видя

перед собой врага, голодная. Хозяйственная часть окончательно развалилась, а интендантский грабеж обратнопропорционально рос, по мере приближения к Нарве. За отсутствием печеного хлеба, солдаты и строевые офицеры питались самодельными блинами, сготовленными у походных костров, а сала часто вовсе не получали, хотя интенданты стали выводить в ведомостях уже по 3,5 фунта в день на человека!

Недоедание, однообразная пища и начавшиеся морозы стали подтачивать здоровье солдат. За отступающей армией тащились многочисленные беженцы, плохо одетые, тоже голодные, часто с детьми, на измученных, некормленных деревенских клячах или в товарных без печей вагонах. Беженцы мерли как мухи, ухудшая и без того тяжелое провиантское состояние армии. Кроме того, самый отход совершался крайне беспорядочно.

Во время отступления Юденич перенес свой штаб в Нарву. Организовать оттуда управление армией он не смог. Для главнокомандующего белыми силами случилось самое страшное: он потерял нити управления и не смог наладить его, несмотря на все попытки. Казалось, кому, как не ему, главе победного в Первой мировой войне для России Кавказского фронта, уметь оценивать складывающуюся ситуацию и реагировать на все ее оперативные изменения. На Кавказе Николай Николаевич делал все это блестяще, проявив себя великим мастером ведения горной войны.

Спустя годы его соратники по Белому делу в эмиграции скажут, что под Петроградом Юденич «был уже не тот». Генерал М.В. Ярославцев, командир дивизии добровольцев, с болью писал в своих воспоминаниях о Николае Николаевиче и событиях тех дней:

«При отходе от Гатчины войска, не имея руководящих указаний, отходили в беспорядке. Начальники дивизий ездили к ген. Юденичу в Нарву за инструкциями, но ни он, ни начальник штаба ген. Вандам, ни его коллеги — Малявин и Прюссинг не знали, на что решиться, и отход превратился в бесцельное, стихийное отступление»

Белая Северо-Западная армия откатывалась назад, к границам Эстонии, так же быстро, как и победно наступала на Петроград. 14 ноября был оставлен Ямбург. 1-я белоэстонская дивизия не стала защищать его. Матросский Андреевский полк «северян» оборонял город, что говорится, до последнего человека и весь погиб под Ямбургом.

Александр Куприн в своей повести «Купол Святого Исаакия Далматского» так описывал причины поражения добровольческой армии Юденича под Петроградом:

«Ружья англичан выдерживали не более 3-х выстрелов, после 4-го патрон заклинивался в дуле. Танкисты отсиживались. Ревельские склады ломались от американского продовольствия: продовольствие предназначалось для Петрограда после его очищения.

Недоедали.

Англичане сносились с большевиками.

Происки англичан, эстонцы заигрывали с большевиками. Англичане не подкрепили своим флотом наступление на Петроград, лишь когда отступали, перед Красной Горкой английский монитор послал несколько снарядов издалека без вреда.

Эстонцы — 80 тысяч обещали помочь армией при наступлении на Петроград. Хотела договор Финляндия.

Эстония под влиянием своих социалистических партий уже намеревалась вступить в мирные переговоры с Советской Россией».

Писателя Куприна, чьи произведения вошли в сокровищницу отечественной литературы, можно понять. Бывший офицер старой Русской, царской, армии, как и другие белые добровольцы в офицерских погонах, погибавшие на фронтах Гражданской войны, был верен формуле рыцарского кодекса части:

«Душу — Богу, сердце — даме, жизнь — государю, а честь — никому».

Куприн, бывший в душе действительно большим романтиком, верил в возрождение добровольческой Северо-Западной армии и Белого дела на российском Северо-Западе. Иначе бы он не заключил свою повесть такими словами:

«Отчего Талабский полк, более всех других истекавший кровью, так доблестно прикрывал и общее отступление, а в дни Врангеля, год спустя, пробрался поодиночке из разных мест в Польшу к своему вождю и основателю генералу Пермикину, чтобы снова встать под его начальством? Личная инициатива, освобождение Родины».

Отступление от Красного Села после Пулковских боев вызвал в белом офицерстве резкую оппозицию главнокомандующему. Командиры отдельных воинских частей устроили совещание, где решался вопрос о смене командующего. Они через командира 1-го корпуса генерала графа Палена передали Н.Н. Юденичу категорическое требование передать руководство

армией другому лицу. Но это, как показали ближайшие события, оказалось запоздалой попыткой изменить с каждым днем ухудшающуюся ситуацию. К тому времени боеспособность сохраняли уже не все дивизии, а армия настоятельно нуждалась в переформировании, хотя бы кратковременном отдыхе и материальном обеспечении.

Мог ли лично Юденич удержать добровольческую Северо-Западную армию от поражения? По этому поводу суждений историков имеется немало. Но что говорили современники Николая Николаевича, его белые сподвижники? Вот две характеристики, данные ими своему военному вождю. Генерал П.А. Томилов писал, к примеру, следующее:

«Главкомандующий сделал все, что было в его силах, чтобы одержать победу, но генерал Юденич попал в непреодолимо тяжелые условия. Ни своей территории, ни базы не было, попытка опереться на Финляндию не удалась, приходилось базироваться на Эстонию, правители которой очень боялись торжества Белого движения. Маленькой Северо-Западной армии не по силам, конечно, была задача овладеть и удержать за собой столицу. Белое движение, несмотря на весь героизм и самоотверженность, нигде не имело конечного успеха, вследствие невольной разбросанности почти по всей периферии России, исключительной трудности и сложности всей обстановки и непреодолимым стихийно-моральным причинам; тогда русский народ в своей массе еще и не начинал изживать большевизма».

А.И. Куприн дал Юденичу несколько иную характеристику, с которой тоже трудно не согласиться:

«Формальный глава армии существовал. Это был генерал Юденич, доблестный, храбрый солдат, честный человек и хороший военачальник. Но генерал Юденич только раз показался на театре военных действий, а именно тотчас же по взятии Гатчины. Конечно, очень ценно было бы в интересах армии, если бы ген. Юденич, находясь в тылу, умел дипломатично воздействовать на англичан и эстонцев, добываясь от них обещанной реальной помощи. Но по натуре храбрый покоритель Эрзерума был в душе — капитан Тушин, так славно изображенный Толстым. Он не умел с ними разговаривать, стеснялся перед апломбом англичан и перед общей тайной политикой иностранцев».

В той трагической ситуации, когда белые войска откатывались к Нарве, Николай Николаевич считал единственной возможностью спасти Северо-Западную армию, как боевую орга-

низацию, путем переброски на Юг, для пополнения рядов деникинской армии. Однако Антанта, которая уже «наложила руку» на русские суда Добровольческого флота, отказала в такой просьбе за «недостатком тоннажа».

Латвия отказалась принять к себе белых военных. Генерал Лайдонер пытался убедить эстонское правительство в том, чтобы влить в ряды армии страны отдельные добровольческие части, а остальные передать в распоряжение министерства внутренних дел на принудительные работы. Но правительство Теннисона заявило, что бывшие солдаты и офицеры Северо-Западной армии при пересечении государственной границы должны быть разоружены, лишены знаков отличия и рассматриваться только как беженцы из России.

Юденич выполнил требование, достаточно единодушное, командования добровольческих войск. Поскольку ему требовалось выехать в Ревель для ведения переговоров о дальнейшей судьбе армии, он 26 октября 1919 года назначил командующим армией генерал-лейтенанта Петра Владимировича Глазенапа, оставаясь при этом номинально во главе Северо-Западного фронта. Адмирал Колчак телеграммой предложил Николаю Николаевичу выехать в Париж для переговоров с союзниками, но тот отказался расстаться с армией.

Добровольцы еще пытались удержать за собой на будущее плацдарм — небольшой клочок родной земли на правом берегу реки Наровы. Бои велись у железнодорожной станции Низы и деревни Криуши на самом берегу. Красные войска производили лобовые атаки позиции противника, угрожая ворваться на западный берег Наровы.

Новый командующий добровольческой армии приступил к исполнению своих обязанностей 1 декабря. Глазенап ликвидировал штабы корпусов и все войска свел в 1-ю и 2-ю дивизии. Начальником армейского штаба был назначен генерал-майор Генерального штаба С.Н. Самарин. К тому времени дивизия генерала Дзержинского, которая первой перешла Нарову, была разоружена белоэстонцами.

Боевой ресурс белых войск оказался исчерпанным. 9 декабря 1919 года добровольцы отступили с восточного берега Наровы на территорию Эстонии. Ее власти отобрали у частей Северо-Западной армии все вооружение и военное снаряжение, остатки продовольствия и обмундирования, сохранившееся в обозах.

Происходил открытый грабеж ценностей и личного имущества офицеров при сдаче оружия.

Эстонское правительство Теннисона торопилось разоружить белогвардейцев. Оно спешило по той причине, что намечалось заключение полномасштабного мирного договора между Эстонией и Советской Россией (РСФСР). Такой договор был подписан сторонами 2 февраля 1920 года в городе Юрьеве (Тарту). Судьба Юденича в той дипломатической игре стала едва ли не самой главной козырной картой.

Перед этим, 22 января, генерал от инфантерии Н.Н. Юденич, как полноправный главнокомандующий всеми вооруженными силами Белого движения на Северо-Западе России, подписал приказ о ликвидации добровольческой Северо-Западной армии. Он к тому дню исчерпал все надежды на ее сохранение и спасение. С этого дня она становилась частью истории Гражданской войны. Документ гласил:

«Приказ
Северо-Западной Армии
№ 57 (операт.)
22 Января. г. Нарва

В виду сложной политической обстановки, вследствие которой Русская Северо-Западная Армия оказалась одинокой, без поддержки на чужой земле, дальнейшее пребывание ее, как вооруженной Русской силы, в пределах Эстонии стало невозможным, почему предписываю:

1) Всех офицеров, чиновников и солдат С.-З. Армии с сего числа считать уволенными от службы. Судьба всех этих чинов, а также раненых и больных, находящихся в лечебных заведениях, и пенсионеров С.-З. Армии определится Ликвидационной и Санитарной Комиссиями. Все эти чины будут удовлетворяться, как денежным, так и провиантским довольствием по прежним окладам. Сроки довольствия будут указаны Ликвидационной Комиссией. Для перевозки всех желающих на Север России мною затребованы пароходы.

2) Для устройства раненых и больных назначаю Комиссию из: Начальника Санитарной части Армии, Военно-Санитарного Инспектора Армии, Главноуполномоченного Российского Общества Красного Креста, Генерал-Лейтенанта Дзерожинского, Генерал-Майора Ежевского и врачей по назначению Сани-

тарного Инспектора, под председательством Генерала-от-Инфантерии Горбатовского. Комиссии этой привести все лечебные учреждения в порядок в кратчайший срок и подготовить их к передаче Красному Кресту.

3) Приступить к ликвидации войсковых частей, Штабов и учреждений Армии, для чего назначаю Комиссию, под председательством Начальника 1-ой дивизии, Генерал-Лейтенанта Графа Палена и членов Генерала-от-Кавалерии Краснова, Контр-Адмирала Пилкина, Генерал-Майора Владимирова, Генерального Штаба Полковника Крузенштерна, Дежурного Генерала Штаба Армии, от Военного Суда — Генерал-Майора Тавастштерна, Контролера Армии и представителей по одному от каждой дивизии. В Комиссию эту мною будут приглашены представители иностранных держав. Комиссии закончить все работы в кратчайший срок.

4) Генерал-лейтенанту Глазенапу поручаю общее руководство и наблюдение, как над работою Комиссий, так и над всеми делами по ликвидации. Необходимые для чего права и полномочия мною переданы Генерал-Лейтенанту Глазенапу.

Подлинный подписал:
 Главнокомандующий
 Генерал-от-инфантерии Юденич

С подлинным верно:
 И. д. Русского Военного Представителя в Эстонии
 Генерал-от-Кавалерии Краснов.

С копией верно:
 Вр. И. д. Штаб-Офицера для поручений при Нач-ке Штаба
 С.-З. Армии, Подпоручик (Подпись)

Копия с копии верно:
 И. д. Начальника Общего Отделения
 Полковник Мусин.
 (По Отделу Дежурного Генерала)
 Общее Отделение».

Агония добровольческой Северо-Западной армии началась сразу же после ее перехода через эстонскую границу и разоружения. Бывшие военнослужащие становились беженцами. 14 тысяч из них вместе с семьями попали в бараки для тифозных больных или оказались за колючей проволокой. Тысячи здоровых

людей эстонские власти отправили на лесоразработки. Восточная часть Эстонии покрылась многочисленными могилами солдат и офицеров белого воинства.

Швейцарец по происхождению, убежденный патриот старой России Г.И. Гроссен, редактор «Вестника Северо-Западной армии», а затем один из организаторов «Боевого санитарного отряда», боровшегося в Нарве с эпидемией сыпного тифа, писал:

«Измученных, больных и голодных не впускали в жилые помещения, а загнали в лес и болота, где несчастные, при морозе в 10 градусов, должны были провести несколько ночей под открытым небом.

Множество людей замерзло, многие умерли от истощения. В этом мрачном лесу (по дороге от Нарвы до Юрьева. — *А.Ш.*) впервые зашевелила своими отвратительными лапками тифозная вша.

Русским, сражавшимся бок о бок с эстонцами (при обороне восточного берега Нарвы до 9 декабря. — *А.Ш.*), был уготовлен нарвский мешок со вшами, куда после нечеловеческих глумлений эстонцы впустили несчастные, измученные боями белые части».

Тот же Гроссен описывает тифозные бараки в самой Нарве. По сведениям «Боевого санитарного отряда», в городе и его окрестностях было около 10 тысяч больных, в том числе 5117 солдат и офицеров из 1-й и 2-й добровольческих дивизий.

Юденич решил возвратиться в столицу Финляндии, к проживавшей там супруге, уже как частное лицо. Но эстонские власти, не объясняя причину, отказали ему в выездной визе. Начались выяснения.

24 января генерал Н.Н. Юденич отдал прощальный приказ по армии, что было давно устоявшейся воинской традицией. В приказе, среди прочего, говорилось:

«Я не считал себя вправе покинуть Армию, пока она существовала, сознавая свой высокий долг перед родиной. Теперь, когда обстановка принуждает нас расформировать части Армии и ликвидировать ее учреждения, с тяжкой болью в сердце я расстаюсь с доблестными частями Северо-Западной Армии.

Отъезжая от Армии, я считаю своим долгом, от имени нашей общей матери России, принести мою благодарность всем доблестным офицерам и солдатам за их великий подвиг перед родиной. Беспрецедентны были Ваши подвиги и тяжелые труды и

лишения. Я глубоко верю, что великое дело русских патриотов не погибло.

Генерал от инфантерии Юденич».

К слову сказать, многие добровольцы, которые смогли избежать смерти в тифозных бараках и на каторжных лесоразработках в буржуазной Эстонии, не отказались от участия в борьбе с Россией большевиков. Часть из них летом 1920 года сумела переехать в Крым, где пополнила ряды врангелевской Русской армии. Многие оказались в рядах так называемой Русской народной добровольческой армии, которой командовали известный социалист-террорист Борис Савинков, генералы-«северяне» Перемыкин и Булак-Балахович. Армия действовала в районе Полесья в 1921—1921 годах, воюя против Красной армии на стороне Польши. Позднее на ее основе создавались партизанские отряды «Братства Русской правды», «Братства зеленого дуба» (савинковцы) и других военных эмигрантских организаций.

В ночь на 28 января 1920 года генерал от инфантерии Н.Н. Юденич был арестован в Ревельской гостинице «Коммерс», где он проживал. Арест «для выяснения финансовых вопросов» производил лично генерал Булак-Балахович и его люди в присутствии трех чинов эстонской полиции. Адьютант Юденича капитан Покатило, который попытался пресечь такое действие, по требованию эстонцев был вынужден сдать оружие.

Юденич был доставлен на вокзал, где его уже ждал вагон, прицепленный к товарному поезду. Состав немедленно отправился к советской границе. Только энергичное вмешательство глав французской и английской военных миссий заставило власти Эстонии послать вдогонку похитителям генерала Юденича вооруженную команду, которая нагнала состав на станции Тапа.

Там уже началось «судебное расследование». Некто Лохницкий, балаховец, взявший на себя должностные обязанности прокурора Петроградского военно-окружного суда, предъявил Юденичу обвинение в попытке избежать законной ответственности за понесенное военное поражение Белой армии на российском Северо-Западе. Это был юридический произвол, в котором отражались «изменения» эстонско-советских отношений.

Юденич был освобожден из-под ареста. По возвращении в Ревель, он поселился в помещении английской военной миссии в Эстонии. Надо отдать здесь должное союзникам старой России по Первой мировой войне — они проявили заботу о

кавказском полководце, памятуя его недавние боевые заслуги перед Британской империей.

Последние действия Николая Николаевича Юденича как главы правительства Северо-Западной области были следующие. Он выдал в Ликвидационную комиссию ордера на подотчетные ему лично денежные средства для обеспечения чинов и их семей расформированной по его приказу белой добровольческой армии на следующие суммы: 227 тысяч английских фунтов, полмиллиона финских марок и около 115 миллионов эстонских марок. Передача проходила в помещении английской военной миссии.

При этой процедуре присутствовали высшие чины его бывшей армии. Бывший глава белого правительства на Северо-Западе России дал при них расписку об отсутствии у него других денежных средств, которые могли бы пойти на обеспечение интернированных «северян» и членов их семей. Обо всем этом незамедлительно сообщили Ревельские газеты. Такой поступок русского генерала они назвали «рыцарским бескорыстием» и соблюдением офицерской чести.

Эстонские власти «заинтересованно» потребовали передать валюту, которая находилась в распоряжении генерала Юденича, им, а не Ликвидационной комиссии. На это требование Николай Николаевич ответил категорическим отказом, заявив, что правительство Эстонии уже стало «собственником» тыловых складов, тысячи вагонов с военным имуществом и 26 паровозов и прочего имущества Северо-Западной армии.

Эстонскую выездную визу Юденич получил только через месяц. Он выехал из Ревеля в Ригу, а оттуда — в Стокгольм. Туда к нему из Гельсингфорса приехала Александра Николаевна. Из шведской столицы супруги убыли в Лондон через Копенгаген, где он по приглашению вдовствующей императрицы Марии Федоровны (прибывшей в родную ей Данию из Крыма), нанес ей визит.

В Лондоне Н.Н. Юденич нанес визит только Уинстону Черчиллю, которого считал единственным политическим лидером в Англии, который стремился помочь Белому движению. Из британской столицы Юденичи переехали в Париж и вскоре обосновались на юге Франции, купив небольшую ферму в пригороде Ниццы, Сен Лоран дю Вар. Им пришлось переделать дом, чтобы он был «более удобным для жилья».

Юденич почти не выезжал из своей фермы, ведя довольно уединенный образ жизни и общаясь только с узким кругом своих бывших сослуживцев по Кавказу и Северо-Западной армии. По воскресеньям Юденичи устраивали скромные приемы для тех из них, кто проживали в Ницце, скромные приемы. Из своих весьма скромных личных доходов они оказывали посильную помощь чинам добровольческой армии, которые во Франции находились в бедственном положении.

Супругам удалось счастливо избежать той остроты борьбы за человеческое существование, которую пришлось вести подавляющему большинству изгнанников из России, рассеявшихся по всему свету.

Иногда бывший главнокомандующий двух фронтов — Кавказского и Северо-Западного посещал собрания местного «Кружка ревнителей русской истории» и русскую гимназию «Александрину». Из этого, собственно говоря, и заключалась общественная — благотворительная и просветительская деятельность (но не антисоветская) именитого белоэмигранта.

Юденич с первых своих шагов пребывания в роли эмигранта не участвовал в «боевой» работе РОВСа. Может быть, поэтому ему удалось избежать судьбы не сложивших оружие генералов Кутепова и Миллера. Не участвовал Николай Николаевич и в политических битвах белой эмиграции, который не раз сотрясали Русское зарубежье. Своих монархических взглядов он публично не высказывал.

Для белой эмиграции генерал от инфантерии Н.Н. Юденич оставался своего рода символом русской боевой славы в годы Первой мировой войны, блистательных побед на Кавказском фронте. Полководец был единственным кавалером императорского Военного ордена Святого великомученика и победоносца Георгия 2-й степени, будучи последним в истории награждения этим орденом.

Известно, что Николай Николаевич много помогал Е.В. Масловскому, своему старому другу по Тифлису и Великой войне, генерал-квартирмейстеру штаба Кавказской армии, в написании труда о русском Кавказском фронте. Масловский, будучи уже больным человеком, подрабатывал в Париже чертежником. Юденичи пригласили его переехать к ним и дали возможность завершить работу.

Из жизни прославленный кавказский полководец России ушел через несколько дней после того, как генерал Масловский привез ему в больницу один из первых типографских экземпля-

ров своей книги «Мировая война на Кавказском фронте». Николай Николаевич уже не мог читать, и первые главы о делах его Кавказской армии, о славе русского оружия в горах Турецкой Армении — под Сарыкамышем и Эрзерумом он услышал из уст автора

ХРОНОЛОГИЯ ЖИЗНИ Н.Н. ЮДЕНИЧА

1862, 18 июля — в Москве родился Николай Николаевич Юденич.

1881, 8 августа — окончил московское 3-е Александровское военное училище. Выпущен подпоручиком с прикомандированием в Лейб-Гвардии Литовский полк.

1881, 10 сентября — зачислен в штат Лейб-Гвардии Литовского полка. Произведен в прапорщики гвардии.

1882—1884 — командир роты 1-го Туркестанского и Ходженского резервных батальонов Туркестанского военного округа.

1884, 30 августа — произведен в подпоручики гвардии.

1884 — поступил в Николаевскую академию Генерального штаба.

1887 — окончил по первому разряду Николаевскую академию Генерального штаба. Служба в штабе Варшавского военного округа.

1887, 7 апреля — произведен в штабс-капитаны гвардии.

1887, ноябрь — старший адъютант штаба 14-го армейского корпуса.

1889, октябрь — 1990, ноябрь — командир роты Лейб-Гвардии Литовского полка, расквартированного в Варшаве.

1891 — обер-офицер для поручений при штабе 14-го армейского корпуса.

1892 — старший адъютант штаба Туркестанского военного округа.

1892, 2 апреля — произведен в подполковники.

1894 — участие в Памирской экспедиции в должности начальника штаба Памирского отряда.

1896, 24 марта — произведен в полковники.

1896, 6 марта — штаб-офицер при управлении Туркестанской (с 1900 г. — 1-й Туркестанской) стрелковой бригады.

1902, 16 июля — командир 18-го стрелкового полка Виленского военного округа.

1904—1905 — участие в русско-японской войне на полях Маньчжурии.

1905, январь — участие 18-го стрелкового полка в боях за Янсынтунь. Награждение Золотым оружием с надписью «За храбрость».

1905, январь — участие в сражении под Сандепу. Временно командовал 5-й стрелковой бригадой. Ранен в левую руку.

1905, февраль—март — участие в Мукденском сражении. Тяжело ранен пулей в шею. Лечение в госпитале.

1905, 19 июня — произведен в генерал-майоры.

1905, июнь — командир 2-й бригады 5-й стрелковой дивизии.

1905, ноябрь — временное командование 2-й стрелковой дивизией.

1906, март — командир 2-й стрелковой бригадой (бывшей 2-й стрелковой бригадой).

1907, 10 февраля — окружной генерал-квартирмейстер штаба Кавказского военного округа.

1912, 6 декабря — произведен в генерал-лейтенанты.

1912, декабрь — начальник штаба внутреннего Казанского военного округа.

1913, 23 февраля — начальник штаба приграничного Кавказского военного округа.

1914, февраль — участник совещания в Санкт-Петербурге, посвященном русско-турецким отношениям.

1914, сентябрь — начальник штаба Отдельной Кавказской армии.

1914, декабрь — командование войсками 2-го Туркестанского корпуса. Оборона Сарыкамыша. Сарыкамышская наступательная операция. Разгром главных сил 3-турецкой армии. Отдельная Кавказская армия перешла линию государственной границы.

1915, 13 января — награжден за Сарыкамыш Военным орденом Святого Георгия 4-й степени.

1915, январь — Занятие русскими войсками города Тавриз (Иран). Формирование Экспедиционного корпуса генерала Н. Н. Баратова. Начало активных боевых действий в направлении Месопотамии.

1915, 24 января — произведен в генералы от инфантерии. Назначен командующим Отдельной Кавказской армии при главнокомандующем наместнике на Кавказе графе И. И. Воронцове-Дашкове.

1915, июль—сентябрь — срыв турецкого наступления на Мелзгертском направлении. Евфратская наступательная операция. Награжден Военным орденом Святого Георгия 3-й степени.

1915, декабрь — 1916, январь — Эрзерумская наступательная операция. Взятие крепости Эрзерум. Новый разгром 3-й турецкой армии.

1916, 16 февраля — награжден Военным орденом Святого Георгия 2-й степени.

1916, январь—апрель — приморская Трапезундская наступательная операция, проведенная во взаимодействии с Черноморским флотом.

1916, май—июль — Эрзинджанская наступательная операция.

1916, сентябрь — реорганизация Отдельной Кавказской армии.

1917, февраль — поддержка требования высшего командования Русской армии об отречении императора Николая II Александровича Романова. Признание Временного правительства.

1917, март — исполняющий делами Отдельной Кавказской армии.

1917, 5 марта — главнокомандующий образованного из войск Отдельной Кавказской армии Кавказского фронта.

1917, март—апрель — прекращение наступления русских экспедиционных войск на Багдадском и Мосульском направлениях. Отказ возобновить их по требованию Временного правительства.

1917, 2 мая — отстранен от командования Кавказским фронтом. Переведен в распоряжение военного министра.

1918, ноябрь — эмиграция в Финляндию. Получение поддержки ее регента генерала барона Маншергейма. Переезд в Эстонию.

1919, май — создание в финской столице «Политического центра».

1919, июнь — по настоянию Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака вступил в единоличное командование всеми белыми вооруженными силами на Северо-Западе России. Назначен генерал-губернатором Северо-Запада.

1919, июнь — назначен адмиралом Колчаком главнокомандующим всеми белыми (сухопутными и морскими) силами на Северо-Западе России.

1919, август — вошел в состав белого Северо-Западного (Северо-Западной области) правительства.

1919, сентябрь — наступление белой Северо-Западной армии от границ Эстонии на Петроград. Взятие Луги, Ямбурга, Гдова, Красного Села, Гатчины, Детского Села, Павловска, Ропши. Бои на Пулковских высотах.

1919, октябрь—ноябрь — командующий белой добровольческой Северо-Западной армией.

1919, ноябрь — отступление Северо-Западной армии, разгромленной под Петроградом, на территорию Эстонии, ее интернирование и разоружение эстонскими властями.

1920, 22 января — своим приказом упразднил белую Северо-Западную армию.

1920, 27 января — арест в эстонской столице Ревеле (ныне Таллинне) сторонниками генерал-майора С.Н. Булак-Булаховича. Эмиграция в Великобританию.

1920, май — переезд во Францию. Приобретение небольшой фермы в окрестностях города Ницца.

1920—1933 — белая эмиграция. Отказ от всякой политической, антисоветской и общественной деятельности.

1931, 22 августа — чествование в Париже генерала от инфантерии Н.Н. Юденича по случаю 50-летия пребывания в офицерских чинах.

1933, 5 октября — смерть Н.Н. Юденича во французском городе Канны, там же состоялись его похороны.

Содержание

ГЛАВА 1. ЭПИЛОГ ВМЕСТО ПРОЛОГА. БЕЛОЭМИГРАНТ	5
ГЛАВА 2. ПУТЬ РУССКОГО ОФИЦЕРА. АРМЕЙСКАЯ ЛЯМКА	16
ГЛАВА 3. В РЯДАХ МАНЬЧЖУРСКОЙ АРМИИ. ДЕЛО ПОД МУКДЕНОМ	46
ГЛАВА 4. ОТ ВОЙНЫ ЯПОНСКОЙ ДО МИРОВОЙ	97
ГЛАВА 5. ГЕРОЙ САРЫКАМЫША. ПОБЕДА НАД ЭНВЕР-ПАШОЙ	138
ГЛАВА 6. СТРАТЕГ ГОРНОЙ ВОЙНЫ. БИТВА ЗА КРЕПОСТЬ ЭРЗЕРУМ	195
ГЛАВА 7. КАВКАЗСКИЙ ФРОНТ. ТАЛАНТ ПОЛКОВОДЦА	245
ГЛАВА 8. БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ. СЕВЕРО-ЗАПАД РОССИИ	286
О РАЗВЕДКЕ ВРАНГЕЛЯ	290
ГЛАВА 9. ПОХОД НА ПЕТРОГРАД. ПОРАЖЕНИЕ. БЕЛАЯ ЭМИГРАЦИЯ	317
ХРОНОЛОГИЯ ЖИЗНИ Н.Н. ЮДЕНИЧА	379

Шишов А.В.

III 55 **Юденич.** Генерал суворовской школы. — М.: Вече, 2004 — 384 с., илл. (16 с.) (Досье без ретуши).

ISBN 5-9533-0439-0

Новая книга историка Алексея Шишова посвящена выдающемуся полководцу, герою Русско-японской и Первой мировой войн, одному из лидеров Белого движения Николаю Николаевичу Юденичу (1862—1933).

Как говорилось в одном из поздравительных адресов от русской эмиграции, переданных генералу в день чествования 50-летия производства его в офицерский чин, в Юдениче «все видели носителя русской славы, предводителя русских войск, не знавшего за всю войну не только ни одного поражения, но даже и малейшей неудачи».

Автор подробно прослеживает жизненный путь Н.Н. Юденича. Убедительность и достоверность книге придают исторические документы: боевые приказы, донесения, выдержки из писем, дневников, газет и т.п.

Алексей Васильевич ШИШОВ

ЮДЕНИЧ. ГЕНЕРАЛ СУВОРОВСКОЙ ШКОЛЫ

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*
Главный редактор *С.Н. Дмитриев*
Редактор *Н.А. Шавыкин*
Корректор *Н.К. Киселева*
Компьютерная верстка *Т.А. Борисовой*
Разработка и подготовка к печати
художественного оформления — *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече 2000»
ЗАО «Издательство «Вече»
ООО «Издательский дом «Вече»

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>
www.100top.ru

Подписано в печать 24.09.2003. Формат 60×90¹/₁₆. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Бумага газетная. Печ. л. 24,0. Тираж 5000 экз. Заказ № 0413130.

Отпечатано на MBS в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.